

DOM RIVER

ПЕРВЕ ИНЕЦ

Он смотрел с каждого плаката на стене, разговаривал в телевизионной панели, хмурился с новостных лент в Сети. Его имя звучало в доме чаще, чем имя Куны или её сестры. Мать терпела или не обращала внимания, а Куна больше не могла. Будто генерал пятой армии был их отцом, братом, сыном и единственным мужчиной в секторе. Стоило ли объявлять богов несуществующими, чтобы их место заняли двенадцать генералов? Жестоких, властных и совершенно недостижимых. Но ради жизни сестры Куна попробует до одного из них достучаться.

Он смотрел с каждого плаката на стене, разговаривал в телевизионной панели, хмурился с новостных лент в Сети. Его имя звучало в доме чаще, чем имя Куны или её сестры. Мать терпела или не обращала внимания, а Куна больше не могла. Будто генерал пятой армии был их отцом, братом, сыном и единственным мужчиной в секторе. Стоило ли объявлять богов несуществующими, чтобы их место заняли двенадцать генералов?

— Куна, смотри, что я нашла! — захлебываясь от восторга, заголосила Аврелия, врезаясь в грудь только что вернувшейся с работы сестры и тыча ей в лицо планшетом.

— Знаю, можешь не говорить, еще одна фотография. Новый ракурс? Новая рубашка? Или вдруг новый генерал? — выпалила Куна, отбиваясь от планшета. Разувавалась прямо на ходу, лишь бы сбежать поскорее на кухню и там закрыться. Пусть Его Превосходство катится в бездну и не вылезает оттуда никогда!

— Да ты посмотри, это невероятно! — грубый тон и поведение сестры Аврелия как обычно проигнорировала, хвостом тащась следом и дергая Куну за рукав, — его случайно поймали на берегу Тарса в одной рубашке. И она расстегнута! Расстегнута!

Теперь приступ эйфории становился понятнее. Кумира без одежды молоденькая Аврелия еще ни разу не видела. Наилий Орхитус Лар на публике всегда появлялся либо в черном военном комбинезоне, либо в белом парадном кителе. Отчего стены маленького дома в пригороде Равэнны напоминали доску для игры в Шу-Арлит, расчерченную на белые и черные поля. Все, когда-либо напечатанные плакаты висели здесь. Три особо старых и замызганных сестра нашла на свалке и долго чистила и разглаживала. Раритет, невероятная ценность, фотографии со вступления в должность самого молодого генерала в истории планеты. Тридцать три цикла было тогда Наилию, и за прошедшие шесть он не изменился. Та же длинная светлая челка, зачесанная назад, веснушки, шрам под левой бровью. У Куны в глазах рябило от сотни одинаковых взглядов и строго поджатых губ, но Аврелии стоило только взглянуть на фото, и она без ошибки угадывала цикл, называла место и знала все истории о генерале, когда-либо просочившиеся в Сеть. Собственного отца она не знала и не любила так сильно, как хозяина пятого сектора.

— Мне неинтересно, — зло прошипела Куна, — сколько раз тебе повторять? Мне плевать! Не подходи ко мне больше со своим Наилием! Слышать про него ничего не хочу! Тебе ясно? Оставь меня в покое!

Аврелия хлопала длинными ресницами, смагивая слезинки. Губы сестры скривились, а подбородок задрожал. Планшет с драгоценной фотографией на экране она прижала к груди, обняв ненормально тонкими ручками. Ниже Куны на голову, худее в два раза, для своих пятнадцати циклов Аврелия была слишком слабой. Генетическая аномалия не давала набирать вес, подтачивала силы и забирала на лечение все средства их семьи. Два цикла назад мать, наслушавшись советов подруг, решила выкормить девочку без лекарств. И ведь почти получилось. Щеки ребенка покрылись румянцем, ребра перестали выпирать, она научилась ходить по дому самостоятельно без экзопротезов на ногах, но потом впала в кому и мать на руках несла её до больницы. Аврелия очнулась в реанимации на внутривенном питании и экстремально дорогих медикаментах. Мать забрала Куну с образовательных курсов, не дав доучиться, и отправила на работу. В проклятую всеми несуществующими

богами диспетчерскую речного вокзала Равэнны.

Кухонная дверь распахнулась, ударившись об стенку. Ворвавшийся в коридор пар принес аромат жареных лепешек с кунжутом и раздраженный голос матери.

— Я просила вас не ругаться. Куна, ты почему так долго? Мой руки и за стол!

Сестры уселись ужинать, не глядя друг на друга. Старшая недавно перешагнула через девятнадцатый цикл и могла бы учиться в кулинарной академии, как мечтала, но вместо этого зарабатывала остеохондроз в двенадцатичасовых сменах в диспетчерской. То, что не оседало на счетах медицинского центра, семья тратила на еду. Не будь у работников транспорта формы, Куна бы третий цикл ходила в одном и том же платье и растоптанных туфлях. Фоном звучал жизнерадостный голос ведущей выпуска новостей, вилки гремели о стекло посуды, стулья поскрипывали, если кто-то ерзал. От стола до плиты рукой можно было дотянуться, а когда все садились, то места в кухне не оставалось. В тесноте плечом к плечу женщины недовольно поглядывали друг на друга.

— Опять пшено, — сморщилась Аврелия, — я скоро сама стану как мешок пшена.

Мать ела молча, хотя обычно кидалась к холодильнику, чтобы выбрать для любимой дочери чего повкуснее. Куна знала, что продуктов в доме едва ли хватит на месяц. Пшено? Хорошо, что оно есть.

— Ты звонила отцу? Просила денег? — тихо спросила она. Не так много у семьи оставалось вариантов, можно было переступить через гордость, но мать отрицательно покачала головой. Отец Аврелии перевелся служить в другой сектор, соседки сплетничали, что летал в космос. Наверное, повысили до офицера, а это лучший паек и льготы на медицинское обслуживание. Он мог хотя бы свою дочь обеспечивать, но мать слышать ничего не хотела. А про отца Куны и не вспоминала никогда.

Болезнь Аврелии застыла на предпоследней стадии, подарив надежду на выздоровление и не позволяя оформить пособие по потере трудоспособности. Из того, что можно было получить от социальных служб оставалось еще пособие на ребенка, решилась мать родить в третий раз. Куна пыталась заговорить об этом, но после категорического нет замолчала. Не ей судить разбитое сердце матери.

— Я могу чаще ходить в ночные смены, их лучше оплачивают.

— Хорошо, — кивнула мать и блекло улыбнулась, — но если почувствуешь себя плохо, переводись обратно на дневные.

— Я тоже могу работать, — громко заявила Аврелия.

— Нет, — одновременно ответили женщины.

— Ешь пшено, пожалуйста, — смягчившись, попросила мать, — это лучшее, что ты можешь сделать, а я завтра пойду в столовую. Грация обежала вынести блюда...

— Обьедки? Мама, это слишком! Мы же не голодаем, чтобы опускаться до такого! — Куна швырнула на стол вилку и сложила руки на груди.

— Нет, что ты! Целые, нетронутые блюда. На банкете никогда не съедают абсолютно все.

Испуг матери отзывался неприятным холодом в животе у Куны. Чем сильнее они барахтались, тем больше увязали в болоте. Сколько не перебирали вариантов — ни один не подходил. А время шло, купленные в прошлом месяце таблетки кончались. Пшено комом в горле застревало, стоило подумать, что будет, когда денег на счету не останется.

— Не надо даже целых блюд, — попросила Куна. — Я все время буду работать в ночь. Хватит на еду и одежду.

Аврелия с трудом дотерпела до конца ужина. Кислые лица матери и сестры портили и без того отвратительную пищу. Как можно есть каждый день гадость? Да у неё желудок скоро откажется переваривать крупу. Вытряхнув из баночки таблетку, она заглянула внутрь. Розовые горошины перекатывались по пластиковому доньшку. Ровно двенадцать, по две на день утром и вечером. Она бы вовсе их не замечала, если бы не побочные эффекты. Голова кружилась, и в сон тянуло, а еще тошнило. Аврелия проглотила медикамент и предупредила.

— Пойду, прилягу.

— Хорошо, доченька, — ласково ответила мать, а Куна даже не оглянулась. Зазнайка. Кормилица. Каждый раз на работу уходила так, будто подвиг совершала. Где награды тогда?

Аврелия поджала губы и ушла в комнату с планшетом подмышкой. Мать спала на кухне, а спальню сестры поделили поровну. Кровати, покрывала, шкафы, тумбочки — все было одинаковым и младшую это раздражало. Они ведь от разных отцов и даже не похожи нисколько, так зачем эта искусственная уравниловка? Будто негласное правило, что нормальными и здоровыми в семье считаются обе дочери, но где уж тут? Судьба не платё, нельзя купить точно такое же, как у другой. Когда деньги кончатся, Аврелия ляжет на свою кровать и больше не встанет, а Куна найдет мужчину, переедет к нему, нарожает детей и ни разу не вспомнит о них с матерью. Легко быть доброй и великодушной, когда некуда деваться, а стоит обстоятельствам измениться и старшую будет не узнать. Рыдала ведь в подушку три ночи, когда мать запретила в академию поступать. Всех ненавидела и проклинала, а теперь такое самопожертвование. По ночам она будет работать. Спать она хочет днем, чтобы все ходили вокруг на цыпочках и боялись разбудить. Эгоистка.

— А нам и так хорошо вместе, да, Ваше Превосходство? — спросила Аврелия у плаката и нежно улыбнулась. Вот кому повезло в жизни и есть всё, чего не пожелаешь. Красивая машина, роскошный особняк с маленькой армией слуг. Любовницы генерала не стоят у плиты и не моют посуду, они лежат на шезлонгах у бассейна и пьют коктейли. Красивые, ухоженные и свободные. У них нет таблеток, приемов у врача, а рядом лучший мужчина на планете. Не жизнь, а мечта и у неё такая будет. Аврелия верила в это, но никому не рассказывала. Даже подруги рассмеялись бы в лицо. В одном городе жили, а казалось — на разных планетах. К Наилию даже подойти невозможно, охрана не подпустит. Только и оставалось, что смотреть на плакаты и слушать голос из телевизионной панели, но был один способ.

Младшая легла на кровать и нашла на планшете картинку с розой.

— Домна, как ты там? Что делаешь? — пропела в микрофон планшета. Гарнитура сломалась месяц назад, а новую теперь полцикла ждать.

— Сдобу жую, — ответила подруга с набитым ртом, — у мамы в кондитерской противень булочек подгорел, вот я брак и уничтожаю.

Аврелия сглотнула слюну и почувствовала, что пшено в животе вот прямо сейчас слепливается в не перевариваемый ком. Пышные, румяные булочки, пахнущие ванилью или корицей с яблочным джемом внутри. Разломишь такую пополам и сначала джем слизываешь, размазывая по щекам и носу. А как он пахнет...

— Смотри не растолстей, — проворчала младшая и решила медленно переходить к делу, пока не пришлось снова слушать про еду, — а то скоро мужчину искать надо будет,

тебе уже полцикла как можно.

Да, — самодовольно вякнула Домна, — девятнадцатый пошел.

— Уже присмотрела кого-нибудь?

— Ой, даже не знаю. Мама говорит не спешить с этим делом, хотя по мне хоть беги, хоть на месте стой, а выбирать в квартале не из кого. Мартий вроде ничего, но там в него Августа вцепилась клещами и всех соперниц отгоняет. Келсий стерильный из-за своей аномалии, с ним разве что развлекаться. Ну, ты поняла как.

Домна сдавленно хихикнула, а у Аврелии щеки запыхали. Разговоры о физической близости в их семье были под запретом. Мать настаивала, что лучше всю жизнь в одиночестве прожить, чем один раз поддаться слабости и растить потом ребенка, а то и двух. Куна послушно с ней соглашалась. Разумеется. Во всем речном порту ни одного мужчины, с кем ей невинность терять даже случайно?

Лицо покраснело, и кончики ушей горели. Кому отдать свою невинность Аврелия давно знала. От фантазий по телу разливалось приятное тепло, и каждый раз становилось стыдно. Домна присылала видео о том, как происходит близость между мужчиной и женщиной. Аврелия смотрела даже не на то, что любовники терлись друг об друга животами, а на их лица. Такой восторг и такое счастье. Ей казалось, что если Наилий просто обнимет её, уже будет достаточно, а вот так соприкоснуться обнаженными телами и заглядывать в глаза.

— А ребенка ты когда будешь рожать? — робко спросила она.

— Вот уж не знаю, — фыркнула Домна и стала рассуждать, как долго и хлопотно растить дитя.

— Но ты встала на учет? — перебила Аврелия.

— Вчера последний анализ сдала, — гордо сообщила подруга, — теперь хоть под генерала.

Младшую больно кольнула ревность. Одно дело на балу видеть кумира с другой, а здесь собственная подруга, но Аврелия промолчала. Не за этим позвонила.

— Слушай, Домна, а если правда ребенка от генерала? Тебе бы хотелось?

— Я похожа на дуру? Мне как перед ним корячится, чтобы заметил? Голой под окнами особняка бродить?

— Не надо бродить, — выдохнула Аврелия и через силу продолжила, — можно прошение послать в службу репродукции. Говорят оно отличается от стандартного на искусственное оплодотворение только дополнительными анализами. Сущя ерунда, лишний раз кровь сдать.

— Значит, я похожа на инкубатор для генеральского нилота? — зло прошипела Домна. — Семь циклов корми, задницу подтирай, его потом в училище заберут, а мне паек, чтоб не так обидно было? Нет уж, я нормальных отношений хочу.

Аврелия больно прикусила губу. Полжизни бы отдала за один поцелуй, взгляд, доброе слово, а уж держать на руках ребенка, похожего на отца. Семь циклов — это много. Неужели не дрогнет сердце, не потянется к сыну? Пусть училище, но Наилий останется с ней.

— А я согласна, — тихо сказала она над планшетом.

Домна примолкла и часто задышала в микрофон. Фыркала и пыхла, а потом выдавала.

— Мало тебе было одной болячки, еще и мозгами тронулась? Забудь об этом! Ты не стерильна до сих пор, потому что девственница, врачи не трогают. А как дашь кому-нибудь, сразу трубы перетянут. Тебе не только нилот, тебе вообще никакой ребенок не светит!

Аврелия жевала губу и морщилась от боли в сердце. Каждое слово как пощечина.

Подругой еще называется, специально до слез доводит.

— Потому что я генетический урод! — зло прошипела младшая и швырнула планшет на пол. Девайс упал плашмя, но даже экран не погас. Там летали цветные шарики вокруг алой розы и шли секунды разговора.

— Аврелия, — звала Домна из динамика планшета, — ты слышишь меня? Ну не дури. Ты убежала что-ли? Аврелия.

Пусть хоть голос сорвет! Жестокая, подлая, как можно было попрекнуть болезнью? Извозить в грязи мечты. Лучше бы у матери случился выкидыш, лучше бы в семье была одна Куна, чем вот так мучиться!

— Аврелия, — скулила подруга, — ну прости, давай поговорим, я не хотела обидеть. Я не со зла, правда, ну, где ты?

Младшая ладонями вытерла горячие слезы и подняла планшет.

— Здесь я, — от рыданий голос квакал, и Аврелия как ребенок шмыгнула носом.

— Извини, я ведь добра тебе желаю. Что мне сказать? Что сделать?

Послать её хотелось в бездну и не звонить неделю, но вместо этого просьба сложилась сама собой.

— Пошли запрос в центр репродукции от своего имени, я хоть посмотрю, какие анализы и документы там просят. Это ты можешь?

— Ладно, — вздохнула подруга, — отправлю. Нравится терзаться — дело твоё. Хватит уже, вытирай слезы, давно таблетки пила? В кровать ложись, развезет сейчас. А я пойду, матери обещала помочь.

— Хорошо.

Аврелия выключила планшет и спрятала его под подушку. Может глупость сделала. Но кому это повредит? А так она еще на шаг станет ближе к нему. Наилей стоял на плакате вполоборота, и младшей впервые показалось, что генерал улыбается.

Здание речного вокзала Равэнны старое, квадратно-прямоугольное без единого намека на архитектурную красоту. Строили его на скудные средства городского бюджета из всего подряд, и по принципу лишь бы было. Будто ребенок сложил из детского конструктора ровные стены, забыв сделать окна, и лишь в зале ожидания оставил глубокий провал для стеклянного фасада. Окна мыли каждый год, но старое стекло словно впитало пыль и помутнело от тумана над Тарсом. Куне казалось, что именно окно делает мир за пределами диспетчерской таким серым и унылым.

Дневная смена передавала дежурство ночной под разрывной треск телефонов, возбужденные голоса коллег и стук клавиш диспетчерских пультов. В небольшом помещении между столами толкались и сустились двенадцать одинаково одетых женщин. Куна одной рукой расписывалась в журнале, а другой набирала код доступа на пульте. Форменная юбка больше на один размер, чем нужно, постоянно перекручивалась на талии, а блузка наоборот еле застегивалась на груди. Галстук душил и раздражал так, что хотелось завывать.

— Водное управление не передало глубины, — стрекотала над ухом напарница, — я звонила и возмущалась, но там какой-то аврал, уточнишь сама?

— Да, хорошо.

— Гелеон за день от дождей плюс пятьдесят дал, обстановку снесло, путевые обходчики обещали только утром поправить, так что предупреждай всех, кто там будет.

— Да, поняла.

— Ты где такую заколку нашла?

Куна сбилась с ритма и забыла, что делала. Напарница нависала над ней, поправляя сумку на плече, и ждала ответа.

— Что?

— Заколка красивая, где взяла, спрашиваю.

— Подарили, — буркнула Куна и отвернулась к пульту. Теперь как сороконожке придется думать с какой ноги ходить. Она неуверенно ткнула в первую кнопку, потом во вторую и включилась мышечная память. Напарница ушла, тронув за плечо на прощание, и диспетчерская постепенно опустела, оставив в тишине шесть дежурных ночной смены. Равэнна засыпала, на Тарсе зажигались огни на знаках речной обстановки, показывая припозднившимся капитанам, куда вести катера. Скоро последние пассажиры сойдут на берег и на рейдах останутся только грузовые караваны, без устали волокущие вверх и вниз по течению неповоротливые баржи со щебнем и песком.

Казалось бы, работы меньше, сиди и радуйся, но привыкнув девятнадцать циклов спать от заката до рассвета, тяжело доказать собственному телу, что нужно внимательно следить за зелеными треугольниками судов на интерактивной карте, а не мечтать лечь на стол и закрыть глаза. Ночные диспетчеры крепко сидели на энергетических напитках, выпивая тройную суточную дозу за смену. Изрядно портили себе здоровье, но начальство не спешило этого замечать. Куна размешивала в кружке ядовито-зеленый порошок и как дрон с зацикленной программой вспоминала свою прежнюю жизнь. Когда контрольная по математике казалась самой большой проблемой, а настроение мог испортить только

сломанный ноготь. Однокурсницы учились на гражданских специалистов и гуляли по осенней Равэнне, собирая в букеты желтые и красные листья. Куна слышала их веселый смех и завидовала. Уголки её губ навсегда оттянулись вниз в гримасе недовольства.

— Спишь что ли? — толкнула локтем соседка. — Вызов прими.

— Диспетчерская, — машинально ответила Куна, не сразу сообразив, что гарнитура лежит на столе, а она держит себя за мочку уха. Соседка покачала головой и отвернулась.

— Диспетчерская. Пятьдесят третий оператор.

— Дарисса, я тут торчу у переката как прыщ на заднице, а до вас не дозвониться.

Визгливый голос капитана катера «Беркут» Куна узнала бы даже во сне. Фелиция любила скандалить и могла послать в бездну так, что даже военные краснели.

— Вижу вас, — ответила Куна, найдя взглядом на карте зеленый треугольник с надписью «Беркут», — и в чем проблема?

— Перегруз у меня до осадки в двести десять, — начала ворчать Фелиция и продолжила орать, стоило диспетчеру вставить слово, — знаю, что гарантия на перекате двести, не тупая, но здесь всегда было больше. Где глубины, якорь мне в душу?

У Куны руки затряслись. Только проблем с посадкой на мель не хватало. Вот и куда она опять лезет? Нагрузилась от жадности, чтобы большое жалование за рейс получить, на что вообще надеялась? Паводок давно схлынул, дожди идут, но наполнение меньше стандартного для сезона. Пусть демоны заберут водное управление с его авралами! Гадай теперь, сколько там на перекате. Диспетчер отчаянно смотрела на телефон. Пока будет звонить и выяснять, Фелиция голос сорвет и жалобу накатает. А на записи будет слышно, что Куна не может ответить про глубину, а это штраф. Денег и так нет, чтобы их лишаться по глупости.

— Пятьдесят третья, ты там спишь или на портрет генерала онанируешь? Я пройду через перекат или нет?

Диспетчера холодный пот прошиб. Журнал глубин был по-прежнему пуст, и водное управление ждали разборки на своем уровне, но не на них сейчас орала Фелиция. Куна плюнула на жалобу и, сняв гарнитуру с уха, набрала на внутреннем телефоне номер гидрологов.

— Водное, — нервно рявкнули из динамика.

— Пятьдесят третий оператор, дарисса, глубины...

— Позже, — от крика вздрогнула мембрана динамика, и связь прервалась, а Куна устало закрыла лицо руками. Будь проклят тот день, когда она согласилась на эту работу! Ускоренные курсы, достойная зарплата, карьерный рост. Мать толкала и пинала её в диспетчерскую только потому, что здесь начинали платить жалование с первого дня обучения. Старшая дочь похудела, пока прошла стажировку и запомнила все сто тысяч инструкций и правил. Но не в одной не говорилось, что делать в подобной ситуации.

— Регина, — позвала диспетчер старшую смены, — у нас глубин нет, а у меня «Беркут» спрашивает. Что делать?

— А что мы сделаем? — безразлично пожала плечами Регина. — Пусть ждет или идет под свою ответственность.

Куна сомневалась, что Фелиции введома ответственность. Точно так же как ум, честь и совесть. Тяжело вздохнув, она повесила гарнитуру на ухо.

— ...да ты у меня грязь из-под ногтей жрать будешь, — хрипела в трубку капитан «Беркута», — я тебе такую жалобу настрою, что больше никуда не примут!

Раз орёт, значит, до сих пор стоит на месте. Знает, что проход через лимитирующий пережат с осадкой ниже гарантированной глубины возможен только с разрешения диспетчера. И не успокоится, пока это разрешение не получит.

Куна открыла таблицу глубин за прошлые дни и нашла злосчастный пережат. Триста, триста два, триста три. Скандальная Фелиция не первый цикл ходила этим маршрутом и знала, какая у притока Гарса в это время глубина. Могла бы плюнуть на разрешение и пройти, но тогда вся ответственность ляжет на неё.

— Пятьдесят третья, я слышу, как ты дышишь! — угрожающе зашипела капитан «Беркута». — Я пройду или...

— Проходите, «Беркут», — зло ответила Куна и услышала в трубке короткие гудки. Весь разговор успешно записался и будет прослушан службой контроля качества обслуживания. Плевать. Хотелось выпить еще одну кружка энергетического напитка залпом, чтобы перекрыть нервное напряжение. Диспетчер откинулась на спинку стула и уставилась на зеленый треугольник катера Фелиции.

С помощью спутников работники речного транспорта научились точно определять где находится судно, но очень многое по-прежнему приходилось делать и контролировать по старинке. Приборы, измеряющие глубины на пережатах, не работали дистанционно. Поэтому самые высокие гребни и мели в русле реки изыскательская партия обходила на катере. И если уровень воды падал ниже гарантированного, то пригоняли земснаряд и углубляли пережат.

Куна смотрела на «Беркут» и надеялась, что за дневную смену глубина с трехсот трех не упала до двухсот, иначе её ждали по-настоящему серьезные проблемы. Зеленый треугольник медленно полз по карте через заштрихованную область пережата и вдруг встал. Куна замерла, больно прикусив губу. В следующее мгновение «Беркут» загорелся красным, выдавая код аварии. Проклятая Фелиция все-таки села на мель. Аварийные сообщения полетели по всем инстанциям и диспетчеры в смене закрутили головами.

— Куна, — строго спросила Регина, — это ты дала «Беркуту» разрешение идти?

— Я, — тихо выдохнула она.

Разбирательство получилось быстрым. Объяснительная, штраф и требование вернуться к работе. Как досидела до утра, Куна не помнила. В ушах стоял крик Регины, по спине ползли тараканами взгляды сменщиц, а руки окончательно перестали слушаться. Звонки с неё старшая смены перекинула на других диспетчеров, оставив только мониторинг рейдов. Волею несуществующих богов больше ничего не случилось, но вышла на улицу Куна, едва переставляя ноги.

Пользуясь безветрием, на Равэнну опустился смог, загоняя в легкие дым из труб промышленных гигантов и заставляя морщиться от едкого запаха гари. Светило не смогло пробиться сквозь плотную завесу, отчего казалось, что мир застрял между ночью и днем в серой каше бесконечных сумерек. Куна брела сквозь неё мимо автобусной остановки, не замечая пустых улиц и редких машин, безразлично летящих мимо.

Рабочий пригород никогда не засыпал, живя в ритме гудков заводов. Цзы'дарийцы накатывали волнами приливов к началу смен и растворялись в серых одноэтажных бараках к концу. Малый круг кровообращения города с отдышкой вечного больного и землистым

цветом лица.

Мать стояла на пороге дома, кутаясь в старый халат. В окне на кухне слабо мерцал экран работающей телевизионной панели.

— Что случилось? Ты почему так долго?

— Пешком шла, — тихо ответила Куна, — прогуляться захотелось. Аврелия спит?

— На кухне сидит, генерала смотрит, — скороговоркой ответила мать и поймала Куну за локоть, — что случилось?

Бесполезно прятать глаза и врать, что все хорошо. На лице подсыхали дорожки от слез, и нос краснел спелым помидором.

— Меня оштрафовали на работе. Жалования за эту неделю не будет. И за следующую тоже.

Еще цикл назад, когда Куна приносила с курсов табель с низкой оценкой, мать тяжело вздыхала, цедила сквозь зубы про тупоголовость и лень, но сейчас просто молчала. Стояла на бетонных ступенях в дырявых тапках и смотрела в сизую дымку раннего утра. Худая и прямая как боевой посох. Серость рабочего квартала давно пропитала её насквозь, высушила волосы до тонкого хвостика на затылке, истончила кожу и навсегда осталась темным контуром на лунках ногтей.

— В дом иди, — сказала мать, отвернувшись от старшей дочери, — завтракать будем.

В прихожей пахло травяным отваром. Ромашку и цветки липы собрали и засушили в прошлом цикле, экономя на сухих напитках. Горячее питье помогало глотать пшено и перебивало надоевший вкус. Аврелия сидела на стуле, почти уткнувшись носом в экран, где с трибуны выступал перед кадетами одного из многочисленных училищ Наилий Орхитус Лар.

— Нет будущего, кроме того, что мы выбираем сами.

Мягкий и приятный голос полководца больно бил по нервам, путая мысли и мешая искать себе оправдания.

— Не ту кнопку нажала? — спросила мать, ставя на стол тарелки с едой. — Или поругалась с кем-то?

Аврелия шикнула, махнув рукой, чтобы замолчали. Генерал рассказывал кадетам о будущем, и младшая жадно ловила каждое слово кумира.

— Грузовой караван на мель посадила, — прошептала Куна, со скрежетом двигая стул по неровным стыкам кафельного пола.

— Уволили?

— Нет, но строгое дисциплинарное взыскание я получу. А это цикл без премии.

— Да тихо! — дернулась Аврелия и придвинулась к динамику телепанели еще ближе. Куна замолчала, уставившись в тарелку. Мать сосредоточенно пережевывала пшено, запивая отваром, а старшей казалось, что если она хотя бы ложку до рта донесет, то побежит к раковине плевать. Страх заполнил живот, скручиваясь внутри тугим узлом, и места для еды там не осталось.

— Сколько денег осталось?

— Нисколько, — покачала головой мать, — я сегодня заплатила за воду и электричество. С трех карт остатки выгребла и у подруги заняла. На жалование твоё понадеялась.

Куна выронила ложку и та с громким лязгом стукнулась о край тарелки.

— Замолчите вы или нет? — взвилась Аврелия. — Я же ничего не слышу! Приперлис сюда и бу-бу-бу, бу-бу-бу.

— Ну-ка выключили панель, — строго сказала мать, — дай хоть позавтракать без твоего генерала. У сестры проблемы на работе...

— У неё всегда проблемы, — закричала Аврелия, — ни с кем ужиться не может. Вечно ей кто-то мешает. То Летиция раздражала, что с курсов собиралась уходить, то с Домной меня чуть не рассорила, теперь на работе все плохие. Характер у неё поганый.

Куна затрясло. Сестра доставала старые обиды и пересказывала их по седьмому кругу одними и теми же словами от скандала к скандалу. Но сил терпеть и молчать, сегодня не осталось. Хватит с неё обвинений. Старшая схватила пульт со стола и выключила панель, обрывая генерала на полуслове.

— Отдай! Включи! — заверещала Аврелия, набрасываясь на сестру. — Я так ждала! Убирайся на свою работу! Оставь меня в покое!

Чуть не выбила пульт, а Куна, защищаясь, ударила сестру по руке. За одно мгновение, не успев понять, что делает. Зло, хлестко, наотмашь. Аврелия взвизгнула и зарыдала в голос, бросившись прочь из кухни.

— Довольна, да? — рявкнула мать. — Я просила не ругаться! Вот куда ты вечно лезешь? Доченька, подожди.

Куна застыла с пультом в руках, чувствуя, как горит лицо. Кухня закружилась перед глазами, и больно хлестали по совести рыдания Аврелии из комнаты. Ударила. За что? Зачем?

Дрожь колотила, на глазах крупными каплями снова собирались слёзы, Куна размазывала их по лицу и тяжело дышала. Мать вернулась за стаканом с остывающим отваром.

— Два дня уже без таблеток, — тихо сказала, не смотря на старшую дочь, — слабая стала, дергается на любую мелочь, а ты за языком последить не можешь.

— Не могу, — бесцветным эхом повторила Куна, падая на стул, — не могу больше.

Мать ушла на работу в столовую, оставив сестер в разных комнатах. Аврелия всхлипывала недолго и когда закрылась входная дверь, Куна снова услышала до омерзения знакомый голос. Младшая сестра выкрутила динамик планшета на полную мощность, и звук хрипел, уходя в перегрузку, отчего генерал казался простуженным. Куна мрачно подумала, что с такой генетикой и отменным здоровьем Наилий наверняка не болел ни разу в жизни, не переживал, хватит ли ему денег на лекарства и не видел экзопротезов на ногах маленьких девочек. Он будто жил на другой планете, где не бывает пустых платежных карт и проблем на работе. А на любой вопрос или просьбу всегда слышал только: «Да, Ваше Превосходство».

Сытый, довольный и взирающий на всех свысока, хотя в диспетчерской шептались, что ростом Его Превосходство не вышел и перед трибуной ему всегда ступеньку ставили. Чтоб он провалился через эту ступеньку прямо в бездну!

Куна рывком встала, роняя стул и хватаясь за тарелку. Мать ушла, не успев вымыть посуду, а младшую к домашней работе не подпускала. Пусть силы бережет. Старшая после ночных смен стирала и гладила белье, мыла полы и подметала половик в прихожей. Дрон-уборщик давно сдали в утилизацию не потому что он сломался, а чтобы хоть какие-то деньги получить. «А руки нам на что?», — спрашивала мать и уходила на работу.

Звук льющейся воды перебивал выступление генерала. Куна старалась греметь посудой как можно громче, чтобы совсем его не слышать. Пальцы под ледяной струей немели, а жир упорно катался по стеклу, не желая смываться. Разбить что ли все вдребезги? Все равно скоро будет нечего есть, так и посуда станет не нужна.

Тарелка выскользнула из пальцев и чудом осталась цела, а Куна вдруг почувствовала, что вода теплеет. Не поверила и долго держала руку, радуясь, как ребенок чуду. Должно быть, коммунальная служба списала долг и сняла блокировку с подачи горячей воды.

От рук тепло расходилось по телу, успокаивая и утягивая в сон. Куна работала две ночи и только потом два дня отдыхала, поэтому перед завтрашней ночной сменой обязательно нужно было выспаться. Не вовремя разобиделась Аврелия, не пустит в комнату, а с узкой лавки на кухне, где ютилась мать, Куна падала во сне.

Мысли текли тяжело и лениво как сахарный сироп. Старшая билась бабочкой в стеклянной банке и никак не могла найти выход. В городе миллионы жителей, а они втроем никому не нужны. Невидимками стали безвольными и безголосыми. Сдались, проиграв все сражения и покорно ждали расправы. Не спасла ни любовь, ни забота. Денег за это не платили.

Куна зло вытерла глаза и выключила воду. «Нет будущего, кроме того, что мы выбираем сами», — повторил генерал с записи выступления и старшую дернуло. Она ничего не выбирала! Ей все преподнесли как данность и поставили в жесткие рамки! Несуществующие боги, мать, городские службы и врачи Аврелии. Каждый тыкал носом в то, что она должна, и никто ни разу не захотел помочь. Плевать! С неё хватит! Она напишет письма всем, кому можно, да хоть самому генералу. Не хотят давать сами? Значит надо выпросить или вырвать зубами.

— Аврелия, я в город! — крикнула Куна и пару раз долбанула кулаком в дверь. Сестра

не ответила, а генерал продолжал рассказывать кадетам про их счастливое будущее. Ладно, она предупредила. Обув стоптанные туфли и спрятав форму речного порта под длинной шерстяной кофтой, Куна нырнула в утренний туман Равэнны.

За крышами барачного квартала к пасмурному небу тянулись высотки, вырастая сказочным лесом из стекла и бетона, где каждое дерево светилось изнутри листьями-лампами. Издалека это желтое пламя только казалось теплым, но стоило подойти к дверям, как электронный замок недобро шурился красным индикатором, словно спрашивая: «Кто ты такая?». Никто. Допуска нет, и никогда не будет. Закрытые военные предприятия, администрации всех уровней, генеральный штаб, жилые комплексы для офицеров — не пройти и не пробиться.

Но ближе к окраине ютились кафе и бары с общественными терминалами доступа в Сеть. Там всегда толпились такие же страдающие без планшетов, как Куна. Главное было успеть занять место, потому что сегодня быстро от интерактивной панели она не уйдет. Старшая металась между кафе, выглядывая в стеклянных витринах свободные терминалы. Повезло только в пятом заведении с яркой вывеской «Мечта». В углу возле туалета светился приветственным сообщением терминал, и Куна едва успела к нему проскользнуть перед носом у расстроенной дариссы с сумками в руках.

Не обращая внимания на сердитое ворчание, Куна методично вызывала на рабочий стол окна со справочной информацией по медицинским службам города, фондам взаимопомощи пациентам с редкими генетическими заболеваниями и медицинскими центрами за пределами Равэнны. Если есть хоть одна возможность добыть лекарство для Аврелии бесплатно — она её отыщет.

Планшет разогрелся так, что обжигал живот. Под голос генерала Аврелию тянуло в сон. Сознание цеплялось за интонации, упуская смысл. Так бездумно наслаждаются пением птиц или шепотом ветра. Аврелия представляла себя в роскошном платье рядом с Наилием на осеннем балу. Мысленно плыла через залитый светом зал генерального штаба под восхищенными взглядами офицеров и гримасами зависти других женщин. Хотелось, чтобы в толпе стояли Домна, Куна, мать, девчонки из рабочего квартала и пациентки мед. центра, куда она ходила. Давились закусками от удивления и тыкали друг друга локтями: «Смотри, это правда Аврелия? Да, это она. Не может быть. Она, она! С генералом, вот же повезло. Какие красивые у неё туфли, я хочу такие же. Улыбается, такая счастливая! Она заслужила! Умница, красавица!»

Аврелия захихикала от удовольствия и закрыла руками лицо. Ради такого можно вытерпеть и беременность. Наверняка даже она у любовниц генералов проходит как-то по-особенному. С толпой врачей рядом и десятком внимательных слуг, готовых в любой момент принести все, что захочется. Кажется, их называли виликусами. Или либрариями? Да хоть демонами из бездны, какая разница? Нянек бы еще для ребенка и побольше. Все эти подгузники, бутылки с молоком, конечно, милые, но когда Наилий вернется со службы, внимание должно принадлежать только ему. Хорошо бы уговорить генерала не мотаться лишней раз по командировкам, окружить уютом дома и выезжать из особняка только на южное побережье в бархатный сезон. Океанский бриз полезен для здоровья, а на отдыхе каждый день праздник.

Из мечты неласково выдернул звонок планшета. Аврелия легла на подушках выше и надавила на экран, принимая вызов.

— Танцуй, подруга, — заголосила Домна, — я получила пакет документов на нилота.

— Несуществующие боги! — ахнула младшая. — Давай, скорее, пересылай его мне!

— Шустрая какая. Тут третий класс секретности с защитой от распечатки и копирования. Только чтение с экрана.

Аврелия зло запыхтела и заерзала на кровати. Что же там такого сверхсекретного могло быть? Нет, понятно, что не сержанту пехотинцу в любовницы набивается, но все-таки?

— Читай тогда вслух.

— Долго, — зевнула Домна, — скучно.

— Издеваешься?

— Ага, я тебе так перескажу.

Подруга начала с подписки о неразглашении и других предосторожностях от службы безопасности. Щедро сдобривала рассказ сарказмом и пускалась в лирические отступления. Аврелия устала на неё шикать и просить говорить короче.

— И тут они взяли и неосторожно написали в конце пятого пункта: «Если у вас есть вопросы, звоните». Ты думаешь я застеснялась? Да я этого лейтенанта полдня в краску вгоняла. И он мне под конец так ехидно: «Дарисса, главное помните, что встреча всего одна. Если зачатие не состоится, то второго шанса не будет».

— Подожди, — встрепелась Аврелия, — какая встреча, почему одна? Эмбрионов всегда много делают — подсаживай хоть пять, хоть десять раз.

Домна выдохнула шумно, и динамик планшета выдал сухое потрескивание, будто от зарядов статического электричества. Хихикала подруга, зажав рот рукой.

— Ты чем слушала, когда я рассказывала? Не будет эмбрионов, Аврелия, это не искусственное оплодотворение, когда узнать имя отца можно за отдельную очень высокую плату. Как сказал лейтенант по телефону: «генералы признают только тех детей, которых сделали лично». Естественным способом, понимаешь?

У младшей голова закружилась, и грудь сдавило от нехватки воздуха. Взмокшие ладони оставляли влажные следы на планшете, а губы, сколько не облизывай, все равно пересыхали. Домна говорила о близости с генералом. Настоящей, не воображаемой! И от неё Аврелик отделяла мелкая бюрократическая формальность. Самой нужно было подавать запрос в центр репродукции! Да, ей всего шестнадцать циклов и пока нельзя, но к тому времени, когда станет можно, работники центра уже не найдут поводов ей отказать. И про болезнь забудут. Бездна, как же долго ждать! Два с половиной цикла! А если мать с сестрой не найдут деньги на лекарства и она умрет, не дождавшись?

— Домна, Домна, — торопливо зашептала в динамик Аврелия, почти касаясь его губами, — ты же моя лучшая подруга. Славная, милая, единственная. Мы с тобой с рождения всегда вместе. Я же для тебя все-все-все сделаю, ничего не пожалею. Родненькая, драгоценная, ну сделай и ты для меня одну мелочь. Суший пустяк.

Подруга замолчала, осознавая, насколько серьезной может оказаться такая мелочь. Аврелия ждала, изнывая от нетерпения и замирая от ужаса. А если не согласится? Пошлет в бездну и тогда придется просить кого-то другого. Куну? Нет, лучше уломать Домну!

— Говори уже, — тоном приговоренного к смерти сказала подруга.

Младшая села на кровати и нервно убрала пряди волос за уши. Лишь бы Куна не вернулась. Как всегда влезет и все испортит, а тут дело серьезное.

— Пожалуйста, Домна, подпиши бумаги, что ты согласна и отправь в центр репродукции. А на встречу с генералом вместо тебя пойду я.

Ой, что сейчас будет! Аврелия зажмурилась и перестала дышать. Кому молиться? В какую стену биться головой? Пожалуйста, Домна, пожалуйста.

— Ты сейчас пошутила? — строго спросила подруга. — Соображаешь, какая там секретность? Я не хочу в клетку!

— Да никто ничего не узнает, — заныла младшая, — на анализах нет фотографий, работники центра репродукции в глаза тебя не видели, вся идентификация по учетной записи. А генерал не полезет в генетическую карту, чтобы проверить, кто к нему пришел. Я волосы причешу, как ты, платье твое надену, мы даже похожи чем-то. Ну, Домна, не ломай мне жизнь, не лишай последней радости. Я умру ведь скоро.

Аврелия глотала слезы и всхлипывала нарочито громко. Если надо будет — пойдет к подруге домой и там упадет в обморок, прося о последней милости. Еще неделя без таблеток и даже притворяться не придется. Прямо в экзопротезах и пойдет.

— Дура, — прошипела Домна, — в документах на каждом блоке уникальный буквенный код. Появляется, когда подтверждаешь, что прочла и согласна. Всего двенадцать сочетаний. Их нужно выучить и сообщить охране Его Превосходства перед встречей. А потом палец приложить к сканеру отпечатков. Ты не пройдешь проверку. Забыла, что бывает за подделку документов?

Аврелия помнила, но желание оказаться рядом с генералом заглушало голос разума. Она плакала, умоляла, клялась и обещала все, что могла придумать, пока подруга не закричала.

— Да хватит уже! Наилей шесть циклов как генерал и у него до сих пор нилотов нет. Ты не первая, кто к нему рвется, до тебя пытались дариссы куда красивее и умнее. Всем отказал. Мне подруга матери рассказывала, а ей важный человек из окружения генерала обмолвился. Без шансов там. Не нужны Наилию дети. Эти заявки, документы, тысяча анализов, коды, отпечатки, условия — фарс! Чтобы претендентки теряли терпение и сами отказывались. Запретить обращаться он не может, вот и выматывает нервы, а потом особо упрямым и терпеливым просто заворачивает заявку. Кто заставит генерала делать то, чего он не хочет?

Домна выговорила, и тяжело задышала в микрофон гарнитуры. На экране планшета издевательски жизнерадостно летали цветные шарики. Аврелия посмотрела на свои дрожащие пальцы и тихо сказала.

— Спасибо, что убила мою мечту.

Глава 4 — Родительская любовь

Аврелии стало хуже. Две недели без таблеток и она слегла в постель, поднимаясь только ради того, чтобы дойти до туалета. Болезнь разрушала мышечную ткань, а без хорошего питания организму просто негде было взять силы на восстановление. Девочка худела, бледнела, а икры ног распухали все больше и больше. Мышцы болели и напрягались, согнуть колени Аврелия не всегда могла, поэтому часто ходила на цыпочках, вытягиваясь вверх. Говорила, что так ей легче.

Мать от переживаний превратилась в бледную тень, весь день молчала или срывалась на Куна. В кухне теперь все время пахло травами. Отвары и настои не наполняли желудок, а только выжимали из тела его последние резервы. Куна сама пристрастилась к зверобою, добавляя к нему листья смородины, только пила не утром, а на ночь перед сменой.

— Кажется, уснула, — пробормотала мать, устало опускаясь на кухонный табурет, — болит все, я припарками обложила, но толку от них мало.

Лекарства нужны, компенсирующие Аврелии отсутствие важного гормона. Из-за него терялся вес и атрофировались мышцы. Цзы'дариец с генетической болезнью все равно что дрон без важной запчасти. Функционировать если будет, то недолго и с перебоями. Куна завалила письмами все фонды поддержки пациентов, отправила запросы на лечение в других городах и отовсюду возвращались или вежливые отказы или не менее вежливые сообщения о включении в очередь на бесплатное обеспечение лекарствами. У Аврелии не было времени сидеть в очереди. Если болезнь пойдет слишком далеко, то изменения в мышцах станут необратимыми. Сначала экзопротезы, потом инвалидное кресло, паралич, смерть.

— Ты говорила, что на работе кто-то может дать в долг, — спросила Куна у матери, согревая ладони о стакан с горячим отваром.

— Грация обещала помочь, но у неё машина сломалась. Что-то с коробкой передач и ремонт очень дорогой.

Мать бездумно переставляла на столе баночки с солью и специями. Шоркала днищем по гладкой поверхности и звук выводил из себя сильнее, чем нищета и отчаяние.

— Прекрати, — попросила Куна, не заметив насколько резко и грубо это вышло.

— Не нравится, да? — взвилась мать, — может быть вообще уйдешь и бросишь нас? А что, работа есть, мужчину встретишь и не вспомнишь, что мать есть, больная сестра. Давай, собирай вещи и проваливай! Без тебя обойдемся!

Как же хотелось встать и уйти. Плюнуть на все и выскочить в домашнем платье на улицу. Бежать через весь квартал на пустыри, пока ноги не откажут от усталости. Несуществующие боги, за что? Чем она так провинилась в прошлой жизни, кого обидела? Мать кричала, выливая на голову Куны все своё раздражение, в запале не выбирая слов. Упреки сыпались камнепадом, с каждым ударом все больнее. Истерика закончилась слезами. Мать закрыла лицо руками и стонала, что больше так не может и сама хочет умереть. Рыдала в голос, проклиная дочерей, испортивших ей жизнь.

Куна склонилась над столом, будто невыносимо тяжелый камень лег на плечи. Не осталось больше любви и поддержки. Её и не было никогда. С рождения Куна виновата во всем. Потерялись ножницы, рассыпалась крупа, не вовремя пошел дождь. Чтобы не сделала — мало или неправильно. Помыла пол, а в углах грязно, пошла в магазин и забыла купить

молоко, готовила долго и невкусно. Куна просила прощения и обещала стараться. Клялась, что будет помогать матери, раз ей так тяжело одной. Мать замолкала, а через неделю все начиналось сначала. Как сейчас. И конца у этой пытки не было.

— Тише, мама, все наладится.

— Ничего не наладится, — всхлипнула мать, стирая ладонью капли слез, — ты не понимаешь? Ничего!

Куна едва держалась. Если она сломается, вот тогда действительно не будет ничего.

— Нет, мы еще не все перепробовали, — упрямо пробормотала старшая. — Можно съехать в жилые поменьше с компенсацией, продать мебель.

Говорила и чувствовала, как рушится все, за что держалась. Нужда злым чудовищем пожирала дом, семью, уважение, гордость, стыд.

— Бездна, да милостью на улицах просить!

— Я звонила отцу Аврелии, — тихо сказала мать и Куна замерла, — просила денег. Только на лекарства и хотя бы на неделю. Руфий согласился. Обещал прислать на счет.

Надежда вспыхнула, но не разгорелась. Мать говорила с трагедией в голосе, глотая слезы

— Я пошла в кафе проверить. Там правда было и больше, чем нужно. Как я обрадовалась, доченька. Сразу же написала в медцентр и они выставили счет. Оформила платеж и сидела, ждала подтверждения. Долго ждала. Не выдержала и позвонила им. Деньги не поступили. Думала ошибка, проверила счет, а там пусто.

— Конечно, ошибка, — встрепенулась Куна, — так бывает иногда, ты звонила в банк?

— Нет, я снова позвонила Руфию. Ответила его новая женщина. Кричала, что это она вернула платеж и ей плевать на мои проблемы. Посоветовала найти другого дурака и доить из него деньги. А потом пригрозила написать в надзор за порядком заявление о вымогательстве и связь разорвала.

Мать заплакала, морщась и вздрагивая от беззвучных рыданий. Какой мужчина мог отказаться помочь своему больному ребенку? Руфий смог. Хотелось поверить, что его женщина заставила, но запас оправданий Куна давно исчерпала.

— Мама, только Аврелии не говори.

— Не скажу, что ты. Пойду, посмотрю, как она. Ты поела? На работу не опоздаешь?

— Нет, я уже скоро...

Мать взяла термос с настоем для припарок и ушла в комнату.

Домна отказалась помогать и слезы Аврелии на неё не действовали. Подруги третий день общались в чате исключительно картинками с обиженными мордами животных, потому что на вопросы и просьбы Домна не реагировала. Проклятая трусиха. Такой план был четкий и совершенно безопасный, а она заявку посылать не захотела. Все, чего добилась Аврелия — распечатки заявки с уникальными кодами. На это подруга кое-как согласилась и теперь младшая сестра заучивала сложные комбинации, не теряя надежды дожать Домну.

Все ведь можно сделать, если захотеть. Защита от копирования и распечатки? Ну и ладно. Есть фотоаппарат, и он без проблем делает снимок с экрана планшета, пусть там хоть десять заковыристых защит стоит. А потом снимки легко распечатываются в ближайшем кафе на общественном терминале доступа в сеть. Подруга принесла кипу листов и с порога

швырнула их в лицо Аврелии. С тех пор они и не разговаривали.

Болезненная слабость одолевала с кончиков пальцев и распухших икр до бедер. Еще две недели и перестанут слушаться руки, а потом придет удушье. Лишь бы мать с Куной нашли денег ко дню встречи с генералом. Не жалости Аврелия от него хотела, а других чувств. Может не с первого взгляда, но Наилий полюбит. Разглядит в слабом теле красоту души и невинность. В испорченном и прогнившем мире, что еще ценить в женщинах кроме чистоты? Подружки шептались, что мужчинам очень важно быть первыми, видеть девственную кровь. Не брать любовницу после кого-то, а самому научить близости. Под себя и свои вкусы. Лишь бы генерал был нежным и не позволял себе лишнего. Аврелия должна сразу показать, что она не такая, как другие и всяких пошлых штучек ей не надо. От стыда краснели щеки, стоило вспомнить видео от Домны. Младшая так размечталась, что не услышала тихих шагов матери.

— Что читаешь, дочка?

Аврелия вздрогнула до ломоты в больных мышцах и попыталась спрятать бумаги.

— Ничего, я просто... на курсах задали.

Голос от волнения срывался, она неуклюже барахталась на кровати, пытаясь спрятать бумаги под спину. Зря. Если это обычное задание, то зачем?

— Тебе же репетитор все на планшет присылает, — нахмурилась мать и протянула руку, — дай-ка посмотреть.

— Там правда ничего, мама, — заегозила Аврелия еще сильнее будоража и без того взвинченную родительницу. Секретов между ними никогда не было и тут такое.

— Отдай, — потребовала мать, вцепившись в край листа, — я просто посмотрю.

Бумага трещала и могла порваться. Если мать отберет, то выбросит, а второй раз Домна печатать не станет.

— Мамочка, миленькая, пожалуйста, не надо, — запричитала Аврелия, постанывая и корчась от боли, но мать успела нафантазировать себе ужасов. Часть листов удалось вырвать, и она отошла с ними к стене, жадно вчитываясь в текст. Младшая пыталась слезть с кровати, помогая руками слабым ногам. Не удержалась и рухнула на пол, громко завыв, но мать закричала еще громче.

— Это что такое? Кто дал тебе эту дрянь? Отвечай!

Аврелия всхлипывала, жалея, что слезы никак не польются из глаз. Всегда срабатывало, мать бросалась утешать и забывала провинность. Разбитая ваза, прожженный петардой ковер, рассыпанная мука не стоили страданий любимой дочери. Заявление на нилота тоже не стоило, тем более что подавала его Домна, но мать смотрела как на врага.

— Немедленно отвечай! Не то клянусь, я возьму ремень!

Аврелия затряслась и попыталась отползти в угол. Никогда не наказывали, все шишки доставались Куне. Старшая не доглядела, не уследила, забыла. Теперь вот стояла в дверях, прибежав на крики, и тоже смотрела на белые листы. Беда. Катастрофа.

— Отвечай! — рывкнула мать и младшая сдалась. Разнюнилась как маленький ребенок, утирая глаза кулаком.

— Это не я, это Домна. Я не знала, что там.

— Несуществующие боги, за что мне это! Куна, посмотри, что она учудила.

— Это не я!

— Замолчи! В моем доме не будет генеральских подстилок! Как ты додумалась до такого! С твоей болезнью!

Мать кричала так, что вздрагивали стены. В такие моменты в курсе скандала был весь двор. Тонкие перегородки не могли сдержать негодования и оно волнами плыло по району неясными отголосками истеричных слов. У Аврелии звенело в ушах и она зажала их ладонями. Бумаги пошли по рукам от матери до Куны.

— Мы уже милостыню просить собрались на лекарства, а ты опозорить меня решила. Это — твоя благодарность?

— Мама, тише, — попросила Куна, листая вырванную у младшей стопку, — это правда заявка Домны. Здесь её имя.

Сквозь уже настоящие слезы Аврелия смотрела, как сестра толкает матери в руки заглавный лист заявки. Слышала, как шумно дышат обе женщины и дрожит тонкий белый лист. Ждала, что сейчас мать бросится обнимать и просить прощения, даже развернулась к ней.

— Дура эта Домна. И ты дура.

Несколько злых слов и всё. Аврелия застыла, глядя, как мать уходит на кухню, впервые повернувшись спиной и бросив. А в чем она виновата? В том, что мечтала о лучшей жизни? Хотела вырваться из рабочего квартала и больше никогда не видеть убогих цзы'дарийцев в одежде, провонявшей гарью от заводских труб? Если Куну такая жизнь устраивала — то пусть, она никогда бы не приглянулась ни одному офицеру. Фигура квадратная как у мужчины, груди нет, нога широкая. Куна такая невзрачная, что с ней в постель только под Шуи, но почему Аврелия должна страдать всю жизнь в одиночестве? Это несправедливо!

— Отдай бумаги, — грозно сказала младшая.

— Даже не мечтай. Не слышала, что мать сказала?

Старшая проворно собрала упавшие листы и тоже ушла. Дрянь! Как же Аврелия её ненавидела!

На улицу как на свободу. Куна вдохнула полной грудью, и даже запах смога не разбередил горло кашлем. Хоть совсем домой не приходи. Жаль, что днем на речном вокзале такая толчея, не поспишь в зале ожидания на скамейке. Один день без скандалов стал бы настоящим подарком.

Бумаги старшая скрутила в трубку и выбросила в урну. Дурацкая затея с нилотом и не хотелось гадать, кому из подружек она первой пришла на ум. Аврелия не могла всерьез думать о беременности, но подозревать сестру в желании просто забраться к генералу в постель, было неприятно. Нет, она не такая.

Равэнна засыпала, укутываясь в синие сумерки. Темнота липла к дорожкам, обволакивая ноги, Куна словно брела по колено в черной воде. Уличные фонари еще не зажглись, власти города сэкономили энергию, сокращать путь через темный парк расхотелось. Лучше идти дальше, но мимо освещенных витрин единственной в квартале улицы с кафе и магазинами. Проверять почту уже входило в привычку. Куна нашла свободный терминал и ввела свои данные. Еще одна отписка от благотворительного фонда и больше ничего, а ведь именно туда она сочинила лучшее письмо. Душу вложила в каждый абзац, рассказывая, как сестра мечтает жить, но сердца благотворителей послание не тронуло.

Осталось только правда что просить милостыню у дверей речного вокзала или родить

генералу ребенка. Куна фыркнула, вспоминая анкету с вопросами о вредных привычках, данными предыдущих мужчин, если они были и маленькое поле на последней странице. «Что бы вы хотели сказать Его Превосходству?». Пальцев на руках не хватит, чтобы перечислить, но он никогда не услышит. Куна пробовала ему звонить, но наткнулась на дотошного библиотекаря, который все время просил изложить просьбу письменно. Вредный попался лейтенант, старшая даже имя его запомнила — Флавий Прим. Уже открыла бланк, чтобы писать, а потом увидела, что срок рассмотрения обращения один месяц. Слишком долго для еще одной ничего не значащей отписки в ответ. Интересно, а заявки на детей рассматриваются так же долго?

Чувствуя себя еще одной дурой, Куна открыла в терминале страницу центра репродукции. Промотала в самый конец и хмыкнула. Три дня. Конечно, делать детей Его Превосходству гораздо приятнее, чем выслушивать жалобы. Куне вдруг захотелось открыть анкету и в том самом окне написать Наилию все, что она о нем думает. Глупость, хулиганство и безумие, но терять и стыдиться давно нечего. Пока есть крохотный шанс пробиться к генералу, его стоит использовать. Время до работы было, а в голове уже появились строчки будущего письма про Аврелию, генетическую болезнь, дорогие лекарства, безразличие властей, упущения в инструкциях и жадных фармацевтов. Куна вбила в примечание всю свою боль и гнев, наскоро заполнила остальные поля анкеты и нажала: «Отправить».

Ответа на свой жест отчаяния Куна не ждала, а через два дня воспоминание об отправленной анкете перебила первая радостная новость за очень долгое время. В речном порту ей выдали аванс. Штраф окончился и теперь старшая снова зарабатывала деньги. В самое сонное предрассветное время она сидела в диспетчерской и думала получить ли оплатить еще хоть что-то кроме лекарств сестры? Коммунальные службы отключением не грозили, пшеница и травы до следующего недельного жалования хватало, а все остальное спокойно могло подождать. Настроение напоминало робко выглядывающее из-за туч светило. Еще не праздник, но вздох облегчения и призрачная надежда справиться с проблемами. По зеленоватому экрану лениво ползли треугольники судов, и досидеть до конца смены оставалось совсем чуть-чуть.

— Куна, а почему на рабочую почту приходят личные сообщения для тебя? — строго спросила Регина.

— Н-не знаю, я этот адрес нигде не указывала.

От дурного предчувствия в животе похолодело. Неясная тревога нарастала мерным гулом летящего за лесополосой транспортника. Вертишь головой, пытаешься найти, и не видишь откуда появится.

— Там защита стоит, — проворчала старшая смены, — перешлю, сама открывай. И чтоб больше такого не было! Свои личные проблемы решай дома.

— Да, конечно, извини, Регина.

Основательно засекретили послание. Адрес отправителя скрыт, в теме письма её имя и открыть можно только по отпечатку пальца. Неужели доигралась, и кто-то из властей пожаловался на слишком назойливую родственницу пациентки? Кого она могла так задеть своими просьбами? Какую инструкцию нарушить? Вдруг там очередной штраф или наказание? Неужели с работы выгонят, раз сюда прислали.

Куна чуть не уронила портативный сканер отпечатков, пока подключала его к пульта. Вытерла влажную ладонь о юбку и коснулась сканера большим пальцем. Возле письма нарисовалась зеленая галочка, и открылся текст.

«Дарисса Куна, повторно направляем вам уведомление об одобрении вашей заявки и напоминаем, что встреча состоится сегодня в холле гостиницы «Тарс».

Буквы поплыли перед глазами. Какая встреча? Какая гостиница? Куна пролистала просьбу выучить и сообщить охране коды допуска от каждого раздела заявки, машинально открыла вложение и только потом нашла подпись: «Центр репродукции».

Любопытные сменщицы косились через плечо Куны на экран, вытягивая шеи. Шепоток пронесся по диспетчерской и разбился об недовольное фырканье Регины.

— Тихо! Работы мало? Сейчас найду.

Куна почувствовала, как жар заливает лицо, вспыхивая алым на щеках. Лишь бы никто в диспетчерской не понял, что произошло. Бюрократия у военных еще хуже, чем у гражданских. Плевать в центре репродукции хотели на примечание к анкете. Приняли, обработали и одобрили. Куда теперь звонить, чтобы отказаться? Несуществующие боги, какой же душой она себя выставила!

Напишет отказ с рабочей почты даже под своим аккаунтом и завтра об этом узнает весь

речной порт! Едва перестали трепать её имя после инцидента с севшим на мель Беркутом, а такую новость будут помнить до следующего цикла! Куна попробовала удалить ненавистное письмо, но защита встала непроницаемой стеной, не поддаваясь на все известные уловки. От стыда хотелось забраться под пульт и не вылезать оттуда, пока назначенное время встречи не пройдет. Глупо и так по-детски. Нашли ведь её на работе и кто знает, не придут ли в следующий раз прямо сюда, чтобы волоком потащить к генералу. Весь сектор знает, что ни одного нилота нет, так почему Его Превосходству приспичило именно сейчас?

— Регина, а ты не можешь удалить письмо? — прошептала Куна.

— Нет, не могу, — отмахнулась старшая смены, а потом вдруг уставилась в экран. — Погоди, кнопка пересылки появилась. Давай к тебе сброшу?

— Давай. Спасибо.

До утренней пересменки как на раскаленных иглах и вслушиваясь в каждый шепоток. Казалось, что все уже знают и обсуждают только это. Едва поставив подпись в журнале, Куна убежала из диспетчерской, не оглядываясь. Слонялась по кварталу, забредая в тупики и не узнавая мест. Изрядных гадостей наговорила генералу в примечании, во всех бедах обвинила, а он встречу назначил. Нет, не может быть, это ошибка специалистов центра репродукции, халатность. Любой нормальный цзы'дариец обходил бы Куну стороной и уж тем более не думал о близости. В голове не укладывались рядом жалобы на несовершенство законов и зачатие ребенка. Такую издевку захочешь — не придумаешь. Надо позвонить и разобраться с недоразумением.

Куна ворвалась в кафе и металась возле очереди к терминалам, пока официантка не спросила, что случилось.

— Мне нужно позвонить. Срочно!

Старшая шумно дышала носом и кусала губы. В глаза лезли выбившиеся из прически пряди, а форменная юбка перекрутилась шлицей вперед.

— Терминалы заняты, — тихо и даже ласково сказала официантка, — но если это важно, то можете взять мой планшет и гарнитуру.

— Очень важно, пожалуйста, дарисса.

Ни в одной инструкции в обязанности официантов не входила помощь перепуганным посетительницам. Куну могли вежливо попросить подождать в зале или на улице, но дарисса с такими же темными кругами под глазами от постоянного недосыпа, просто улыбнулась и протянула гарнитуру.

— Возьмите. Какой номер набрать?

Куна не помнила, вернее не заучивала, а письмо с телефоном центра репродукции теперь без очереди не открыть, придется ждать. И снова за свой глупый порыв стало стыдно.

— Я не помню, извините.

— Скажите хоть куда, — не сдавалась официантка.

— В центр репродукции.

Дарисса снова улыбнулась и склонилась над планшетом, быстро набирая цифры.

— У меня двое детей от искусственного оплодотворения, я знаю телефон наизусть.

Куна благодарила, смущаясь и краснея, пока гудки в гарнитуре не сменились приветствием. Номер анкеты она чудом запомнила. Пятьдесят первый. Даже если с начала цикла, то не так уж и много желающих нашлось родить генералу.

— Дарисса Куна? Прекрасно, что вы позвонили, — радостно ответил оператор, — встреча сегодня, а мы не могли вас найти. Его Превосходство ждет, пожалуйста, не

опаздываюте.

— Я хотела отменить...

— Перенести? — замешкался оператор, явно не ожидая такой просьбы. — Вам неудобно сегодня? Встреча всего одна, сожалею. Если вы отказываетесь, то заявку придется подавать заново.

Старшая должна была ответить: «да, я отказываюсь», за этим сюда пришла, но стояла и молчала. Если фраза: «Его Превосходство ждет», не просто вежливый оборот, то был крохотный шанс, что примечание к анкете Наилий все-таки видел. И после этого назначил встречу. Аудиенции по личным вопросам у генерала можно ждать циклами и потерять терпение, такой длинной была очередь, а Куна пригласили сегодня. Так ли уж важен повод прийти, если тебя готовы слушать?

— Нет, я согласна, я приду, — сбивчиво пробормотала она, — не нужно отменять.

— В отеле «Тарс» ровно в девять, — вежливо напомнил оператор.

Ждать очереди на терминал пришлось ради кодов допуска, которые попросили сообщить охране. Еще раз поблагодарив официантку, Куна села за столик. Все, что хотела сказать генералу, сразу вылетело из головы. Остались обрывки фраз из писем в фонды и неприятное послевкусие от вылитой на полководца обиды. Могла ведь подобрать другие слова, чтобы не краснеть потом от стыда. Но чувствовала, что тон письма тоже сыграл свою роль.

В девять, значит? Ночная смена начиналась в девять и Куна на неё опаздывала, а это еще один штраф. Нужно звонить Регине и просить заменить её другим диспетчером, но что сказать? Старшая смены шла навстречу, но взамен требовала правды, какой бы она не была. Не придумывать болезней родственников или пожара в доме, если любимый мужчина приезжает в увольнительную и хочет увидеться. Несколько раз такая ложь вскрывалась, и Регина потом обижалась. «Не держите меня за дуру, — просила она. — И злобной стервой, не способной понять простых женских проблем, тоже считать не надо».

Куна уже подходила к терминалу и все не могла решить, что говорить старшей смены. В итоге открыла чат и написала:

«Регина, я добилась аудиенции у Его Превосходства. Хочу попросить помощи с лекарствами для сестры. Мне назначили сегодня на девять. Я понимаю, что уже поздно менять график, но для нас это очень важно. Пожалуйста, отпусти, я все отработаю».

Выдохнула и сжала руки в кулаки. Только бы Регина не легла спать! Если прочтет сообщение вечером к началу смены, просьба подмениться станет бессмысленной. Не звонить же ей домой. Вдруг и правда спит. Ответ пришел, громко пикинув на все кафе.

«Иди. Разберемся потом с отработкой».

Куна чуть не бросилась обниматься с терминалом от радости. Отстучала на экранной клавиатуре: «Спасибо» и открыла разделы анкеты с кодами доступа. На третьем поняла, что пока будет учить, очередь на терминал её растерзает. Распечатать не давала защита, поэтому пришлось просить ручку и выписывать комбинации букв и цифр на запястье. Оставалась еще одна проблема: как успокоиться и выспаться.

Гостиница возвышалась над стареньким зданием речного порта, как молодой кипарис над трухлявым пнем. Стены словно раздувались от гордости, блестя в лучах закатного

светила стеклянным панцирем. Рыжие всполохи бликов пробегали по стальным стыкам фасада, а острый конец шпиля будто горел пламенем. Здание называли величественным, а Куна фыркала и считала слишком пафосным даже для престижного района Равэнны. Из-за страха опоздать пришлось ехать на автобусе. Форму диспетчера Куна освежила и отгладила. Неловко было ехать в ней к генералу, но даже если бы нашлось красивое или хотя бы новое платье, пришлось бы объяснять матери, почему она так странно оделась на работу. Признаться сил не нашлось. Аврелия бы помчалась в «Тарс» на экзопротезах вместо сестры, а мать потом неделю дулась и ворчала, как низко пали её дочери, собравшись лечь под генерала. Если получится достать лекарства, Куна потом расскажет про аудиенцию, промолчав о поданной заявке на нилота. Так всем будет лучше.

Высокий забор гостиницы отделял рабочий квартал от набережной с домами офицеров и ценных гражданских специалистов. Многоэтажные свечки соперничали в помпезности с «Тарсом». Пускали к ним только жителей и обслуживающий персонал. У ворот дежурил черный военный внедорожник и два цзы'дарийца молча смотрели на Куну. Один совершенно лысый с длинным крючковатым носом словно примерз взглядом, доставая до самых глубин. Лютая охрана, вот только чья? Оба лейтенанты. Слишком почетно для поста на въезде в жилой сектор.

— Дарисса, — негромко позвал лысый, стоило Куне подойти ближе, — вы заблудились? Речной порт остался за вашей спиной.

Старшая одернула форменный пиджак и убрала за ухо завитую пружиной прядь. Голос дрожал, хотелось плюнуть на все и сбежать.

— У меня встреча с Его Превосходством в гостинице.

На мгновение показалось, что лысый усмехнулся. В серых глазах мелькнула заинтересованность и тут же угасла.

— Коды допуска назовите.

— Три, пять, восемь...

На первом же Куна споткнулась, осознав, что кроме трех цифр больше ничего не помнит. Дура, надо было учить, а не прической заниматься! Она вздохнула и закашлялась, растягивая время и пытаясь вспомнить. Несуществующие боги, да что же там было? Тау или эпсилон? Кудри лезли в лицо, раздражали и мешали думать. Старшая поправила их и замолчала. Сдалась. Самое время прощаться кивком головы и уходить, но охранник шагнул к ней.

— Вашу руку, дарисса. Нет, не эту, левую.

Пока Куна хлопала глазами и от испуга не знала, что от неё хотят, лысый аккуратно взял её за запястье и оттянул рукав. На коже остались нацарапанные ручкой коды допуска. Катастрофа. Теперь не дадут уйти. А что сделают? Накажут как на курсах за невыученный урок? Бред. Куна отчаянно краснела и забывала дышать.

— Последняя цифра один или два? — невозмутимо спросил лысый.

— Од-дин.

— Верно, — кивнул охранник и отпустил руку, — вы рано пришли, Его Превосходство еще в дороге. Придется подождать в холе гостиницы. Я провожу.

Ноги перестали слушаться, Куна пошла за лысым охранником как деревянная кукла на шарнирах, медленно и неуклюже делая каждый шаг.

Вдоль дорожек, отсыпанных мелким гравием, росли выстриженные шариками кусты, распускались цветы и тихо журчали крошечные фонтаны поливной системы. В середине

осени двор гостиницы утопал в зелени. Возле бассейна стояли шезлонги, а вода переливалась прохладной бирюзой. На освещение не скупилась. Между деревьями летали огромные шары, заполненные газом и светящиеся изнутри. Точечные светильники очерчивали дорожки и край бассейна, а под водой горели мощные прожекторы. Студеная ночь и копоть заводских труб остались снаружи, а мир богачей внутри действительно был другим.

Охранник привел Куна в холл и усадил на широкий диван рядом с раскидистым южным цветком. Фигусом, если верить картинкам в учебниках на курсах. Симпатичная дарисса на стойке регистрации услышав от охранника, что Его Превосходство скоро будет, расплылась в приторно-сладкой улыбке. Бездна, сережки в её ушах с крупными камнями стоили дороже, чем барак, в котором жила семья Куны. И чем дальше цзы'дарийка с рабочего квартала рассматривала роскошный интерьер, картины на стенах, красивых женщин в парадной форме с логотипом «Тарс», тем чаще спрашивала себя: «Что я здесь делаю?». Куда она влезла вместо того, чтобы спокойно сидеть в диспетчерской и вести баржи с песком через перекаты? Она пыталась спрятать за бочкой с фикусом растоптанные туфли с расцарапанными носами, оттирала слюной с запястья записанные коды, сутулилась, втягивая голову в плечи и молилась всем несуществующим богам, чтобы пытка поскорее закончилась.

О приближении генерала сказала ослепительная улыбка дариссы за стойкой. Куна обернулась на перезвон колокольчиков над дверью и замерла. Фантазия подхлестывала ожидания, рисуя образ чего-то удивительного. Правитель сектора, живая легенда, сильнейший боец, а в холл гостиницы «Тарс» вошел совсем молодой военный в черной повседневной форме. Худой, веснушчатый, маленький. Охранники, маячившие за спиной, выглядели солиднее. Это шутка? Не может Наилий Орхитус Лар быть таким.

— Ваше Превосходство, — захлебываясь от счастья, пропела сотрудница «Тарса», а Куна будто язык проглотила. Генерал молча кивнул, приветствуя, и пошел к дивану.

— Дарисса, мне сообщили, что номер готов, можем подниматься.

Вживую его голос звучал совсем не так, как с телевизионной панели. Мягче и мелодичнее. Старшая вглядывалась в знакомое до каждой черточки лицо и не могла поверить. Шрам под бровью, упрямо сжатые губы и вечная хмурая складка на переносице. Наилий сошел с плаката и стоял перед ней.

— Да, да, — только и смогла сказать Куна.

Лифт поднял Куна на пятый этаж. Узкий коридор был облеплен дверями, как ветка весенними почками. По полу стелилась ковровая дорожка, а не блеклых стенах яркими пятнами висели фотографии Тарса. Северного, прячущегося под белыми шапками снега; западного, разливающегося по равнине; южного, впадающего в теплый океан.

Куна шла по коридору и робела от мысли, что будет разговаривать с генералом. Не так она представляла встречу. Его Превосходству больше подошел бы огромный зал с рядами кресел, заполненными слушателями или осенний бал в генеральном штабе. Чтобы Наилий в парадной форме стоял на балконе с бокалом Шуи, а за его спиной кружились в вальсе пары. А здесь, в безликом коридоре гостиницы генерал казался слишком обычным, а потому ненастоящим. На трибуну его поставить, чтобы стало легче? Как ему рассказывать про Аврелию? Сухо и канцелярски нельзя, а нырнет в эмоции и утонет в них.

— Прощу, дарисса.

Куна вздрогнула, не заметив, как открылась дверь одного из номеров, и Наилий остановился, пропуская её вовнутрь. Несуществующие боги, почему это не кабинет? Кровать стояла посреди комнаты, заставляя забыть обо всем остальном. Огромная, аккуратно застеленная белоснежным постельным с покрывалом, натянутым струной. Проблемы фармакологии в секторе? Несовершенство Инструкций? Реальность снова больно хлестнула наотмашь. Никто не разговаривает, лежа в постели, не за этим её сюда привел генерал.

— Включите климат-систему, если вам холодно, — сказал Наилий и прошел мимо кровати, усаживаясь в кресло, — я вижу, вы дрожите.

Куна завела руки за спину и сцепила в замок, выпрямляя плечи. Мать всегда говорила, что инициатива близости исходит от мужчины, но невозможна без согласия женщины. Только выражалась проще и короче. Если она простоит весь вечер, не двинувшись с места, может Наилий передумает? Не станет же силой брать. Или станет?

Куна смотрела на генерала и не верила, что он на это способен. С детства она слышала, что цзы'дарийские офицеры не мародерствовали, не убивали гражданских и не насиловали женщин. Касался ли кодекс чести заявки на зачатие нилота? Ведь она сама захотела.

— Тиран, значит, — медленно заговорил полководец, подпирая голову кулаком, — глухой к проблемам народа бездушный чурбан, любующийся звездами на своих погонах.

Цитировал примечание к заявке очень точно. Слово в слово. Куна окончательно смутилась и опустила голову, не понимая, что происходит, а Наилий продолжал.

— Значит, я не исполняю обязательства, взятые на себя перед сектором? Раздевайтесь, дарисса.

Куна клацнула зубами, прикусив язык, и беспомощно уставилась на генерала. Ей послышалось? Поза Наилия только казалась расслабленной. Хмурая складка на переносице выделялась резче, чем обычно, от него веяло злостью и раздражением, как не пытался сдерживаться. Еще мгновение и заскрежещет от ярости зубами. Куна отшатнулась назад и прошептала.

— Чт-то, простите?

— Вы тоже взяли обязательство зачать от меня ребенка, — по слову выщеживал генерал, наклонившись вперед и не сводя с Куны взгляда. Холодного, колючего. — Заполнили анкету,

выучили коды допуска, пришли на встречу. Раздевайтесь.

Не шутил, не играл и не собирался отступить. Она наивная считала, что затронула своими словами что-то в душе генерала, а все сошлось на обиде. Он прочел только оскорбления и больше ничего. Взъярился так, что решил наказать. Бездна, что она натворила? Не бывает чудес, а хозяин сектора — не добрый волшебник, взмахом руки решающий любую проблему. Обычный цзы'дариец. Злой, самовлюбленный и мстительный. Куна ошиблась и будет за это наказана.

Морщась от противного ощущения холода в животе, негнушмиися пальцами расстегивала пуговицы на форменном пиджаке. Одну, вторую, на третьей взгляд генерала изменился. Злость ушла, осталась пустота. Куне показалось, что она услышала вздох. Под пиджаком короткая безрукавка, а под ней белье. Не очень новое и уже желтое от бесконечных стирок. Стало стыдно показывать его генералу, лучше снять юбку. Шлица опять перекрутилась и осталась на бедре. Куна представляла, как разденется догола, а Наилий так и будет сидеть в кресле и смотреть. Что потом прикажет сделать? Ложиться в кровать или повернуться лицом к стене? Не стоит ждать ласки и нежности от того, кто мстит женщине. Придется терпеть боль и затыкать рот, чтобы не орать. Вдруг кто-то из персонала услышав, захочет узнать, что случилось? Бред. Никто не войдет в номер генерала, даже если она сорвет голос, зовя на помощь.

Молния на юбке застряла, зажевав край ткани. Чем сильнее Куна её дергала, тем глубже врезался бегунок. Можно попробовать снять через голову, но юбка слишком узкая. Куна обессиленно опустила руки и прикусила губу, чтобы не разрыдаться. Унижение ведь еще не началось, а ей уже хочется потерять сознание и ничего не помнить. Обязательства, заявка, нилот, монстр-генерал в кресле. Почему это происходит с ней? Зачем?

— Подавитесь своими обязательствами, Ваше Превосходство — выкрикнула Куна, — хотите извинений? Я извинюсь. Зачем нужен этот фарс?

— Вы его начали, — тихо ответил Наилий, — схватились за заявку, когда все можно было написать в письме и оставить в приемной. Она для этого и придумана. Распределением лекарств между гражданскими занимаются городские власти, у военных нет полномочий вмешиваться, но ситуация с вашей сестрой мне не нравится. Я отправил запрос и жду список по болезням и группам инвалидности. Дайте два дня, я найду решение. А теперь, если вы передумали раздеваться, я вас не держу.

Куна открывала и закрывала рот дважды, не зная, что сказать. Потом схватила пиджак и выскочила из номера. Напряжение прорвалось слезами, застилая перед глазами чистый до стерильности коридор и фотографии Тарса на стенах.

Бежала, не видя дороги мимо ярких светильников гостиницы, мимо тихого двора до ворот и под взглядами охранников прямо в темноту. Рабочий квартал принял без возражений, наполнив легкие дымом до надсадного кашля. Куна остановилась у шлакоблочного барака, едва чувствуя ноги, налитые болью от быстрого бега. Долго пыталась затолкать дрожащие руки в рукава пиджака и кашляла, кашляла.

Сильнее ненавидеть Наилия, наверное, невозможно. Собрать всех его врагов других рас вместе, добавить к ним всех обиженных женщин и даже тогда будет мало. Шесть циклов, что он стоял у трибуны в генеральских погонах и лгал, как приведет сектор к процветанию, горели на искусанных губах Куны. Мало она ему написала в примечании. Не знала тогда, какой на самом деле. Монстр. Чудовище. Урод.

Зло ударив кулаком шершавую стену барака, она побрела дальше. В диспетчерской

никто не ждал, мать и сестра легли спать, а ночь только началась. Далеко за бараками вздрагивал барашками волн сонный Тарс, отдавая Равэнне собранное за день тепло. Темные тучи на небе разойдутся, и спутник прочертит серебристую дорожку на морщинистой глади воды. Можно всю ночь просидеть на набережной и смотреть на реку, но к утру обязательно замерзнешь. Болеть нельзя. За это не платят жалования и нужны лекарства, на которые нет денег. Уж лучше объясняться с матерью, почему вернулась домой так рано.

Квартал спал, потушив свет в окнах, и до крыльца пришлось добираться наощупь. Куна шарила рукой по дверному косяку, пока пальцы не наткнулись на кнопки. Набрала код и, зажмурившись, толкнула дверь. На кухне храпела мать, в комнате тихо сопела Аврелия. Никто не вздрогнул, не пошевелился и не бросился в прихожую спрашивать, что случилось. Никому на целой планете не было дела до того, что чувствовала Куна и хотела сказать. А что бы они ответили? Ты дура и сама виновата. Мать пробурчала что-нибудь о поруганной чести и кривых соседских взглядах, ни на мгновение не поверив, что генерал и пальцем к ней не прикоснулся. А скандал от Аврелии услышала бы вся Равэнна. Хотя ей хотелось рассказать, какому чудовищу она поклоняется. Чтобы полюбовалась на кумира во всей красе. Куна разулась, дважды запнувшись об оставленную в прихожей обувь, и пошла в комнату спать.

Два дня, что Наилий просил на решение проблемы, Куна ждала с мстительным удовольствием, и когда наступило утро третьего, разочарование генералом стало полным. Таковую сцену устроить и в итоге сдуться, как старая дырявая крышка. Хозяин сектора, лучший воин — красивая пустышка, не способная отвечать за свои слова.

Смена выдалась тяжелой. Вода в верховьях Тарса убывала слишком быстро и перекаты обнажались. Часть судов остались зажатыми в тиски мели и просили срочно увеличить сбросы на плотине, чтобы уйти ниже по течению на высокую воду. Диспетчерская могла только принимать сообщения и передавать их дальше, но весь гнев и раздражение капитанов выслушала смена Куны.

Она вернулась под утро домой и сразу схватилась за успокоительный травяной сбор. Мать хлопотала возле Аврелии с припарками, приговаривая, что наконец-то начало помогать. Как бы ни так. Баночку таблеток купили на жалование Куны и болезнь притаилась. Жаль только измученный недоеданием организм восстанавливался слишком медленно. Врач выписал питательную смесь, которую давали тяжелобольным, но она стоила не дешевле таблеток. Куна давно питалась одним травяным чаем и сама шаталась от слабости. В дверь громко постучали.

— Дочка, откроешь? — крикнула мать из комнаты. — Это Домна, наверное, навестить.

Вряд ли. Давно неслышно было разговоров и переливистого смеха двух подружек. Поругались из-за заявки на нилота. Будь Аврелия не так слаба, до сих пор бы выговаривала всем подряд, как её лишили последней надежды в жизни.

Старшая убрала кружку с недопитым настоем в раковину и пошла открывать. В полумраке рванула на себя дверь и охнула от неожиданности.

— Дарисса Корделия?

Чуть не касаясь макушкой низкого дверного проема, на пороге стоял военный. На черном комбинезоне пятном крови алела нашивка медицинской службы, а в руках гость держал кейс для медикаментов.

— Нет, — ошарашенно мотнула головой Куна и крикнула в комнату, — мама, к тебе!

— Дарисса, — еще раз поприветствовал кивком головы медик, увидев взволнованную женщину, — рядовой Фирмий. Медикаменты примите?

— Какие?

Мать смотрела на гостя почти с ужасом, не выпуская из рук скомканную повязку, пропитанную настоем. Из всех безумных предположений ни одно не годилось на роль истины, а Куна упрямо молчала, еще не до конца поверив в то, что происходило.

— Диан-Фор-Два-Грост, — медик без запинки произнес название таблеток Аврелии.

— Диан..., - эхом повторила мать и зажала рот рукой. В комнате зашумела младшая, подтаскивая к себе экзопротезы, чтобы встать. Понесла её бездна и так все слышала, нет, надо высунуть любопытный нос.

— Пройдемте на кухню, — позвала медика Куна и он, шумно пошаркав подошвами ботинок об коврик, в три широких шага добрался до кухонного стола. Поставил кейс, открыл и стал выкладывать на стол таблетки в коробках. Пять, десять, двадцать. Куна столько у фармацевтов не видела не то, что в своем доме. Мать неуклюже рухнула на стул, не сводя глаз с медикаментов.

— Простите, а почему? Откуда столько?

— Не могу знать, дарисса, — улыбнулся рядовой Фирмий, — у меня приказ. Ваш отпечаток, пожалуйста.

Планшет с сенсорным сканером отпечатков он положил рядом с таблетками. Мать, все еще не дыша, приложила палец.

— Это кредит? Сколько мы должны?

— Никак нет, таблетки ваши, — уверенно заявил медик и захлопнул кейс, — извините, у меня график. Здоровья вам и вашим близким.

Попрощавшись кивком, военный ушел в полной тишине. Мать перебирала коробки с приоткрытым ртом. Двадцать упаковок — это почти на два цикла. Новенькие, аккуратные, бесценные. Она гладила их пальцами и пересчитывала. Не выдержала, вскрыла одну, сдернула крышку с баночки и высыпала на ладонь прозрачные голубые капсулы. Без шуток, без подвоха. Диан-Фор-Два-Грост.

— Что происходит, Куна? — беспомощно пролепетала мать. — Ты что-то сделала? Кому-то написала и они откликнулись? Почему военные?

Старшая не могла смотреть на мать. Замечать, как шок сменяется радостью. Как она, все еще не веря, накрыла ладонями коробки, а потом притянула к себе и обняла. Крепко и счастливо, словно только что спасенного ребенка. Из комнаты на экзопротезах с металлическим шорохом сервоприводов пришла Аврелия и застыла, схватившись рукой за дверной косяк.

— Несуществующие боги, откуда?

— Кажется, генерал подарил, — едва слышно ответила Куна.

Радость вошла светилком над маленьким бараком в рабочем квартале. Мать вскочила и бросилась обнимать дочерей, целуя, куда попадали губы. Их смех с Аврелией звучал музыкой на празднике и обе тараторили без умолку.

— Наилий? Не может быть!

— Какая же ты молодец, дочка! Есть толк от писем, неужели нас услышали?

Услышали, прочитали и вызвали в гостиницу, чтобы там натыкать носом в грубые слова, как щенка в собственную лужицу. Куна вымученно улыбалась в ответ и не могла

понять, почему так гадко, когда нужно ликовать? Закончилась жизнь впроголодь, ночные смены, попытки занять денег у всех подряд и самое черное отчаяние, какое можно представить.

— Любимый! Любимый, — захлебывалась восторгом Аврелия, — Он спас меня! Спас!

Спас. Мог сделать это молча одним щелчком пальцев, раз внимания генерала и единственного запроса хватило, чтобы сдвинуть неподъемную гору бюрократии. Мог позвонить и спросить, почему незнакомая ему дарисса так резка в словах.

Мог, но поступил по-другому. Как обычный цзы'дариец, которого задела несправедливые обвинения. Она кричала, что извинится, но так этого и не сделала. Даже сейчас не могла найти в себе силы. Стыд разгорелся удушьем, щеки запылали. Завтра она все исправит. Может быть.

Аврелия и мечтать не могла, что Наилий спасет ей жизнь. Нет, когда-то представляла себя попавшей в беду, похищенной злобными инопланетянами и томящейся в плену. И чтобы генерал непременно в белом парадном кителе и за штурвалом серебристого катера примчался спасать. Приземлился прямо на крышу темницы и с одним только посохом раскидал всех врагов, а потом долго смотрел бы ей в глаза, не в силах оторваться. «Аврелия, свет моей души, — сказал бы он, — Аврелия...»

— Ты будешь травяной отвар?

— Мама, — расстроено скуксилась она, но кивнула, пододвигая кружку к заварнику.

Куна уже отоспалась перед следующей сменой и теперь рассеянно жевала пшено. Второй день с кислой физиономией ходила, будто не радовалась, что сестра будет жить как нормальная цзы'дарийка. Вечно о себе. Проблемы у неё на работе, наверное, но теперь плевать. Мамино жалование хватит, а дарисса-зазнайка может больше не корчить из себя героиню. Столько пафоса и апломба было, когда бегала эти письма строчить. На кухне невозможно было сидеть от бесконечных фондов, служб, отделов, департаментов. Весь город на уши подняла, а таблетки прислал любимый Наилий. Надо было дуре сразу догадаться ему написать, но куда ей.

— Я сегодня проверила, жалование уже на счете, — радостно сказать мать, наливая Аврелии отвар и усаживаясь рядом со старшей дочерью, — там больше, чем обычно, дождалась я премии. Раз таблетки есть, то можно потратить немного на себя. Куна, дочка, чего бы тебе хотелось?

Аврелия чуть не подавилась отваром и уставилась на мать. Она ласково гладила Куну по плечу и ждала ответ.

— Поизносились ты, дочка, все в форме, да в форме. Может быть, платье тебе купим?

Стоило чуть разбогатеть, так сразу нужно выбросить деньги на ветер?

— А чем форма плоха? — надула губы младшая. — Она служебная. Порвется — новую выдадут.

Мать обернулась что-то сказать, но Куна перебила.

— Не надо платье. Давайте лучше поедим, я соскучилась по сладостям. Можно сходить в кондитерскую и набрать булочек, пирожных...

— Я на специальном питании, — сморщилась Аврелия и загремела ложкой, гоня по кружке травинки, попавшие в отвар, — и вообще, мама, а почему ты меня не спрашиваешь, чего я хочу?

Раз теперь не придется весь день лежать на кровати, то можно и в город выйти, а она тоже давно не видела новых платьев и туфель. Как можно мечтать о генерале в обносках старшей сестры? Особенно теперь, когда Наилий обратил внимание. Диан-Фор-Два-Грост стоил бешеных денег, не каждой любовнице дарили такие дорогие подарки. Наверное, фотографию увидел в медицинской карте и влюбился. Точно влюбился. Осталось дожидаться, когда позвонит.

— И что ты хочешь? — улыбаясь, спросила мать.

— Новый планшет.

Мать замерла с приоткрытым ртом, а старшая съехидничала.

— А чем плох старый?

— Тем, что он старый, — возмущенно фыркнула Аврелия, — все уже по две-три модели сменили, а я до сих пор хожу с этим. Выход в сеть медленный, экран блеклый, разрешение низкое, динамики хрипят, микрофон слабый, еле ловит. Мы и брали-то его с рук, а теперь Домна свой продает совсем недорого. Мама, ну мне же нужно учиться, а как материалы читать? С лупой?

Аврелия поджала губы и уткнулась в кружку. Как Куне платье — так, чего ты хочешь дочка, а стоило ей что-то попросить — тишина. Несправедливо. Это она болеет и всю жизнь мучается в четырех стенах. Можно сказать, мир видит через экран планшета. И даже в этом отказывают.

— Дорого, дочка, — ласково заговорила мать, — нам нужно откладывать деньги. Таблеток много, но они закончатся...

— И опять не планшета, не одежды и пшено три раза в день, — истерично взвизгнула Аврелия, — может проще меня убить и все сразу станут счастливыми?

Экзопротезы закрипели, когда она попыталась подняться, и колени больно стукнулись о стол. Злость набирала обороты. Мать и сестра никогда не выберутся из нищеты, потому что жить не умеют. Такой шанс, подарок судьбы, надо хватать освободившиеся деньги и выходить на другой уровень. Переезжать в хорошую квартиру, искать престижную работу, а они? Сладости? Отложить на будущее? Кредит надо брать, рисковать. Побеждают только смелые и наглые, а тихони и рохли погибают в шлакоблочных бараках на окраине жизни.

— Мама, давай купим ей планшет, — в середине обличительной речи заявила Куна и Аврелия сразу же примолкла, — а я заберу старый. Мне уже неудобно постоянно занимать терминал в кафе. Почту не проверить, не позвонить никому. И тебе надо что-то простое.

— Я обойдусь, — махнула рукой мать, — ладно, сходим завтра в магазин. Но не слишком дорогой. Поняла, Аврелия?

— Конечно, конечно! — захлопала в ладоши младшая и радостно заерзала на стуле, — но лучше у Домны. Мы и прошлый у неё брали. Ой, Куна, а ты какой номер указала в письме? Тот, что сейчас у меня на Домну зарегистрирован, старый чип в ящике лежит.

Вдруг Наилий проверит номер, а он другой принадлежит? Что если звонить из-за этого передумает?

— Контактный? — застыла в задумчивости Куна, но вспомнила. — Свой написала. А зачем тебе?

У Аврелии рот открылся от удивления. Как свой? Что значит зачем?

— Ты ополоумела? Я тут сижу, звонка жду с предложением встретиться, а в письме твой номер. Куда Наилий звонить должен? Немедленно исправляй!

Голова кружилась от очередной истерики и силы кончались. Задохнувшись на полуслове, Аврелия уставилась на старшую сестру и засопела. Дура! Зачем Наилию телефон никчемной, непонятной, безобразной дариссы? Откроет генетическую карту и ужаснется! Это ж надо было додуматься пихать свой номер под рассказом о сестре. Где логика?

— Исправляй! — из последних сил взвизгнула Аврелия.

— Я исправлю, — вдруг совершенно спокойно ответила Куна, — напишу.

Планшет купили на следующий вечер, ради этого Аврелия даже помирилась с Домной.

Переставили чипы связи на девайсах и Куна забрала старый планшет младшей сестры. Разбиралась она в них только как позвонить и написать письмо, остальные безграничные возможности не вызывали восторга. Аврелия хранила тысячи картинок с животными, рисунками принцесс, похожими на детские раскраски, и две полновесные папки с биографией генерала. Копируя информацию, сестра их удалила, а Куна потом вернула из корзины. Не знала, правда, зачем. Закрылась на кухне и водила пальцами по экрану, пролистывая снимки с официальных выступлений. Везде у Наилия было одно и то же выражение лица — холодная сосредоточенность. Куна пыталась найти хотя бы одно фото, где генерал улыбался, но не смогла. Будто вместо живого цзы'дарийца за трибуной стоял робот. Без чувств, без мыслей, с одной программой в голове. Кто же тогда приезжал в гостиницу?

Когда нашлись силы извиниться, и окрепла уверенность, что надо поблагодарить за таблетки, время ушло. Письмо на официальный адрес могло лежать у либрария месяц, но смущало другое. Любой эмоциональный текст казался издевкой, а сухие строчки не стоило писать вовсе. Куна чувствовала, что сама превращается в чиновника и мечтает спрятаться за стандартными фразами в тысячной копии письма. Брала планшет, чтобы позвонить в приемную, и откладывала обратно. Генерал очень занят, а тут она с нелепыми и запоздалыми извинениями. В гостинице надо было говорить, а не сбегать из номера. Теперь хоть еще одну заявку пиши на нилота ради встречи. Дурная мысль. Наилий, когда увидит её имя под заявкой просто взбесится. Не так она хотела отблагодарить.

Куна посмотрела на планшет и прислушалась к голосам из комнаты. Подружки дружно хихикали и перебивали друг друга, нахваливая девайсы. По второму кругу пока не пошли, можно надеяться, что она успеет позвонить. Гарнитуры нет, все через громкую связь.

— Приемная Его Превосходства, — вежливо ответил либрарий на всю кухню и Куна, испугавшись, уменьшила громкость.

— Дарисса Куна, я хочу записаться на прием.

— По личному вопросу запись на конец цикла. Ближайшее свободное время...

— А можно просто поговорить?

Либрарий заикнулся, проглотив окончание фразы, и обескураженно уточнил.

— Со мной?

— Нет, с Его Превосходством.

Куна представила, как лейтенант Прим тяжело вздохнул и закрыл лицо руками, а потом, беззвучно шевеля губами, послал её в бездну.

— Пожалуйста, дарисса, напишите письмо, — устало попросил Флавий, — вся почта рано или поздно обязательно попадет к Его Превосходству, а звонки и встречи только в конце цикла.

Понятно, что сектор огромный, и каждый хочет что-то сказать генералу. За вереницей маленьких просителей с их маленькими проблемами можно не увидеть чего-то большого и важного. Любой поток стараются загнать в рамки, поделить на части и раздать по кусочку таким исполнителям как Флавий. Генерал помогает всем, не делая лично почти ничего. И если сломать систему, вопреки всему пробиться к Наилию просто, чтобы извиниться, вспомнит ли генерал кто она такая? Будут ли что-то значить для него слова диспетчера, живущего в рабочем квартале на окраине столицы? Маленькой, никчемной и незаметной дариссы. Что-то значили, когда сидел в номере гостиницы и цитировал наизусть примечание к заявке. И раз это так, то есть смысл стучать в закрытые двери.

— Спасибо, я поняла, — ответила Куна и разорвала соединение.

Отсыпаться в выходной не пришлось. Утром Куна нагладила форму речного порта, завязала волосы в хвост на затылке, начистила старенькие туфли и пошла на автобусную остановку. Пешком до генерального штаба добралась бы только к обеду.

Деревья в Равэнне теряли листву, выстилая улицы города красно-желтым ковром. Небо закутывалось в тучи, дожидаясь холодов и казалось, стоило ветру ударить посильнее, просыплется первая снежная крупа. Упадет под ноги и тут же растает. Куна мерзла, жалея, что не взяла из дома теплую кофту. Рукав разошелся по шву, а нитки с иглой лежали где-то в кухонных шкафах в самых дальних углах. Полдня проищешь и не найдешь. Климат-система в автобусе еще не переключилась на обогрев, прилежно выстужая воздух. К нужной остановке нос замерз, покраснел и грозился осчастливить хозяйку жидким как вода насморком. Хороша она будет перед генералом.

До приемной в генеральном штабе Куна дошла по указателям для посетителей, стараясь не слишком вертеть головой по сторонам, рассматривая массивные мраморные колонны, фрески на стенах в благородной сеточке трещин и причудливую лепнину на потолке. Старое здание, так сейчас не строили и не украшали кованые лестничные ограждения позолотой. Из просторного холла на второй этаж до двери с вывеской приемная. Даже интересно стало, как выглядит дотошный, но терпеливый лейтенант Прим. Куна толкнула тяжелую дверь, но сил не хватило, пришлось налечь бедром.

Приемная разлилась океаном от пустых окрашенных стен до высоких стрельчатых окон. На начищенный до блеска паркет страшно было наступать, чтобы не поскользнуться, а вдалеке одиноким орлом на утесе сидел за столом либрарий. Взмыленный и замотанный, хотя рабочий день только начался. Он сыпал короткими ответами в гарнитуру и не отрывал взгляда от планшета. Разочаровывающе обычный с короткой стрижкой и в форменной комбинезоне, застегнутом на молнию под горло. Куне хотелось, чтобы на носу нашлась бородавка или уши оттопыривались бы как локаторы, но Флавий был прост, строг и скупен.

— Вам назначено, дарисса?

— Нет, но я прошу всего несколько мгновений, — затараторила Куна, стараясь успеть выпросить встречу, пока её не выставили за дверь, — я написала много гадостей в письме Его Превосходству и должна извиниться. А еще сказать спасибо за таблетки для больной сестры и я знаю про письма, очередь до конца цикла и все остальное. Пожалуйста, лейтенант Прим...

Куна стояла посреди огромной приемной и чувствовала, как бесстыдно выливает все, что носила в себе с того момента, как сбежала из гостиницы. Просила, умоляла и клялась, зная, что иначе чувство вины растопчет её. Флавий встал из кресла и медленно пошел к ней, подняв руки и жестами пытаясь успокоить. Но остановиться она не могла, снова и снова повторяя про одно единственное мгновение.

— Дарисса, — простонал либрарий, — я бы рад помочь, но сегодня Совет генералов. Вы видите как пусто в приемной? Его Превосходство в конференц-зале и не придет до вечера. Мне очень жаль, но встретиться сегодня не получится. Прошу вас, запишите все, что хотели сказать и возвращайтесь домой.

Либрарий замер, так и не коснувшись плеч девушки, хотя казалось, что сейчас схватит и

встряхнет. Порыв Куны сдулся, оставив неприятный привкус пролитого зря отчаяния. Вот он кабинет Наилия в нескольких шагах и все бессмысленно. Его там нет.

— У вас есть планшет, чтобы написать письмо? — спросил Флавий, пытаясь заглянуть в глаза. — Если нет, я могу дать бумагу и ручку.

— Не надо, — качнула головой Куна и глубоко вздохнула, — я здесь подожду. Вечером, так вечером.

Либрарий побледнел и сжал губы в нитку. О чем думал в этот момент? Считал до десяти, чтобы успокоиться или вспоминал телефон охраны?

— Здесь нельзя. Это...это долго и напрасно. Совет может затянуться до глубокой ночи, а посетителей просят удалиться в конце рабочего дня.

— Я дождусь. Могу за дверью, если смущаю Вас, могу в холле, но из штаба не уйду.

— Нельзя..., - уже совсем беспомощно пролепетал Флавий и замолчал. Куна только сейчас заметила, как он молод. На щеках и подбородке рос ни разу не сбритый пушок. Мальчишка, наверное, только что из училища и сразу в приемную генерала. Сотни важных дел, тысячи таких как Куна, а он стоит и не может вытолкать её прочь. Не зачерствел еще, не научился стряхивать цзы'дарийцев как соринку с рукава.

— Я не буду мешать, — пообещала Куна, — тихо постою тут в уголочке. Дома все равно себе места не найду. Я уже написала один раз, теперь сказать должна.

Флавий не сдался, он уступил. Вздохнул еще раз глубоко и ответил.

— Садитесь на диван, ждать придется долго.

Не обманул. Светило катилось по небу, заглядывая в стрельчатые окна, тени удлинялись к вечеру, а генерала все не было. Куна несколько раз пересаживалась с места на место, вставала и ходила, чтобы размять затекшие ноги. Либрарий поил её разведенным в воде витаминным напитком и провожал до уборной в конце коридора. За несколько часов, что Куна ждала, а Флавий работал, она услышала тридцать четыре «да», двадцать восемь «нет» и девятнадцать «так точно». В приемную заглядывали офицеры, спрашивали, не вернулся ли Его Превосходство и уходили. Не привыкший к безделью организм клонило в сон. Куна боролась до конца, больно щипала себя за руку, когда закрывались глаза, но усталость, настоящая как отвар на ночных сменах, победила. Засыпая, она подумала, что это совсем не прилично и надо будет извиниться еще и перед Флавием. Во сне приходил генерал, смотрел на неё, разлегшюся на диване, разочарованно качал головой и отворачивался. Надо встать, немедленно надо встать.

Куна дернулась, судорожно глотая воздух. В приемной горело освещение, а в окнах чернела ночь. Тело ломило от жара под тяжелым пледом, а Флавий что-то увлеченно читал с планшета.

— Простите, лейтенант Прим, — пискнула она, вскакивая на ноги и сворачивая плед комком.

— Давайте, я уберу, — сказал либрарий, но сделать не успел. Дверь открылась, запуская в приемную Наилия. По телу Куны словно ток прошел, заставляя сердце сжаться. Под хмурым взглядом полководца все приготовленные слова забылись, и разум сиял кристальной чистотой.

— Вы меня измором решили взять, дарисса? — устало спросил Наилий, и Куна окончательно потеряла утренний пыл. В белом парадном кителе с сияющими золотом погонами генерал казался статуей несуществующего бога. Холодное, словно высеченное из мрамора лицо не выражало ничего.

— Я хотела только поговорить.

Шея и плечи болели от напряжения, а ноги наоборот подкашивались от слабости. Куна чувствовала себя скалолазом, добравшимся до вершины и обнаружившим, что ошибся горой. Она еще раз жестоко обманулась. Вся Равэнна и вся Дария не значили для генерала ничего. Наилей отвернулся и сухо сказал своему либрарию.

— Лейтенант Прим, свободен. Все итоги завтра. Утром найди мне Тулия Малха, кончились его отгулы.

— Есть, — кивнул Флавий, и, торопливо затолкав плед в шкаф, ушел из приемной. Куна тоже повернулась, во второй раз забыв попрощаться, но услышала в спину.

— Я вас не отпускал, дарисса. Вы ели сегодня?

Вопрос ошаршил едва ли слабее, чем тот приказ раздеваться. Куна смотрела на генерала затравленным зверьком и снова не понимала, что происходит.

— Нет, то есть да. Утром отвар пила, и лепешки мама испекла.

Зачем она это рассказывает? Какое дело генералу до её завтрака?

— Я тоже не ел. В столовой для меня оставили ужин, составите компанию?

Сердце едва справлялось с собственным ритмом, гоня кровь по телу. Она то приливали к щекам, распускаясь смущенным румянцем, то оседала тяжестью в ногах, отчего голова кружилась, а потом и вовсе кровь застучала тревожно в ушах. Не для того ждала день, чтобы отказываться.

— Да, Ваше Превосходство.

Ночью в генеральном штабе только дежурное освещение. Вместо больших потолочных ламп — маленькие фонари, светлячками облепившие стены. Они не разгоняли мрак, а только указывали путь. Генерал усугублял ощущение каменной статуи идеально прямой спиной. Так и дошел до столовой, печатая шаг с размеренностью метронома, ни разу не сбившись. Толкнул широкие створки двери, и яркий свет больно ударил по глазам.

Куна ожидала худшего и оно сбылось. Столовая генерального штаба была рестораном с фотографиями статей в Сети о роскошной жизни. Одним из тех мест, куда отчаянно хотела попасть Аврелия. Тем более с генералом. Теперь Куне казалось, что она украдала мечту сестры.

Царство мрамора, красного дерева и шитых золотом тканей завораживало блеском. Тяжелые многослойные портьеры украшали высокие окна, скатерти мягкими складками драпировали круглые столы, делая их похожими на пирожные. Стулья на изогнутых ножках с искусной резьбой давно вышли из моды, именовались антиквариатом и встречались разве что в музеях. Куна только сейчас подобрала нужное слово к тому, что Наилий назвал просто столовой. Выставочный зал. И она собиралась здесь есть? Правда?

— Ципрус! — громко позвал генерал, пугая и без того переволновавшуюся Куну. Из двери в глубине зала показался цзы'дариец в черной рубашке, красном фартуке до пят и шапочке на голове, напоминающей таблетку.

— Ваше Превосходство, — просиял он, шагнув навстречу.

— На две персоны, пожалуйста.

— Будет сделано, — ответил повар, ничуть не смутившись посторонней дариссы, а Куна не знала, куда себя деть. Никогда даже на свидание не ходила, мужчин издалека видела, а тут целый ужин. Как сидеть, что говорить? Она извинится, а дальше? Кусок ведь в горло не полезет, да еще и не пшено в тарелках будет. Изысканное блюдо, возле которого укладывают по три вилки слева и ложку с ножами справа. Показывали такие кулинарные шедевры по телевизионной панели. Красиво, конечно, но это все равно, что посадить за диспетчерский пульт новичка с улицы, не объяснив ничего. Мучение, а не ужин.

— Вы позволите? — спросил Наилий и потянулся к воротнику кителя. Куна кивнула, не понимая, какого разрешения от неё ждал генерал, а он быстро расстегнул крючки и, распахнув полы кителя, низко наклонил голову, разминая шею.

— Корсет для позвоночника, а не парадный китель. Не вдохнуть, не выдохнуть.

От усталости голос генерала звучал слабо, взгляд потух. Наилий медленно опустился на стул и вытянул ноги. Ощущение ледяной статуи разбилось вдребезги. Такой Куна возвращалась после пятой подряд ночной смены, мечтая только доползти до кровати. Весь остаток вечера генерал держался на упрямстве, а сейчас казалось, что сдастся, закроет глаза и уснет. Совет с раннего утра, бездна самых сложных проблем, а теперь еще и назойливая дарисса, которой снова от него что-то надо.

— Простите меня, Ваше Превосходство, — тихо сказала она, — я была не права, выговаривая вам в письме про обязательства, и дойдя до оскорблений.

Наилий кивнул и нахмурился, не то подбирая слова, не то просто собираясь с силами.

— Я тоже был не прав, слишком резко отреагировав. Извините за то, что произошло в

гостинице. Напугал я вас, да?

Куна чуть язык не прикусила, проглотив вторую часть речи. Мысль сбилась окончательно и бесповоротно. Старшая не могла поверить, что генерал извинился перед ней, а он, не дождавшись ответа, продолжил.

— Ничего бы с вами не случилось, я не принуждаю женщин к близости. Жаль, если вы так подумали. Хотя имели право, да...

Видеть полководца и хозяина сектора обескураженным было очень странно. Что-то глубоко личное коснулось его в тот момент. Признавшись, он еще и вывел Куну на другую тему, закрыв неловкий вопрос.

— Как здоровье вашей сестры?

— Спасибо, уже намного лучше, — выдохнула старшая, вспоминая что хотела сказать, но Наилий коротко ответил: «я рад» и снова вытянулся, подбираясь как для выступления перед войсками. Смотрел он куда-то за спину Куны, и она обернулась в тот момент, когда распахнулась дверь из кухни.

Ципрус с еще одним поваром вынесли два подноса, заставленных посудой. Аромат еды тянулся за ними шлейфом, наполняя огромный зал столовой пряно-овощным великолепием. Повара заучено и четко, будто сдавая норматив, поставили тарелки и выложили на салфетки приборы. У Куны немедленно и неприлично громко заурчал живот, а слюной можно было захлебнуться. Тушеное мясо золотилось подливом, овощи в специях были припорошены мелкорубленной зеленью. Рядом на плоской тарелке остывала только что выпеченная лепешка, щедро посыпанная кунжутом, а в бокал на высокой ножке повар налил ягодный морс рубинового оттенка.

— Благодарю, — кивнул Наилий и повара снова оставили их вдвоем, — приятного аппетита, дарисса. Думаю, все разговоры подождут.

Куна наугад взяла одну из вилок и, наколов кусочек телятины, отправила его в рот. Мясо было по-настоящему восхитительным. Слов описать его не хватало, эпитеты не подбирались. Бездна с ней, с помпезностью ресторана, вычурностью сервировки и правилами этикета. Еду придумали для того, чтобы есть. Куна не замечала ничего вокруг и остановилась только, когда тарелка опустела. Хотелось заурчать как сытый довольный кот, а потом еще долго вылизывать подлив с посуды. Но нет, это слишком.

Голос Наилия вернул в реальность. Куна вдруг обнаружила рядом с собой и генерала и слегка взволнованного повара. Он ставил посуду на поднос, а сам внимательно смотрел на полководца.

— Ципрус, ты что с телятиной сделал? Она невероятная.

Наилий не улыбался, но в интонациях и в том, как он провожал взглядом пустую тарелку, чувствовалось его отношение. Повар едва заметно выдохнул. Понравилось генералу.

— Ничего особенного, Ваше Превосходство. Готовил к ужину, оставил телятину на слабом огне, чтобы дошла, а Совет все не кончался. Пока столовую закрыл, пока с делами управлялся, в общем хорошо так мясо в духовке полежало, попробовал, аж самому понравилось.

На этот раз генерал не выдержал. Уголки губ дрогнули и поползли вверх, а Куна поняла, почему Наилий никогда не улыбался. Ломалась броня, рушился тщательно выстроенный образ, время оборачивалось вспять. Сейчас перед ней сидел не грозный хозяин сектора, а обыкновенный мальчишка. Задорный, веснушчатый и слишком молодой для полководца. Она потянулась вперед, стараясь запомнить мгновение, впитать его и не покраснеть от

смущения, но генерал провел пальцами по губам и стер улыбку.

— Спасибо, Ципрус, очень вкусно.

— Еще что-нибудь? — спросил повар и обернулся к Куна. — Может быть, десерт, дарисса?

Чувство переполнения в желудке ушло, стоило представить пышный бисквит со взбитыми сливками. Мужчины любят мясо, а юные девушки, полцикла ничего не видевшие кроме пшена, мечтают о другом. Наверное, это слишком явно отразилось на лице Куны, потому что генерал распорядился.

— Пирожных дариссе, мне не надо.

Повар кивнул и снова ушел, а Куна, окрыленная ощущением тепла и уюта, сама не заметила, как вопрос сорвался с языка.

— Вы не любите сладости?

— Моя любовь к ним началась и закончилась на карамели в интернате, — генерал убрал с колен салфетку и откинулся на спинку стула, — это единственное, что нам разрешали и варили мы её сами. Готовую разливали по формам, а потом начиналось самое интересное. Наставник помешен на совершенстве. Даже кубики и бруски домашней карамели должны быть строго определенного размера. Чуть сорвется нож, и он заставлял все переделывать.

Голос генерала убаюкивал. Чем дальше он погружался в воспоминания, тем сильнее. Куна тоже села удобнее и сложила руки на груди.

— Мы шли в наряд по карамели как на испытание, — продолжал Наилий. — Соревновались, у кого раньше получится сдать партию без брака. Получалось почти всегда с первого или второго раза, но у нескольких кадетов коса на камень находила. То ли нервничали слишком сильно, то ли мелкая моторика никак не хотела срабатывать именно на карамель. Мы с Труром две недели ели один брак, дергались, переворачивали подносы. Я думал, она никогда мне не поддастся, но вдруг что-то щелкнуло внутри и пошло как надо. Трур с тех пор точен до филигранности, а я смотреть на сладкое не могу.

— Нас так по математике гоняли на курсах, — улыбнулась Куна, — только вместо карамели были интегралы. Чем хуже получалось, тем все более заковыристые задания выдавала наставница. До тех пор пока в голове не щелкало и тогда все вставало на свои места. Помню, как прозрела и смеялась над планшетом, не веря, что могла не понимать этого раньше. Несуществующие боги, где была моя голова?

Наилий кивал и больше не хмурился. Ципрус принес корзинку с заварными пирожными, политыми шоколадной глазурью. Они пахли ванилью, а когда Куна раскусила тесто, на язык потек нежнейший крем.

— Вы ведь хорошо учились, верно? — задумчиво спросил генерал. — Почему не пошли дальше, а устроились на работу?

— Из-за сестры, — пожалала плечами Куна, удивляясь как легко об этом рассказывает, — из-за себя и матери. Есть каждый день важнее призрачной мечты о кулинарной академии.

— Вам нравится готовить?

— Очень, — снова улыбнулась Куна, — из одного теста столько можно всего сделать — дух захватывает. И пирожные, и булочки, и пироги с мясом.

Ей на мгновение показалось, что у Наилия заблестели глаза, но он быстро отвлек следующим вопросом.

— А хотели бы учиться?

Она уже почти ответила, что да, но задумалась. Легко бросить работу сейчас, когда жалования матери хватает, а в холодильнике спрятаны таблетки для Аврелии на два цикла вперед, но что будет потом? Не придется ли бросать уже академию, чтобы вернуться в диспетчерскую? Упасть снова, не долетев до мечты. Зачем вообще нужны мечты, если реальность живет по другим законам? Аврелия каждый день упивается Наилием, а он сидит в столовой с ее старшей сестрой и рассказывает про карамель. У Вселенной своеобразное чувство юмора и богатая фантазия.

— Я не хочу впустую надеяться, Ваше Превосходство, — честно ответила Куна, — никто не знает, что случится с ним завтра. Бывает, распланируешь всю жизнь, а потом споткнешься на какой-то мелочи и больше не можешь подняться. Судьба своенравна и бьет гораздо чаще, чем улыбается.

Наилий надолго замолчал, рассеянно глядя куда-то мимо Куны, а скорее всего внутрь себя. Генералов считали баловнями судьбы. Двенадцать на планету. Лучшие из лучших, сильнейшие — да, верно, но сколько на самом деле случайного было в их первом смертельном поединке и за всю дорогу до него? Взгляды, жесты, слова как указатели вели их шаг за шагом к намеченной цели. Мечтают все, сбываются мечты у единиц.

Куна доела пирожное и отодвинула тарелку, вытирая пальцы салфеткой. Наилий прикрыл глаза и все еще думал, а может быть заснул? Хмурые складки на переносице и возле упрямо сжатых губ разгладились. Усталость легла тенями под глазами, а скулы заострились. Куна не хотела будить, но боялась, что заснув крепче, он качнется и упадет. Могла позвать громко, но язык перестал слушаться. Она протянула руку, еще не зная стоит или нет, а потом выдохнула и коснулась холодных пальцев Наилия.

Искра не проскочила, как описывали влюбленные подруги, но что-то теплое разлилось под сердцем. Мать начала пугать мужчинами как только Куна подросла. Циничные мерзавцы, самовлюбленные эгоисты, убегаящие от ответственности, как от огня. Глядя на Наилия отчаянно не хотелось в это верить. Не могут абсолютно все быть плохими. Кто-то дарит таблетки на два цикла вперед, а потом половину ночи выслушивает совершенно незнакомую цзы'дарийку. И плевать на генеральские погоны.

— Ваше Превосходство, — прошептала Куна, — поздно уже, мне нужно идти.

Наилий вздрогнул, втянув носом воздух, и открыл глаза.

— Да, конечно, я довезу вас до дома, назовите адрес.

Этого не хотелось бы совсем. Куна в самом страшном кошмаре не могла представить, какую истерику закатит Аврелия, если военный внедорожник с генералом придет к их бараку не за ней. А мать схватится за сердце, и будет причитать, что старшая дочь не могла так сильно её разочаровать. Не имела права. Путаться с женщиной, да еще с кем. Генеральская подстилка и не докажешь ничего.

— Я лучше пешком, здесь недалеко.

— А я буду остаток ночи волноваться доши вы или нет? — холодно спросил генерал. — Есть наемная гражданская машина, по ночам по городу только они ходят, если не ошибаюсь.

— Такси, — кивнула Куна, — да все верно, я вызову, не переживайте.

Денег, правда, на него не хватит, взяла с собой только мелочь на автобус. Так что все-таки пешком, заодно придумает по дороге, что ответить матери на вопрос где она шлялась всю ночь.

— Подождите, — остановил Наилий и достал из карманов брюк планшет и гарнитуру.

На такси он её все-таки сам посадил, а в салоне протянул водителю пластиковую карту. И все смущенные возражения Куны пропустил мимо ушей. Цзы'дариец за рулем удивленно крутил в пальцах странную черную карту без надписей, а потом все же решился вставить её в терминал оплаты. Наилий коротко кивнул на прощание, захлопнул дверь и нырнул в темноту парковки прочь от яркого пятна фонаря над такси.

— Это был... — обескураженно прошептал водитель.

— Он самый, — тихо ответила Куна.

Куна уходила утром, сказав, что навестит подругу, а вернулась посреди ночи. Зря надеялась, что мать, не дождавшись, ляжет спать. Свет на кухне горел, и заходить в барак не хотелось. От страха тошнило до отрыжки пустотой, и кружилась голова. Таксиста Куна попросила высадить её у речного вокзала и оттуда шла пешком. Соврать, что вызывали на работу? Так дневная смена давно закончилась и ложь слишком легко проверить. Засиделась допоздна у подруги? Какой? Её телефон! Мать вцепится мертвой хваткой и не отстанет, пока не услышит правду, а как на неё отреагирует — одним несуществующим богам известно.

Куна осторожно открыла дверь, умоляя проклятую, чтобы не скрипела. Дверь не подвела, но половицы в коридоре громко хрустнули. Мать вихрем метнулась с кухни и замерла в коридоре, спиной закрывая лампу, отчего её силуэт казался выкрашенным самой черной краской.

— Вернулась? Я уже хотела тебя в розыск объявлять.

Голос тоже не сулил ничего хорошего. Такой злобы Куна давно не слышала. В последний раз, когда оценок в таблице не хватило для поощрительной выплаты от курсов за хорошую успеваемость.

— Задержалась, прости... — пролепетала дочь, но мать оборвала гневным окриком.

— Где ты была?

Так она точно Аврелию разбудит, и младшая сполна насладится болью и унижением сестры. Почему, Вселенная, за каждый светлый момент нужно так жестоко расплачиваться? Будто она убила кого-то, а не ужинала с генералом.

— Гуляла допоздна по городу, — выпалила Куна и попыталась проскочить в комнату, но мать перегородила проход.

— С кем?

— Одна, мама.

— Врешь, — змеей зашипела она и схватила дочь за шиворот как в детстве, когда волокла домой заигравшуюся на улице. Куна снова чувствовала себя маленькой, жалкой и бесконечно виноватой.

— С мужиком ты была, — шептала мать в самое ухо, — а вернулась поздно, потому что долбилась с ним на кровати в общежитии или дешевой гостинице, потаскуха. Не вороти от меня бесстыжую морду, забеременеть одного раза хватает, разродишься, а мне потом еще один рот кормить. Будто тебя мало! Сколько раз тебе дуре говорила не спутайся с кем попало. Кто он, отвечай!

Куна всхлипнула и дернулась, но мать держала крепко. К горлу подступила тяжесть от недавно съеденной еды, а в глазах словно до сих пор «горели зайчики» слишком ярких ламп в столовой. После слов о беременности стало понятно, как можно было долбиться на кровати, и от стыда Куна вспыхнула. И мужчина был и номер в гостинице, только без заявки на нилота Наилий никогда бы даже не посмотрел в её сторону. Невзрачная дарисса в толпе. Знала бы мать, как ошибается, но она твердо верила в то, что вообразила.

— Кто он! — крикнула она громко и Аврелия заворочалась в комнате, скрипя кроватью.

— Никто, — брякнула Куна, — не было никого, я одна бродила. Задумалась и ушла далеко. Заблудилась, а денег ни на автобус, ни на такси не было, только сейчас дошла.

Отпусти, я устала, ноги болят.

— Устала. Ноги болят, — свирепо повторила мать и снова встряхнула дочь, — а больше ничего не болит? Я попрошу Грацию, она проверит невинная ты или нет.

— Зачем, мама? — задрожала Куна, пробуя отбиться. — Какой толк в невинности? Зачем её нести, как знамя всю жизнь?

После второго рывка удалось освободиться, и старшая дочь, запнувшись об обувь в тесном коридоре, с грохотом упала на пол.

— Да что там! — сонно проворчала Аврелия. — Хватит орать, дайте поспать!

Мать молчала, пока Куна неуклюже поднималась на ноги, отряхивая грязь с форменной юбки и пиджака. Болело отбитое бедро, но обида жгла сильнее. Как только не трепали языками подруги матери тех, кто посмел встречаться с мужчиной: потаскухи, шлюхи, гулящие и потерявшие всякий стыд женщины. Теперь и Куна среди них, стоило прийти домой поздно. Мать через день повторяла, что ни одна умная, воспитанная, приличная дарисса из хорошей семьи никогда не свяжет себя отношениями. Невинность можно потерять и хирургически перед искусственным оплодотворением, если уж так сильно хочется детей. Но близость — сплошная грязь и ужас, а мужчины — насильники, грубые животные, закоренелые эгоисты и безответственные мерзавцы. Все без разбора. Лучше умереть, чем отдаться добровольно.

— Я же о тебе забочусь, — уже не так агрессивно сказала мать, — пойми, все мужики хорошие, когда ухаживают и говорят красивые слова, но все кончается, стоит дойти до постели. Он штаны наденет и уйдет, а ты потом одна будешь тянуть ребенка. Как проклятая каждый день кормить, мыть, одевать, следить, чтобы ничего не случилось. Больше никогда и ничего для себя — все ради ребенка. Пока маленький одного не оставишь, с ним никуда не пойдешь, а если заболит? Ни спишь, не ешь, только с ним на руках по дому скачешь и с ума сходишь. Не повторяй моих ошибок, дочка. Живи для себя, пожалуйста. Не стоят несколько мгновений удовольствия обузы на всю жизнь.

— Мы с Аврелией для тебя обуза, да? — тихо спросила Куна. О больной младшей мать бы так никогда не сказала, но старшая это слышала регулярно. — Жалеешь, что дважды поддалась, а теперь уже ничего не вернуть? Что ж ты выкидыш себе не устроила? Я знаю, можно, если таскать тяжести или сидеть полночи в тазу с кипятком. Что ж ты родила, мама, если знала, как сильно мы будем мешать?

Мать поджала губы и сузила глаза. В полумраке коридора в сонной тишине середины ночи тревожно гудели старые часы, и надсадно стучало сердце Куны. Обуза. Бесплезная, никчемная и мешающая жить. Почему никто не спросил, хотела ли Куна жить? Почему не дали выбрать, у кого родиться?

— Врезать бы тебе по морде, — прошептала мать, разворачиваясь в сторону кухни, — чтобы за языком следила. Забеременеешь — не приходи потом ко мне со слезами: «Мама, он меня бросил, что теперь делать?». Сама решай свои проблемы, не маленькая уже. Вещи соберешь и отвалишь из дома к мужику своему, пусть содержит тебя и приплод. Поняла, меня?

— Конечно, мама, именно так я и сделаю, можешь не сомневаться, — выдохнула Куна и ушла в спальню.

Четвертая смена подряд уже была лишней. Куна чувствовала это по тяжести во всем теле и дремоте, грозящей перерастить в сонное забытие. Аврелия лежа в кровати обсуждала с Домной наряды дарисс с прошлого осеннего бала. Беззаботно щебетала в гарнитуру, перескакивая с темы на тему, а Куна слов не могла запомнить. Они текли опавшими листьями по быстрому ручейку, и все время ускользали из сознания. Что-то про розовый и персиковый, а дальше мысль вязла в фасонах платьев. Осенний бал у генерала транслировался в прямом эфире на каждую телевизионную панель в секторе. Лучшие воины, их прекрасные женщины, величественная музыка и блеск огней. Настолько недостижимо совершенно, что напоминало сказку. Единственное мероприятие, которое Куна смотрела, сидя на кухне с матерью и сестрой.

— Что ты, подвязать розовое платье зеленым поясом верх безвкусицы, — заявляла Аврелия так, будто была признанным экспертом моды, — ну и что, что розовые бутоны сидят на зеленых стеблях, речь о другом. Ага, как же, не защищай её, необразованная провинциалка и как только затесалась на бал? Куна, тебе звонят. Не слышишь? Звонят!

Старшая сестра осоловело захлопала глазами, глядя на стол, где светился экран планшета, и звучала жизнерадостная мелодия. Точно звонок. Грузно свалившись с кровати, Куна добралась до стола и не глядя мазнула пальцем по экрану, принимая вызов.

— Дарисса Куна?

Спасибо Аврелии этот голос она узнавала даже сонная. Вкрадчивый, бархатный и теперь достающий до самого сердца. Пока генерал не представился вслух по громкой связи на всю комнату, Куна схватила планшет и, падая по дороге, помчалась в коридор. Там за неприметной дверью была ниша, где семья хранила бытовой хлам: швабры, тряпки, моющие средства, дрона-уборщика когда он еще был. После распродаж имущества здесь стало гораздо свободнее, и Куна легко уместилась внутри, плотно прикрыв за собой дверь. В тесноте и темноте остро пахло химией, пылью и резиной защитных перчаток.

— Дарисса? — повторил Наилий, не дождавшись ответа.

— Ваше Превосходство, — проговорила старшая, уменьшая громкость до едва различимой и прижимая ухо к динамику планшета. Нужно купить гарнитуру. Лучше не поесть несколько дней на работе, чем бегать вот так по бараку, пряча девайс от ушей сестры и матери.

— С горного материка приехала выставка минералов. Организаторы настойчиво шлют мне приглашения, но одному разглядывать камни в стеклянных выставочных кубках мне не хочется. Разве что в приятной компании. Вы свободны сегодня вечером?

В бок больно давила щетка от швабры, а ведро не давало поставить на пол вторую ногу. Куна повисла на рабочем халате и чуть не выронила планшет. Даже если бы сегодня не было смены, вдруг в шкафу нашлось платье, подходящее для музея, Куна бы все равно отказалась. Не место ей рядом с генералом. Она в столовой генерального штаба от смущения была сама не своя, а здесь на глазах у посетителей музей да еще, не приведи несуществующие боги, будут журналисты и видеокамеры. Опозорится на весь сектор. И почему она? Вокруг Наилия всегда столько женщин в розовых и персиковых платьях с поясами правильных оттенков. Изысканных, утонченных, воспитанных. Зачем ему диспетчер из рабочего квартала?

— Извините, Ваше Превосходство, — тихо сказала Куна, — я не смогу прийти. Работаю сегодня в ночь.

Мама была бы довольна, захлопала в ладоши и сказала: «Молодец, дочка!». Так правильно, безопасно и лучше для всех, но генерал, видимо, слишком редко слышал отказы.

— Дарисса, я могу спросить? Ваша работа — единственная причина?

У Куны рука затекла держаться, и ткань халата трещала от напряжения. Не рассказывать же Наилию все то, что обычно слышала от матери про ненужность отношений. От ситуации и так ум за разум заходил. Сон, бред, фантазия воспаленного воображения. Генерал приглашает в музей, а она отказывается.

— Мне нечего надеть в музей кроме формы, — сконфуженно пояснила Куна, — и я никогда там не была и не знаю, что говорить и делать. Мне, правда, неловко, Ваше Превосходство. Уверена, любая была бы счастлива принять приглашение...

Она замолчала, так и не предложив генералу позвать кого-то другого. Лимит откровенности на сегодня исчерпан.

— Я тоже буду в форме, дарисса, — ответил Наилий, — и действительно хочу просто посмотреть на камни, а не вести светские беседы о предстоящем осеннем балу с той, кто знает, что делать и говорить. Если дело только в работе, скажите, когда вы свободны, визит в музей можно перенести.

Поверить в это никак не получалось, но продолжать отказываться уже не было причин.

— Я свободна завтра с утра, Ваше Превосходство.

— Хорошо, я пришлю за вами машину в девять...

— К речному вокзалу, пожалуйста, — поспешно перебила Куна, кусая губы от неловкости. Слишком много условий, препятствий, возражений, но генерал принял и это.

— К речному вокзалу. До встречи.

Разговор оборвался короткими гудками, а сердце колотилось в два раза быстрее. Снова врать матери, выписывать круги по кварталу, чтобы никто не заметил, как она сядет в машину. Пусть это будет такси, а не военный внедорожник, но перезванивать и просить об этом генерала язык не повернется. Как случилось, что она согласилась? Упрямство Наилия поражало. Хотя, наверное, по-другому и не могло быть. Его Превосходство привык получать все, что хочет, иначе не стал бы хозяином сектора.

Осенью день шел на убыль, и темнело рано. Утром служебный автомобиль вез Наилия к Равэнну пока еще темно, а возвращался он домой к ночи. Иногда Его Превосходству казалось, что он видел светило только в окнах генерального штаба и то мельком, если огненный диск соизволил выглянуть из-за туч. Дрянная погода, сырой и промозглый город, равнинный сектор.

Наилий вытянул спину, чтобы сбросить напряжение с мышц от долгого сидения. Полдня провел в кресле кабинета и теперь снова сидел уже во внедорожнике. Считалось, что вне космоса бойцам и офицерам служилось легче, но генерал то время, что проводил на планете, почти ненавидел. Встречи, совещания, разговоры безумной каруселью. Как-то раз посчитал, что за день провел пять совещаний, и единственным результатом стало решение провести еще два. Ритуальные пляски гнарошей возле костра, а не служба. Выть хотелось от того, как бездарно тратил своё время.

— Слушаю, — ответил Наилий в гарнитуру, нажав на кнопку приема вызова. Вместе с трелей звонка давно тихое пощелкивание, от стандартных мелодий тошнило.

— Ваше Превосходство, вы просили сообщить, как будет информация от дипломатов, — либрарий говорил быстро, будто боялся, что командир оборвет и все мысли, что он нес как в охапке, рассыплются и перепутаются, — на Пиеруру дарлибы договорились с гнарошами о временном прекращении огня и открытии гуманитарного коридора. У них несколько караванов грузов и согласованный маршрут. Просят нас выставить охрану числом не меньше...

— Договор заполнен?

— Да, Ваше Превосходство, я отправил Вам на почту.

Война у легарцев, наняли они гнарошей, гуманитарную помощь выкупили у дарлибов, а охранять караваны должны цзы'дарийцы. Политика, чтобы её демоны сожрали!

— Это срочно?

Флавий замялся и запыхтел в гарнитуру. Наилий представил, как молодой лейтенант дергает мочку левого уха и кусает губы. Всегда так делал, когда командир уезжал из штаба до окончания рабочего дня, и внезапно появлялось срочное дело. Либрарию уже хватало ума и опыта самому отказывать тем, кто мог подождать до завтра, но иногда его припекали сомнения.

— Дарлибы просили решить вопрос как можно скорее. Караваны уже на орбите и легарцы в оккупированных поселениях которые сутки без еды.

Наилий посмотрел через затонированное окно на город. Вместо оживленных центральных улиц, сверкающих огнями вывесок, скупо желтели редкие фонари у дорог рабочего квартала. Водитель не спеша крутил руль, заезжая на парковку речного вокзала. Место он найдет быстро и где-то здесь уже должна стоять дарисса в форме работницы водного транспорта, не очень вежливо будет при ней молча читать договор. А подписывать его не глядя — получить потом неприятный сюрприз вроде невыполнимого условия с солидной неустойкой. Хитрость и жадность дарлибов в поговорках встречалась чуть реже, чем их феноменальная нечистоплотность. Галактические торговцы родную мать могли продать, если видели в этом выгоду, а потом милостиво забрать обратно за вознаграждение.

Да и кроме этого были нюансы.

— Флавий, ответь дипломатам пусть ждут. Договор верни разведчикам, мне нужны полные данные, а не стандартное согласование. Гнарощи там воюют и с той и с другой стороны, отдельные кланы ловко перебегают от наших к вашим и обратно. Как бы на нас не напали те, кто коридор пообещал, а потом передумал.

— Есть, Ваше Превосходство.

— Отбой.

Наилий снял гарнитуру с уха и спрятал в карман, чуть не смяв хрупкий девайс в кулаке. Теперь незавершенное дело будет стучаться в мысли и мешать на выставке. В бездну всех дарлибов, гнарощей и легарцев! Хотя бы на один вечер.

От причала речного вокзала отошел катер, а из дверей хлынула толпа, затопив парковку. Большинство спешило на остановку автобуса, кто-то нырял во дворы и лишь немногие счастливицы садились в автомобили. Наилий узнал Куна сразу даже через темную тонировку окон. Высокая, но сутулая, будто через плечи перекинута палка, а на концах два тяжелых ведра с водой. И нужно внимательно смотреть под ноги, чтобы не запнуться о камни на дороге. Так ходили женщины в деревне к колодцу, когда гроза в горах лишала долину электричества, отключался насос на скважине, и воду приходилось доставать из-под земли самим.

Деревенские женщины были крепкими и терпеливыми, как деревья на склонах гор. Уложенные в косу волосы несли как корону на голове, а согнутая от тяжелого труда спина никогда не ломалась. Они жили, будто переживали бурю каждый день от восхода светила до заката. Смотря на них, кадеты забывали свою усталость от тренировок, синяки от ударов посохом и вечно голодный желудок. Настоящая сила внутри.

Куна напоминала генералу этих женщин своим упорством, неуступчивостью и простотой. Равнинные красавицы были совсем другими. Часами говорили о себе, постоянно поправляя прическу, одежду и думая о том, как выглядят. Весь пыл своей молодости тратили на завоевание мужчин и необщительный генерал терялся под их напором как мальчишка, впервые оказавшийся за стенами интерната. Позже он понял, что был главным зрителем их спектаклей и даже в постели, даря близость, они вдохновенно играли роль. Фальшивые слова, лукавые улыбки, неестественно бурные реакции. А внутри вместо силы пустота. Ничего. Никогда.

— Нурий, открой дверь, пожалуйста, — попросил генерал, когда Куна заметила внедорожник и пошла к ним через парковку. Водитель нажал на кнопку, и со стороны свободного места на пассажирском сидении рядом с Наилием плавно открылась дверь. Дарисса не дошла десятков шагов, как наперерез к ней бросилась другая, оживленно жестикулируя и тараторя. Куна пыталась увернуться, смущенно улыбалась и отрицательно мотала головой, но назойливая собеседница вцепилась в рукав форменного пиджака. Обе оборачивались к машине, но генерал знал, что разглядеть его в приоткрытую дверь в неосвещенном салоне невозможно. Время шло, разговор не затихал, Куна все больше отступала обратно к речному вокзалу и, казалось, готовилась к бегству.

— Вот ведь клещами вцепилась, — тихо пробормотал Нурий.

— И я из машины без охраны не выйду. Инструкция, — хмуро кивнул генерал.

Слишком много цзы'дарийцев на парковке, а в их карманах планшеты, фотографирующие невиданное явление генерала в рабочем квартале. К редкому зверю в зоопарке и археологической диковинке в музее меньше внимания. А потом вся Сеть в

фотоснимках и комментариях с самыми невероятными предположениями чего забыл здесь и чем это грозит. Такое о себе прочитать можно — в кошмаре не приснится.

— Ваше Превосходство, может тогда я? — обернулся водитель. — Представлюсь другом, скажу, что мы спешим. Этот вулкан словоохотливости быстро не успокоится.

— Иди, — разрешил генерал и отвернулся к окну, где расстроенную Куну одолевала стаей стервятников не в меру энергичная знакомая, а от машины к ним шел Нурий. Вспомнились слова Марка: «Наилий, станем генералами, все женщины будут нашими». Стоило цеплять на комбинезон золотые погоны, чтобы прятаться в машине, пока другой будет приглашать дариссу на придуманное тобой свидание.

Угораздило же Куну встретить на парковке у речного вокзала именно Грацию! Лучшая подруга матери славилась первой сплетницей в квартале и тратила на обсуждение чужих жизней почти всю свою собственную. Когда мать пыталась снова сойтись с отцом Аврелии три цикла назад, Грация дни напролет торчала на кухне и как музыкальная заставка на телевизионной панели все время твердила одни и те же советы по кругу. Раз уж решила связаться с мужчиной, то делать это надо правильно. Требовать к себе внимания и почитания, граничащего с поклонением несуществующим богиням. Мужчина должен носить на руках, дарить цветы и драгоценности, а если провинится, то прощение вымаливать на коленях. Советы не помогли, мать с отцом Аврелии снова разошлись, и Грация исчезла из их дома. И не появлялась вовсе, когда Аврелии стало хуже и понадобились деньги на лекарства. Находилась тысяча уважительных причин и серьезных оправданий. С тех пор Куна не верила в такую дружбу.

— Я вот что тебе хотела рассказать, — трещала Грация сухим каркающим голосом, оглядываясь на приоткрытую дверь военного внедорожника, — помнишь Цесту, у которой дочь перевелась на пустынный материк в первый сектор? Еще одна выпорхнула из родного гнезда ради большого дохода. Цеста еще ходила вся счастливая, что жизнь вот-вот наладится, и деньги потекут рекой электронных переводов. Так вот что-то там у дочери не сложилось. Туда, куда хотела её не взяли, пришлось тарелки мыть в местной забегаловке. Нет, я поражаюсь чужой глупости. Стоило ехать на другой материк, чтобы стоять возле раковины? Цеста даже сама ей пару раз перевод делала, не хватало на какие-то курсы образовательные. Пффф, а ей говорили, что дурь из дочерей смолоду выбивать надо — вот вам пожалуйста. Тянулась на неё тянулась, думая, что хоть в старости отдохнет, но не тут-то было.

Куна кивала невпопад и старалась не смотреть на черный автомобиль без надписей и с простыми номерами. Еще несколько рассказов о знакомых по кварталу и генерал развернется и уедет, справедливо обидевшись на пренебрежение. Грация выдавала сплетни конвейером, не останавливаясь даже, чтобы сделать передышку. Ядовито-желтое платье с крупными зелеными бусами маячило перед Куной, куда бы она не повернулась.

— Да, хорошо, я помню, спасибо, все это грустно очень, но я спешу, — слабо пискнула Куна и попятилась к вокзалу. Только бы Грация ушла и не заметила, как она садится в машину. Простым скандалом тогда мать не обойдется. Схватит швабру или веник и будет гонять Куну по двору как в детстве. Чтобы от пережитого позора дочь еще долго не смотрела в сторону мужчин.

— Куда это ты спешишь? — Грация прищурила густо подведенные черным глаза, —

смены у тебя сегодня нет, мать говорила, а ты в форме. Куда собралась-то?

Куна громко икнула и снова попятилась, но длинные как у хищника ногти Грации вцепились в рукав её форменного пиджака. Чем сильнее Куна боялась, тем ярче сверкали глаза её мучительницы. Она раздувала ноздри, почуяв жирную добычу, и скребла ногтями по ткани пиджака.

— В кафе спешу, — промямлила Куна, — а то закроется скоро.

— Смотри-ка какая, мать последнее здоровье на работе гробит, а она по кафе шляется, деньги проматывает. Или за тебя там кто-то платить будет? Уж не тот ли, кто в машине сидит, дожидается?

Холод противной тяжестью разливался в животе у Куны. Теперь генералу можно было уезжать с парковки, повод для скандала уже обеспечен. Куна нервно дернулась, освобождая руку от цепких когтей, а потом у внедорожника открылась вторая дверь. Грация забыла о чем спрашивала, жадно впившись взглядом в военного, ленивой походкой приближающегося к ним. Мужчина был на редкость привлекательным, широко улыбался и на ходу поправлял широкий белый пояс на комбинезоне. Он шел так уверенно, что Куна успела поверить, будто сейчас проскользнет мимо, едва задев рукавом, и обнимет какую-нибудь дариссу, что тоже ждала у речного вокзала. Пусть будет так, хорошо. Забыл генерал про выставку, не смог или передумал — не важно. Зато не будет скандала и можно правда пойти в кафе и заесть обиду мороженым. Мелочи в кармане хватит на порцию пломбира без сиропа и конфетной посыпки. Куна выдохнула с облегчением, но военный остановился в шаге от них.

— Я жду-жду, а ты не идешь, — улыбнулся мужчина, весело подмигнул Куне и протянул руку Грации, напрашиваясь на поцелуй вежливости, — прошу прощения, дарисса, что мешаю беседе.

— Грация, — громко представилась подруга матери, вкладывая в широкую ладонь свои узловатые пальцы.

— Нурий, — ответил мужчина, едва касаясь их поцелуем, — позвольте, Грация, забрать мою спутницу, а то мы опоздаем.

Грация жеманно повела плечами и снова затараторила, не отпуская руку Нурия и заглядывая ему в глаза.

— Ох уж эта молодость, всегда и всюду спешите. Никакой степенности и уважения к старшим. Да-да-да, знаю, времена изменились, темп жизни уже не тот, но все же прежние ценности не стоит забывать, юноша. Разве не прекрасный был обычай прежде, чем приглашать юную деву на свидание, приходиться в её дом и спрашивать на то разрешения у родителей?

— Великолепный, вы правы.

— Вот вы, Нурий, представлены матери той, что собираетесь выводить в свет как свою спутницу?

— Не имел чести, дарисса, но в ближайшее время исправлю оплошность.

— Уж постарайтесь, — приторно улыбнулась Грация, — а то мы нашу красавицу абы кому не отдадим. У вас ведь серьезные намерения?

Куна чуть не задохнулась от удивления и возмущения, но Нурий был готов пообещать что угодно.

— Самые серьезные, дарисса, а теперь позвольте, мы уйдем.

Мужчина потянул руку к себе, а Грация не отпускала, да еще и шагнула ближе.

— Учтите, Нурий, за нашу Куну есть, кому постоять и в случае чего мы её в обиду не

дадим.

«Да неужели!» — хотелось крикнуть Куне, но она смолчала, зажав рот рукой и ныряя за спину Нурия. Военный все же вырвал руку и отступал назад, обещая, что будет сдувать пылинки, любоваться издали и проявит максимум уважения к почтенной матери столь прекрасной девушки. До машины они почти бежали, торопливо ныряя в открытые двери.

Глава 11 — Выставка минералов

До музея ехали молча. Несколько вежливых фраз, пара неловких улыбок и тишина. Будто не в музей, а на заседание военного трибунала. Куна держала руки на коленях, спину ровно и смотрела в подголовник переднего сидения для пассажира так внимательно, словно в рисунке ткани таились магические формулы для обретения бессмертия. Неприятная, конечно, разыгралась сцена, но зачем так сильно переживать? Наилий украдкой поглядывал на спутницу, думая, что еще полчаса молчания и можно начинать чувствовать себя виноватым. Проблемы будут дома у дариссы, но объясняться с родственницами он в любом случае не пойдет. Мгновенно назначат виноватым, а узнав в нем генерала, пожелают в качестве откупа несколько больше обычного «извините». Звание для сына знакомой, перевода в космическое подразделение или офицерского пайка для рядового. Чем больше имеешь, тем большего от тебя ждут. Даром и в неограниченном количестве. Будто он яблоня, которую можно трясти, пока все яблоки не упадут.

— Нурий, я здесь два часа буду, — сухо сказал генерал водителю, — выйдем так же с главного входа.

— Есть, — коротко кивнул рядовой.

Подать руку спутнице Наилий не успел, Куна выскочила из салона внедорожника быстрее него. Свидание стремительно превращалось в неприятную повинность и не понятно, что с этим делать.

— Дарисса, что-то случилось? Может быть, отвезти вас домой?

— Нет, не нужно, — отчаянно замотала головой Куна, — простите, Ваше Превосходство, день тяжелый и волнительно так. Никогда не была в музеях.

Наилий только сейчас заметил, что глаза у неё прозрачного серого оттенка. Золотые блики от уличных фонарей придавали им изысканности, хотя в форме дарисса выглядела совсем просто. Как вкрапления слюды в граните. С виду обычный булыжник, а посмотришь под другим углом — сверкает.

— Это не светский раут, — генерал улыбнулся одними уголками губ, — здесь публика проще. Кадеты группами с экскурсоводом как на занятии, горожане, чуждые шумному отдыху. Я тоже надеюсь, что смотреть будут больше на экспонаты, чем на нас. Прошу.

Открываясь, дверь задела колокольчики, наполняя огромное фойе музея мелодичным звоном. Натертый до блеска мрамор на полу застелили пушистым ковром, но колонны и стены переливались, как им хотелось. Старомодная люстра вместо точечных светильников, вазы с пышными фикусами и декоративными пальмами, таблички на стендах, написанные от руки. В музее даже время консервировали и укладывали на вечное хранение, чтобы не потерять дух и атмосферу давно прошедших эпох.

Время пахло пылью и средством от вредителей, но пришедших сегодня гостей это не волновало. Обещанные кадеты гоготали громче стаи птиц, толкаясь и задирая друг-друга, пока инструктор оформлял на них входные билеты на терминале. Журналисты успели все сфотографировать и взять интервью в первые дни после открытия, так что можно было не волноваться за камеры и назойливое внимание. Зато для работников музея явление генерала не осталось незамеченным.

Наилий оторвал талоны от ленты и отдал один Куне, когда через все фойе к нему с

лучезарной улыбкой протолкался цзы'дариец в длинном пиджаке оттенка морской волны, черных брюках и с одной из тех безумных причесок, что позволяют себе люди искусства. Длинные волосы с зачернёнными концами прядей мужчина зачесал на бок и выбрил половину головы. Наилей с удовольствием бы побрил вторую, будь музей военным, а так приходилось разглядывать это чудо самовыражение молча.

— Ваше Превосходство, — тонким голосом поприветствовал мужчину, — начальник музея Лемий Кунг. Бесконечно рад, что вы нашли время и почтили нас своим присутствием. Выставка минералов ошеломляющая, даже мы не ожидали такого успеха. Вы позволите организовать вам экскурсию или желаете посмотреть экспозицию вдвоем?

Вопрос простой, а ставил в тупик. С одной стороны не нужны на свидании посторонние и можно пользуясь шумом шептать что-то на ушко дариссе о минералах, а с другой после целого дня совещаний язык еле ворочался, и экскурсовод явно расскажет лучше. Вместе с выставкой должен был приехать кто-то из ученых горной академии, не равнинный же начальник музея будет описывать горные породы, которые видел только в коллекциях и на фотографиях.

— Группа стройся! — гаркнул инструктор, выбивая из стен музея звонкое эхо. Кадеты заметались черными галчатами по ковровой дорожке, выстраиваясь коробкой. Гомон стих и отчетливо закрипели подошвы ботинок инструктора. Новые, не разносил еще. Он прошелся мимо строя, рассказывая, что экскурсию проведет профессор горной академии с внушительным списком заслуг. Пока инструктор их зачитывал, из внутренних помещений вышел маленький и полноватый ученый в сером форменном пиджаке с черными отворотами.

— Мы послушаем экскурсию вместе с кадетами, если позволите, — сказал генерал и оглянулся на Куну. Не возражает? Дарисса кивнула со смущенной улыбкой, и начальнику музея осталось только вежливо пожелать хорошего вечера.

Держали строй кадеты не долго. Редкие мгновения вне стен училища и пылкое любопытство юности заставило забыть про Инструкцию и приказ. Мальчишки неровным облаком перетекали от одного стенда к другому, приоткрыв рты, слушая, что опал на треть состоит из воды, александрит меняет цвет с зеленого днем до багрового вечером, а если поднести его к пламени свечи — станет кроваво красным.

Речь ученого увлекала и Куна сначала расслабилась, а потом осмелела настолько, что шагнула в толпу кадетов, заслонивших стенд. Высокие парни выросли перед ней стеной, и даже пристав на цыпочки разглядеть что-то было невозможно.

— Киноварь или сульфид ртути — самый токсичный минерал на планете, — рассказывал ученый, — он встречается вблизи вулканов и месторождений серы. Если его нагреть, то выделяются пары чистой ртути.

Чем сильнее он пугал кадетов быстрой и гарантированной смертью, тем интереснее им становилось. Они вслух восхищались алым минералом, а генерал вспомнил легенду о падшей империи, где императору на день рождения дарили поделки из киновари. Резные блюда дивной красоты создавались ценой жизни ремесленника и в те времена верили, что с последним его вздохом, душа уходила в камень. Так император правил и живыми и мертвыми.

Куна чуть не упала, стоя на носочках и генерал, обняв её за талию, повел вперед, локтями оттесняя кадетов. Лектор, заметив движение, остановился на полуслове и, протянув руку через строй, вытянул девушку. Черное море военной формы сомкнулось за её спиной,

оставив Наилия позади. Пусть смотрит. Бездна с ним со свиданием, такой восторг не сыграть. Расцвела и похорошела, расправив плечи и улыбаясь потому что хочется, а не из вежливости. Как надо замучиться на работе и в домашних заботах, чтобы так реагировать на камни под стеклом? Наилий знал. Крошечные осколки гор не могли вернуть ощущения дома и в груди ныло.

Проклятая равнина, продуваемая всеми ветрами. День беги на юг, день на восток — ничего не изменится. Все та же трава под ногами и низкие серые облака над головой. Ни одного ориентира. Генеральские погоны не дают ответов, только создают новые проблемы. Больше нет вершины, на которую нужно карабкаться и земля вот-вот превратится в трясину, затягивая окончательно. Каждый день как последний, а ты все еще жив. Кажется, блеснет что-то вдалеке и снова исчезает. Проклятая равнина, где ветер дует, куда ему вздумается, а генерал не может делать то, что хочется. Политика, законы, инструкции, репутация, долг, честь, совесть. Кадеты свободнее хозяина сектора. Вырвались из училища и счастливы. Как мало для этого нужно. Самое удивительное чудо всегда не стоит ничего.

Экскурсия дошла до последнего зала и ученый, поблагодарив за внимание, собрался уходить. Кадеты долго не отпускали, заваливая вопросами и Куна вдруг растерялась. Наилий выловил её из толпы, взяв под руку.

— Понравилось?

— Это правда великолепно, — просияла она, — спасибо, Ваше Превосходство!

— Не за что. Жаль, что быстро, правда? Я бы еще здесь побродил.

— Почему нет? Нас ведь никто не гонит.

От такого блеска в глазах не удержаться. Наилий остановился посреди зала и, наплевав на взбудораженных кадетов, притомившегося инструктора, поднес руку Куны к губам и поцеловал. Чуть дольше, чем требовали приличия, вложив в невинное прикосновение столько нежности, что услышал тихое:

— Не стоит, все смотрят.

Смущение Куны стало иным. От него бросало в жар и в голову приходили неуместные мысли. А что если попробовать? Не так уж и стар, всего тридцать девять циклов. Живет же Марк с Севериной и генеральские погоны не мешают. Но главное не торопиться. Дарисс из рабочего квартала не ведут в спальню на первом свидании, а он давно разучился ухаживать. Отдал инициативу женщинам, откупаясь потом дорогими подарками, когда очередная любовница надоедала. Шесть циклов только так и никак иначе, а для Куны хотелось сделать чудо. Чтобы искорки в глазах не гасли.

— Вы любите балет, дарисса?

— Наверное, — улыбнулась она, — а что это?

— Я покажу, — тихо рассмеялся генерал, — лучшая труппа на равнине в четвертом секторе. Сезон начинается через две недели. Если взять патрульный катер, то можно улететь туда и вернуться за один день. Поверьте, оно того стоит. И танец и музыка, которую играет живой оркестр. Вы полетите со мной?

Время в музее остановилось окончательно, застыли кадеты, затих экскурсовод. Генерал нервничал так, будто ему снова семнадцать и впервые решил подойти к женщине. И если сейчас она откажется, то уже не оправдаешь себя, что молод, неопытен и никто в её глазах. Выбирает всегда женщина и если убрать генеральские погоны, на которые Куна плевать, то что от него останется?

— Полечу, — выдохнула она и накрыла его ладонь второй рукой.

Чудо правда ничего не стоит, но ценится превыше всего.

Глава 12 — Чего не сделаешь ради...

Куна щурилась на яркую лампу фонаря и смотрела как его золотой свет заливает серый рабочий квартал. Раскрашивает усталость и безразличие оттенками радости и счастья. Бараки уже не казались старыми и сутулыми, а по переулкам идти домой было совсем не страшно. В животе тепло, в груди легко, а в голове пусто. Только бархатный голос генерала: «Поверьте, оно того стоит. Вы полетите со мной?». Стоило так дорого, что казалось роскошью, на которую неловко смотреть. Пока вместо слов не заговорили прикосновения. Сколько могут сказать руки, едва касающиеся друг друга? Какую мелодию сыграют пальцы, переплетаясь украдкой на заднем сидении автомобиля? Мысли рвались вверх и складывались в стихи. Пылающие как киноварь, новые как весенняя зелень малахита и переменчивые как александрит в пламени свечи. Мир всегда казался слишком большим, чтобы высовываться в него из рабочего квартала, а стал совсем маленьким. Только на двоих. С какой легкостью Куна забыла, что носит форму диспетчера речного вокзала, заботится о больной сестре и генерала видела только в телевизионной панели. Тот мужчина, что ехал с ней в машине из музея не носил золотых погон, не пропадал в телефонных разговорах и не отвечал за весь сектор. Он просто держал её за руку и рассказывал про горы. Как облака переливаются через хребты белым молоком. Что в прозрачной воде озер лодки висят как в воздухе, деревья растут на камнях, а цветы распускаются из-под снега. Сказка поселилась внутри и никуда не хотела уходить. Нурий давно увез генерала домой, а Куна все стояла под фонарем и смотрела сквозь ресницы на золотой свет.

Но вернуться пришлось. Барак горел всеми окнами, а значит, у скандала будет много зрителей. Можно было переночевать в парке на скамейке, но Грация не ушла бы из дома до тех пор пока не услышала, как мать воспитывает нерадивую дочь. Немыслимый позор встречаться с женщиной, не познакомив с семьей. Куда катится мир? В прежние времена такого не было. Эти безответственные эгоисты имели хотя бы элементарное уважение к матерям своих женщин. А нынешняя молодежь, воспитанная планшетами и Сетью, катится по наклонной плоскости все ниже и ниже. Вот так и приходят упадок с разрухой.

Куна мысленно проговаривала набившие оскомину монологи и медленно открывала дверь, снимала обувь в коридоре...

— Явилась?

Началось.

— Да.

— И где вы были?

Мать спрашивала, не вставая из-за стола на кухне, чтобы слышала и Грация, сидящая напротив и Аврелия, выключившая музыку в комнате.

— В музее на выставке минералов. Ученый читал лекцию о камнях и я слушала...

— Врет, — безразлично пожала плечами Грация, даже не дослушав. Куна замолчала, прикусив губу. Какой смысл что-то доказывать, когда проще выслушать крик, со всем согласиться и пойти спать.

— В глаза смотри, бесстыжая! — повысила голос мать. — Не ври мне! Где вы были? По каким дешевым гостиницам мотались? Я спрашивала про этого Нурия, никто не знает! Нет такого! С кем ты распутничала?

Нурия нет, генерала нет, Куны нет. Кричи, кричи. Можно громче.

— Отвечай! — взвилась мать, вскакивая со стула. — Я тебя кормлю, одеваю...

И так по кругу о загубленной жизни и черной неблагодарности. Куна молчала и представляла себя опалом. Видела как с каждым ударом нарастают новые слои, пряча её все глубже и глубже. Слова почти не ранили, не цепляли, не заставляли отвечать грубо или зло. Они пролетали мимо ушей, и становилось легче. Главное, не пропустить момент...

— Пошла вон! — истерично завизжала мать и Куна открыла дверь в их с Аврелией комнату. Сестра лежала на кровати и как по команде вставила в уши капли наушников. Музыка. Такая же громкая и жалобная как рыдания матери за спиной и увещевания Грации. Что зря рвет себе нервы, давно надо было взять ремень и отлупить как следует. Не надо жалеть детей и тогда они вырастут, уважая родителей и зная свое место. Не было Куны здесь места. Стены, мебель, посуда — набор вещей, которые уже не хотелось называть домом.

Мать не разговаривала с Куной третий день, не смотрела в её сторону и выходила из комнаты, стоило дочери там появиться. Бездна немого укора и страдания. Чтобы поняла, как неправильно себя ведет, и извинилась, а она подумает, прощать или нет. Ничего нового. Цикл за циклом одно и то же. Раньше Куна сразу бросалась извиняться, умоляла простить и обещала исправиться, но обида росла и крепла. И вот уже мирились через день, через два, через три. А сейчас вовсе не хотелось извиняться. За что? За то, что смотрела выставку в музее, не спросив разрешения и не показав всему кварталу генерала? Страшное преступление.

Аврелия пару раз спросила про Нурия, ничего не услышала в ответ и тоже обиделась. Ну и пусть. Переживать и расстраиваться сил не было, вспоминать в таком настроении о чем-то светлом и приятном казалось кощунством, и Куна просто читала книги с планшета, чтобы забить голову от смены до смены.

Глуповатые сентиментальные романы о красивых женщинах и отважных мужчинах. Он спасал её из беды, добивался внимания, дарил драгоценности, а она все думала, отвечать взаимностью или не стоит. А вдруг это не её истинная любовь на всю жизнь и она впустую растратит свои чувства, не получив ничего взамен? И только к десятому балу и пятнадцатому колье соглашалась. Мужчина, конечно, был счастлив, носил на руках и повторял, что она появилась в его серой и скучной жизни, чтобы взять за руку и повести к свету.

Фыркнуть, посмеяться и закрыть. Тот, кому от любви нужны только балы и драгоценности никогда её не дождется. Любовь не укладывается в шаблоны ожиданий, дети не вырастают послушными, а родители не готовы поддержать, что бы не случилось. У Вселенной мало подарков, а те, что были, она давно раздала другим. Кому-то досталась крепкая семья, кому-то настоящая любовь, а кому-то отменное здоровье. Невозможно иметь все, но можно остаться ни с чем. Куна знала это как никто и не лезла к матери с разговорами.

К концу второй недели позвонил Нурий.

— Слушаю, — робко ответила Куна в гарнитуру. Какое счастье, что успела купить.

— Дарисса, это Нурий, водитель Его Превосходства. Звоню предупредить, что заеду за вами завтра в полдень. Лететь четыре часа, мы как раз успеем к представлению. Забрать так же у речного вокзала?

Лицо Аврелии расплывалось перед глазами, а кашель испортил первые слова ответа. Пришлось начинать сначала.

— Да, конечно, у вокзала. Я буду.

— Отбой, — радостно ответил Нурий и разорвал соединение.

— Это он?

Аврелия чуть не подпрыгивала на месте, заглядывая старшей сестре в глаза. Врать бесполезно, гарнитура дешевая, без качественного подавления звука и неясное бормотание низкого мужского голоса младшая слышала. Главное, что слов разобрать невозможно, Куна проверяла.

— Да.

— Ай, — взвизгнула младшая, — любовь, любовь, любовь. Разве ты не рада? Куда пойдете?

— На балет.

— Ооо, — выдохнула Аврелия, округляя рот, — это так модно сейчас. Говорят, давно забытое искусство возрождается и новые постановки ничуть не хуже прежних. Туда ходят только офицеры со спутницами и гражданские специалисты высокого статуса. Твой Нурий очень тебя любит, раз смог достать билет.

— Наверное...

— А в чем ты пойдешь? Нет-нет, только не в форме, ты что! погоди, стой, я что-нибудь придумаю.

Аврелия схватилась за свой планшет и принялась обзванивать подруг. У одной платье. «То самое синее с элегантным белым лифом и крошечным атласным бантиком под грудью. Да-да, повод особенный». У второй туфли. «Черные, лаковые на каблучке. Что ты, разве можно испортить, верну в целости». Сумка, заколка, прическа и лишь бы не дома, чтобы мать не узнала. Куна сидела красная от смущения и молчала. Еще одно страшное преступление, за которое не вымолить прощения.

Аврелию на таблетках давно не мучили боли, она поправилась, похорошела и щебетала как птичка весной. Не вспоминала по десять раз за день Наилия или может быть слегка влюбленная Куна перестала раздражаться на его имя. Теперь голос генерала хотелось слушать, и она все чаще приходила на кухню с планшетом якобы пить горячий настой. Сидела спиной к телевизионной панели, откуда вещал Наилий, и представляла, что он стоит рядом.

Утренние сборы выдались нервными. То мать не спешила уходить на работу, забывала вещи и возвращалась. То подруги Аврелии не отвечали на звонки. Куна не отпустила сестру бегать по кварталу, пусть бережет ноги. Сама стучалась в двери и тайком проникла на работу к кондитеру, швее и модистке за вожделенными свертками. Платье оказалось чудесным. Фасон — футляр, чудом плотно севший на фигуру. Темно-синий низ и белоснежный верх, разделенные атласной лентой с бантом.

Визажисту срочно позвонила важная клиентка, и она сорвалась к ней, наскоро извинившись перед Аврелией. Та разорвала связь и вслух высказала все, что она думает о дариссах, не отвечающих за свои слова. Сыпала крайне обидными и нелестными замечаниями, а потом выдохнула и махнула рукой.

— Ерунда, я сама тебя накручу и накрушу. Мать на работе, до вечера не вернется. Успеем. Полетишь к ухажеру красивая как несуществующая богиня.

С прической провозились почти до полудня. Волос на голове у Куны оказалось неожиданно много. Даром, что тонкие, стоило разделить на пряди и завить, как пружинки покрыли голову воздушным облаком. Аврелия хотела рассыпать на них серебристые блески, но Куна отказалась. Перебор. Осталось покрасить глаза и губы.

— Брови у тебя густые, давай триммером пройдемся, — теребила младшая, — хорошо будет, правда!

— Нет, это долго, крась!

Аврелия запыхтела, пробурчала про дурочку, которая учит мастера, но подчинилась. Сегодня даже её колкости и язвительность не мешали. Старшая улыбалась и хихикала, будто не было ссор и обид. И вспоминать, к кому на самом деле она так тщательно собирается на свидание не хотелось. Вселенная умела шутить.

— Все, обувай туфли и вставай к зеркалу. Нет, не смотри! Подожди, волосы поправлю. Ну, открывай!

Куна ахнула, не узнав своё отражение. Гладила ладонями подол платья и дергала пальцами пружинки кудрей. И правда красавица, как она раньше не замечала? Удовольствие распускалось в животе приятным теплом и поднималось вверх до алеющего румянца на щеках. Куна даже покрутилась, любуясь, как танцуют пружинки и блещут туфли. До чего же здорово нравиться самой себе.

— Спасибо, Аврелия, — выдохнула она и на порыве бросилась обнимать сестру.

— Ой, платье помнешь, помаду сотрешь, — заголосила младшая, но обняла в ответ. — Не за что. Пусть твой Нурий сдохнет от восхищения, и я снова буду самой перспективной дариссой в этой семье.

Куна давилась смехом, пока он не прорвался звонкими переливами. Аврелия светилась от радости ярче уличного фонаря. Со всей искренностью ребенка, чьи капризы и дурной нрав израстались и пропадали. И вроде бы не случилось ничего особенного кроме одного чуда. Подарка от генерала. Жизнь Аврелии вырвалась из плена четырех стен и перестала вращаться вокруг одного Наилия. Рядом зажглись другие звезды. Посиделки с подругами, прогулки по городу. Куна боялась спугнуть перемены и робко надеялась, что её тайну сестра никогда не узнает.

Но секреты как посадка на мель — ни за что не утаишь. В коридоре щелкнул замок и дверь, испуганно взвизгнув несмазанными петлями, с размаха ударила в стену. Сестры успели только переглянуться, как на пороге стаей демонов из бездны возникла мать.

— Куда собралась?

В кафе? В парк погулять? Ложь не сочинялась, платье выдавало заговорщиц с головой. Куда еще можно было так нарядиться?

— Ой, да мы просто фотографируемся, — нашла Аврелия, — решили поменять заставки на аккаунте в Сети, а красивых фото нет.

— Не ври мне! — крикнула мать и младшая стусевалась. — Ладно эта давно скатилась по наклонной, потеряла стыд и не уважает никого, но от тебя не ожидала, дочка!

— Мы просто...

— Молчи!

Аврелия отступила, но не ушла, выглядывая исподлобья затравленным зверьком.

— Теперь ты, — мать перевела взгляд на старшую, — вырядилась как потаскуха! Весь квартал видел, как ты носилась с вытаращенными глазами и смеялся. Пересидела в девках, теперь сама на мужиков бросается. Вон как носится, тряпками побирается. Правильно, пусть приоденется, шанс-то первый и последний, надо стараться. Слышишь, что про нас соседи говорят? Не стыдно?!

Чьи-то злые языки попали в цель, и Куна затрясло от обиды и отвращения. Какое дело посторонним цзы'дарийцам куда и с кем она ходит? У кого одалживает одежду и как часто выходит на улицу? Надо всю жизнь просидеть дома, блюда себя в скромности и невинности, чтобы абсолютно ничего не значащие мужчины и женщины сказали, что ты образец порядочности? Да? Уничтожать себя ради того, чтобы доставить кому-то удовольствие? А потом когда ей минет пятидесятилетний цикл, те же соседи будут тыкать пальцем и ворчать, что без мужчин и детей остаются только те, кто никому не нужен. Значит серая, скучная и криворукая хозяйка. Зато невинная. Перед кем тогда гордиться своей невинностью? Перед собой сказала бы мать и Грация. Что ж, может они и правы. Когда в жизни больше ничего нет, то гордиться остается только невинностью.

— Не стыдно, мама, — холодно ответила Куна, — уйди с дороги, я опаздываю.

Даже пощечина не повергла бы мать в такой шок. Она буквально задохнулась, хотя стояла с открытым ртом. Куна уже поняла, что зря высказалась по тому, как плечо матери пошло в замах. Женской истерике не нужно оружие. Она бросается в атаку как разъяренная кошка, вцепляясь когтями и зубами. От оплеухи старшая не успела увернуться, удар пришелся по уху и вместе с болью отозвался звоном на высокой ноте. Мать сжала в кулаке короткий рукав платья и рванула на себя.

— А ну пошла, дрянь! Опаздывает она. Хватит, добегалась! Правильно говорила Грация, пороть надо! Дрянь, потаскуха!

Куна пыталась отбиваться, но сил у матери оказалось больше. Она тычками и пинками затолкала её в кладовку, бросив спиной на швабры. Куна не успела встать, как дверь закрылась. Замка на кладовке не было, но судя по грохоту в коридоре, мать сдвинула с места тяжелый шкаф. Теперь он подпирал дверь и держал старшую в заточении.

— Пусть посидит, подумает, — тяжело дыша, проворчала мать, — Аврелия, дочка, следи за ней. Я с работы отпросилась на чуть-чуть, надо возвращаться.

— Хорошо, мама, — покладисто ответила младшая.

— Не выпускай, даже если помирать начнет. Не дождется её мужик свидания. Обойдется приبلудник. Вечером вернусь и выпущу.

— Конечно, — снова поддакнула младшая и мать ушла.

Куне казалось, что она и впрямь здесь умрет. Она даже задержала дыхание, чтобы отмучиться поскорее. Невозможно так жить. Не-вы-но-си-мо. Лучше в бездну, там темно, тихо, никто никогда не кричит и ничего не требует.

— Куна, — поскреблась в дверь Аврелия, — дура, не смей реветь, макияж испортишь, переделывать придется!

— Тебе-то какое дело? — огрызнулась старшая.

— Как же, я его делала, а ты, дрянь неблагодарная, только о себе думаешь, — младшая мастерски передразнивала интонации матери, а потом с натугой выдохнула. — Кхантор бэй,

тяжелый!

Куна рванулась встать и в темноте, споткнувшись, врезалась во все, что можно.

— Ты что там делаешь? Ты почему ругаешься? Так даже мужчинам неприлично...

— Ой, помолчи, хочу и ругаюсь. Тьер, да сдвинься уже!

Шкаф из массива дерева, забитый вещами, утрамбованными ногой, а маленькая, слабая и больная Аврелия пыталась его сдвинуть.

— Сестренька, не надо, слышишь? — запричитала Куна. — Надорвешься, мышцы пожалей!

— Не надорвусь. Слабость как никогда не в тему, но ничего. Ой, пошел. Пошел!

Шкаф отъехал с громким скрежетом, и Куна толкнула дверь. В полосе света из кухонного окна стояла запыхавшаяся Аврелия и устало отирала пот со лба.

— Не смотри на меня, беги! А то и правда твой Нурий не дождется и уедет. Почти полдень.

— Аврелия...

— Потом расскажешь, как сильно мне благодарна и кстати! Я жду ответной любезности, когда эта фурия меня запрет. Договорились?

— Да, — кивнула Куна.

— Беги, — улыбнулась Аврелия.

Нурий ждал в машине на парковке у речного вокзала, Куна бежала к нему дворами, чтобы случайно не попасть на глаза матери. Снова все соседи увидели. Хоть и в плаще, но с прической и макияжем. Сплетни вирусом зарождались в умах и передавались воздушно-капельным путем. Шуршал ядовитый шепот, не отличимый от змеиного, и волчий оскал кривил губы. Цзы'дарийцы летали в космос, обрели вечную молодость, купались в техническом прогрессе, но стоило замкнуться в маленьком рабочем квартале, как превращались в зверей и радостно травили стаей.

Дверь на заднее сидение открылась сама и Куна почти влетела в машину, запыхавшаяся и растрепанная.

— Дарисса? — развернулся к ней Нурий. — Что-то случилось? Я могу помочь?

— Давайте уедем отсюда, пожалуйста. Быстро-быстро.

— Понял, — кивнул военный и завел двигатель.

Пока поправляла платье, приглаживала волосы и переживала за помятый в кулаке матери рукав платья, Нурий выехал за город. Куна испугалась и хотела спросить, куда везет, если аэровокзал совсем в другой стороне, но потом вспомнила, что генерал не летал на гражданских воздушных катерах. Для него не существовало расписания рейсов, мест у окна, выдачи багажа и множества других проблем. Он мог одним звонком обеспечить себе транспорт в любую точку планеты, но у Куны по-прежнему язык не поворачивался назвать его свободным. Цепи у каждого свои.

На военном аэродроме Нурий оставил машину на пустой парковке и повел Куну прямо к патрульному катеру. Она видела его иногда в небе над Равэнной, черным коршуном кружащим над головой. Вблизи он был похож на пернатого хищника еще больше. Чуть задранный в небо клюв, острые крылья и бледные стекла-глаза в кабине пилота. Из открытой двери на посадочную площадку спускалась хлипкая лестница, а рядом стоял генерал в парадном кителе. Ворот мешал повернуть голову, полководец смотрел прямо перед собой и мимо Куны. Живая статуя самого себя. Холодный, безразличный, недостижимый.

Куне на миг показалось, что все было зря: пощечина матери, развязанная война, Аврелия, сдвинувшая шкаф. Он никогда не назовет своей и не приведет в дом. Обратил внимание только из любопытства, как оно бывает там — по другую сторону Инструкции и военных порядков. А потом Наилий обернулся.

Полуденное светило пробежало лучами по плечам, тронуло улыбку и осталось в глазах. Синие и глубокие, они больше не казались ледяными. Куна несмело шагнула, протягивая руку, и сказала:

— Ваше Превосходство.

— Дарисса.

И снова ладони, холодные от осенней погоды, поцелуй вежливости и сдержанный кивок в катер мимо стоящих рядом пилота и водителя

— Все готово, летим?

— Да.

Казалось, что сплетни теперь пойдут и по казармам, столовым, госпиталям, штабам. Очередная. Ни имени, ни лица не запомнить. Пусть так, ей достаточно, чтобы помнил он.

До четвертого сектора летела, крепко пристегнутая к сидению в катере, и даже в окно стеснялась посмотреть. Никогда не уходила дальше Равэнны, рабочего квартала и диспетчерской. А здесь словно лист оторвалась от ветки, и ураган тянул за собой в другой мир. Туда, где моргали красные индикаторы, крича об опасности, и успокаивали зеленые, что все системы работают в штатном режиме. Вторых было больше, чем первых. Хорошо, значит, все обойдется. Куна зажмурившись, слушала, как шумел разогретый воздух где-то под днищем катера и тихо разговаривал по гарнитуре генерал. Снова дарлибы, гнароши и легарцы. Бесконечные переговоры и политические тонкости, настолько монотонные, что умиротворение накатывало сонливостью, а полет вдруг взял и закончился.

— В Амальфи сейчас жарче, чем в Равэнне, — сказал Наилий, и Куна не сразу поняла, что к ней обратился, — юг светило прогревает щедрее севера. Можете оставить плащ здесь.

Куна кивнула и, освободившись от ремней, поднялась на ноги. Плащ сняла быстро, но растерялась, куда положить. Откидное сидение вернулось наверх.

— Ваше Превосходство...

— Наилий, — поправил он, не сводя взгляда с трудов Аврелии так, будто никогда прежде не видел нарядных женщин, — зовите меня по имени, пожалуйста.

— И вы меня тоже.

От смущения пылали щеки, взгляд будто прилип к злосчастному сидению, а генерал аккуратно забрал плащ.

— Хорошо, Куна.

Опомнилась она только на крыльце театра. Большого и старого как сам Амальфи. Колонны держали украшенный лепниной портик, а кремовый облицовочный мрамор подсвечивался прожекторами. Прозрачные южные сумерки пахли поздними цветами, дамы в легких платьях, укутанные палантинами, не спеша поднимались по ступеням под руку с кавалерами. Наилий тоже положил её ладонь на сгиб локтя и шепнул над ухом.

— Я здесь в гостях, генерал четвертой армии любезно уступил ложу, но я не хочу привлекать к себе лишнее внимание. Поспешим и останемся незамеченными.

Куна вспыхнула, вспомнив, как в трансляции каждого спектакля медийщики показывали ту самую ложу. Зал вставал поприветствовать генерала, а он подходил к борту под луч прожектора вместе со спутницей. Будь они сейчас в Равэнне, Аврелия бы увидела, как старшая сестра отблагодарила её за помощь.

— Ты дрожишь. Холодно? — насторожился Наилий. — Может быть, зря оставили плащ в катере?

— Нет, погода чудесная.

Куна уловила перемену с «вы» на «ты» и отважилась ответить так же.

— Пойдем, раз надо спешить.

К туфлям на каблуках никак не привыкнуть, и кажется, походка изменилась, но все ступени узких каскадов лестниц до бельэтажа Куна преодолела мужественно, редко улыбаясь в ответ на замечания генерала, что давно бы появился лифт, не запрети реставраторы портить исторический облик здания и что, наверное, это правильно. Балет тяжело представлять даже на экране телевизионной панели, не говоря о современных концертных комплексах, атмосфера не та. А здесь даже занавес ложи старше Его Превосходства как минимум втрое.

Наилий отодвинул тяжелые волны вишневого бархата и пропустил Куну первой в полумрак генеральской ложи. Такой огромной, что здесь легко бы поместились тридцать

зрителей, а стояли всего два дивана. Полукруглый борт, обитый тем же бархатом, почти упирался в колени, а с верхнего края высокой арки свисали золотые кисти бахромы.

Вместо пыли и старости тонко пахло чем-то химическим, а из оркестровой ямы звучал нестройный шум. Неужели настоящие инструменты? Куна видела их только на иллюстрациях в учебниках и теперь, прилипнув к борту, силилась разглядеть вдалеке изгибы скрипок и длинные росчерки струн.

— Ты можешь сесть, — негромко сказал за спиной Наилий, — отсюда тоже неплохо видно, но если нужно, у меня с собой бинокль.

Куна обернулась к расположившемуся на диване генералу. Темнота должна была прятать его от взглядов, но все портил белый китель. Интересно, есть ли у кого-нибудь в зрительном зале бинокли? Может быть, но вряд ли такие, что вытащил из кармана форменных брюк Наилий. Настоящий раритет. Никакой электроники, жидкокристаллических экранов и кнопок автоматической регулировки. Два объектива в белом корпусе с позолоченными вставками и центральный барабан фокусировки.

— Музейный? — улыбнулась Куна, устраиваясь рядом с генералом на диване.

— Почти. Одолжил в спец. хране, не спрашивая как он туда попал. Держи.

Тяжелый, хоть и маленький совсем. Куна навела его на оркестровую яму и долго крутила барабан, но поймать фокус не удавалось. Уже дважды вышла в крайнее положение и разочарованно вздохнула. Сломаться не мог, просто у неё руки не из того места растут.

— Ты быстро крутишь, вот и не фокусируется.

Генерал придвинулся ближе, коснувшись бедром и пока Куна старалась не краснеть и не выдумывать лишнего, взял её руки в свои. Да, фактически обнял, оставив перед глазами бинокль и медленно покручивая барабан.

— Где-то в середине, а теперь назад или вперед с коротким шагом...

Куна замерла, чувствуя объятия поразительно остро. Прохладную ткань кителя, легкие касания пальцев и аромат апельсинов. Военные редко заходили в их квартал, принося с собой вонь бензина от машин, запах гари на комбинезонах и резкий дух машинного масла. А Наилий пах свежестью и апельсинами.

Картинка перед глазами обрела четкость, и Куна чуть не пропустила момент.

— Нашла, спасибо.

Несколько мгновений прошло, а голова кружилась так, будто Куна вечность сидела, затаив дыхание. Теперь могла держать бинокль сама, генерал откинулся на диван, но руку с плеча далеко не убрал, оставил на спинке. Свет погас, музыканты затихли и через мгновение в пятне света на сцену вышел дирижёр и зал взорвался аплодисментами.

Церемонно поклонившись, мужчина повернулся к оркестру и взмахнул палочкой.

Музыка не грянула сотней децибел усиленного звука, она неспешно разгоралась в ярко освещенной оркестровой яме от каждого взмаха смычка, блестела медью духовых и перекатывалась по клавишам рояля. Возвышенная и нежная мелодия отзывалась дрожью в животе и покалывала на кончиках пальцев. Вступление удалось и неважно как оно правильно называлось, альт играл или виолончель, обладала ли Куна достаточным музыкальным слухом — чтобы чувствовать красоту и гармонию достаточно ощущения тихого восторга.

Занавес поднялся, весь свет хлынул на сцену, а в оркестровой яме в полумраке зажглись над нотами светильники. На огромном заднике к нарисованному небу поднимались горы, а у их подножий росли виноградники. Зал приветствовал танцоров еще одной овацией. Дариссы

в платьях из летящего шифона закружились в танце. Легкие, гибкие, словно невесомые они парили над сценой, едва касаясь пола и собирали спелый виноград в глубокие корзины. Снова горы, пусть даже ненастоящие. Скучал генерал. Шесть лет жил на равнине и до сих пор скучал.

— Красиво очень, — выдохнула Куна, — это история о сборе винограда?

В полумраке ложи улыбка Наилия мелькнула и погасла.

— Ты сюжет не знаешь, моя вина. Попробую кратко. Среди девушек, собирающих виноград, танцует Пальмира. Она влюблена в юношу из деревни, но не знает, что на самом деле Кастул полковник и прячется здесь от заговорщиков. И вроде бы все у них прекрасно, но лесник Юлиан решает силой увезти Пальмиру из дома матери и назвать своей.

У Куны щеки розовели. Никогда бы не подумала, что генерал станет рассказывать о любви, не ерничая, не упрощая и не рисуясь как другие, что выше женской чепухи о чувствах.

— Пальмира отказывает Юлиану, — продолжал Наилий, смотря на Куну, а не на сцену, — она верит, что её счастье с Кастулом. Да и мать против отъезда, у дочери больной сердце, ей полезен горный воздух. Тогда соперник решает разоблачить офицера. Пока Кастул наслаждается прогулкой с возлюбленной, Юлиан в его доме находит оружие и форму с погонами полковника, а еще фотокарточки его женщины и трех детей. Лесник приносит доказательства Пальмире и Кастулу приходится все подтвердить. Обманул, зря обещал, что останется с любимой навсегда. Заговорщиков найдут, и полковник вернется домой, а Пальмира от горя и тоски умрет. Сердце не выдержит.

Куна поджала губы и смотрела на сцену уже с другим настроением. Видалось в красивом танце сборщиц винограда предчувствие беды, но музыка играла радость. Еще рано, еще не сорваны маски и не разбиты надежды, а Пальмира юна, свежа и счастлива. Может быть в этом суть? Наслаждаться каждым мгновением, не думая о грядущем? Кастул уедет и Наилий тоже. А потом не вспомнят не тот, не другой, закружившись в приказах и командировках. Ничего с этим не сделать, так зачем заранее запирается в доме и ждать дождь, если светило еще не ушло за тучи?

— Куна, — позвал генерал, осторожно касаясь плеча, — ты расстроена финалом?

— Нет, спасибо, что рассказал, я теперь лучше понимаю.

А на языке даже от улыбки привкус горечи.

Глава 14 — Пальмира и Кастул

Танцоры срывали аплодисменты за каждый акробатический элемент, Куна восхищенно замирала, а генерал только сдержанно улыбался. При всем своем мастерстве гражданские не выдержали бы и одной вдумчивой тренировки у мастера. Растяжка средняя, баланс хромает, мелкие переступы в правильное положение перед элементом тянут на взывание. За женщинами приятнее наблюдать, а мужчины слишком неуклюжи и тяжеловесны.

Спину тянуло от ранения и самому хотелось ерзать, устраиваясь удобнее. Угораздило напороться на тот штырь перед отлетом. Не так опасно, как обидно. Еще и уснуть умудрился в десантной капсуле, а очнулся в реанимации, увешанный мишурой капельниц и датчиков приборов. Целый консилиум рядом с паникой в глазах. Не дождались медики самой нелепой генеральской смерти в секторе. Ругались только громко, когда вырвал трубки капельниц и потребовал одежду. Бездна бы забрала Назо с его повышением квалификации! Просиживает комбинезон в Медицинской Академии вместо того, чтобы лечить. На весь легион один толковый хирург и тот бывший либраний бывшего генерала.

После космической командировки один законный отгул и глупо его тратить, валяясь на больничной койке. Билеты бы на балет пропали, Куну не увидел. Трепетная, восторженная, настоящая. Как музыка, журчащая горными ручьями в каждом уголке огромного зала.

Сел к дариссе так близко, как мог, а хотелось обнять. Почувствовать, как изгибается тонкий девичий стан, откинуть с плеч волны кудрей и поцеловать в шею. Стыдиться надо таких порывов и не важно, что никто не видит их в глубине генеральской ложи. Кровь прилиwała к паху, еще немного и эрекция станет полной. Тьер, очень вовремя!

Наилий закрыл глаза, представляя ушастых дарлибов, густо замотанных на жаре в тряпки. Тела, невымытые месяцами, черные дорожки грязи в складках кожи. Помогло. Еще два вдоха и получилось успокоиться.

Надолго ли? Уровень гормонов подскочил и не скоро вернется к нормальным значениям. Подавлять, управлять, контролировать и так постоянно. Бой всегда неравный. Гормонов сейчас в процессе не меньше десяти, а генерал один. Смешно и грустно. Месяц без женщины и уже катастрофа. Из всех зависимостей эта самая непобедимая.

Пальмира танцевала свой последний танец, а потом умерла на руках Кастула. Боль мужчины звенела высокими нотами скрипки и прокатывалась по нервам переборами арфы. Зрители украдкой вытирали глаза, а генерал скрипел зубами. Искусство любит тему смерти, даже отдаленно не показывая, какая она на самом деле. Грянула финальная кода и звук ушел водой сквозь песок, оставив эхо дрожью в груди. Куна тоже вытирала глаза и вымученно улыбалась.

— Спасибо, Наилий, ничего прекраснее в жизни не видела.

— Все еще впереди, — улыбнулся в ответ генерал и не удержался, провел ладонью по мягким кудрям.

Пришлось ждать в ложе, пока поток зрителей разъедется от театра. Погода испортилась, поднялся ураган и с неба обрушился ливень. Под козырьком ждал пилот с двумя плащ-палатками, до катера дошли, перепрыгивая через лужи и лишь слегка промолив ноги. Куна смеялась, радуясь буйству стихии, и все норовила вынырнуть из-под плотной ткани и подставить лицо дождю. Безумие, дозволенное молодости, приятно видеть дариссу такой.

— Здесь должно быть полотенце, — ворчал генерал, открывая ниши во внутренней обшивке катера, — разувайся, застудишь мокрые ноги.

Застеснялась опять, поджала мокрые туфли под откидывающееся сидение и упрямо мотала головой. Как бы не так. Генерал даже внимания на протест не обратил — опустил рядом на одно колено и молча разул Куна, а затем обернул ступни и голени махровым полотенцем.

— Наилей, не надо...

Отшатнулась как от взрыва, заливаясь румянцем и пряча глаза. Хотелось сказать: «Глупая, это всего лишь забота. Не захочешь — не прикоснусь, о чем бы не думал в генеральской ложе», но вслух произнес другое.

— Заболеешь по моей вине — не прощу себе.

Кажется, успокоилась, дышать стала ровнее и робко выглянула из-под буйных кудрей. Пугливая, как маленькая пташка и Наилей рядом голодным лисом. Месяц без женщины. Ну, вот опять!

— Ваше Превосходство, — подал голос пилот из кабины, — грозовой фронт не очень большой, можно обойти.

— И желательно подальше, — резче, чем нужно ответил генерал, поднимаясь на ноги, — Взлетаем.

— Есть.

Генерал обещал Куна доставить домой к вечеру и слово держал. Катер летел сквозь ливень и трясся в турбулентности так, что приходилось цепляться за сидение обеими руками. Эйфория от балета проходила, и возвращался страх. Мать придет домой, найдет пустую кладовку, сначала отругает Аврелию, а потом сядет на кухне с ремнем в руках и будет ждать старшую дочь. По заднице как в детстве не достанется, сразу по лицу, чтобы щеки горели алым, и поняла, как сильно не права. Хоть на речном вокзале ночуй. Хватит, надоело! Одну ночь можно переждать у кого-нибудь из знакомых. Регине позвонить, она одна живет, а там родительница пусть хоть с собаками ищет, не найдет. Развела дома террор, о моральном облике дочерей она беспокоится.

Катер снова очень сильно потрянуло и генерал, нахмурившись, пошел в кабину пилота, держась за жесткие ребра обшивки. В иллюминаторах далекими отсветами чертили полосы молнии, и капли дождя катились по стеклу, не переставая. Разгулялась стихия, не удалось обойти грозовой фронт.

Пальцы немели на металлическом сидении, зубы стучали от страха противной мелкой дробью, которую невозможно контролировать. Несуществующие боги, как бы не рухнуть посредине равнины чужого сектора!

Она почувствовала, как тяжелая воздушная машина нырнула вниз камнем. Уши заложило плотной ватой, и голова закружилась до нестерпимого приступа тошноты, как всегда бывает при резком падении давления. Куна зажала рот, хотя рвать было нечем, не ела с утра и в следующее мгновение от удара чуть не вылетела с сидения, повиснув на ремнях безопасности.

— Жесткую пришлось делать посадку, извини, — глухо звучал голос Наилия от кабины пилота. — Куна, ты как? Куна?

Катер больше не трясло, но дождь по-прежнему крупной дробью барабанил по обшивке. Настойчиво и зло, будто хотел изрешетить корпус каплями воды, как пулями. Стихия не отпустила.

— Где мы? — вяло спросила Куна, все еще борясь с тошнотой.

— Пришлось сесть в поле, — генерал подошел ближе, внимательно вглядываясь в неё. Бледная, наверное, даже зеленая. — Одну грозу обошли, во вторую нырнули, а впереди облака с градом и сильная болтанка, решили переждать. Можно попробовать по земле вернуться, но помощи у соседей я просить не буду, а пока мои бойцы сюда доберутся в нулевой видимости, утро наступит. Уж лучше мы сами позже. Тебе нужно позвонить домой и предупредить, что задержишься?

Куна хотелось истерично смеяться, держась за живот и вытирая слезы. Теперь её точно никто не найдет — все, как хотела.

— Нет, — уверенно заявила она, кажется, слишком громко, потому что генерал поджал губы и долго смотрел в глаза.

— Хорошо, тогда давай устраиваться на ночлег. Оставим кабину пилоту, он там разложит кресло, а мы здесь, не возражаешь?

От мысли, что придется спать в одном помещении с мужчиной, живот противно заныл и в голове загудело. Глубоко мать вдолбила запреты, не выкинуть легким движением руки. Куна испуганно огляделась, но округлые внутренности катера напоминали брюхо кита с металлическими ребрами корпуса и гулкой пустотой. Перегородок нет, занавесок тоже — одно огромное помещение, где тут спать? На полу?

— Я могу сидя, — пробормотала Куна, — привыкла в диспетчерской.

— А я стоя в карауле, — усмехнулся Наиль, — но к чему такие жертвы? Спальник чрезвычайно удобен, поверь мне.

Она снова дернулась возразить, но генерал уже открыл нишу в обшивке. Так быстро и сноровисто достал два рулона и раскатал их на полу, что Куна от неловкости прикрыла глаза рукой. С мужчиной спать, как же, успела нафантазировать. Потому спать, чтобы не вообразила невесть что. Не интересна генералу как женщина, вот и торопится отвернуться к стене и закрыть глаза. Столько красавиц рядом с ним было, куда до них невзрачному диспетчеру пусть даже в платье и с прической.

— Устраивайся, — кивнул генерал на спальник, — я пойду в кабину приборы проверю.

Конечно, не стал смотреть как она, краснея и бледнея, стаскивает узкое платье, ушел к пилоту. Теперь придется пыхтеть от натуги, пытаюсь самой дотянуться до собачки молнии на спине. Дома Аврелия помогала, а здесь некого попросить. Хвала несуществующим богам, белье надела новое, не застиранное, будто чувствовала. Опять нелепые фантазии, под спальником не видно ничего. Верх у большого мешка жесткий, а внутри подкладка мягкая, приятная наощупь. Прав генерал, действительно удобно. Только снова молния и чтобы застегнуть под горло, надо долго возиться.

Дождь не утихал, и ураганный ветер тревожно выл за иллюминатором. Наверное, так она будет выть, когда мать отхлещет и успокоится. Хорошо, у формы рукава длинные и колготки непрозрачные, никто синяков не заметит. Можно ведь смен набрать побольше и дома не появляться, лишь бы пережить возвращение. Куна думала, не уснет, но стоило лечь и пригреться в теплом спальнике, как глаза начали закрываться. Тело от усталости отяжелело, хотя не прыгала и не бегала. Уже бы отключилось, но из кабины, тихо ступая тяжелыми ботинками по металлической обшивке, вернулся генерал.

Куна зажмурилась, пожалев, что освещение еще горит и придется притворяться спящей, чтобы не подглядывать за Его Превосходством. Веки дрожали и дыхание не получалось выровнять. Бездарный спектакль.

Ткань шуршала едва слышно и провоцировала представить, как падает с плеч белый китель, с треском расходятся липучки на рубашке и в ярком свете потолочных прожекторов тени рисуют рельеф мышц на груди и животе генерала.

— Куна, я знаю, ты не спишь.

Она дернулась от испуга, заворочавшись в спальнике, а когда, наконец, осмелилась открыть глаза, то увидела только спину сидящего Наилия и широкий медицинский пластырь.

— Нужно перевязку сделать, — глухо сказал генерал в стену катера, — сам я не дотянусь, поможешь?

— К-конечно.

Лисы из нор выбираютя грациознее, чем Куна из спальника, еще и забыла расстегнуть молнию до конца. Наилий не торопил, ждал, пока смущенная до красноты дарисса усядется за его спиной, прикрываясь платьем. От старых ран на спине и плечах генерала давно остались белесые росчерки и узловатые рубцы шрамов, а эта, совсем свежая остро пахла медикаментами и антисептическим пластырем. Куна неуверенно взяла аптечку и долго там шуршала, доставая новую повязку, салфетки, чтобы протереть руки и зачем-то упаковку марлевых тампонов. За суетой где-то на границе сознания совсем не сразу вспыхнула мысль:

— Как же так получилось, Ваше Превосходство? Генерал ведь всегда в штабе...

— Я там и был, — усмехнулся Наилий, вздрогнув, когда Куна слишком резко дернула пластырь, — глупая рана. Ручка на двери обломалась, оставив острый штырь. Я поскользнулся на тренировке и упал на него спиной. Так что никаких подвигов и героизма, даже перед женщиной похвастать нечем. Тоже мне, генерал.

Он словно извинялся и даже голову опустил, а Куна широко улыбалась, краснея еще больше и забывая дышать. Буря в иллюминаторе бесновалась и закручивалась воронкой, завывая в неё ураганом как в трубу, а внутри катера было тепло, как в детстве у печки маленькой комнаты рабочего барака. Когда они с Аврелией забирались под плед на колени к матери и слушали сказки. Тогда счастье точно так же согревало кружкой горячего настоя и хотелось, чтобы оно осталось навсегда.

Она разглаживала пальцами края повязки и не заметила, как коснулась кожи, провела ладонями по плечам и качнулась вперед, обнимая. Животом чувствовала прохладную спину генерала и не думала, что оттолкнет. Он и не стал. Только вздохнул и осторожно погладил руку Куны на своей груди.

— Я слишком старый для тебя, циничный и злой. Я разучился ухаживать и привык, что все просто и быстро. Мимоходом. Случайно. Будто сегодня последний день, а завтра я поймаю свою пулю. Извини, вроде трезвый, а несу какой-то бред.

Генерал гладил её руки широкими, размашистыми движениями и говорил все тише. Слова плавались под светом прожекторов, и смысл ускользал легким облаком пара. Куна потерлась щекой о плечо Наилия и теперь слышала только, как бьется его сердце, все быстрее и быстрее разгоняя жар в каждую клеточку тела. От тепла и нежности клонило в сон, но отпускать генерала не хотелось. Куна тоже не оттолкнула, когда обернулся и вдруг стал совсем близко, замерев дыханием на губах за мгновение до поцелуя. А потом прожекторы погасли, спальник выдохнул лишним воздухом под тяжестью двух тел, и буря ворвалась в катер. Каждый поцелуй приближал безумие, от одежды избавлялись не глядя.

Боль показалась досадной помехой, но тут же пропала и вот уже Куна обнимала генерала ногами, выгибалась навстречу и хотела остаться навсегда с ним одним целым. Жить этим жаром, биться в его ритме. Снова и снова, пока воет ветер на равнинах четвертого сектора, и ливень хлещет по обшивке катера. Будто нет ничего больше. И никогда не было.

Глава 15 — Возвращение

Утром всегда холодно. Особенно на продуваемой всеми ветрами равнине после ливня. Будто тепло — невыносимая роскошь, которую не выдают даже в генеральском пайке.

Наилий смотрел в округлый потолок катера и боялся пошевелиться, чтобы не разбудить Куна, пилота, планшет со звонками и проблемами. До рассвета еще десяток ударов сердца, можно просто лежать и ничего не делать. Давно не было так лениво и хорошо, словно единственный отгул после космической командировки сам собой растянулся на недели и месяцы. Нет, это слишком долго, а вот от трех дней он бы не отказался. Сгинуть без вести где-нибудь на южном побережье и ходить по кромке моря, чтобы вода стирала следы. В бездну армию, в бездну сектор, в котором нет и никогда не будет весны. Его весны.

Сейчас он вздохнет и Куна проснется. Вскочит, роняя на пол одежду, которой вчера ночью накрыл, чтобы не замерзла. Вцепится в платье, будет краснеть и отворачиваться, а катер взлетит, унося их обоих обратно в Равэнну, где лужи уже стали прозрачным льдом и вот-вот пойдет снег. Тепло — богатство, которое не завоюешь ни в одном сражении.

Дверь в кабину щелкнула и с тихим «Ваше Превосходство» в проем высунул голову пилот. Конечно же, увидел сразу всё: разбросанную одежду, два спальника вместе, сонную женщину на плече генерала.

— Виноват, — уже громче заявил пилот и хлопнул дверью.

«Тьер», — ругнулся про себя Наилий, чувствуя, как завоzilась под боком Куна, щурясь спросонок. Подъем, Ваше Превосходство.

— Утро уже, скоро полетим, — шепнул он, целуя в теплую щеку, — надо вставать и одеваться.

Угадал с платьем. Едва вынырнула из-под его рубашки, как тут же схватила свою одежду и испуганно заозиралась, куда бы спрятаться.

— Не спеши, — добавил генерал, так быстро натягивая штаны, как в интернате не всегда получалось, — я пойду в кабину, посмотрю, что там со связью.

Китель застегнул под горло, высоко подняв подбородок над жестким воротником. Неприятно, конечно, что пилот видел с женщиной, но боец проверенный, трезвонить на весь сектор не станет, разве что шепнет кому-нибудь по дружбе и то похихикают и забудут. Из всех мужских слабостей, любовницы — самая одобряемая.

— Ваше Превосходство, небо чистое, все системы исправны, — нарочито бодро затараторил пилот, вытянув спину и уставившись куда-то в левое ухо генерала. В кабине не следа недавней ночевки. Кресла в привычном положении, личных вещей нет, а боец уже гладко выбрит и пахнет одеколоном. Наилий потер пальцем колкую щетину на подбородке и спросил.

— Сам-то как? Выспался? Лететь можешь?

— Так точно, — смутился рядовой, — всю ночь спал.

«И не слышал стонов и криков. Образцовый пилот, просто подарок», — мысленно добавил генерал, занимая кресло стрелка и пристегиваясь.

— Тогда взлетаем.

На небе и правда не облачка, на радаре пусто и если ничего непредвиденного больше не случится, в Равэнне сядут через два часа. Как раз к утренней планерке в штабе. А вот и

планшет проснулся и затрезвонил на весь катер. Флавий, кто же еще?

— Слушаю.

— Ваше Превосходство, Нурий отзвонился, что ждет вас на аэродроме, мне собирать планерку?

— Да, я успею. Повестку перешли мне на планшет, пожалуйста.

— Есть.

Закрутилось, стоило только начать. В почте двадцать непрочитанных писем и в правом углу экрана моргает напоминание позвонить в медслужбу. Наилий, стараясь не вздохнуть, как тяжелобольной, набрал с планшета номер и слушая гудки, смотрел, как пилот отлаженными до автоматизма движениями запускает двигатели, подтверждает курс и медленно тянет штурвал на себя, задирая нос катера.

— Ваше Превосходство, капитан Горн, слушаю, — прогрохотало в гарнитуре.

— Ливий, я буду у тебя к обеду, чтобы снять временную стерилизацию.

Руководитель медицинской службы расстроено цокнул языком и протянул первое слово.

— Виноват, Ваше Превосходство, не предупредил. Стерилизацию еще вчера сняли, когда вы были без сознания.

Катер рванул вверх и в животе потяжелело. Равнина ушла из-под ног так резко, что генералу захотелось вцепиться в подлокотник. Фертилен вчера был и не знал об этом. Не подумал про контрацепцию, даже акт не прервал. Кончил в Куну да еще и не один раз.

— Хорошо, я понял, отбой, — отчеканил он в гарнитуру и, морщась, прикусил костяшку пальца. Что теперь делать? До сих пор получалось избегать зачатия, даже не нарушая инструкций. Презервативы, выданные сверх нормы для космических командировок, прерванный акт, стерильные любовницы, вот такие опоздания и лишний день на Дарии под временным бесплодием. Конечно, с первого раза могло и не получиться, но если Куна забеременеет? Ребенку нужна не только мать, но и отец, а он то на учениях, то в космосе. Да, есть особняк, но в нем два этажа переделаны под жилье для офицеров, не место там женщине, а поселить её в пустой резиденции все равно, что бросить одну. За шесть циклов хорошо, если пару раз останавливался ночевать в обоих домах. На балансе только стоят и денег за обслуживание требуют.

Несуществующие боги, какой дом, какой ребенок? Он — генетический эксперимент, нафаршированный аномалиями как утка яблоками. Одной бездне известно, какие мутации произойдут у ребенка. Диагностируют репродуктологи нежизнеспособный плод и прервут беременность, а потом изведут Куну анализами и обследованиями, выясняя, не в ней ли причина? Не может генерал плодить ущербное потомство, это скандал на весь сектор.

Едва чувствуя ледяными пальцами экран планшета, Наилий набрал Публия Назо.

— Ваше Превосходство, — радостно выдохнул лейтенант.

— Публий, через сколько дней после зачатия тест даст положительный результат?

Снова тишина по ту сторону гарнитуры. Глупо, конечно, задавать такие вопросы хирургу, но сейчас просто хотелось, чтобы военврач расхохотался, послал в бездну и, задавив статистикой с вероятностью зачатия, запретил нервничать по этому поводу.

— Самый чувствительный через десять дней после зачатия даже до начала следующего периода, — тоном лектора в академии выдал Публий, — но лучше кровь сдать. Там можно на седьмой день увидеть результат.

Через неделю он будет на учениях северной группировки войск, Куну придется одну

отправлять в Центр репродукции.

— Хорошо, я подожду.

— Неожиданный вопрос на самом деле, — издали начал лейтенант, но генерал не дал закончить мысль.

— У тебя неожиданно обширные знания, что ты изучаешь на курсах? Акушерство полевому хирургу как снайперу бронезилет.

Назо расхохотался и Наилий вдруг представил его в лекториуме среди гражданских специалистов, из которых больше половины — женщины. Мог бы и не спрашивать.

— Волочишься за какой-нибудь акушеркой вместо повышения квалификации?

— Должен же я получать удовольствие от процесса обучения, — хмыкнул Публий.

Отзывать пора лейтенанта, а то скоро всю гинекологию изучит на живых примерах. Эх, не простит ведь.

— Учись, кадет, — вздохнул генерал, — отбой.

Семь дней, значит, дергаться и переживать. Нет, не стоит пока признаваться Куна. Вернется с учений, сам отвезет к репродуктологу, если у дариссы раньше период не начнется. Никогда еще с таким нетерпением не ждал менструального кровотечения у женщины. Бездна пусть забереет капитана Горна с его служебным рвением.

Генерал вернулся из кабины перед самой посадкой, но Куна не могла поднять на него глаз, даже когда осторожно коснулся пальцами подбородка. На губах горели воспоминанием долгие поцелуи, и со щек никак не сходил румянец. Хотелось прийти домой и крикнуть в лицо матери, что ночь с мужчиной была лучшей в её жизни, но язык присыхал к небу, стоило представить её брезгливо поджатые губы. Нет, Куна будет молчать и если понадобится, то всю жизнь. Есть тайны только для двоих, они обязаны потеряться в памяти как в бездне и никогда не выбраться оттуда. Разве что вот так — легкой улыбкой.

— Куна, я послезавтра улетаю на учения, — сказал генерал возле такси, — выхода в гражданскую сеть там не будет, но ты можешь звонить мне на личный номер и оставлять сообщения. Вернусь — обязательно послушаю.

Она кивнула в ответ, уверенная, что звонить не станет, даже если очень захочется. Лучше не слышать ничего, чем бесконечное «я занят» и «давай потом как-нибудь». Вот уже и учения, потом снова командировка, а через месяц бал и новая дарисса. Будь её мужчиной Нурий, еще стоило надеяться и ждать, но Наилий — генерал. Один на весь сектор. Всегда один.

— Я сам позвоню, — твердо ответил Наилий, когда молчание затянулось, и Куна снова кивнула, не замечая, как генерал берет за руку и легко целует ладонь на прощание. Не видя из-под опущенных ресниц, как он садится в военный внедорожник и Нурий резко трогается с места, увозя Наилия с парковки аэродрома.

— Вам куда, дарисса? — нетерпеливо спросил водитель, высунувшись из окна такси.

— Домой, — вздохнула Куна. Вернуть платье и туфли, выслушать от матери как опозорила семью на весь квартал и, наверное, больше никогда не увидит генерала.

В машине Куна не удержалась — поплакала, а потом долго стирала платком подсохшие соленые дорожки вместе с остатками косметики. Жить разумом легко и правильно, пока не становится слишком паршиво от правды и неизбежности. Что её ждало впереди? Должность главного диспетчера и увеличенное жалование? И это все, ради чего она жила? Командовать другими, пока они щурят красные от недосыпа глаза в мониторы диспетчерских пультов? День за днем, цикл за циклом: речной вокзал, недовольная мать, капризная Аврелия. Они состарятся вдвоем в бараке на окраине рабочего квартала и ничего с этим уже не сделать. Выход из зоны комфорта, мечты, большие достойные цели — морковка для кролика, бегущего в загоне по кругу. Чтобы не останавливался и ни на что другое не отвлекался, а то ведь вопросы появятся: «Зачем я бегу? Куда? Кто меня заставляет?» Ах, как хотелось ответить, что жизнь, обстоятельства или система. Но нет, кролик бежит сам, правда всегда проста и незамысловата. И чем быстрее бежит, тем раньше упадет и тогда тем более все вопросы и ответы потеряют смысл. Зачем они дохлому кролику?

— Приехали, дарисса, — обернулся водитель и впервые за поездку улыбнулся.

— Спасибо, сколько я вам должна?

Куна испуганно вцепилась в крохотную сумочку, соображая, хватит ли завалившейся в кошельке мелочи или придется домой бежать за оставшейся суммой.

— Уже оплачено, — снова улыбнулся водитель и кивнул на прощание.

К дому Куна даже не подходила — медленно перетекала, едва ощущая землю под ногами. Туфли вдруг стали невыносимо неудобными и каблук сворачивались то на одну, то на другую сторону. Мать стояла на пороге, одетая на работу, наверное, услышала шум автомобиля и вышла посмотреть, не вернулась ли загулявшая дочь.

— Через два месяца рыгать будешь по утрам, — холодно заявила мать, — еще через три пузо ползет.

— Я не беременна...

— Да? Не беременна?

Не стоило верить спокойному тону, мать едва сдерживалась, чтобы не наброситься на Куну, уже руки сжала в кулаки и наступала как боец на ринге.

— На балет они ходили, на искусство посмотреть. Шалава! В глаза мне смотри! Вот они два моих балета: одна в доме больная лежит, вторая шляется по ночам.

— Что с Аврелией? — встрепелась Куна, и попыталась пройти к двери мимо матери, но не получилось. Родительница заступила дорогу и с силой толкнула в плечо.

— Не твой дело, дрянь! Эгоистка! Только о себе думаешь! Забыла и мать, и больную сестру, побежала сломя голову перед первым попавшимся членом ноги раздвигать!

— Мама!

— Заткнись! Нет у тебя больше матери, потаскуха! Пошла вон отсюда! И дома у тебя больше нет! На, катись!

Старый, затертый на углах чемодан мать выволокла из-за спины и с силой пнула в ноги Куне. Как теперь поверить, что мать могла выкинуть родную дочь как ненужную вещь на улицу? Да, на нервах, да, Куна сама во всем виновата, но выгнать?

— Мама... — беспомощно прошептала она в захлопнувшуюся дверь, — мама.

Куда идти? Кому она нужна? Лишний рот на скудное жалование, лишнее спальное место где-нибудь на полу в чужом доме. Лишняя.

Куна взялась дрожащими пальцами за ручку чемодана и, все так же запинаясь и падая на каблуках, пошла прочь от дома. Лицо горело, но слезы будто испарились. Чего она ждала?

Крепких объятий и причитаний: «Дочка, наконец-то ты вернулась?» Давно все к этому шло и, наверное, надо было самой уходить, но все время что-то останавливало. Как больная Аврелия без лекарств, как они с матерью без продуктов? Теперь сами будут выкручиваться и она тоже, лишь бы найти, где жить. На работе нельзя — инструкции, Регине позвонить? Она спит после смены, в ночь снова выйдет и Куна нужно. Хоть бросай чемодан в камере хранения на речном вокзале и карауль начало смены под дверью диспетчерской. Надо проверить, положила ли мать форму в чемодан, а то за пульт не пустят.

Куна добрела до скамейки и полезла в чемодан искать вещи. Форма, белье, старые кофты с брюками — почти все, кроме денег и планшета. Девайс Куна специально с собой не брала, чтобы не сбрасывать постоянно вызовы. Теперь и его больше не увидит. Не дозвонится генерал, когда вернется с учений, нет больше Куны. Смешно, что вообще подумала об этом, будто не попрощалась утром. Видимо, Вселенная решила подстраховаться, чтобы наверняка не встретились. Получилось. Наверное, только у Вселенной и получается, остальные терпят провал за провалом.

До Регины дошла пешком, волоча за собой тяжелый чемодан. Дверь в таком же, как у семьи Куны бараке старшая смены открыла не сразу и широко зевнула, кутаясь в теплую кофту.

— Чего притащилась, планшета снова нет?

— И дома тоже, — мрачно ответила Куна.

Регина хмыкнула, оглядывая её с ног до головы и не сразу, но заметила чемодан.

— Так, ладно, заходи, вечером поговорим, я все равно ничего не соображаю, спать хочу. Бросай свой баул в коридоре и делай что хочешь.

Старшая развернулась и, толкнув дверь, чтобы не закрывалась, ушла, а Куна тихо сказала ей в спину: «Спасибо».

Регина вышла из комнаты только к вечеру, и устало плюхнулась на круглый табурет у стола.

— Чтоб я хоть когда-нибудь выпалась. Такое чувство, что даже глаз не закрывала.

Высокая и тонкая как жердь старшая смены напоминала манекена из магазина для художников. Хрупкие ноги и руки на шарнирах суставов, гладко зачесанные назад волосы и желтоватый оттенок кожи. Куна, едва успевшая вздремнуть, сидя за столом так и не осмелилась хозяйничать в чужом доме, а чемодан стыдливо пристроила в углу. Зато Регина, нисколько не стесняясь непрошеной гостьи, вынула из холодильника нарезанный батон в упаковке и мясной паштет в банке. Вместо травяного отвара растворила в холодной воде порошок энергетика и, сделав два глотка, хмуро уставилась на Куну.

— Ешь, чего сидишь? Кажется, у меня где-то сок оставался, поройся в шкафу на нижней полке, энергетик тебе нельзя, вредно для ребенка. Завтра утром пойдем в магазин за сухофруктами, сварим компот.

Оттараторила так быстро, что Куна в ответ только глазами хлопнула, переваривая услышанное.

— Я...я не беременна.

Да что ж они как аппарат УЗИ видят насквозь то, чего нет? На лбу у неё написано или в глазах как-то отражается, что невинности больше нет?

— Почему сразу беременна? — вяло возмутилась Куна и отвернулась к шкафу искать сок.

— Разве не поэтому тебя из дома с чемоданом выставили? — хмыкнула старшая смены. — Ты уж извини, я сплетни никогда не собирала, но Грация чуть ли не в двери ко всем стучалась с подробностями. Все спрашивала, не знает ли кто-нибудь этого Нурия, а его правда никто не знает. Вот я и решила, что в положении ты.

— Куда там, — выдохнула Куна. Обижаться на Грацию сил не осталось и на мать тоже. Она на удивление вообще ничего к ней не чувствовала. Нет у неё больше дочери, сама так захотела. Обидно и больно, но когда перед носом захлопывают дверь, стоит ли в неё стучаться?

— Ну, хоть было что-нибудь или за просто так страдаешь? — продолжала расспрашивать Регина и Куна чуть банку с соком не выронила. Щеки вспыхнули и взгляд заметался. Выдала себя, чего уж теперь отнекиваться.

— Было. Вчера.

— Вон оно что, — улыбнулась старшая смены и принялась медленно намазывать паштет на ломтик батона, — понравилось? Да не красней так, сейчас сгоришь. Кивни хоть, раз язык отнялся. Понравилось, значит, а то оно, знаешь, по-всякому бывает, особенно когда у мужчины тоже в первый раз.

Регина замолчала, торопливо заталкивая в рот бутерброд и запивая энергетиком. Взгляд потерялся где-то на столе и стал пустым. Вспоминала, наверное, отца мальчика, чьи фотографии висят по всему бараку. Ребенок там совсем маленький в пеленках, чуть постарше с погремушкой и самый взрослый в военной форме кадета училища. Регина на работе никогда о нем не рассказывала, только выскакивала иногда в коридор ответить на

телефонный звонок и возвращалась, вытирая глаза.

— Да уж, к рядовому в казарму не уйдешь, — вздохнула хозяйка, — вот и мыкаемся поодиночке. Так, хватит об этом, почему чемодан не разобрала? Форму погладила? На смену скоро, давай, собирайся.

Добавила начальница в голос строгости и подействовало. Куна вскочила и бросилась к чемодану, уже с формой в руках сообразив, что не знает где утюг, гладильная доска и сама она висит камнем на чужой шее.

— Извини, Регина, столько неудобств тебе доставляю.

— Тю, нашла нахлебницу. Жалованье никто не отменял, есть и одеваться будешь на свои деньги, а за постой я платы не беру. Ну, вот, опять покраснела, ты не заболела случайно? Что ж тебя в жар бросает?

— Нет у меня сейчас денег. Все, что было на карте сняла и матери отдала, а в кошельке наличкой одна мелочь.

— Так, — протянула Регина, залпом выпив остатки энергетика, — и зачем? Это твои деньги. Нет, я понимаю мать, больная сестра, но это твои деньги.

Что можно ответить? Мать, едва старшая дочь устроилась на работу, чуть ли не вдалбливала, что никакого счета и торговли в семье не будет. Все деньги общие. Она на детей тратила все, что есть, а Куна прятать начнет? Некрасиво. Пусть все лежит в одном месте, надо — бери, только предупреди, куда тратить собралась и сколько нужно, мать выдаст. А когда на нервах чемодан собирала, скорее всего, даже не вспомнила не о деньгах, не о планшете.

— Прости, Регина, я уйду...

— Куда? Не страдай ерундой на пустом месте. Аванс через неделю, а пока с голоду точно не померем, холодильник забит до отказа, еле открывается. Спать я тебе здесь постелю, туалетные принадлежности выдам, а шмотками со временем обрастешь — новый шкаф покупать придется. Все, ускоряйся, утюг в комнате на доске стоит, разберешься. Переодевайся и выходим, а то опоздаем.

— Спасибо, Регина, — слабо улыбнулась Куна.

Оказалось, что Регина категорически не любит готовить. Умеет, но встает к плите только по особым случаям, обходясь каждый день полуфабрикатами или бутербродами, а муку вообще не помнит зачем покупала. Куна долго ходила кругами вокруг холодильника, а потом все же насмелилась и сварила простенький, как ей показалось, суп. Однако же, старшая смены проглотив первые две ложки долго молчала, а потом выдохнула:

— С ума можно сойти! Я чуть языком не подавилась, где ты так научилась готовить?

— Сначала мать заставляла, а потом мне самой понравилось, — пожалала плечами Куна, вытирая руки полотенцем, — дома нашла старая кулинарная книга и понеслось. Теперь сама иногда что-нибудь придумываю, вроде бы получается.

— Шутишь? Да я до конца жизни буду тренироваться, так не получится! Да, не красней ты, а то за руку к врачам поведу! Взяла моду смущаться от любого чиха. Тебя будто не хвалили никогда. Правда что ли? Демоны, с кем ты жила?

Дома она жила с близкими и родными, а теперь казалось, что в тюрьме. Долго не могла привыкнуть не сжиматься в ожидании крика каждый раз, когда открывалась дверь. Регина

была шумной и грубоватой, но никогда всерьез не ругалась, очень многое переводя в шутку. Строгая и жесткая старшая смены оставалась в диспетчерской речного вокзала, а домой возвращалась просто Регина, которая любила сладкое, коллекционировала книги по саморазвитию и заставила всю ванную комнату косметикой от пола до потолка. Куна растерялась, когда впервые увидела горы и кучи недешевых кремов, скрабов, масок, шампуней и лосьонов. Покупать нового ничего не пришлось, хозяйка просто запускала руку на очередную полку и выуживала тюбик или бутылку, рассказывая для чего это.

— Это скраб для рук. Нет, скрабом для тела нужно скрабить только тело, этот нежнее. Смотри, натуральная пудра из абрикосовых косточек, чувствуешь, как пахнет?

Куна зажмурилась и тянула носом тонкий аромат парфюмерной отдушки, жалея, что всю эту вкусноту нельзя есть. Половину не услышала, вторую половину забыла, но Регина велела выучить и грозилась проверить знания.

— А это особая серия «Изысканный десерт», здесь каждый аромат — произведение кулинарного искусства, а выпечку ты делать умеешь?

— Умею, надо только в магазин сходить за сливочным маслом и яйцами, остальное есть.

— Завтра и пойдем. Демоны, я ж слюной захлебнусь. Слушай, героиня романа про новую жизнь, а ты не думала бросить диспетчерскую и пойти куда-нибудь поваром?

Конечно, она думала. Мечтала о кулинарной академии несколько циклов, но на лекарства для Аврелии учебой денег не заработать.

— Не примут меня, кончился набор, — вздохнула Куна, — да и работу придется бросить, а жить на что?

— Тю, зачем бросать, есть же дистанционное образование.

Глаза у Регины светились даже ярче, чем когда она перебирала свои баночки и тюбики. Старшая не на шутку распалилась, рассказывая как просто будет зубрить теоретическую часть между сменами, а на экзамены по трудовым инструкциям положены отгулы. Так убедительно расписывала светлое будущее: маленькую кондитерскую в центре города, аромат свежей выпечки, белоснежный передник и вечно счастливые лица цзы'дарийцев, потому что трудно прожить счастливым без сладкого. Так тепло стало и уютно, что Куна поверила. Все документы давно оформлялись электронно, терминалы из кафе никуда не делись, даже планшет не нужен. Несколько нажатий на кнопки и она — слушательница курсов в Кулинарной академии.

— Завтра пойдем, — пропела Регина, чуть не прыгая по крошечной ванной комнате, смеясь и заряжая безудержным весельем Куно. Пусть на краткий миг, но жизнь стала простой и легкой, как пушистое облако, а потом в дверь позвонили.

— Не жду гостей, — цокнула языком хозяйка и пошла открывать. У Куны бешено колотилось сердце и совсем не зря. На пороге барака стояла Аврелия. Посвежевшая, похорошевшая и явно совершенно здоровая, а Куна пока плакала по ночам и мучилась угрызениями совести, чего только не нафантазировала.

— Сестренка, как я рада тебя видеть! — защebetала младшая и протянула руки обняться.

— Ну, вы идите на кухню, а я в магазин сбегаю за сливочным маслом и яйцами, — проворчала Регина, то и дело зыря на вторую за неделю непрошенную гостью. Куно же улыбка сестры казалось эхом из прошлого, от которого озноб пробирал, и хотелось спрятаться в кровати под одеялом.

— Грация давно сказала, где ты, — зашептала Аврелия, утаскивая Куну за локоть к кухонному столу, — мать запретила к тебе ходить, а я не удержалась. Честно говоря, думала, ты к своему Нурию сбежишь. Кстати, почему не сбежала?

Куна хорошо знала эти сложенные бантиком губы и трепещущие ресницы. Аврелия явно не видела трагедии в случившемся, или мать выставила злодейкой старшую дочь, а себя объявила несчастной жертвой. Как она любила говорить: «Родила на свою голову неблагоприятную дрянь, теперь расхлебываю. Уж лучше совсем без детей, чем с такими».

Куна вздрогнула, стоило вспомнить ставший ненавистным голос и представить мать, бьющуюся в истерике. Да что же она ей сделала? Когда успела жизнь испортить? Когда родилась или еще в утробе?

— Номер Нурия в планшете, а планшет дома остался, — ответила Куна, нехотя садясь на табурет.

— Тоже мне проблема, — фыркнула Аврелия. — Принесла я твой планшет, держи.

Толку от планшета? Личный номер генерала она наизусть знала. Пять нолей и три пятерки — что тут запоминать?

— Я не стану звонить.

— Бред, — еще громче фыркнула Аврелия и сложила руки на груди, — бороться надо за свое счастье. Да, не такой уж перспективный у тебя Нурий, мы все-таки узнали, кто он. Рядовой водитель, казалось бы — гиблое дело, но возит не кого-нибудь, а генерала! Ты знала об этом?

Куна со стоном закрыла лицо руками. Надо запретить таким как Грация разговаривать и пользоваться Сетью! Теперь и рядового втянули в фарс, а вдруг у него своя любимая, да еще и дети, какого ей будет? Служба такая — изображать пару для любовниц генерала?

— Да знала, Аврелия, давай закроем эту тему.

Сестра вся в розовом и белом как воздушное безе вдруг стала наседать на Куну с невиданным напором.

— Нет! Раз уж ваши отношения зашли так далеко, и ты отдала ему самое дорогое, то пусть обеспечивает самым лучшим. Не беда, что рядовой, с таким командиром можно рассчитывать и на повышение, и на улучшенный паек, и на отдельное жилье, надо только ему намекнуть. Твердо.

— Я не стану с ним разговаривать, — взвилась Куна, но Аврелия вскочила с места и почти закричала.

— Дура! Всему тебя надо учить! Не смогла выбить из него достойное содержание до того, как легла в постель, сейчас наверстывай!

Мелко завитые кудряшки подсакивали пружинами, а от духоты на кухне в складках кожи на лице младшей сестры собрался тональный крем, делая Аврелию гораздо старше её шестнадцати циклов. Казалось, еще несколько слов и она схватится за ремень совсем как мать. От нервного напряжения Куну стало мелко трясти. Все ночные кошмары, слезы и раскаяние за то, что ушла, даже не попытавшись помириться, снесло ураганом. Слишком долго ей вдалбливали, как нужно жить. Хватит! Пора остановиться!

— Замолчи, — зашипела она на Аврелию, — я не стану ничего просить! А если ты еще раз заикнешься об этом, я тебя ударю.

Глаза Аврелии как в детстве широко распахнулись и губы задрожали, вот-вот заревет.

— Куна, ты чего? Я же как лучше хочу. Мужчина обязан обеспечивать свою женщину, на этом жизнь построена. Ты ему уют и семейный очаг, а он тебя одевает, кормит и в свет

выводит. Так природой задумано...

— Мне плевать, — простонала Куна, — я не хочу так к нему относиться. Будто не живой цзы'дариец, а машина для производства материальных благ и удовольствий. Дрон-добытчик.

Сил давно не осталось, организм изнашивал последние резервы. Ничего ей генерал не должен, и так слишком много сделал. Самое гадкое, что может случиться — стать для него проблемой и обузой. Справится со всем сама: в Академию поступит, хорошую работу найдет, с матерью когда-нибудь помирится, а сейчас пусть оставят в покое. Разве это настолько невыполнимо? Просто не трогать, не учить, не долбить моралью и правильным отношением к жизни!

— Ну, тише, тише, что ты? — ласково приговаривала Аврелия, поглаживая сестру по руке. — У тебя депрессия, отвращение после близости, но оно пройдет. Ты отдохни пока, а позже подумай над моими словами. Хорошо, сестренка?

— Аврелия, я вчера отдалась совсем не Нурию.

Признание рвалось наружу, не встречая сопротивления. Если не получается переубедить или прогнать Аврелию, то лучше сказать правду и она сама уйдет. После ссоры с матерью уже не страшно. Куна так долго твердили, что она — эгоистичная дрянь, что пришло время оправдать характеристику.

— Я переспала с генералом Наилием Орхитусом Ларом прямо в патрульном катере, когда мы возвращались в Равэнну из четвертого сектора. И все мои свидания были с ним. Прости, что врала так долго.

Куна ждала самую громкую истерику в своей жизни, успела пожалеть, что призналась на кухне у Регины, рискуя её мебелью и посудой, но Аврелия просто стояла и молчала, наматывая на палец пружину локона. Матери больше нет, теперь не станет и сестры. Бездна, как же все далеко зашло. Стены шатались и воздуха не хватало. Сквозь слабость как сквозь сон колокольчиком прозвенел высокий голос Аврелии.

— Ты меня, конечно, извини, сестренка, но где ты, а где генерал? Не его уровень совершенно. Нурий — еще куда не шло, но не хозяин сектора. Ты же тусклая, невзрачная и убогая даже в чужом платье. Не прощу, что соврала сейчас, не ожидала от тебя такого, по самому больному прошлась. Делай, что хочешь, слова больше не скажу.

Аврелия развернулась, взмахнув пышным подолом розового платья, и гордо удалилась, хлопнув на прощание дверью. Радуйся, Куна, пляши, теперь ты на самом деле осталась одна.

Документы в Кулинарную академию приняли неожиданно быстро, оценки в аттестате с начальных образовательных курсов оказались высокими. Куна боялась, что её попросят приготовить что-нибудь для вступительной комиссии, и она от страха пересолит или не пропечет блюдо, но строгие женщины в форме высшего преподавательского состава велели нарезать лук кубиками и кольцами. Лук! Куна чуть не плакала от радости. Остановилась только, когда тронули за плечо и сказали: «Достаточно, вы приняты». Регина радовалась даже больше новоявленного курсанта академии, потащила соседку в кафе, и они полдня просидели за столиком на улице, перепробовав, кажется, все сорта мороженого. Болтали обо всем на свете и смеялись, будто проблем никогда и не было.

Равэнна согревалась последними теплыми днями перед затяжной осенью, и настроение порхало пестрыми бабочками. Удивительно, как быстро пролетела неделя, а за ней половина второй. Аврелия больше не звонила и не приходила, зато Куну навестила Грация и через дверь в барак Регины кричала, что мать ждет извинений и в интересах Куны как можно быстрее их произнести. Она не стала отвечать, пообещав мысленно, что ничего мать не дождет. По крайней мере, сейчас. В голове не укладывалось, как должны звучать те извинения, за что надо стыдиться? Недовольные вопли Грации едва затихли на улице, как в дверь снова постучали.

— Сиди, — буркнула Регина, — я её сейчас взащей вытолкаю и пинком снабжу для ускорения.

Затянув потуже хвост на затылке и одернув юбку, старшая смены вышла в коридор. Куна заткнула уши, не желая слушать очередную свару, но вместо бурного выяснения отношений, Регина негромко позвала.

— Выйди, пожалуйста, это к тебе.

На пороге барака, привалившись плечом к дверному косяку, стоял водитель Его Превосходства.

— Нурий, — кивком поприветствовала его Куна и Регина, округлив глаза, с нарочитой поспешностью подхватила сумку и плащ.

— Вы тут сами без меня разберетесь, а я по магазинам или в парк.

Водитель проворил её благодарной улыбкой и обернулся к обескураженной Куне.

— Я... я не ждала вас, — пробормотала она и попятилась обратно в кухню, — как вы меня нашли?

— Искал не я, — усмехнулся рядовой, — а в следующий раз, если надумаете спрятаться, меняйте не только дом, но и работу, имя, а еще крайне желательно выбросить планшет вместе с чипом связи. Что такое? Вижу, вы расстроены. Дарисса?

Куна чуть не плакала и сама не понимала почему. От комбинезона Нурия пахло бензином и едва уловимым ароматом дорогой кожи из салона внедорожника. Может быть, генерал сидел в десяти шагах от барака, закрывшись от любопытных жительниц рабочего квартала тонированными окнами. Не дождался звонка, не стал набирать номер сам — приехал, а она не хотела выходить.

Слишком замечательным был тот полет на балет, казалось, ничего прекраснее уже не случится, а каждая встреча будет натянутой и неловкой. Аврелия хотела ударить сильнее,

но оказалась права. Не место Куна рядом с Наилием, она даже представить не могла, каково быть женщиной генерала, если до сих пор от смущения хотелось отвести глаза.

— Дарисса, — нахмурился Нурий, — если вы не хотите ехать, я могу сказать, что не застал вас дома.

Наверное, так будет лучше всего, но стоило Куна отступить еще на шаг, как тело налилось тяжестью. Уговоры провалились, разумные доводы рассыпались прахом, а от мысли, что Нурий сейчас на самом деле уйдет, и все будет кончено, стало больно. Пускай глупость, плевать на косые взгляды всего квартала, она попробует если не соответствовать своему мужчине, то хотя бы оставаться рядом.

— Нет, все в порядке, едем, — обреченно выдохнула Куна и сдернула куртку с вешалки. Уже на улице поняла, что Нурий не идет следом, а все так же стоит на ступенях крыльца и задумчиво кусает губы.

— Что-то случилось? — испугалась она.

— У меня картина мира шатается, обычно командир от повышенного внимания прячется, а тут все наоборот.

Договорив, Нурий склонил голову и рванул мимо неё к внедорожнику, а уже в машине Куна заметила, что не одна она умеет краснеть. Тяжело, наверное, все время относиться к генералу только как к важному пассажиру. Особенно если приходится возить к нему женщин на свидание.

— Нурий, — осмелилась она заговорить, когда внедорожник, урча шинами, выезжал из рабочего квартала, — я хочу извиниться за подругу моей матери Грацию. Она не всегда понимает, насколько нагло вторгается в чужую жизнь.

— Слухи, как комары, дарисса, — улыбнулся водитель, — звенят громко, но живут не долго. Особенно если держать наготове хлопушку. Приглядывают уже за Грацией, вздумает растрезвонить что-то по-настоящему важное — вежливо попросят угомониться.

Хотелось верить, что вежливо, хотя она заслужила болезненный щелчок по носу. Может тогда уже, наконец, займется своей жизнью.

Здание, у которого остановилась машина, Куна не знала. На вид ничем не примечательный серый пятиэтажный корпус с пристройкой, застекленной по периметру и не одного намека на вывеску.

— Что это? — вцепилась она в кресло водителя. — Куда вы меня привезли?

— Военный медицинский центр, дарисса, не волнуйтесь. Его Превосходство ждет в холле.

От спокойного тона Нурия стало еще страшнее. Пока Куна шла до главного входа, успела вспомнить все легенды о смертельных болезнях, привезенных с других планет, строжайшем карантине с санобработкой и миллионе анализов. Неужели Наилий чем-то заразился, и теперь медики проверяют всех, с кем он виделся после космической командировки?

Проклятье, только этих проблем не хватало! Вот и врач рядом с генералом уж очень раздраженный. Высокий, как шкаф с антресолью и в плечах шире доброй половины бойцов пятой армии. Такими обычно бывают хирурги или анестезиологи. Бездна, если это правда хирург, то все совсем плохо.

— Где я сейчас возьму инструменты? — выговаривал доктор, сжимая огромные кулаки. — Куда я её поведу?

— В смотровую, — холодно ответил Наилий, — руками посмотришь.

Врач глубоко вдохнул и поджал губы, проглотив немало ругательств. Страшно представить какая у него должность, если он так разговаривает с генералом. Наконец, мужчины заметили побледневшую от ужаса Куна.

— Ваше Превосходство, — кивнула она, несмело шагнув вперед и стараясь не смотреть на доктора.

— Куна, это лейтенант Назо, — представил его генерал, — военный медик моего легиона. Я попросил его осмотреть тебя.

Лейтенант разглядывал её свысока так, будто на плечах носил погоны полковника. От него разило злостью и той особой самоуверенностью, что появляется через десятки циклов непрерывной врачебной практики у лучших специалистов. Хотя на вид ему не больше двадцати, и кажется, что юноша все еще растет. Вон и припухлость детская на щеках и слишком нежные для военного руки.

— Что-то случилось? — нахмурилась Куна, второй раз за день задавая этот вопрос. Наилей выглядел уставшим и задерганным, а отвечая, тщательно подбирал слова.

— Нет, но я хочу убедиться, что не навредил тебе той ночью.

Куна вспомнила кровь на спальнике и скукожилась, вжимая голову в плечи. Несуществующие боги, только не осмотр у гинеколога! Она ведь спрашивала у Регины и соседка подтвердила, что все нормально, так и должно быть, зачем врач? Хотя какой у военных гинеколог? Кого он там в казарме лечит?

— Прошу за мной, дарисса, — сквозь зубы прошипел лейтенант Назо и повернулся к ней спиной, отправившись к лифтам. Генерал кивнул, что надо идти и Куна обреченно вздохнула. Вот тебе и свидание с мужчиной. Может быть правда стоило остаться дома.

Смотровая больше напоминала кабинет гражданского специалиста с аккуратными шкафчиками, широким письменным столом, большим планшетом на подставке и единственной кушеткой у стены. Не громоздкого медицинского оборудования, не унылой кафельной плитки, с которой легко смывается кровь и другие физиологические жидкости — все скупое, рационально и в какой-то степени элегантно. Куна почти расслабилась, но вместе с хлопком двери за спиной услышала:

— Раздевайтесь.

Как же без этого осматривать? Аппараты МРТ, рентген и другие достижения науки легко игнорировали одежду, а гинекологи до сих пор заглядывали в самое сокровенное лично, да еще и руками туда лезли.

Куна снова осмотрелась, надеясь, что ширму для переодевания она просто не заметила с порога, но спрятаться от глаз лейтенанта можно было только в шкафу. Пусть там темно, зато не придется краснеть, раздеваясь перед мужчиной. Знакомые женщины нагло ввали, что стоит один раз познать близость и стыд исчезает. Никуда он не делся, даже наоборот.

— У вас со слухом проблемы? — зло спросил врач и подошел ближе, — снимайте белье и ложитесь на кушетку.

Зря Куна ждала, что лейтенант хотя бы отвернется. Военный раздраженно буравил её взглядом и тоже ждал. Хотелось вспылить, наговорить ему гадостей, развернуться и уйти. В конце концов, когда она вставала на учет в репродуктивном центре прошла все обследования и сдала анализы, зачем снова?

— Дарисса, это тупик, — вздохнул врач, — я не выпущу вас отсюда, пока не осмотрю. И чем сильнее вы тянете время, тем больше у меня подозрений, что осмотр крайне необходим. А для этого надо раздеться. У вас менструальная кровь идет, поэтому стесняетесь?

— Нет, — торопливо замотала головой Куна, — не поэтому. Просто неловко.

Сцена стояния друг напротив друга продолжалась. Лейтенант молчал и тянул носом воздух, а Куна уже вжала голову в плечи. Сейчас врач точно выйдет из себя и начнет орать и тогда задирать юбку придется трясущимися руками, а потом она все равно не сможет сделать то, что требует. Бежать надо, замков на дверях нет, а Наилию она потом придумает, что сказать.

— Хорошо, — неожиданно тихо ответил лейтенант и будто сдулся: плечи опустились, взгляд потух, и врач устало сел на кушетку. — А когда начнется период?

— Уже скоро. Три дня назад ждала, живот тянет, думаю, сегодня или завтра.

— Часто бывают задержки?

— Нет, обычно день в день или раньше.

— Замерзли или перенервничали? Садитесь.

Военный показал глазами на кушетку рядом с собой и Куна села, на всякий случай, отодвинувшись подальше.

— Скорее второе.

— Жалобы есть? Слабость, недомогание, тошнота?

Больной Куна себя не чувствовала, и отвечала на каждый вопрос все смелее и смелее. Врач тоже успокаивался, но говорил по-прежнему быстро и смотрел перед собой в пустоту. И то, что раньше казалось Куне агрессией, теперь выглядело обычной нервозностью. Особенностью темперамента или эхом от личных проблем и забот.

Из кабинета лейтенант её вывел через час после того, как все-таки осмотрел и взял несколько анализов. Генерал ждал в коридоре и, кивнув на доклад, что все в порядке, взял Куну под локоть и отвел на диван.

— Что он тебе сказал?

— Хорошо питаться, гулять на свежем воздухе, не поднимать тяжестей.

Стандартные рекомендации от всех недугов, но Наилий, выслушав каждую, занервничал едва ли не сильнее лейтенанта.

— И больше ничего?

— Предупредил, что остальное только после результатов анализов.

Странный, конечно, был прием, зачем же её все-таки сюда привозили?

— Ваше Превосходство, — Куна подвинулась ближе к побледневшему и притихшему генералу, — а лейтенант Назо правда гинеколог?

Наилий вытянул спину и в голос вернулись властные нотки полководца.

— Есть сомнения?

Вот зачем рот открыла? Сейчас ляпнет что-то не то и подведет лейтенанта под проверку на служебное соответствие.

— Н-нет, — испуганно промямлила Куна и вдохнула поглубже, — просто он странный. В кабинете нет кресла, ширмы, лотка с инструментами. Лейтенант Назо брал анализы и долго раскладывал пробирки, стекла и контейнеры с тампонами на столе. А когда, наконец, подошел ко мне, то постучал согнутым пальцем по лбу, выдохнул и сказал: «Приступим, что ли».

Генерал моргнул, зажал рот рукой и закрыл глаза. Смех сначала едва прорывался сухим треском радиопомех, а потом полководец расхохотался по-настоящему. Легко и беззаботно как мальчишка, вытирая пальцами уголки глаз и сгибаясь пополам.

— Ох, Назо, — наконец, сказал Наилий, когда перевел дух, — вот так постучал, верно?

Генерал повторил жест, и ошеломленная Куна молча кивнула.

— Эриданский ритуал призыва удачи. Надо было еще под ноги поплевать, но в смотровой нельзя. Извини за обман. Лейтенант Публий Назо на самом деле полевой хирург акушерство он изучил практически случайно. Я не могу обращаться к гражданским специалистам в обход военной медицинской службы, меня не поймут не те не другие. Ты у Публия первая пациентка. Буквально. До этого он лечил только мужчин.

Теперь картина прояснялась, но объяснений, откуда взялись сомнения в её здоровье, по-прежнему не прозвучало. Уж больно внимательно и дотошно лейтенант отнесся к приказу генерала, несмотря на все свое раздражение. Куна собралась с духом и заговорила.

— Я понимаю, но почему я не могла сама сходить к гинекологу, не упоминая твоего имени?

— Потому что, если что-то случится, я хочу быть в курсе, — спрятав улыбку, ответил генерал. — Пойдем, я отвезу тебя домой.

Кажется, она все-таки влипла в определение «моя женщина». Осталось только решить — радоваться или плакать.

Лаборатория после прямого приказа «сверху» заработала в два раза быстрее, и результаты пришли на планшет Публия к вечеру этого же дня, а у генерала на столе в генеральном штабе запищала гарнитура.

— Слушаю.

— Лейтенант Назо. Ваше Превосходство, вам по порядку или начать с главного?

Любят медики резину тянуть, будто неприятную новость можно смягчить, а жизнь смертельно раненого продлить на эти несколько мгновений.

— Говори уже, — рыкнул Наилий в гарнитуру.

— Гормон на две-три недели. Да, она беременна.

Тьер, впервые мечтал выстрелить холостыми и все равно попал в десятку! Можно заливать Шуи кипятком и праздновать отцовство.

— Понял. С остальными анализами что?

— Здоровье матери в норме, а генетику ребенка я раньше начала второго триместра не посмотрю.

Снова ждать. Метаться по кабинету и поглядывать на ящик стола, где в прозрачном контейнере на крайний случай оставлено успокоительное. Ждать и бояться так, чтобы прятаться от всех репродуктологов Равэнны и просить полевого хирурга вести беременность. Почти сорок циклов назад будущего генерала Лара выбирали из тысячи эмбрионов после всевозможных анализов и прогнозов с наилучшей вероятностью. Генетический эксперимент, лабораторный мальчик, рожденный суррогатной матерью. Насмешка над природой. Зачем ему вообще оставили возможность иметь детей? Да, хотел сына, наверное, как все, но не так. Думал, когда соберется, то будет искусственное оплодотворение, все те же анализы и уверенность в здоровье ребенка. Кому теперь молиться? Несуществующим богам Дарии? Духам Эридана? Великим воинам гнарошей? Что могло получиться из комбинаций генов чудовища и ни в чем не виноватой дариссы?

— Публий, только не говори ей ничего, я сам. Даже если будет настойчиво задавать прямые вопросы. Ни-че-го! Ты меня понял?

— Так точно, Ваше Превосходство.

Регина не стала устраивать допрос, где Куна была и что делала, попросила только звонить, если будет задерживаться до утра, чтобы соседка не волновалась. Куна вслух пообещала, а про себя подумала, что до утра сильно вряд ли. Не в машине же ото всех прятаться и не в воздушном катере, а в гостиницу она к генералу больше не поедет. Не выдержит снисходительных и понимающих взглядов персонала. Всем плевать есть ли у нее чувства и как долго продлятся отношения, ярлык «генеральская подстилка» камнем падает на шею мгновенно и не снять его до конца жизни. Есть дариссы, что будут гордиться статусом и стараться выжать из него максимум, а Куна кроме очередного позора на весь квартал больше ничего не получит.

— Регина, тебе погладить форму? — громко спросила она из комнаты, доставая утюг. Соседка вернулась с кухни и остановилась в дверях. Тербила пальцами пуговицы на блузке и хмуро следила за тем, как Куна раскладывает гладильную доску.

— Погладила уже, а ты куда собралась?

— На смену.

— Нет у тебя больше ночных смен.

— В смысле?

Старшая диспетчерской смены зажмурилась и громко чихнула, потом еще раз и еще.

— Проветривать надо, пыли много скопилась. Чего смотришь, будто с работы выгнали? Не дожدهшься. Только что главный диспетчер мне график на следующую неделю завернул с комментарием убрать у тебя все ночные смены, оставить только дневные. Так что отдыхать теперь будем врозь, одна на хозяйстве останешься.

Куна чуть не уронила тяжелый утюг, промахнувшись мимо дока зарядки. Какая оса ужалила в зад главного диспетчера? Ему не было дела до графиков, смены всегда составляла Регина.

— Как же я теперь учиться буду? — расстроилась Куна. — Я ведь хотела напроситься на занятия к группам очного обучения.

— Значит по учебникам, тоже мне проблема, — фыркнула Регина, — скажи лучше, откуда прилетело такое распоряжение? Ты жаловалась кому-нибудь на тяжелые условия труда? В комиссию, например. А то кроме перетасовки смен налетит проверка со штрафами.

— Нет, что ты! Я не могла! Я ни с кем не разговаривала кроме тебя и...

— Нурия, — подсказала Регина, но в голове у Куны звенело совсем другое имя. Генерал снова вмешался как тогда с таблетками для Аврелии, просто не зная, что вредит, а не помогает. Ночные смены оплачивались по двойному тарифу и диспетчеры за них практически дрались. Только командный голос Регины и её авторитет руководителя позволили поставить Куне несколько лишних смен. Теперь она лишалась чуть ли не половины жалования. Да, с голода не умрет, но учиться в академии станет сложнее. Она уже получила на почту список того, что курсант обязан иметь, включая сотейники, блендер, миксер и другую кухонную технику. Можно и без неё готовить, конечно, но времени и сил будет уходить больше, а Куна лишилась еще и отгулов после ночных смен.

— Кошмар, — выдохнула она и упала спиной в кресло.

— Не мороси мелким дождиком по темечку, рано еще. Я утром поговорю с главным, не

подвину тебя обратно, так хоть узнаю в чем дело. Водитель у генерала, конечно, не простой рядовой, но у нас гражданская служба. Ой, да не бледней, твой страшный секрет уже полквартала знает. Может он и не при чем. Тебе на смену послезавтра, а я пошла на свою. Давай, не кисни, достань учебники и отвлекись.

Куна кивнула, пожелала удачи и в самом деле открыла пособие по термической обработке продуктов, но строчки прыгали перед глазами, а планшет в руках ходуном ходил. Вот уж влипла, так влипла. Генерал тридцать три легиона держал в подчинении, даже к сплетнице Грации приставил слежку, на что она-то глупая надеялась? Теперь жить будет по команде, ходит только туда, куда можно и разговаривать с проверенными цзы'дарицами. Спецконтроль над спецнадзором.

— Бездна! — застонала Куна и схватилась за голову.

Очередная новость пришла утром следом за сонной Региной. Соседка едва успела рухнуть на кровать, не раздеваясь, как в дверь забарабанили.

— Иду, иду, — проворчала Куна, путаясь в рукавах теплой кофты, — не так громко, пожалуйста. Нурий?

— Дарисса!

Водитель Его Превосходства аккуратно отодвинул хозяйку плечом и втащил в барак два гигантских продуктовых пакета.

— Это зачем? — успела спросить Куна в широкую спину, пока Нурий бесцеремонно топал на кухню.

— Чтобы есть, зачем же еще? А где холодильник? Вижу.

Куна не сразу догадалась, что же такое достает рядовой, потому что все банки, пакеты и коробки были одинакового защитного цвета и с крошечной маркировкой глифами на одной стороне.

— Ого, — Регина вынырнула из-за спины Куны и присвистнула, — мясо консервированное, галеты диетические, сыр плавленый, паштет из гусиной печени, икра лососевая, да тут практически генеральский паек!

Нурий улыбнулся и сунул нос в пакеты глубже. Да, паек был именно генеральским. Его Превосходство считает, что две взрослые самостоятельные женщины не могут себя прокормить?

— Спасибо, конечно, — вздохнула Куна, — но я не могу принять подарок. Верните его, пожалуйста...

Чихнула Регина высоко и тонко до звона в ушах, а потом, зажимая нос, цапнула Куну за рукав и вытащила в коридор.

— Рехнулась? Мужик поухаживать решил, а ты мешаешь. Хочет кормить — пусть кормит, обидится ведь. Они, знаешь, тоже с прибабаками. Такие деликатесы только офицерам выдают, он, поди, выменял их на что-нибудь ценное, да еще долго торговался, чтобы тебя порадовать, а ты нос задрала. Съедем, не пропадут!

Вот как ей объяснить, что дело не в продуктах? Десять циклов Куна жила с матерью, спрашивая разрешения купить конфет или сходить погулять в парк. Десять циклов кто-то другой решал, что ей делать, как одеваться, с кем дружить. Стоило ли сбегать из одной тюрьмы, чтобы угодить в другую? Генерал — не посудомойка в кафе, он щелчком пальцев может её уничтожить. Столько власти и вседозволенности, что в животе холодело от ужаса. Хозяин всего сектора. Буквально всего.

— Эй, ты плакать что-ли собралась? — шепнула Регина, поднимая за подбородок. — В

морду охота дать твоей мамаше, так запугала несчастную девочку. Куна, мы тебе не враги. Иногда забота — это просто забота без задней мысли и коварных планов. Знаешь, много мужиков ходит на свидание с цветами, а потом чуть проблемы нарисуются, ухажеров ветром сдувает. Не тот любит, кто звезду с неба обещает, а тот, кто спросит: «Ты покушала? Тебе не холодно? Чем помочь?» Цени его, глупая, хороший мужик.

Конечно хороший. Зря разнервничалась и накрутила себя. Да, генеральский паек, но другого у Наилия просто нет. Надо будет выйти потом на улицу и позвонить, поблагодарить.

— Фрукты сразу помыть? — громко спросил с кухни Нурий и пришлось туда вернуться. Регина уселась за стол и принялась рассматривать по-военному упакованные консервы, а Куна встала к раковине, отняв у рядового сетки с апельсинами и яблоками.

— Надо же! Натал-Фор! — воскликнула соседка, вцепившись в пузатую баночку с таблетками, — мне в свое время на них денег не хватило, пришлось пить что попроще. Сейчас, наверное, еще дороже стоят.

— Не знаю, дарисса, — смущенно улыбнулся Нурий, а Куна вытянула шею к столу.

— Что это?

— Витамины, — невинно хлопнув ресницами, ответила Регина и убрала медикамент на полку. — Мой, мой, не отвлекайся.

Витамины, наверное, лейтенант Назо прописал и про фрукты он тоже говорил, а генерал передал распоряжение дальше. Теперь стыдно стало по-настоящему. На пустом месте вселенский заговор разглядела.

— Спасибо большое, Нурий.

— Не за что. У меня в машине еще пару мелочей осталось, сможешь принести?

— Конечно!

Куна поставила вазу с фруктами на стол и тщательно вытерла руки полотенцем.

— Если ты вдруг надолго, то не спеши, — сказала Регина, — я сейчас спрячу остальное и спать лягу.

От широкой улыбки соседки в жар бросило. Регина чуть ли не благословляла на свидание, а настоящий мужчина Куны сидел сейчас в штабе и движения войск согласовывал.

— Хорошо, — кивнула Куна и пошла вслед за Нурием к внедорожнику. Ошиблась на счет штаба, генерал ждал в машине. Обитое кожей сидение чуть слышно скрипнуло под Куной, а потом еще раз, когда Наилий подсел ближе.

— Как ты себя чувствуешь?

Генерал аккуратно взял её за руку и поднес пальцы к губам. От мимолетного движения вспыхнули щеки, и Куна заметалась взглядом по салону. Ушел Нурий, одних оставил.

— Хорошо. Разве должно быть иначе?

Простой вопрос, но Наилий медлил с ответом. Хмурая складка на переносице стала еще глубже, а вместо апельсинов от генерала пахло чем-то по-химически резким. И сам он реагировал на любой звук с улицы дергано. Машины в пробках ревом клаксонов разгоняли друг друга, свистело звуковое оповещение пешеходного светофора, и с низким гулом над Равэнной пролетал патрульный катер.

— Я так и не придумал вступление, — заговорил Наилий, сложив руки на коленях, — предысторию в виде космической командировки и ранения ты знаешь, наверняка слышала о временной стерилизации у мужчин. Получилось так, что в ту ночь после балета у меня её не было.

Куна чуть не застонала, мгновенно угадав, куда клонит генерал. Намеки и смешки

Регины, свежие фрукты в посылке, поход к хирургу-гинекологу, анализы — все сложилось в простой и очевидный вывод.

— Я беременна?

Генерал снова вздрогнул и отвел глаза, будто сделал что-то постыдное и не знал, как загладить вину, а у Куны истерика зарождалась нервной усмешкой. Беременна! Разве так бывает, чтоб с первого раза? Будто искусственно перенесли уже готовый эмбрион, и он тут же прижился. Несуществующие боги, она не просила! Как теперь работать, учиться? Демоны, рожать ведь придется! В животе вырастет младенец, а потом запросится наружу! Это же больно! Все кто рожал, взхлеб рассказывали о долгих часах невыносимых страданий со схватками, боли, разрывающей изнутри, ведрах потерянной крови и ужасной слабости после. Мать описывала особенно красочно, чтобы дочерям не захотелось рожать даже под угрозой смерти.

— Как же так вышло? — всхлипнула Куна.

— Я не проследил, не спросил, не убедился. Прости, я до последнего надеялся, что обойдется.

Генерал и вдруг надеялся. Куна колотило от негодования и слезы вспухали прозрачными каплями в уголках глаз. Ей заботливо подставили грушу для морального избиения, и она вкладывала в удары всю обиду и беспомощность. Сколько бранных слов она вспомнила, сколько наказаний придумала, воплоти все и на генерале живого места не осталось бы. Как он мог?

— Совсем ничего нельзя сделать, да?

— А чего тебе хочется?

От собственного раздражения Куна не заметила перемены в голосе Наилия, не уловила сухих нот настороженности и рубанула наотмашь.

— Мы давно не при первых генералах живем, инструкцию, заставляющую женщин рожать, отменили! Я могу...

— Аборт сделать? — зарычал генерал, низко опустив голову так, что Куна испуганно отшатнулась, врезавшись спиной в ручку двери. — Забудь об этом!

В клетке с тигром не так страшно. Внедорожник будто оцетинился изнутри, и колот штырями. Куна задыхалась от духоты, чувствовала, как промокает блузка на спине и в подмышках. Исчез холодный и сдержанный генерал, рядом сидел тот, кто летал в космос убивать.

— Я не хотела... Я не думала. Пожалуйста, не надо.

Колотило всерьез и от стука зубов слова ломались, теряя буквы в окончаниях. Соврала, что не думала. Хотелось уснуть под наркозом и проснуться прежней — пустой и свободной. Сидеть над учебниками, готовиться к сессии и мечтать, что все, наконец-то, станет хорошо, а с ребенком мать ей жизни не даст. Бульдозером выломает двери в барак Регины и будет бесконечно кричать на одной высокой ноте: «Я же говорила! Я тебе говорила! Дрянь! Потаскуха!»

— Не буду, извини, — сказал генерал, протягивая руку и не решаясь прикоснуться, — тише, успокойся. Мы не с того начали. Бездна, я другое должен сказать.

Он не успокаивался, а давил гнев, как пустую консервную банку прессом. Лицо Наилия перекашивала гримаса, и губы сжались в тонкую нить. В вязкой тишине Куна отчетливо слышала, как он дышит размеренно и четко. Вдох. Выдох.

— Я не планировал ребенка, надеялся жизнь прожить бездетным, но теперь не откажусь

от него. Куна, я буду помогать продуктами, медикаментами, вещами, только выноси его, пожалуйста. Он не виноват, что оказался не нужен родителям. Если хочешь, я сразу заберу его. Горные интернаты уже не принимают новорожденных, но моего нилота возьмут.

Генерал оборвал себя на полуслове, чтобы перевести дух. От горного интерната, нилота, обещания забрать ребенка безумие подступало к самому горлу. Салон внедорожника казался утробой сказочного зверя, который проглотил и медленно переваривал, ломая жизнь как кости, проглатывая её кусками мяса. Дорога заканчивалась обрывом, и заглядывать за край не хватало сил. Куна должна была отказаться от интерната, но вместо этого спросила:

— А почему нилот? Вы уверены, что там мальчик?

Наилий прикрыл глаза и вытянул спину, словно не в повседневной форме сидел, а в жесткой клетке парадного кителя.

— Думаю, что мальчик. Слишком много совпадений и я никогда в них не верил. Нурий будет приезжать раз в неделю, но мне ты можешь звонить, когда захочешь, а еще вот — номер лейтенанта Публия Назо, он ведет твою беременность. Днем лучше писать ему сообщения, он часто бывает на операциях и не всегда может ответить. Ночью нужно звонить.

Куна растерянно забрала карточку с номером, уверенная, что звонить ночью не станет, даже если будет сильно плохо. Неудобно беспокоить.

— Не вздумай стесняться, — генерал будто прочитал её мысли, — сегодня может не актуально, но ближе к родам очень даже. Тебе сейчас что-то нужно?

— Нет, спасибо, ничего.

Пальцы соскальзывали с ручки двери и не получалось быстро сбежать из внедорожника. Куна не хотела ничего решать, говорить, делать, пока не уляжется в голове буря. Слишком дорого обойдется ошибка. Ушла, кивнув на прощание, и успела поймать еще один обеспокоенный взгляд. Пожалуйста, Ваше Превосходство, оставьте! Вас сегодня слишком много. Не вынести.

До барака добралась, не помня как, и сползла по стене в коридоре. Все! Хватит! Довольно!

Признаться Регине пришлось вечером, когда старшая смены выпалась и вместо сытой и довольной соседки нашла на кухне бледное подобие Куны с темными кругами под глазами и алыми лунками от ногтей на ладонях. Гадала Регина не долго, просто взяла с полки витамины и еще раз прочитала название вслух, сказав, что либо Нурий идиот и принес не те таблетки, либо кого-то через девять месяцев можно будет поздравить с прибавлением. Счастливо улыбнуться Куна так и не смогла.

— О-о-о, да ты никак с мужиком своим поругалась? Витамины притащил и включил заднюю, а вдруг не от него?

Лучше бы включил, наверное, но генерал уже все решил за троих, даже с полом будущего ребенка определился. Мальчик. Нилот. Будет учиться в горном интернате и вырастет лучшим воином. На восьмом цикле ребенка заберут из дома, и Куна будет видеть его раз в месяц в специально отведенный день. Гордиться нужно, но разве гордость или генеральский паек заменят сына?

— Регина, — подняла она глаза на соседку, — а ты расстроилась, когда узнала, что будет мальчик?

— Уже пол видно на УЗИ? Какой срок?

— Нет, я на будущее. Девочек ведь не забирают у матерей.

— Ах, вот в чем дело, — старшая смены села на табурет и потянулась к апельсину в вазе, — а мальчиков, если здоровые и крепкие забирают в военное училище. На гражданке оставить тяжело, у нас с Лавром нет таких связей. Я тоже психовала, скандал закатила, а потом смирилась.

Регина ногтями вскрыла тугую кожуру, брызнув липким соком цедры на пальцы, кухня мгновенно стала пахнуть как павильон с цитрусовыми на рынке. Аромат Куне нравился, но сейчас напоминал о генерале, и она сморщилась, отодвинувшись.

— Он ведь никуда не делся, можно позвонить, приехать навестить. Их там учат, хорошо кормят, одевают. Знаешь, Лавр все время в казарме, а без него я боялась, что даже шнурки сына не научу завязывать с моими-то бесконечными сменами. Я или на работе или отсыпаюсь после работы, а ребенку внимание нужно. Кем бы он тут вырос среди наших-то сплетниц и мужененавистниц?

Апельсин Регина разделила на дольки и разложила в лодочки из кожуры, так и не съев ни одной. Словно забыла, зачем чистила.

— Если все время жаловаться на жизнь и проклинать всех подряд, то можно пропустить много по-настоящему прекрасного: первую улыбку, первый шаг, первое слово. Не замыкайся на страхах и неприятностях, нет такой дыры, из которой нельзя выбраться, а ребенок растет быстро. Ты моргнешь, он уже ползает, разгребешь завал на работе, а он начнет особняки из конструктора строить. Наслаждайся каждым мгновением.

Куна была слишком маленькой и не запомнила младенчество Аврелии, зато знала, как тяжело матери ухаживать за больным ребенком. Сидела дома с сестрой, когда подружки играли на улице. Как же она тогда её ненавидела и не понимала, за что можно любить детей? Маленькие, беспомощные, капризные, вечно лезут куда нельзя и ломают все, до чего дотянутся. Своих не хотелось совсем, а потом мать начала нотации читать, убеждая, что

правильно. Не надо. Одна прекрасно проживет. Одна.

— Он сказал, что заберет его сразу, — еле выдавила из себя Куна и почувствовала, как её трясет, — отнесет младенца в интернат.

— Тю, кто ж ему даст? — Регина фыркнула и взяла второй апельсин. — До трех циклов ребенок только твой да и не принимают теперь новорожденных даже в интернаты. Прикрыли лавочку, успокойся. Эка вы переругались, до чего дошло. Явится в следующий раз, полотенцем отхлещу, гада. Несет чушь, беременную до слез довел, а показался таким хорошим. Надо же.

Нурий и был хорошим, но не он отец ребенка и язык по-прежнему не поворачивался назвать им генерала. Как с бездушным дроном поговорила. Проставил галочки в пунктах списка «обязательная забота» и успокоился. Его бы пичкать едой, витаминами и смотреть, как живот растет. А еще к Публию на прием каждую неделю! Чтоб без ширмы и с холодными инструментами. Гад!

— Успокойся, — повторила Регина, — съешь апельсин, отвлекись, тебе нельзя нервничать — живот заболит. Так какой срок?

— Две недели.

— Ох, ну да, — усмехнулась соседка, — больше и быть не могло. Долго еще до токсикоза, анемии, сонливости, возвращайся к нормальной жизни. Ничего почти не изменилось, будешь так же учиться и работать. В декрет уйдешь, а с заочного тебя никто не выгонит. Все планы в силе, Куна, выше нос! Как раз доучишься, и ребенок подрастет. А с Нурием еще поговорите. Для мужика это тоже новость и её переварить надо. Нормальный он у тебя, отойдет.

Только на это и оставалось надеяться. Куна кивнула и разжевала дольку апельсина, сморщившись от кислого вкуса. Странный сорт, будто нездешний, в апельсиновых рощах Равэнны плоды слаще и крупнее, а этот слишком дикий. Не ухоженный, не окультуренный. Чужой.

Генерал позвонил на следующий день, но Куна была на смене и не ответила на вызов, а позже пришло сообщение, что Наилий улетает в очередную командировку и вернется через две недели. Стоило выдохнуть с облегчением, но Куна губу прикусила от досады. Почти отрепетировала разговор, а он отложился. Пыл уйдет, слова забудутся и высказать генералу сочиненные резкости она уже не сможет. Бездна заberi космические командировки и всю пятую армию!

Нурий пришел через неделю с очередной порцией пайка. Регина работала, и рядовой не попал под её полотенце. А еще через неделю Куна проснулась ночью от боли в животе. Скрутило так, что не вдохнуть и ломило поясницу. Спать на разложенной кушетке сразу стало неудобно, а едва она перевернулась на другой бок, как боль стала еще сильнее. От спазма закружилась голова и резко затошнило. Несуществующие боги, что это?

Первой мыслью было выпить обезболивающее, но на полке у Регины стояли только злосчастные витамины для беременных и снотворное, придется терпеть. Бездна, да что ж так крутит! Завтра обеим в день, будить соседку не хочется, но если не пройдет, то сидеть за пультом Куна просто не сможет. От нового спазма потемнело в глазах.

— Регина! — простонала она. Показалось, что тихо, но соседка выскочила из спальни

как ошпаренная и врубила свет на кухне.

— Что случилось? Ох, пьяные гнароши, ты аж зеленая. Живот болит?

— Да, у тебя есть обезболивающее?

— погоди, поищу.

Куна скрючилась на кушетке, а все о чем могла подумать — при чем тут гнароши? Мысль не давала покоя и сорвалась в итоге с языка вопросом.

— Почему пьяные-то? Гнароши синие, разве пьяные зеленеют?

Регина фыркнула от смеха и закашлялась, уронив из шкафа консервные банки и контейнеры с сушеными травами.

— Выражение такое, от Лавра нахваталась. Слушай, ну нет обезболивающего, надо в больницу ехать.

А там если положат в стационар, то прощайте смены и жалование. Бездна, нельзя ей в больницу! Узнают про беременность, поставят на учет, данные на отца потребуют, а генерал так не хотел, чтобы об этом узнали, что потащил на осмотр к полковому хирургу.

— Не надо в больницу.

— Ты бредишь уже? А если у тебя острая хирургия? Помрешь тут у меня. Нет, Куна, надо ехать.

Регина решительно схватилась за планшет, а Куна запричитала.

— Подожди, я сама позвоню!

Если не получается увильнуть, так хоть попробует сохранить болезнь в тайне. Номер Публия Назо она носила в кармане вместе с гарнитурой и теперь набирала на планшете цифры, еще не зная, будет ли звонить. Стыдно будить хирурга, их смены тяжелее, чем диспетчерские, но деваться кажется, не куда.

— Лейтенант Назо, слушаю, — отозвался заспанный врач, еле ворочая языком.

— Это Куна, я приезжала к вам на осмотр две недели назад.

Говорить, что приезжала с генералом при Регине нельзя, но раз она у лейтенанта единственная пациентка, должен догадаться.

— У меня живот болит сильно, что делать?

— Ко мне ехать, адрес на карточке. Жду, — все так же сонно ответил лейтенант и разорвал соединение.

Генерал ненавидел больницы за мерзкое ощущение беспомощности, вонь медикаментов и стерильный белый цвет. Для большинства он был цветом чистоты и только для Наилия всегда цветом траура. Напоминанием о мертвецке в парадном кителе с генеральскими погонами, саркофаге и прыжке в бездну через огонь. Будто где-то незримо тикают твои часы, а циферблат сломан. Не узнаешь, когда остановятся — сейчас или через сто циклов.

Генерал ненавидел больницы за мысли о смерти.

Давно сидел в комнате отдыха для медперсонала и ждал хоть каких-нибудь новостей. Едва десантная капсула коснулась взлетной площадки на космодроме, как отправил сообщение Публию с вопросом, здорова ли Куна. А в ответ получил: «Она у меня с острой болью. Позже напишу». Это самое позже затянулось до утра. Нурий спал в машине, Публий носился по медцентру, а Наилий сидел на стареньком диване и смотрел на черный экран планшета. Сотню раз проверял чат, а сообщения так и не было.

От тихого щелчка открывшегося замка генерал чуть не подпрыгнул, но вместо Назо пришел другой врач. Увидев хозяина сектора, он вытянулся струной и громко поприветствовал:

— Ваше Превосходство.

— Вы лейтенанта Назо не видели?

— Он... в операционной, — растерянно ответил врач.

Публию лишь бы резать. Вне операционной, кажется, вообще не живет. Бездна, он Куну оперирует? Да что же с ней могло случиться? И с ребенком. А если его уже нет? Паранойя переливалась мрачными красками, подсовывая один кошмар за другим. Не хотела дарисса рожать, а он ей сказал, чтоб забыла про аборт. Неужели выкидыш спровоцировала?

Наилий слышал, как женщины избавлялись от плода, двигая тяжелую мебель по комнате, сидя в ванночках с кипятком, наевшись медикаментов до острого отравления. Несуществующие боги, зачем? Каким бы он не был плохим отцом, при чем тут ребенок?

За страхом подкралось безумие и зашептало в уши, что так даже лучше. Не будет еще одного никому не нужного узника горного интерната.

— Ваше Превосходство, я могу помочь? — обеспокоено спросил врач. Генерал не заметил, как он подошел ближе и замер у дивана. Мысли рассыпались, оставив холод и стерильную чистоту медцентра. Что Наилий хотел сделать? О чем забыл?

— Нет, спасибо, я просто жду.

Медик кивнул и больше не двигался. Не мог при генерале даже сесть без разрешения, а ведь пришел сюда отдохнуть или собраться домой, ночная смена кончалась с рассветом. Неловко получалось. Наилий командовать не собирался, и пациентом не был, зато занимал служебное помещение и явно мешал.

— Я в коридоре побуду, — выдохнул генерал и встал с дивана, кивнув на прощание.

Дежурное освещение заполняло трубу коридора серым светом. Пресным до отвращения. Очертания отбойников вдоль стены смазывались как в тумане и казалось, здание качается. Медленно и плавно, будто усыпляя.

— Ваше Превосходство.

На этот раз Назо в хирургической одежде и с маской, болтающейся на одном ухе.

— Что с ней? Как прошла операция?

Публий моргнул, не понимая о чем речь, а потом отмахнулся.

— Я оперировал не Куну. Уже шел к вам, и попросили помочь. Другой совсем случай. Куна в палате под препаратом спит. Острая хирургия не подтвердилась, а для выкидыша клиника странная. Я попросил Цесту, акушерку из центра репродукции посмотреть её.

Генерал сморщился, услышав имя гражданского специалиста. Говорил же не привлекать посторонних. Успокаивало только то, что в анализах и на аппарате УЗИ звание отца ребенка не видно.

— Есть там и отслойка и гематома в матке, но эмбрион размерами соответствует сроку, сердцебиение хорошее. Гормон уже тоже пришел, показатель в норме, беременность прогрессирует. Гипертонус нужно убрать и все хорошо будет.

Публий иногда забывался и говорил одними медицинскими терминами, не думая, что генерал понимал разве что десятую часть. Ребенок жив. Сложно поверить, но сердце уже бьется. Остальное — будто на другом языке, который не по зубам даже биопереводчику.

— Что такое гипертонус?

Военврач запнулся на середине фразы и шумно выдохнул. Да, лучше покороче и

обычными словами.

— Угроза выкидыша все еще есть. Препарат снимет тонус матки, но он может вернуться. У Куны невроз и довольно серьезный. От него все идет. Проблемы на работе — мимо, там что-то глубоко засело и копилось не один цикл.

Генерал кивнул, догадываясь, о чем речь. Знал, что скандал был, когда Куна вернулась утром из четвертого сектора и теперь она живет у подруги. Знал и не стал вмешиваться, стоило услышать слово «мать».

Из памяти как из бездны выплывали белые стены богатого дома на берегу океана, хруст мелкой гальки под ботинками и фигура ухоженной женщины в легком платье. «Я не обязана помнить каждого». Не обязана...

— Я поговорю с Куной, — тихо сказал Наилий, — мы разберемся. К ней можно сейчас?

— Недолго, пожалуйста, и серьезные разговоры лучше отложить до завтра.

— Хорошо, я понял. Спасибо, Публий.

Куна дремала, но никак не могла уснуть крепко. В окно приземистого здания медицинского центра с улицы светил фонарь, разбавляя золотом темно-серые рассветные сумерки. Живот больше не болел так сильно, но иногда спазмы возвращались далеким эхом, тогда Куна закрывала глаза и, как научила Цеста, разговаривала с ребенком. Мысленно, потому что вслух казалось слишком глупым. Уговаривала полежать спокойно и рассказывала про весенний парк в центре Равэнны, где распускаются на клумбах желтые примулы, синие гиацинты и пестрые ирисы. Про спокойный и полноводный Тарс, на котором даже рябь от ветра ленивая-преленивая. И про крикливых и вороватых чаек, что важно сидят на каменных шарах ограждения набережной.

Помогало, живот распушался, но сон все равно не шел. Цеста ушла, пообещав, что все будет хорошо, а Публий запретил вставать с кровати, да еще и привязал капельницей как веревкой. Совсем не ругался сегодня, даже когда Куна от волнения мямлила что-то невразумительное, а на все вопросы пришлось отвечать Регине. Тихий был и почти ласковый, но соседка все равно мрачно косилась на него исподлобья и спрашивала где гинеколог. Вернулась Регина в такси, только когда Публий поклялся, что все необходимые специалисты в центре есть. Объясняться придется дома, почему не поехала в гражданскую больницу. Соседка аж присвистнула, когда прочитала вывеску. Женщин сюда даже за ограду не пускали, не то, что на прием. Все врачи, санитары, регистраторы — мужчины в погонах и Куна в палате как ячмень в глазу. Правда на медицинской форме погоны заменяли вышитые полоски на воротниках, а врачи редко добавляли к обращениям звания, но военная дисциплина и порядок по-прежнему чувствовались в каждой мелочи. Неуютно здесь болеть, скорей бы домой.

В полудреме приснился странный сон. Будто в палату пришел генерал, замотанный с головы до ног в легкую синтетическую ткань. Длинную челку Наилий спрятал под шапочку, а маску небрежно оттянул под подбородок. Видение молча стояло в дверях, а потом позвало:

— Куна.

Трубка капельницы далеко не пустила, и порыв броситься навстречу генералу закончился на кровати. Наилий подхватил, не дав рвануть из вены катетер. Теперь сухая синтетическая ткань накидки для посетителей щекотала щеку, когда терлась об его плечо и Куна, свернувшись клубком, покачивалась у генерала на коленях. Она наелась страхом досыта, наговорилась с тишиной и видеть не могла четыре стены палаты. Хорошо, что он пришел. Пусть молчит и смотрит мимо, будто мыслями далеко в космосе, но с ним легче. Особенно сейчас, когда впервые кажется, что прямой как посох генеральской осанки никогда и не было. А он обнимает бережнее и нежнее, чем в катере.

— Куна, я говорил с Публием и все знаю.

Она вцепилась в него испуганно и вздохнула. Цеста долго скрывала угрозу выкидыша, сначала рассматривая на аппарате УЗИ крошечный эмбрион и замеряя сердцебиение. Только потом показала затемненную область «мертвой» плаценты. Чуть не потеряла. Процесс начался и остановился. Ребенка такого крошечного, но уже живого, организм хотел вытолкать. Выгнать.

— Все хорошо, — всхлипнула Куна, — правда, мы поправимся.

— Мы. — Наилий улыбнулся и обнял крепче. — Не забывай об этом, хорошо?

Она закивала, кутаясь в его тепло, как в одеяло. Что-то сказать должна важное, но снова забыла. Генерал гладил по спине, а потом положил ладонь ей под грудь.

— А живот скоро вырастет?

Куна едва сдержала смех. Терпением генерал не отличался, даже боязно говорить, что до рождения больше половины цикла. Самой торопиться не хотелось. Чем дальше роды, тем меньше о них думаешь.

— Еще три месяца ждать точно. Только потом беременность станет заметной.

Полководец нахмурился, явно что-то подсчитывая в уме. Даже спину вытянул, качнувшись назад, но, не выпуская Куну из рук.

— Тебе станет нужна другая форма одежды, чтоб не мешала и не давила.

— Ваше Превосходство, — разулыбалась Куна, — у женщин нет формы. Просто найду что-нибудь широкое и свободное.

Лукавила немного. Гражданские носили форму на работе, но для беременных её не придумали. Наоборот, женщин в положении на Дарии одевали с огромным удовольствием и фантазией. Аврелия захлебывалась восторгом, рассматривая каталоги, и, дурачась, иногда засовывала под платье подушку. Представляла, как будет ходить по рабочему кварталу самой пузатой, модной и счастливой. Вселенная словно пошутила, исполнив мечту младшей сестры у старшей. Куна взволнованно заерзала, осознав, что не сможет спрятать живот. Бездна со сплетнями и косыми взглядами в спину, Аврелия с матерью узнают! И тогда её даже Регина не спасет.

— Ваше Превосходство, — хмыкнул Наилий. — Мы же на имена перешли.

— Да, конечно.

Голос дрогнул, и нервный озноб вернулся, а вместе с ним противная тянущая боль внизу живота. Надо лечь и расслабиться, иначе все лечение пойдет прахом.

— Ты дрожишь, — тихо сказал генерал, — тебе плохо? Больно? Ложись.

Подушка обняла прохладой, а под одеяло помог забраться Наилий. Раньше Куна постыдилась бы признаться в недомогании, но сейчас не о себе заботилась.

— С этим нужно что-то сделать, — заявил генерал, — скажи, как тебе помочь? Ты можешь сменить работу или просто сидеть дома, всем необходимым я вас обеспечу.

— Нет, пожалуйста, я учусь в кулинарной академии, мне нужно жалование, а смены гибкие, их можно тасовать так, чтобы и на практические занятия успевать.

Хватит ей свободных ночей, днем хочется что-то делать. Без работы дом превращается в больничную палату, где из всех занятий — еда, сон и планшет. Куна насмотрелась на Аврелию, знала, что сама так не сможет. Взвост через месяц от безделья.

— Не надо, пожалуйста, Наилий.

— Тише, тише, — прошептал он, поглаживая по руке. Замолчал, будто собираясь с духом, а потом заговорил медленно, с длинными паузами. — Я переживаю за тебя. За вас. Хотел забрать в особняк, но там кроме меня живут офицеры, весь второй этаж занимают. И когда я в командировке особняк превращается в обычную казарму. Я уверен в дисциплине, но это три десятка молодых бойцов на гормональной буре, весьма страдающих временами без женского внимания. Не надо их лишней раз искушать.

Куна сама бы в особняк не поехала. Страшно представить какой там контроль и пропускная система, а сидеть за высоким забором безвылазно не хотелось.

— Я обрадовался, когда у тебя соседка появилась, — продолжил Наилий, — досье у неё чистое, характеристика с работы хорошая. Да и Нурий рассказывал, что вы нормально уживаетесь.

У Куны от удивления рот открылся. Все самые безумные легенды о вездесущности службы безопасности генерала подтверждались щелчком пальцев. Уверенность, что Наилию плевать, как она живет, с треском лопнула.

— Я бы не начал разговор, не угрожай ссора с родственницами твоему здоровью.

Генерал окончательно ушел в себя, застыв каменной статуей. Голос выцвел, взгляд потух, а слова вместо него словно выговаривал робот, объявляющий посадку на рейс речного катера.

— Ты знаешь, что я вырос в горном интернате. Попал туда на второй день своей жизни в закрытом пластиковом кювезе и с номером на бирке, привязанной к руке. Нас таких лабораторных и экспериментальных было тридцать, к выпуску осталось девятнадцать. Кто-то погиб, сорвавшись в пропасть, кого-то убили мутации и одного исключили. Мы не знали, кто наши родители, мастер запрещал даже спрашивать, но мне нестерпимо жгло выяснить. Казалось, найду мать или отца и ощущение неправильности, искусственности моей жизни пройдет навсегда.

Куна забывала дышать, вслушиваясь в тихие слова. Потянулась к Наилию, но смогла только сесть рядом, свесив ноги с кровати. А он рассказывал, как с бездной делился воспоминаниями, с трудом отпуская каждое.

— Даже в звании майора со связями и властью пришлось туго, но я нашел её. Женщину, которая меня родила. Капитолина была профессиональной суррогатной матерью. Много циклов сотрудничала с той лабораторией генетики, где на мне экспериментировали. У неё дом в пригороде Адрии на берегу Срединного океана. Особняк генерала девятого сектора чуть меньше и в саду нет таких редких цветов. Заработала детьми себе на мечту. Я не хотел сначала ехать, но обида камнем висела на шее и мешала жить. Шел по гравийным дорожкам и казалось, что не камни хрустят под ботинками, а мои зубы скрежещут. «Какой еще

Наилий? Кто вы такой?» Я объяснил, как мог и услышал. «Вот что. Как вас там? Майор Лар Я рожала по одному генетическому уродцу в цикл и не обязана помнить каждого».

Генерал низко опустил голову и эхом повторил: «Не обязана». Куна обняла его за шею и прижалась лбом к щеке. Боль нельзя разделить на двоих, но её можно понять. И пусть генерал не вынесет жалости, не примет утешения, но даже того, что высказал, уже достаточно.

— Куна я не справился со своим камнем и не вправе давать тебе советов как лучше. Но если ты веришь, что еще можно вернуться — попробуй.

Живот опять скрутило в узел, и Куна окончательно поняла почему. Совсем не мать замучает её скандалами и оскорблениями — она сама. Матери нет сейчас рядом, она спит дома на кухне, ни слова не сказала, но Куна чуть не плачет. А в животе бьется и страдает тот, кто точно ни в чем не виноват. Верила ли она, что можно вернуться? Да, можно, но надо ли? Не выгоняет тот, кто любит, а кто любим не хлопнет дверью в ответ. Иногда просто нечего спасать.

— Наилий, я не вернусь туда. Сестре помогла, от матери не отказываюсь, но жить там невыносимо. И я не хочу, чтобы у моего ребенка было такое же детство. Никому такого не хочу. Когда нас станет двое, муниципалитет выделит отдельное жилье. Я выучусь на повара или кондитера, уйду из диспетчерской и буду наконец-то жить. Спасибо за все, что для нас делаешь, я правда благодарна и ни о чем не пожалела. Никогда не хотела всерьез избавиться от ребенка, просто испугалась сильно. Сейчас легче.

— Хорошо, я рад, — слабо улыбнулся Наилий и поцеловал Куну в лоб.

Публий отпустил Куну из стационара на четвертый день, выдав длинный список запретов. От работы освободил, диету прописал и напоследок добавил, чтоб забыла о близости как минимум на две недели. Куна вспыхнула от стыда, но покраснела уже не так густо, привыкать начала к лейтенанту. Наилий в палате навещал еще дважды, а потом улетел на учения. Иногда казалось, что у него и дома-то нет, все время в дороге.

В Равэнне выпал снег, засыпав белыми хлопьями макушки кустов и крыши домов. На тротуарах он таял слишком быстро, растекаясь лужами под ногами прохожих. Цзы'дарийцы достали шарфы, шапки и все чаще прятались в поднятые воротники курток. Регина вечерами вязала пушистые носки и рассказывала как тепло на самом деле в Равэнне. Она родом из северного поселка Нирт, где Тарс уже давно скован льдами, а сугробы наметены по пояс. Зимние вещи Куны остались в бараке у матери. Чтобы не тратится на новую куртку, Регина достала с антресолей свою шубу, радостно сообщив, что размер тот же, но потом под растущий живот все равно придется покупать.

Недели шли, генерал писал на планшет и присылал фотографии ледяного дождя на равнине. Непогода оставляла на голых ветвях деревьев прочный стеклянный панцирь, а на закате светило раскрашивало замерзшие клены во все оттенки янтаря.

Зимой жизнь становилась ленивой, и кровь разгонялась по венам только от глотков горячей травяной настойки со свежими булочками. Куна уже почти почувствовала себя спокойной и счастливой, как студеной утренний ветер принес к бараку очередного гостя.

Аврелия стояла на пороге, поправляя мохнатую розовую повязку на светлых волосах. Снежинки вздрагивали на кончиках наращённых ресниц. А жизнерадостный макияж

гармонировал с довольной улыбкой.

— Ты все хорошеешь сестренка, — пропела младшая и шмыгнула мимо младшей в коридор, — растолстела только, штаны не жмут?

Куна оглядела свой домашний наряд из старого трико Лавра и недавно купленного свитера. Ничуть она не растолстела, скорее оквадрилась из-за беременности. Аврелия же фигурой напоминала салфетку, протетую через сервировочное кольцо. Да и кружева с блестками на ней было столько же. Новую коротенькую шубку сестра повесила на гвоздь и пошла гулять по бараку.

— Ну, тут ремонта отродясь не водилось, краска под потолком облупилась. Куна, я вам с Региной удивляюсь. Обе при мужиках, а живете как старухи.

Только нравучений ей сейчас не хватало. Старшая сложила руки на груди и недовольно спросила.

— Ты зачем пришла?

— Просто в гости, разве нельзя? — невинно хлопнула ресницами Аврелия.

Неужели обида за удар в самое больное место закончилась? Или просто закончились деньги? Зная младшую шестнадцать циклов, Куна согласилась бы поверить только во второе.

— Два месяца про меня не вспоминала и вдруг просто в гости.

— Злая ты, — погрозила пальцем Аврелия, — мы же семья. Хотя сразу видно, что от разных отцов. Ты своего мужчину в таком виде встречаешь? Куна, разве можно? Потому и дом до сих пор не полная чаша. Мужчинам уют нужен, на облупившуюся краску они и в казарме посмотрят. А твой генерала возит, вообще к другому привык.

Кажется, Куна начинала понимать, куда Аврелия вводила разговор. Просить младшая никогда не умела, все, что хотела и так получала, сейчас же не могла решить, с чего начинать. Упрекнуть старшую, что купается в роскоши пока семья голодает не вышло. Новая шуба стоила дороже, чем мебель на кухне Регины. Раз не нужно было покупать таблетки, то денег у матери от жалования оставалось достаточно. Месяц или два экономии и обновку со скидкой или с рук можно себе позволить. На жалость будет давить или снова обвинять в эгоизме?

— Я на больничном сидела недавно, — сказала Куна, — денег нет.

— Вот сразу ты о деньгах! Скучно, честное слово.

Аврелия крутанулась, взмахнув розовой юбкой с черной кружевной оборкой, и плюхнулась в кресло Регины. Вязание упало с металлическим перезвоном спиц и по полу прямо в угол укатился прыгучий клубок шерсти.

— Я думала тебе хоть немного интересно, как живет твоя семья. Тоже ведь за два месяца ни разу не зашла.

Значит, вступление будет длинным.

— Хорошо, рассказывай, — согласилась Куна, усаживаясь на край кровати соседки. Аврелия вздохнула, церемонно расправила складки на юбке и начала.

— Я ходила в медцентр на осмотр, врачи подтвердили положительную динамику, вписали к диагнозу длительную ремиссию и разрешили мне один цикл доучиться очно.

— Поздравляю, отличная новость, — расцвела улыбкой Куна.

— Да, я тоже очень рада. Уже созвонилась с курсами и добилась, чтобы меня вернули в прежнюю группу. Пришлось немного поскандалить и послать всех неверующих к лечащему, но с домашнего обучения меня перевели. Теперь столько новых хлопот, ты не представляешь! Я же совсем отстала от моды, мой гардероб можно разве что на помойку

выкинуть, если я приду в лекционную вся в прошлогодних коллекциях, меня же засмеют!

Ничего не изменилось. Сколько бы мать не зарабатывала, аппетит Аврелии всегда на шаг впереди. Куна не стала возражать, сложила руки на груди и ждала кульминации рассказа.

— Ты знаешь, что таблеток надолго не хватит. Цикл я доучусь, а потом снова все придется тратить на лекарство. Куна, я ведь помогла тебе тогда сбежать к Нурию, помоги и ты мне. Времени в обрез, не найду мужчину на курсах потом в экзопротезах вообще никого не найду. А кому я нужна больная да еще и некрасивая? Не одетая как полагается. Ты сбежала от матери, я тоже не хочу всю жизнь возле неё просидеть, я любви хочу! пожалуйста, Куна, не так уж много мне и надо. Я уже все заказы удаленно в магазинах сделала, оплатить осталось.

Огромные глаза Аврелии мерцали как звезды. Она просительно сложила ладони перед грудью и тянулась к Куне. Такая маленькая, несчастная, беззащитная. Совесть грызла старшую. Ведь бросилась тогда Аврелия двигать тяжеленный шкаф, чтобы выпустить сестру на свидание к генералу. Останься Куна в кладовке и не случилось бы балета, ночи в катере, ребенка. По сравнению с этим деньги и тряпки, что на них покупают не стоят ничего.

— Хорошо, пришли счет из магазина на планшет, я оплачу.

Младшая радостно взвизгнула и захлопала в ладоши.

— Спасибо, спасибо, сестренка! Ты замечательная! Вот увидишь, я держала себя в руках, не покупала все подряд, только самое необходимое.

Несколько мгновений в тишине попискивали девайсы, передавая информацию, и когда у Куны открылся счет, она едва удержалась, чтобы громко не присвистнуть. Выросли цены в бутиках Равэнны, а на вещи из новой коллекции даже скидка не предусматривалась. Счет опустеет до дна и солидно уйдет в кредит, но раз пообещала, отступать некуда. Куна ввела реквизиты и подтвердила оплату. Чего не сделаешь ради сестры?

Получив подтверждение, Аврелия взвизгнула еще раз и бросилась обниматься, причитая, что когда найдет красавца ученого, обязательно будет присылать старшей подарки. Не сразу, конечно, с курсов выпускаются только лаборанты, но она выберет самого перспективного и не жадного.

Дверь за младшей захлопнулась, в спальне все так же приторно пахло её духами, и Куна зябко повела плечами. Теперь два месяца придется работать бесплатно, но оно того стоило, правда?

Рабочий кабинет мог быть и поменьше. Зачем одному цзы'дарийцу пусть даже с генеральскими погонами такая бездна пустоты? На полу можно рядовыми в Шу-Арлит играть, половину оставив в черных повседневных комбинезонах, а второй приказав снять верх до белой рубашки. На паркете собиралась пыль, и приходилось два раза в день терпеть нашествие дронов-уборщиков. Статус? Пустое хвастовство и расточительность. Наилий пытался поставить перегородку посреди кабинета, но архитектор долго что-то мямлил про уникальный исторический облик, недавнюю реставрацию и общую эстетику здания генерального штаба. Древние стены имперской библиотеки как последний осколок прошлого берегли с остервенением. Генерал переждал вспышку раздражения и отказался от проекта перепланировки.

Шесть циклов церемонно звонил собственному помощнику, потому что проще сорвать голос, чем докричаться до приемной. Шесть долгих циклов старался быть где угодно, но только не в древнем склепе с собственным пока еще живым телом вместо праха в урне. Ехидные гнароши, здесь даже воздух давил на плечи, не говоря о темной мебели, вечно задернутых шторах на высоких окнах и каменном письменном наборе. Орудие убийства, а не канцелярские принадлежности. Наилий специально ронял со стола лоток для бумаг, но монолит, помнящий прикосновения главного архивариуса Его Императорского Величества, не разбился. Пережил эпоху Великих перемен, первых генералов и его переживет. Гарнитура недовольно пискнула, и на дублирующем терминале высветилось лицо Флавия.

— Ваше Превосходство, к вам лейтенант Назо, — торопливо доложил либрарий и, услышав ответ, отключился.

Публий сам шесть циклов назад служил либрарием у прошлого генерала пятого сектора. Луций Клавдиан Тит забрал улыбчивого кадета прямо из училища, не дав выпуститься со всеми. Мальчишка, едва отсчитавший семнадцатый цикл. Ребенок. За его спиной шушкались, обсуждая, что в таком возрасте генерал мог оценить только большие серые глаза, упругие пшеничные локоны и невероятно ладную, будто высеченную из мрамора фигуру либрария. Правды майор Лар так и не узнал, Публий по молодости и горячности природы ввязался в одну из интриг Луция, а генерал не придумал ничего лучше, чем повесить вину за собственное преступление на либрария. Урод. Публия удалось отбить от трибунала, но отношения с генералом у майора Лара безнадежно испортились. Настолько, что или один или другой. После поединка на окраине Равэнны полыхал погребальный костер, превращая в пепел тело Луция Клавдиана Тита, а бывший либрарий растерял половину своего добродушия.

По кабинету генерала Публий шел по старой привычке вдоль стены, чтобы не топтать лишний раз натертый до блеска паркет. Сегодня как-то удивительно свободно и развязно шел, чуть ли не вприпрыжку.

— Ваше Превосходство.

На мгновение в дымчатых глазах мелькнула тень того мальчишки, что заваривал Луцию напиток из высушенных до черноты листьев и прятал под столом учебник по анатомии.

— Настроение хорошее, лейтенант Назо?

— А каким ему еще быть? — Публий устроился на стуле для посетителей и выложил на

край рабочего стола планшет. — За окном на редкость теплая зима, смены перетасовали так, что в ночную не скоро, все пациенты идут на поправку и у Куны тоже все отлично.

— Мальчик? — улыбнулся генерал, а военврач громко фыркнул.

— Эмбрион еще сам не решил, кем ему быть, главное, что здоровый.

Наилий кивнул, соглашаясь, но упрямство не давало поверить в дочь. Как впервые показалось, что сын повторит его судьбу, так ощущение не проходило. Он даже имя придумал — Дарион. «Дар. Подаренный». Вселенная любила злые шутки, но за первый искренний подарок стоило сказать спасибо.

— Хорошо. Еще что-то?

Назо молчал, но улыбку с лица не отпускал, явно наслаждаясь шальной мыслью, словно кусок сахара во рту перекатывая. Наилий откинулся на спинку кресла и сложил руки на животе, приготовившись слушать.

— Ты о близости с Куной совсем забыл?

Как под дых ударил. Наилий замер, уставившись на хирурга и севшим от неожиданности голосом спросил.

— Разве можно? Там же ребенок...

Публий расцвел, затмевая сиянием улыбки светило.

— Я смотрел её сегодня. Тонуса нет, значит, можно. Близость — один из лучших способов снять стресс, глупо им пренебрегать. Только помни, что она беременна, без фанатизма подходи к вопросу. Чтобы обоим было в удовольствие.

Быстро он привык к роли акушера-гинеколога и как обычно все предусмотрел.

— Без фанатизма — это как? — лукаво улыбнулся генерал. — Не быстро, не часто, недолго или не глубоко?

— Ты меня понял, Наилий, — рассмеялся лейтенант, — вот теперь всё.

— Свободен тогда.

Публий подхватил планшет и, простившись кивком, так же вдоль стены ушел из кабинета. Совет к сведению принят, но со свиданиями беда. В особняк Куну не поселить, а мотаться по гостиницам с матерью своего первенца не очень достойно.

— Флавий, — позвал генерал в гарнитуру либрария, — сделай мне отпуск из всех неиспользованных после космических командировок отгулов. На неделю наберется?

— Уточню, Ваше Превосходство. С какого дня пойдете в отпуск?

На языке вертелось: «завтра», а в памяти мгновенно всплывали важные и пока нерешенные проблемы. С другой стороны, его служба закончится только в саркофаге. Генералу не выйти на пенсию, не подать в отставку, не передать звание приемнику. Надоели погоны? Устрой себе поединок и проиграй. В бездне отдохнешь, на погребальном костре согреешься.

— Тридцать восемь дней получилось, Ваше Превосходство.

— Нет, много. Давай восемь с завтрашнего дня и попроси западную резиденцию подготовить.

— Есть.

— Отбой.

Западная ближе всех к Равэнне, не придется брать катер, дергать пилота, Нурию бы тоже в отпуск сходить. Генерал закрыл глаза и размышлялся о восьми днях тишины и покоя, но в ухе, будто в насмешку, защелкал входящий вызов.

— Слушаю, Наилий.

— Ваше Превосходство, капитан Рэм. Вы просили докладывать о движении крупных сумм со счета дариссы Куны, я переслал вам платежку. Счет из пяти магазинов, но адрес доставки другой и в графе «Получатель» дарисса Аврелия.

— Спасибо, Рэм, я посмотрю. Отбой.

Чего-то подобного он давно ждал. Специально отправлял Нурия с продуктами, чтобы семья не тянула из Куны денежное содержание, положенное ей и ребенку. Не вызывала доверия мать, пославшая старшую дочь лечь под генерала ради лекарств для младшей. Гражданские перемудрили с порядком социального обеспечения и такие перегибы редко, но случались. Будь ведомство военным, Наилий давно бы устроил служебную проверку, а с гражданскими приходилось любезничать и расшаркиваться. Заключение и предписания на Аврелию все-таки проверили, справки с работы двух других женщин запросили. Минимальный прожиточный минимум обеспечен, острой нехватки средств не должно быть, так какого лысого гнароша?

Счет сумасшедший, звезду дозорных можно одеть, а размер везде один и фасон, не подходящий для беременных. Руки чесались отправить кого-нибудь из службы Рэма для профилактической беседы, но зарекся ведь вмешиваться. Между женщинами как не влезай — всегда крайним останешься. По-другому надо решать проблему.

Водитель на вызов ответил сразу, но по голосу чувствовалось, что заговорил раньше, чем проснулся. Укатался Нурий, в отпуск пора.

— Ваше Превосходство.

— Нурий, к концу дня передай мне машину. В отпуске ты на восемь дней начиная с завтрашнего.

Точно еще не проснулся, долго соображал, но ответил по инструкции. Теперь бы самому дела по заместителям раскидать.

Куна весь день думала, где теперь брать деньги и как предупредить Регину, что снова с пустым счетом. Думала, пока ходила на прием к лейтенанту Назо, готовила ужин, прибиралась. Объяснения получались или слишком длинными и пространными или глупыми. Да, Аврелия зациклена на дорогих вещах, голой по кварталу не ходит и может обойтись без десятого платья. Но легко быть взрослой и разумной, когда тебе идет тридцатый или сороковой цикл, а на семнадцатом любая мелочь кажется катастрофой. Сестра и так себя ущербной чувствует из-за болезни, а тут еще группа на курсах может не принять, смеяться и тыкать пальцем в спину.

«Переживет твоя Аврелия!», — сказала бы Регина, а Куна устала от трагедий. Переживет, конечно, но затаит обиду на всю планету и будет долго страдать, через день стучаться в двери к старшей сестре и обвинять в своем ужасном настроении. Стоит один раз ответить резко и нытье превратится в истерику, а живот у Куны только успокоился. Лейтенант Назо даже улыбался, когда рассказывал, что все хорошо. Нет, Регина кричать и топтать ногами не будет, но её тяжелый вздох и разочарованный взгляд хуже любой гневной отповеди.

Куна чуть тарелку из рук не выронила когда услышала стук в дверь. У Регины ключ есть, значит, кто-то чужой. Нурий недавно был, а других гостей она не ждала. Несуществующие боги, снова Аврелия? Что могло случиться за несколько часов? Платеж заблокировали или

она вспомнила, что не купила сумочку и туфли? Ну, нет больше денег! Пусть у матери просит!

— Чего тебе? — возмущенно выдохнула Куна, открывая дверь и чуть язык не прикусила, шарахнувшись назад от темного силуэта. Ночью в неосвещенном дворе он казался сгустком мрака, всплывающим в барак. Демоны придумали красить военный комбинезон в черный цвет!

— Наилий...

Вместо радости Куна реагировала на явление любимого мужчины так, будто в барак на полной скорости въехал танк. Смотрела и никак не могла поверить, что генерал пришел сам, наплевав на инструкции, возмущение службы безопасности и любопытные взгляды соседей. Вот так просто и буднично стоял в коридоре, чуть не касаясь макушкой низко висящей лампы. Пока она молчала, улыбка Наилия померкла, а над переносицей собралась хмурая складка.

— Я не вовремя?

— Почему? Нет... — промямлила Куна, но генерал не стал слушать, с ловкостью хищника скользнув мимо на кухню. Ой, там же посуда не домыта и на столе бардак! Но кого волновал бардак? Осмотревшись, Наилий все так же молча толкнул дверь в спальню, ванную комнату, даже в кладовку.

— Я одна, — растерянно шепнула Куна, догадываясь, что происходит по злему взгляду раздраженного генерала.

— На тебе мужское трико.

— Да, точно, — Куна подтянула слишком свободные в поясе штаны и попробовала объяснить, запинаясь на каждом слове, — оно от Лавра осталось. Мужчины Регины. Им новую форму выдали, а это он дома забыл. Давно. Сказал Регине выбросить, а она оставила на тряпки.

Перевела дух и робко подняла глаза на генерала. Хмурая складка не разгладилась, но губы он больше не поджимал так плотно.

— Я поправилась немного, мне теперь все жмет в животе, боюсь передавить ребенка.

— Собирайся, поехали, — наконец, ответил Наилий, — по дороге заглянем в магазин. Поспешите, они скоро закроются.

Куна повернулась и бросилась выполнять приказ быстрее любого рядового, но на кухне остановилась, не понимая, что собирать.

— А что нужно взять?

— Личные вещи, смену белья и сухпаек на неделю, — механически ответил генерал и нахмурился еще сильнее. — Извини, рефлекс. Сухпак не бери, в резиденции достаточно продуктов. В отпуске я на восемь дней, а ты на больничном, старшая смены уже в курсе. Хочу отвезти тебя в западную резиденцию. Охрану сняли, водителя я отпустил, мы вдвоем будем.

Состояние шока стало острее. Куна даже посмотрела в коридор — не въехал ли в барак следом за танком еще и бронетранспортер? Мысли рассыпались, их осколки перемешивались в безумную мозаику, и внятно возражать генералу не получалось. Опять подставила всю смену с дежурствами, пропускала занятия на курсах, так и не решила, что делать с кредитом на счете и в дрожь бросало от целой недели наедине. А если она быстро надоеет Наилию? Вернет обратно, не дожидаясь конца отпуска?

— Время, Куна, — напомнил Наилий, — в машине поговорим.

Собралась она все-таки быстро, побросав в сумку туалетные принадлежности и упомянутую смену белья. Трико Лавра пришлось сменить на юбку от формы работницы речного транспорта. Единственную, которая еще застегивалась на расплывшейся талии. По притихшему кварталу Куна кралась к машине Наилия, испуганно озираясь по тускло светившимся окнам соседних бараков. В домах невнятно бурчали телевизионные панели, готовилась еда и глупо было бояться, что уставшие женщины разглядят генерала в одной из теней за занавесками. Наилий усадил её на заднее сидение, крепко пристегнув ремнем безопасности и, пока она писала в чат Регине, увез из квартала.

Куна до последнего надеялась, что генерал пошутил на счет магазинов. Зря. Пропустив поворот на трассу, Наилий выехал на торговый проспект. От мельтешащих огней на вывесках закружилась голова и к горлу подступила тошнота. Куна сползла по сидению, сколько позволял ремень, и прикрыла глаза, пережидая позывы. Последний раз её укачало в транспорте на десятом цикле, но в переполненном автобусе летом сломался кондиционер и водитель потом высадил всех на остановке, чтобы не мучить пассажиров. А во внедорожнике даже бензином не пахло. Токсикоз? Регина говорила, что пора. Бездна, не хватало только валяться в резиденции ведь день на кровати или обниматься с сантехником.

— Ты бледная, плохо стало?

Куна слабо кивнула, и генерал защелкал кнопками на приборной панели, регулируя работу климат-системы.

— В резиденции легче будет, — пообещал Наилий, — там вместо городского смога чистый воздух и тихо так, что спишь глубоко, совсем не видя снов. Если погода позволит, погуляем у пруда. Ты не взяла теплых вещей. Почему?

От резкой смены темы Куна вздрогнула. Да, куртка у неё осенняя и шапка тонкая, но Регине тяжело объяснять про сложности с матерью и Аврелией, а сидя перед генералом и вовсе в жар бросало.

— Не стала возвращаться за ними к матери. Зиму обещали теплую, а если подморозит, что-нибудь придумаю.

Наилий цокнул языком и отвернулся. Не хотел понимать трусость и глупость. Публий строго настроено запретил переохлаждаться, а Куна все никак не могла решиться дойти до центра социального обеспечения и попросить теплые вещи в дар. Она не считалась официально нуждающейся, но в диспетчерской как-то обмолвились, что работницы центра никому не отказывали.

— Я боюсь, мать не отдаст мне куртку, — чуть слышно призналась Куна, — даже на порог не пустит. Сестра говорила, что она ждет извинений, а я никак не могу их из себя выдавить.

— И не нужно, — вздохнул генерал, — просто разреши мне участвовать в твоей жизни. У ребенка два родителя.

Упрека, что как раз о ребенке она забывает со своими разборками с семьей, Куна так и не услышала. Наилий не в первый раз предлагал помощь, но стать содержанкой она боялась больше всего в жизни. Страшно не зависеть от кого-то, а потерять себя. Лишиться работы, учебы в кулинарной академии, права распоряжаться своим временем и в конечном итоге превратиться в вещь, которую потом выкинут за ненужностью или заменят другой. Пока она сама решала свои проблемы, ей это не грозило.

— Я не хочу вместе с ребенком сидеть у тебя на шее.

— Воспитание, — нахмурился генерал и, затормозив на светофоре, обернулся, — ты

знакома с профессиональными любовницами и содержанками? Уверен, что нет, потому и не понимаешь разницы, а мне не хочется объяснять. Момент не подходящий, но я должен был сразу спросить. Я хочу назвать тебя своей, ты согласна?

Ритуал и почти священное действие, которое все без исключения ждут с особым чувством. Долго готовятся, создают атмосферу, чтобы помнить потом. Наилий прав, момент неподходящий, но с ним всегда так, Куна уже заметила. Казалось, генерал живет только по инструкции, но на самом деле Его Превосходство не вписывался ни в какие рамки, как не вписывалась в них стихия. Порывистый как ветер и такой же непредсказуемый. Согласна ли она назвать его своим?

Куна замерла, прислушиваясь, как сердце толчками разгоняет кровь по телу, и каждая клеточка оживает, пропитываясь предвкушением счастья. Мир больше не разбивался на части, а делился на троих. Стоило только принять любимого мужчину.

— Да, согласна.

Наилий щелкнул замком ремня безопасности и перебрался на заднее сидение. Куна поймала его в объятия и еще раз сказала «да» за мгновение до поцелуя. Тягучего, долгого, безумного.

Поток машин огибал их, возмущенно сигналив, и уплывая дальше золотистыми отблесками фар. Снег пошел, роняя на них завесу из пушистых белых хлопьев, а время будто остановилось, стоило только сказать:

— Люблю.

Глава 22 — Равнинная резиденция генерала

Торговые центры с их суетой, яркими красками и нескончаемой толпой — стихия Аврелии. Младшая могла часами ходить из магазина в магазин, ничего не покупая. Просто набирала в охапку наряды и крутилась в примерочной перед зеркалом. Бабочка у цветка порхала с большей пользой. Разве есть смысл трогать мечту руками, если знаешь, что никогда не заберешь с собой? Даже не жить взаймы, а смотреть издали через начищенное до блеска стекло витрины.

Куна упиралась и не хотела идти, но генерал шептал что-то ободряющее на ухо и аккуратно подталкивал вперед. У входа в центр она сдалась, вспомнив, кто идет рядом. Наилей магнитом притягивал взгляды, праздная болтовня покупателей затихала до шепота и по пятам за ними шлейфом тянулись любопытные. Никогда еще Куна не чувствовала себя такой незаметной. Его Превосходство шел сквозь толпу, не сбавляя шаг, и высоко держал голову, а она тенью мелькала рядом, крепко держа за руку, чтобы не потерять.

Торговый центр был городом внутри города с домами-магазинами, широкими пешеходными проспектами, стеклянными лифтами, взлетающими под купол как в небо. Цы'дарийцы здесь завтракали и обедали, катали детей на аттракционах и неспешно беседовали, сидя на скамейках. Богатая праздная жизнь с ценниками на каждом шагу. У Куны в глазах рябило от вывесок, но генерал, кажется, точно знал, куда идти. Через поворот и она заметила гигантскую торговую галерею с товарами для беременных. В витрине застыли пузатые манекены в вечерних платьях, а навстречу вышла симпатичная дарисса в униформе. Полоски на генеральских погонах она заметила раньше, чем хмурый взгляд Наилия и дежурная улыбка превратилась во взрыв восторга.

— Ваше Превосходство.

— Дарисса, у нас мало времени и пустой гардероб, можете?

Конечно, поможет и не только она. Куну немедленно подхватили под руки и повели к примерочным, на ходу выпрашивая, с чего начать, что показать? Она отвечала односложно и невпопад, испуганно оглядываясь на Наилия. Без его уверенной поддержки накатывала паника, но пришлось заставить себя терпеть. Генералу не место в женском царстве, он здесь на чернильное пятно на белых ботинках. Даже внутрь не пошел, сел у входа к журнальному столику и достал планшет Откуда-то из недр магазина появилась элегантно одетая дарисса и присела в соседнее от генерала кресло развлекать его разговорами.

— Вы носите платье или брюки?

— Что? — Куна обернулась на вопрос и увидела сияющую от радости продавщицу. Её напарница перебирала вещи на вешалках, то и дело поглядывая на кресло, где вальяжно расположился хозяин сектора. Будет о чем завтра рассказать подругам и родственникам. Его Превосходство в подобном магазине уже и не надеялись увидеть.

— Я правда спешу, — виновато улыбнулась Куна, — мне бы что-нибудь теплое и удобное.

— Тогда комбинезон. Вы какой размер обычно носите?

— Второй, но сейчас даже не знаю.

— Значит, второй, — просияла дарисса.

Дизайнеры конструировали одежду как сложное техническое устройство, лямками,

застежками и утяжками усаживая ткань на располневшую фигуру так, что Куна счастливо выдохнула, забравшись в комбинезон. Едва намечающийся живот больше ничего не стягивало, а под облегченный верх на одних только лямках помещалась любая блузка.

— Через пару месяцев здесь нужно будет ослабить, — объясняла дарисса, показывая потайные утяжки, а потом вот здесь расстегнуть и выпустить дополнительную ткань. Его можно носить до родов...

— А после? — машинально спросила Куна. Красивая вещь, дорогая, жалко будет просто сложить в шкаф.

— Вернуть нам. Можно раньше, если вещь надоест и захочется чего-то нового. Магазин примет обратно, а вы получите скидку на следующую покупку.

— А что будет с этим комбинезоном? — не унималась Куна. — Вы его выбросите или снова продадите?

— Ни в коем случае. Возвраты мы сдаем в социальную службу центра репродукции. Вещи распределяют нуждающимся. Каждая женщина достойна прекрасно выглядеть, пока носит ребенка.

Куна взглянула на одежду другими глазами. Такой подход примерил с необходимостью тратить деньги. Она возьмет совсем чуть-чуть, и потом вещи не пропадут зря.

Нарядили её с ног до головы с профессиональной скоростью, не забыв ни об одной мелочи, а когда все упаковали по мешкам, Куна ужаснулась.

— Тише, — шепнул генерал, отдавая черную пластиковую карту на кассу, — у меня в резиденции совсем нет женских вещей, не в мужском же исподнем тебе ходить.

Пришлось сдаться во второй раз. К машине Куноу отправили уже в обновках и предлагали помочь донести пакеты, но Наилий отказался. Хозяйка галереи долго и тепло прощалась, не забыв пригласить снова, и генерал пообещал вернуться, с улыбкой поцеловав ей руку.

Жест вежливости, не больше, но от него вспыхнули румянцем сразу две женщины. Хозяйка от смущения, а Куна впервые почувствовав укол ревности. Обратную и не самую приятную сторону влюбленности.

Торговый центр пустел, провожая последних покупателей, машины разъезжались с парковки и ноги вдруг налились тяжестью, стоило увидеть мягкое сидение внедорожника.

— Устраивайся сразу удобно, — посоветовал Наилий, закрывая багажник, куда едва поместились все покупки, — в резиденцию приедем в середине ночи, хорошо, если сможешь поспать.

В итоге уложил её на сидение, накрыв плотной тканью. Палаткой, наверное. Куна мужественно разглядывала потолок салона, а потом уснула под тихий шорох шин по асфальту. Ей снился Тарс с палубы речного катера, течение легко несло их вниз, а берега расходились в стороны. Она словно застряла посреди воды и никак не могла вспомнить, где на катере спасательный круг. Рядом черной скалой возвышался Наилий и обнимал за плечи. «Больше никуда не нужно спешить. Больше никуда».

Спала так крепко, что очнулась только от щелчка открывшейся двери. Вспыхнувшая в салоне лампа ослепила, а генерал велел закрыть глаза. До дома он её донес на руках и, раздев, оставил на кровати, смотреть сны про Тарс, несущий воды по равнине от Триединого кряжа до Тихого моря.

Первые мгновения, когда открываешь глаза и не понимаешь, где находишься — самые страшные. Ровно два удара сердца живешь в панике и от ужаса не можешь пошевелиться. А потом все проходит.

Куна лежала в спальне одна посреди огромной кровати, укутанная в одеяло как в кокон. Светило било лучами сквозь синие шторы, окрашивая стены, мебель и даже воздух в голубоватый оттенок. Так, будто Куна нырнула под воду и резко открыла глаза. Кроме кровати — шкаф, белая шкура на полу, зеркало во весь рост и больше ничего. Большая, пустая комната, к тому же еще и холодная. Окно в половину стены, конечно, красиво, но зимой совершенно непрактично. Куна поежилась и чихнула, усаживаясь на кровати. Холодно ведь. Как Наилий сам не замерз?

Генерал будто и не был здесь. На спинке стула висела её одежда, на полу стояла одна пара тапок, разве что подушка осталась смятой. Наилий спал рядом и ушел утром, завтракать, наверное. И ей нет смысла лежать здесь одной.

Куна наскоро оделась, с наслаждением ступая босыми ногами по толстой шкуре, но из спальни вышла в тапочках. В резиденции не было маленьких комнат, крошечных окон или узких лестниц. Бездна, да весь речной вокзал меньше загородного дома генерала. Особняк, тогда должно быть как торговый центр. Разговаривать хотелось только шепотом. Казалось, крикнешь, и эхо разлетится по углам. Но роскошь Куна все же представляла иначе. Чтобы как в музее: золото, серебро, драгоценные камни и завитушки, завитушки орнамента везде. А резиденция генерала была проще военного комбинезона, зато такая же строгая, комфортная и рациональная. Где же Его Превосходство?

Куна прислушалась, вдруг шум телевизионной панели или звук льющейся воды подскажут куда идти? Сама стеснялась громко звать по имени, а тишина в поисках не помогала. Через мгновение и правда с правого крыла донеслись глухие удары, словно соседка вытащила на улицу половики и выбивала из них пыль шваброй, потому что дрон-уборщик сломался.

Поправив лямки комбинезона, Куна пошла на звук, осторожно спускаясь из спальни в гостиную по скользким каменным ступеням, отшлифованным до зеркального блеска. Если генерал жил здесь один, то зачем столько диванов? Подушек на них, пустых ваз рядом? Можно спорить на дежурство, что здесь никогда не было живых цветов, домашних животных, детей. Холодная, законсервированная красота.

За гостиной столовая и гигантский обеденный стол в окружении двадцати стульев. Через арку от столовой кухня и едой оттуда не пахло. Не завтракал, значит, Наилий. Удары все громче и ближе, а впереди еще одна широкая лестница наверх к длинной галерее.

Куна взлетела по ступеням, касаясь ладонью гладкого дерева перил. Галерея шла вдоль стены на уровне второго этажа, а внизу в пустом зале, застеленном мягкими матами, тренировался генерал в одних домашних штанах. Полуголый, мокрый от пота настолько, что кожа сияла. Боевым посохом Наилий разбивал манекен, и резиновая фигура прогибалась, встречая глухим стуком каждый удар. Ритмично и четко, в немыслимом темпе.

Он был горной рекой, падающей с высоты на камни, водоворотом, уносящим за собой. Куна глаз не могла оторвать и беззвучно шептала: «как красиво». Столько силы, ярости, такая мощь, а вчера нес на руках бережно и нежно.

Посох черной молнией бил в манекен, и гром ударов едва поспевал за ним. Куна держалась в тени галереи, а потом не выдержала, подошла к ограждению, облокотившись на

перила. Может, вздохнула слишком громко или сказала что-то вслух, но генерал остановился. Завел посох за спину и задрал голову.

— Куна, ты проснулась. Подожди, я душ приму и будем завтракать.

Она разочарованно выдохнула и чуть не застонала. Помешала, отвлекла, а так хотелось еще посмотреть. Но Наилий уже сложил посох и вытирал лицо полотенцем. По длинной челке катились капли воды и падали на махровую ткань. В такой холод от генерала чуть пар не шел, а Куна зябко натягивала рукава свитера до кончиков пальцев.

— Тогда я приготовлю, — сказала она, но слишком тихо, генерал ушел. Что ж, где кухня запомнила, не заблудится.

Полки холодильника ломались от еды и раздумывая, что можно приготовить на завтрак, голова шла кругом. Быстро должно быть, легко и вкусно. Наилий после тренировки явно голоднее самого нищего курсиста. Значит, омлет с маринованными грибами и зеленью, а рядом на тарелку можно положить нарезанные ломтиками помидоры.

Сервировала Куна дольше, чем готовила. Тяжко на незнакомой кухне да еще с таким количеством посуды, но ощущение все равно совершенно особое. Волновалась безумно. Не пересолит ли, не передержит? А вдруг Наилию не понравится?

Генерал вернулся быстро уже в других более плотных штанах и в вязаном свитере. Так странно было видеть без погон, будто заново знакомилась. Уютный такой, домашний.

— Там выпечка есть, — начал он говорить с порога и замер. Омлет остывал на тарелке, молоко в стакане, а рубленая зелень добавляла к аромату еды тонкий привкус свежести. Чем дольше Наилий рассматривал завтрак, тем сильнее хмурился. Сел за стол, медленно пододвинувшись на стуле и не решаясь притронуться к тарелке.

— Что случилось? — чуть живая от волнения, спросила Куна. — Тебе что-то из этого запрещено есть? Скажи, я другое приготовлю.

— Нет, — замотал головой генерал, — что ты, все можно. Я просто...

Он запнулся и выдохнул, собираясь с мыслями.

— Никто не готовил мне завтрак. Я или сам что-то делал или брал из общего котла. Сначала в интернате, потом в столовой. В особняке на всех готовят виликусы, так проще и быстрее. А тут только для меня.

Куна спрятала счастливую улыбку полотенцем и тоже села за стол. Генерал больше не поднимал на неё глаз, сосредоточившись на омлете. Красиво ел, аппетитно. С таким удовольствием, что у самой живот подводило от голода. Еще бы удержаться и не спросить под руку: «Вкусно?». Можно не спрашивать, так убедительно не притворяются.

— Ты где училась? — наконец, спросил он, оставив тарелку пустой. — Помню, что сейчас заочно в академии, но ведь первый курс, а омлет очень правильный.

— Сама училась дома по книгам. Да и просто люблю готовить.

Омлет и правда удался. Свою порцию Куна съела разве что немного медленнее генерала. Вставать из-за стола не хотелось, болталось легко и непринужденно обо всем подряд. Светило поднялось в зенит и распогодилось: ветер стих, выпавший вчера снег лежал на равнине пушистым покрывалом и генерал уговорил Куну на прогулку к пруду. Только одеться велел теплее. Гарнитура Наилия молчала, во всей резиденции и куда хватало взгляда вокруг, никого не было. Если тихое семейное счастье существовало, то оно пахло теплым молоком, ложилось на плечи снежинками и медленно таяло на губах от поцелуев.

В любом доме нужно жить. Топить котел, готовить на кухне, зажигать вечером свет и сидеть на диване возле декоративного камина в гостиной. Без генерала резиденцию консервировали: увозили продукты, накрывали мебель чехлами, перекрывали воду и отключали электричество. На потухший дом мгновенно набрасывался равнинный ветер и уносил остатки тепла, будто мстил хозяину-предателю. Не любил Наилий западную резиденцию, как и все, что осталось от прошлого генерала. Шесть циклов назад получил сектор целиком с тридцатью тремя легионами, особняком, двумя резиденциями, автомобильным парком и огромным участком галактики с сотней населенных миров, где приходилось регулярно поддерживать и раздувать конфликты, чтобы кормить стомиллионное население пятого сектора. Жил теперь Наилий по графику космических командировок, состоял на денежном и материальном довольствии, а по-настоящему своим мог назвать только боевой посох. Тот самый генеральский, что победителем получил из рук одного из полковников. А потом была присяга легионов и погребальный костер Луция.

Каким ненужным тогда все казалось, но за шесть циклов проросло в него и постепенно вытолкнуло ставшие лишними мечты о нормальной жизни.

Генерал плотнее закутал в плед, прижавшуюся к нему Куну и поцеловал в лоб. Его женщина уже не вздрагивала от холода и не стучала зубами, а замерзшая резиденция словно просыпалась от летаргии. Наилий поднял температуру на котле почти до максимума. Тяжело зимой отогревать большие дома.

Гарнитура требовательно запищала на столе, и пришлось вытаскивать руку, тревожа задремавшую Куну. На планшете высветился номер Марка. Тьер, на горном материке глубокая ночь, что могло случиться?

— Марк?

— Генерал Лар? — жизнерадостно ответил хозяин девятого сектора. — Лысые гнароши, язык сломаешь! Генерал Лар... Рал, лар. Специально фамилию себе выбрал, чтобы все мучились? То ли дело Генерал Мор. Жестко и солидно.

Наилий улыбнулся, переживая приступ веселья у друга. Полцикла не прошло, как пили Шуи, празднуя его генеральские погоны, а серьезнее Марк Сципион Мор так и не стал. Как в детстве прятал за бравадой страх или неуверенность. И чем громче смеялся, тем тревожнее становилось.

— Что случилось? У тебя утро скоро.

— Не спится, — выдохнул Марк, — решил почту разобрать, а там любопытный запрос от отдела недвижимости. Дом, где ты жил до побега на равнину, решили вывести из жилого фонда и отдать связистам для размещения контрольно-корректирующей станции. Я хотел визой одобрить, а потом задумался — вдруг против будешь.

Быстро в девятом секторе документы по специалистам ходят. Только вчера запрос через знакомого связиста оформил, а Марк уже в курсе. Врать бессмысленно, все равно свой интерес в чужом секторе не утаить. Сам звонить собирался, но после отпуска.

— Сципион, это мой запрос. Летную группу в том районе расформировали, дом пустой седьмой цикл. Не найдут нового хозяина — спишут скоро и муниципалитету передадут, а мне жалко. Хороший дом, добротный.

— Я так и знал, — усмехнулся Марк, — своих в чужой сектор подселить не можешь, на моих летунов уже влияния никакого, решил пустым оставить? Годная мысль. Может, чаще в гости станешь заглядывать.

Наилий согласился, не озвучивая всех планов на старый дом. Запасной аэродром готовил, надеясь, что не пригодится. Полномасштабная компания у легарцев все еще висела под вопросом, но если подпишут договор, то генерал улетит командовать на два или три месяца, оставив Куну одну с ребенком через несколько домов от матери и сестры. Нельзя так рисковать. Несколько интенсивных скандалов и ребенка никто не спасет. А в маленьком горном поселке возле бывшей военной базы жила Аттия. Только ей Наилий мог доверить Куну и не дергаться у легарцев от собственного невроза.

— И все-таки, зачем ты подскочил среди ночи? Что-то с Севериной? Юлией?

Давно Марк жил со своей женщиной. Еще в интернате влюбился в деревенскую красавицу и сбегал к ней на свидание через дырку в каменной ограде. Когда стал капитаном, назвал Северину своей, а три цикла назад она родила ему дочь Юлию. Теперь снова ходила беременная двойней. Дождался Марк сына и второй дочери.

— Здорова Юлия, — тихо ответил друг, — зато Северина извелась. Двойня не шевелится. Должны всюю крутится, а они лежат тихо. Чуть до истерики не дошло. Проснулась ночью и плачет: «Марк, наши дети умерли». Отвез её в медцентр — обследовали, сказали, что все нормально. Северина спит дома счастливая, а у меня глаза в пол-лица, никак не закрыть.

Хотелось по привычке сказать: «О, женщины», но генерал оглянулся на притихшую Куну и прикусил язык. Тяжело даже представить, какво растить в себе новую жизнь. Каждый день с тревогой прислушиваться — все ли хорошо?

— Держись, Марк. Я рад, что обошлось. Береги Северину и сам иди спать.

— Да пора уже, — согласился Сципион и шумно зевнул в гарнитуру. — Договорились, значит, дом — твой, делай с ним, что хочешь.

— Спасибо!

— Не за что пока. Отбой.

Наилий снял с уха гарнитуру и снова обнял Куну. Электрический камин разгорался, облизывая искусственным пламенем нарисованные дрова. Дома в горах топиться приходилось настоящими, не надеясь на блага цивилизации. Расколоть чурки на поленья — как еще одна тренировка до приятной ломоты в теле и гудящих от ударов рук. Да, дольше и тяжелее, чем нажать на кнопку, но со всем настоящим так.

Такую, как Куна не проведешь яркой оберткой и пустыми словами, да и не захочешь обманывать. Давно не было так хорошо просто сидеть с кем-то рядом. Генерал осторожно под одеялом провел рукой по еще плоскому животу Куны и она расцвела улыбкой.

— Маленький еще, сама уже не дождусь. Наилий, а если будет девочка, можно я имя придумаю?

— Конечно, какое хочешь?

— Веста или Диана, никак выбрать не могу.

— Оба хороши. Одна будет семью хранит, другая станет смелой и сильной.

— А твое имя что-нибудь значит? Редкое очень, я больше не слышала.

Генерал перебирал пальцами кончики длинных прядей волос Куны и снова вспоминал детство и строгого мастера горного интерната. Он сам придумал всем лабораторным мальчикам имена, написав их на обратной стороне пластиковых браслетов с номерами. И

безликие наборы глифов превратились в Марка, Друза, Наилия. Верил, что имя может влиять на судьбу и почти не ошибся.

— Мастер много языков знает. Учил их, как учат инструкции, когда еще не было биопереводчиков. На одном совсем древнем и уже мертвом «наиль» — означает добиться успеха. Он мог так и назвать меня, но вспомнил, что биопереводчик будет послушно переводить слово на цзы'дарийский каждый раз, когда кто-нибудь позовет меня. Представь, как будет звучать: «Генерал добейся успеха Орхитус Лар».

Куна представила судя по тому, как заблестели глаза и улыбка расцвела еще ярче. Пригрелась на груди, одеяло уронила на ноги и от запаха её волос кружилась голова.

— Тогда мастер добавил к слову обычное для наших имен окончание, — продолжил генерал, перебирая пальцами пряди волос, — и получился Наилий. А можно я сам назову нашего сына?

Генерал снова погладил её по животу, и Куна кивнула открыто и доверчиво.

— Я не знаю древних языков, но долго думал. Дарион. Потому что самый дорогой подарок, настоящий.

— Пусть будет Дарион, — ответила Куна, — я согласна.

Время шло так же медленно, как падал снег за окном, роняя дни пушистыми хлопьями. Генерал жил по распорядку, на рассвете выходя в зал тренироваться и ложась спать поздно ночью, ответив на письма электронной почты. Куна сначала стеснялась, что просыпается позже, а засыпает раньше, но оптом привыкла. Не тягаться ей выносливостью с Его Превосходством. Днем они гуляли во дворе резиденции, наслаждаясь зимним спокойствием равнины. Кормили диких птиц на пруду и смотрели, как снег укутывает землю.

Резиденция отогрелась, наполнившись светом и ароматом выпечки, которую так любил Наилий. Генерал выпекал затейливые булочки с корицей, щедро посыпанные сахаром и учил Куну варить густую карамель. Ту самую, которую так долго тренировался в интернате резать ровными брусками.

Кроме большой спальни на втором этаже, нашлась еще одна маленькая на первом и Куна уже во вторую ночь уговорила Наилия переселиться туда. Забралась на кровать и с видом знатока рассказывала, что она такая же мягкая и удобная. Доказала. Да так, что весь следующий день краснела, вспоминая. Жарче объятий Наилия, наверное, ничего не было. Куна забывалась от страсти, не зная, куда пропадала тихая и застенчивая дарисса. Смущалась потом и шептала растерянно, что неприлично так громко стонать, а Наилий только улыбался в ответ.

Отпуск кончился почти неожиданно и, прощаясь с резиденцией, Куна подумала, что в коллекции самых лучших воспоминаний появилась целая россыпь новых: ярких, теплых и сладких, как карамель.

Наилий сам захотел отвезти на очередной осмотр к специалисту, поэтому выехали утром, чтобы днем уже быть в Равэнне.

— Публий на практике после повышения квалификации, — предупредил генерал, сворачивая в сторону от дороги к военному мед. центру, — я везу тебя к гражданским. Встанешь на учет, как полагается. Выписки из истории болезни Назо уже переслал репродуктологам, заново анализы сдавать не придется.

Бездна! Нет-нет-нет, только не это! Куна полностью устраивала секретность. Особенно то, что генерал не хотел афишировать отцовство. У Грации знакомые были практически везде, и часто в квартале новость об очередной беременности разносилась, едва будущая мама сама об этом узнавала.

— Наилий, а нельзя обратно к военным? — Куна чуть не вцепилась в рукав комбинезона генерала, когда он выворачивал руль. — Публий хороший акушер, самый лучший! Пожалуйста, не надо к репродуктологам!

Наилий помрачнел и ударил по тормозам, сворачивая в ближайший парковочный карман. До Центра репродукции оставалось еще два квартала. Почему генерал передумал? Ведь все же хорошо было!

— Почему ты к ним не хочешь? — настороженно спросил Наилий, развернувшись к Куне, насколько позволял ремень. — Ты генетиков боишься? Карта у тебя чистая, вы с сестрой от разных отцов. Мать ту мутацию гена не носит, она или передалась по мужской линии или вовсе спонтанно возникла.

Привыкнуть к осведомленности генерала невозможно. Куна несколько мгновений думала только о том, как глубоко он закопался в её жизнь. Да, информация в генетической карте открыта, но ведь пришлось отправить запрос еще и на мать с сестрой. Разумно, конечно, если в семье есть одна женщина, подлежащая стерилизации, значит и другая может появиться. Но ощущение, что без её ведома забрались в шкаф и перерыли все белье, не отпускало.

— Нет, карта, правда, чистая без обмана и подвоха. Мать как узнала о болезни Аврелии, затаскала меня по врачам. Они практически поклялись, что со мной все в порядке, тут другая беда.

Так сразу и не расскажешь, даже зная, что генерал в курсе скандала. Куна вдохнула и выдохнула, подбирая слова и сокращая рассказ до сути, выбрасывая эмоциональные подробности.

— Мать будет в ярости, узнав о беременности. Она уверена, что любой мужчина меня бросит, и я приду к ней с разбитым сердцем и еще одним голодным ртом в придачу. Денег и так не хватает на лекарства Аврелии.

Генерал молчал, и холод возвращался во внедорожник, невидимым инеем оседая на окнах. Невыносимо глупая причина, да. А Куна еще и сказала, что Наилий её бросит с ребенком. Зря. Не подумала, что может обидеться. Бездна, как же объяснить?

— Я не хочу скандала, — сказала Куна, чувствуя, как истерика прорывается сквозь интонацию плаксивыми нотами. — Я боюсь. Мать примчится в барак к Регине, снова ударит меня или толкнет.

— Она тебя била раньше?

Как же глупо. Несуществующие боги, как стыдно! Куна обняла себя руками и отвернулась к окну, не видя сквозь стекло ничего.

— Била в детстве ремнем как всех. Воспитывала. Пара шрамов всего осталась от рассеченной кожи — ничего страшного. Я боюсь за ребенка.

Генерал судорожно вдохнул у неё за спиной и, кажется, что-то прошептал на другом языке.

— Надо было раньше мне сказать, еще ничего не сделано. Я не давал команды готовить тебе комнату в особняке, не решил, куда переселять лейтенантов.

Весь второй этаж был домом для офицеров, Куна помнила. Скольких придется выгнать

на улицу или выселить в без того переполненные общежития? Из-за неё.

— Нет, я поживу пока у Регины, мне на смены нужно, — бормотала Куна, закрыв лицо руками. — Особняк слишком далеко от Равэнны и туда не ходит транспорт. Я не хочу бросать работу, мне не в тягость.

Аврелия бы уже кричала: «Дура! Какая же ты дура! Тебя в особняк зовут, работать не заставляют, живи и радуйся!» Но Куна не могла. В огромном доме среди военных она точно потеряется. Всегда будут неотложные дела, срочные звонки, командировки, учения, совещания, режим. Жить вместе и не видеть друг друга еще тяжелее, чем ждать Наилия из космоса. Но ради ребенка она была готова терпеть. Сдалась, смирилась с вынужденным одиночеством. Особняк так особняк. Там хотя бы мать с сестрой не достанут. Но опоздала с решением на одно мгновение.

— Хорошо, — отчеканил генерал, — я не буду заставлять. Живи у Регины, пока я не придумаю, что с этим делать. Неделю, не больше. И не удивляйся, если заметишь охрану у барака. Они обычно тихо сидят в машине, проблем не будет.

Куна убрала ладони от лица, но посмотреть на Наилия сил еще не хватало. Невроз мучил мелкой дрожью, в холодный пот бросило.

— А к репродуктологам поедем, — строгим тоном продолжил генерал, — их проконтролировать сложнее, но если данные о твоей беременности из истории болезни выйдут за стены центра, сплетницам в белых халатах мало не покажется. Как минимум попрощаются с квалификацией.

— Хорошо, — кивнула Куна.

Оторопь брала от того, как быстро Наилий принимал решения. Все учел, обо всех подумал, будто неделю план разрабатывал. Может, она и не права, что так хочет самостоятельности.

В Центре репродукции Куна уже была, когда вставала на учет. Но тогда приходила одна, бродила тенью по коридорам, никем не замеченная и с тревогой приглядывалась к беременным. С Наилием затеряться в толпе не получилось. Едва генерал подвел её к стойке регистрации, как началось.

— Ваше Превосходство, — широко улыбнулась дарисса, выставляя перед ним сканер отпечатков пальцев, — ждем вас.

Сканер открывал доступ к истории болезни, но при чем тут генерал? Куна ошарашенно огляделась, туда ли попала. Вроде те же вывески «Акушер» и «Репродуктолог», центр специализации не менял, в военный не превратился, даже мебель не передвинули. Мягкие диваны, обитые зеленой кожей, стояли на своих местах, а беременные сидели на них и читали что-то с планшетов. Странно.

Наилий невозмутимо приложил палец к сканеру, а регистратор расцвела от счастья. Подтвердила что-то нажатием на экран рабочей панели и передвинула сканер к Куна.

— Дарисса, прошу вас.

— А зачем это?

— От коллег-военных мы получили анализы, зашифрованные отпечатками пальцев. Нужно подтверждение, чтобы добавить их к истории болезни. Отец ребенка тоже проходит обследование, и результаты хранятся в вашей истории.

Куна сосредоточенно приложила палец к сканеру, стараясь не оглядываться на генерала. Щеки наливались румянцем, не думала, что будет так приятно слышать: «отец ребенка». Некоторые мужчины предпочитали дожидаться официальных тестов на отцовство после родов и только потом считали ребенка своим. У Наилия сомнений не было.

— Благодарю, — кивнула регистратор и коротко рассказала, к какому кабинету идти.

Центр репродукции не навевал тоску как резиденция генерала, хоть и был таким же огромным, полупустым и выстуженным до лаконичности простых линий и однотонных красок. Муниципалитет не скупился на оборудование и специалистов, считая демографический вопрос главной заботой. Здесь даже в стационаре кормили как в ресторане совершенно бесплатно. Только рожай здоровое потомство.

Наилий открывал перед Куной двери, придерживал за локоть и старался смотреть только на неё, игнорируя удивленные и откровенно любопытные взгляды пациентов и персонала. Больше всего Куна боялась, что сейчас кто-нибудь не выдержит и подойдет пообщаться. Станет расспрашивать о политике или просить за родственника в армии. Насколько проще было бы прийти совсем одной или даже с Нурием. Беременных женщин часто сопровождали их мужчины, и в коридорах чернела военная форма рядом с яркими платьями и белой одеждой медиков. Правда, увидев генерала, военные вскакивали с мест, вытягивались струной и приветствовали командира. Так что стоило добраться до кабинета репродуктолога, и весь центр уже был в курсе, кто их посетил.

— Ваше Превосходство, — дверь кабинета открыла Цеста, — дарисса Куна, прошу вас.

Тонкой и хрупкой Цесте очень шел белый халат. Она казалась в нем невесомым небесным созданием, озаренным светом. Акушерка так часто улыбалась, что в уголках глаз и губ навсегда застыли мелкие морщины. Рядом с ней расслаблялся от тонуса живот, и на все

вопросы о самочувствии хотелось отвечать только: «Хорошо. Замечательно. Лучше не бывает».

В кабинете возле кушетки стоял миниатюрный аппарат УЗИ, а на стене напротив висела огромная телевизионная панель, транслирующая сигнал от прибора. Усадив генерала в кресло рядом с кушеткой, Цеста расположилась у прибора.

— Ложитесь, Куна, какой сейчас срок?

— Одиннадцать недель, кажется, — с трудом сообразила она, прибавив дни к сроку на прошлом посещении.

— Пора первый скрининг делать. Посмотрим ребенка, и сдадите кровь.

Кресло под Наилием скрипнуло, но генерал промолчал. Сидел за головой Куны и она его не видела.

— Сейчас будет холодно, — предупредила Цеста, выдавливая гель на живот пациентки. Предупреждение не помогло, мороз пробрал до дрожи. Специально что ли гель в холодильнике держат? Куна еще раз поежилась, когда Цеста размазала его датчиком, а потом включилась панель.

Никогда еще УЗИ не казалось такой магией. Куна видела ребенка, его крупную голову, поджатые к животу ноги.

— Он руками машет?

— Верно, — улыбнулась Цеста, — именно руками он и машет, смотрите, это пальчики.

От восторга пропадало дыхание. Куна чуть на локтях не поднялась, чтобы лучше разглядеть. Младенец вертелся, толкаясь ногами, а в груди крошечным комочком билось сердце.

— Хорошее сердцебиение, — комментировала Цеста, записывая цифры в протокол обследования, — пол уже знаете?

— Мальчик? — впервые подал голос Наилий, а акушерка чуть не рассмеялась.

— Если нужен мальчик, то пусть будет мальчик. Я не привыкла спорить с генералами, Ваше Превосходство.

Куне показалось, что она успела разглядеть на экране то, что нужно, поэтому с интересом обернулась к Наилию. Терпением генерал никогда не отличался, а теперь еще и чувство юмора утратил. Казалось, еще мгновение и обиженно запыхтит.

— Значит, девочка?

Цеста улыбнулась еще шире и сдалась.

— Сын, Ваше Превосходство. Прекрасный, здоровый мальчик. Ни к чему не могу придраться, все нравится.

Наилий выдохнул и закрыл глаза, а Куна мысленно повторила, глядя на экран: «Дарион».

Забирать кровь на анализ пришла медсестра. Целую пробирку выкачала у Куны и приклеила распечатанный Цестой шприхкод. Наилий предполагал, что за анализ, но уточнить не мешало.

— Дарисса, — позвал он акушерку, пока Куна вытирала салфетками живот от геля, — прошу вас на пару слов.

Привык командовать и теперь, кажется, переборщил с тоном, но Цеста покладисто

вышла за дверь кабинета.

— Слушаю.

— Я открыл для вас свою генетическую карту, — начал издалека генерал, оглядывая коридор, чтобы случайные прохожие не подслушали, — уже знаю, что вы подписали все три формы о неразглашении, но нюансов слишком много.

Улыбка женщины померкла, и уголки губ поползли вниз. Гражданские ревностно хранили врачебную тайну, искренне считая дополнительные предосторожности военных чуть ли не оскорблением, но речь шла о другом.

— Если вдруг, — очень тихо заговорил Наилий, — анализ на вероятность генетической болезни будет отличаться от идеального, я прошу вас сначала сообщить мне. Не нужно пугать Куну.

— Ваше Превосходство, все результаты анализов беременным мы сообщаем максимально деликатно и корректно.

— Не сомневаюсь и, тем не менее, прошу. Вы помните тот невроз и угрозу выкидыша? Я не хочу повторения и не собираюсь ничего держать в тайне. Сам скажу.

Адреналин вскипал привычной дрожью где-то под сердцем. Наилий знал, что стоит сейчас закрыть глаза и как в кошмарном сне из темноты выступят белизной стены лазарета в интернате, где на восемнадцатом цикле от генетических аномалий умерли четыре кадета. Организм так и не справился с плодами любопытства генетиков. Не все эксперименты удачные, не все уродцы живучие.

— Пожалуйста, — повторил генерал, — сначала мне.

— Хорошо, Ваше Превосходство, — нехотя кивнула акушерка, — в порядке исключения и ровно один раз. Мы не имеем права скрывать от пациентов состояние их здоровья. Я уступаю только из-за угрозы выкидыша и, видя ваше желание оградить Куну от волнений.

— Спасибо.

От поцелуя вежливости Цеста не увернулась, но ладонь дернулась в его пальцах. Генерал не питал иллюзий, прекрасно понимал, что акушерка в саркофаге на огне видела таких отцов детей у пациентов. Впереди половина цикла пристального внимания службы безопасности, повышенный контроль от руководства и еще не одна странная просьба. Терпите, дарисса, с жертвами лабораторных экспериментов в генеральских погонах всегда так.

После недели отпуска меньше всего хотелось идти на работу, и только включившийся автоматизм тела помог Куне настроиться на дежурство. Зеленые треугольники судов медленно ползли по голубоватым руслам рек, пересекая контуры перекаатов так лениво и сонно, что глаза слипались. «Работа делает нас полезными», — говорили на образовательных курсах, словно отказывая в ином способе прожить жизнь. А Куна считала, что работа всего лишь давала деньги и замыкала причинно-следственный круг: «Работаю, чтобы жить и живу, чтобы работать». День за днем цикл за циклом единый ритм от звонка будильника утром до сигнала конца смены. Вся забота — найти занятие по душе и расслабиться.

Слишком уж резко и пугающе быстро теперь менялась её жизнь. Никак не привыкнуть. Может и хваталась за мечту стать кондитером как за последний обломок себя прежней, кто

знал? Но нет. Все-таки нет. Стоило закрыть глаза, как в воображении ноздри щекотал незабываемый аромат свежей выпечки, на языке таял сливочный крем, и аппетитно блестела каплями воды свежая клубника. Песочная корзиночка с ягодами и взбитыми сливками — придет домой, обязательно сделает.

Со сменами повезло третий день дежурить вместе с Региной. Диспетчерская готовилась к проверке и старшая смены составляла отчеты для начальства, постоянно созваниваясь со всеми службами речного вокзала. Знакомый голос с «рабочими» холодными интонациями почему-то вызывал улыбку. Умела Регина коротко и емко выражать мысли на грани допустимого служебной инструкцией по речевой культуре. Заслушаешься.

Гарнитура на столе запищала, и пришлось ответить на свой звонок:

— Диспетчерская. Пятьдесят третий оператор.

— Капитан катера «Стриж», дарисса, тут обстановку снесло...

Куна отвлеклась, переключилась и до конца смены думала только о работе. Зимой светило уходило за горизонт рано и вечером из Речного вокзала их с Региной провожали желтые огни фонарей. Автобус на остановку пришел переполненным настолько, что соседки решили пройтись пешком. Снег тихо падал крупными хлопьями и было разве что немного холоднее, чем осенью.

— Куна, забыла сказать, Лавру дали увольнительную, завтра он придет в гости.

Так вот откуда у Регины мечтательный взгляд и приподнятое настроение. Хоть звони Наилию и просись в особняк на день. Не стоило мешать влюбленным, они так редко виделись.

— Отличная новость. Я тогда завтра в парке погуляю или сменой поменяюсь.

— Нет, не нужно, — вздохнула Регина. — Он придет только на обед совсем ненадолго. Предупредил, что куча дел в городе, весь день пробегает.

— Жаль. Ну, хоть обедом угостим. Придумала, что приготовить?

Лавр любил простую кухню без сложного состава и вычурных названий. Даже вырвавшись из казарменной столовой, дома просил приготовить тоже самое. Регина справлялась сама, но в этот раз попросила Куну помочь. Разволновалась подруга, а рассказывать, почему, не спешила. Может, сына нужно переводить в другое училище? Или еще какие проблемы решать?

К обеду следующего дня на маленьком кухонном столе ложку было некуда положить. Давно они с Региной так не пировали. Потушили мясо, нарезали к нему салат, напекли лепешек, открыли припрятанную на лучший день солонину, а на десерт Куна сделала те самые песочные корзиночки. Жаль, клубника размороженная, а не свежая, но где её зимой найдешь?

Лавр пришел с военной пунктуальностью строго в назначенный час. Куна хотела спрятаться в комнате, но Регина непустила.

— Ты здесь тоже живешь, глупо убегать.

Мужчина Регины никогда не был против, но ощущение неловкости не отпускало. Будто влезла к ним третьей на семейное ложе. Замок входной двери щелкнул, и влюбленные зашептались в коридоре, пока Лавр снимал куртку, принесся с собой зимний ветер и россыпь легких снежинок. Регина рассказывала о погоде, о диспетчерской, спрашивала как дела на службе. Скрипнула дверь ванной комнаты и в раковину полилась вода. Мужчина пришел домой, нужно звать к столу.

— Знакомься, Куна, — пропела Регина, аккуратно подталкивая на кухню крепкого, как

древний дуб цзы'дарийца, — это мой Лавр.

— Дарисса, — рядовой коснулся руки Куны поцелуем вежливости и тут же по-хозяйски уселся во главу стола, — Ох, а наготовили! Не удержусь ведь, все съем!

— Кушай, — ласково улыбнулась Регина, накладывая обед в тарелку.

Они были чем-то похожи: строгая и немного угловатая старшая смены и по-мужски квадратный рядовой. Широкие ладони с короткими пальцами, мощные плечи и массивная шея — действительно дуб. Твердый, надежный и основательный.

— И все-таки, ты меня сильно не корми, — басовито попросил Лавр, — еще пол-Равэнны объездить нужно: то там отметку поставить, то здесь на учет встать. У офицеров все по-другому.

Куна удивленно подняла глаза от тарелки, но и Регина застыла с приоткрытым ртом.

— Мне присвоили звание лейтенанта, — нарочито обыденным тоном сообщил Лавр, а потом все-таки улыбнулся.

Регина выдохнула и тут же зажала рот, заметавшись по тесной кухне. Куна понимала, как сейчас колотиться её сердце и сама еле произнесла:

— Поздравляю, Лавр, чудесная новость!

И очень редкое событие. Будущие офицеры еще кадетами учатся в командных училищах на пять циклов дольше рядовых, и выпускаются сразу с погонами лейтенантов. Чтобы получить офицерское звание, Лавру пришлось учиться как Куне заочно и, судя по шоку Регины, он до последнего держал это в тайне. Большой поступок и не дюжая воля.

После образовательных курсов отработав полтора цикла, Куна едва втянулась обратно в учебу. Казалось, мозги заплылились и ворочались теперь со скрипом. Любая новая формула отчаянно не хотела запоминаться, а лень свирепствовала как никогда прежде. Перерыв у лавра был еще дольше, а программа намного сложнее. Не сравнить образование в командном училище с Кулинарной Академией. По крайней мере, Куне так казалось.

— И как же теперь? — растерянно пробормотала Регина.

— Гораздо лучше, чем раньше! Увольнительные чаще, паек больше. Мне теперь планшет положен с выходом в военную Сеть. Смогу переписываться с сыном хоть каждый день, а не когда его пустят к гражданскому терминалу. Регина, я перееду из казармы в офицерское общежитие. Мы переедем. Я подам заявку и нас с тобой поселят в корпус к семейным. Да, не отдельное жилье, но зато вместе.

Куна впервые видела, как подруга плакала, молча вытирая глаза ладонью. Сидеть рядом и смотреть на чужое счастье, было радостно и неловко. Особенно когда Регина бросилась обнимать своего мужчину. Переезд — еще одна редкость, похожая на чудо. Не в каждое офицерское общежитие селили семейных. Равэнна — большой город, здесь всем места хватало, а во многих военных частях отдельно со своими женщинами жили только капитаны, майоры и полковники.

Куна все же сбежала в спальню, оставив влюбленных вдвоем. Улыбка никак не сходила с лица и не сразу, но померкла. Если Регина переезжала в общежитие, то её барак возвращался в муниципалитет. И через неделю максимум сюда въедет другая семья. Бездна! Снова с вещами на улицу?

Планшет Куна доставала в полусне и никак не могла трясущимися пальцами повесить гарнитуру на ухо. К матери и сестре она ни за что не вернется! Лучше ночевать в диспетчерской или в зале ожидания речного вокзала!

Номер генерала в списке контактов числился первым и Куна, не думая, нажала на

вызов. Ответил Наилий почти мгновенно:

— Слушаю.

— Регина съезжает, её мужчину повысили до лейтенанта. Наилий, мне снова негде жить.

Выпалила и зажмурилась, а в гарнитуре хозяин сектора ровно и коротко ответил:

— Я знаю.

Теперь Куна от шока приоткрыла рот. Конечно, могла сразу догадаться.

— Так это ты устроил?

— Почему сразу я? — развеселился генерал. — У меня нет привычки прыгать через головы командиров моих бойцов. Лавр давно ждал офицерского звания, учебу закончил с отличием, характеристику ему капитан дал положительную. Все бы и так решилось, я разве что немного ускорил согласование рапорта.

Куна снова заулыбалась. Напрасно Наилий отказывался, поучаствовал ведь в судьбе Лавра. А заодно Регины и их сына-кадета.

— Все равно спасибо. Они так счастливы.

— Не за что совершенно, — тихо ответил генерал, — а ты собирайся, не спеша. Я разобрался с особняком, уплотнил офицеров на втором этаже, теперь весь третий — мой. Завтра Нурия за тобой пришлю, он же и будет возить тебя на работу.

Возражать уже не хотелось. Куна боялась только, что с трудом дождетса завтра, чтобы обнять Наилия.

Глава 25 — Прощание

Куна пришла к Регине с пустыми руками, да еще и в чужом платье, одолженном на балет, а уходила с пятью чемоданами. Нурий позвонил, что приедет до рассвета, чтобы потом из особняка увезти генерала в штаб, а Куну на работу. В итоге соседки полночи не спали, то собирая вещи, то взахлеб обсуждая будущую жизнь.

— А я тебе говорю складывай, — строго заявила Регина, высыпав на чемодан охапку косметики, — пока обживешься на новом месте и свое купишь, надо чем-то умыться.

Куна в ответ обреченно выдохнула и улыбнулась, чуть не рассмеявшись. Радость бурлила легкими пузырьками газированного напитка и щекотала в носу.

— Ты мне сейчас полбарака отдашь.

— Не жалуйся. Нажила добра — складывай. Здесь же все нужное!

За теплые вещи и платье из магазина для беременных Куна не спорила, но зачем забирать консервы из сухпайка? Нурий каждый месяц привозил больше, чем соседки успевали съесть вдвоем. Что-то даже ни разу не попробовали. А холодильник в особняке наверняка так же забит до отказа, как в резиденции.

Переезд пугал, как бы Куна не уговорила себя, что по-другому нельзя. В огромном доме, живущем по четкому военному распорядку, придется обдумывать каждый шаг. Все равно, что поймать сороконожку и спросить — с какой ноги ей идти дальше.

— Ой, штаны Лавра! — всплеснула руками Куна. — Чуть не увезла с собой.

— Теперь точно придется выбросить, — вздохнула Регина, — я еще свое барахло не собрала, боюсь представить, сколько будет тюков, чемоданов, баулов, свертков. Лавр увидит — онемеет. Боюсь, махнет на все рукой, перекинет меня через плечо и утащит прямо так.

Соседка демонстративно растянула юбку домашнего платья, а потом махнула рукой.

— Эх, заново, так заново! Пойду во двор, посмотрю, осталось ли место в мусорных баках. Где-то у меня мешки были...

Упаковать чемоданы успели в срок, а хлама Регина нагребла и вынесла к бакам столько, что пять раз ходить пришлось. В маленькой спальне даже стало свободнее и легче дышать. Пустота — не всегда зло. Иногда она — всего лишь ожидание чего-то нового и большего. Куна подтянула штаны на округлившемся животе и плотнее запахнула теплый кардиган.

— Наверное, все. Давай прощаться.

— Ох, как я к тебе привыкла, — всхлипнула Регина и полезла обниматься. — Чего засопела? Тю, не вздумай всхлипывать, а то сама зареву. Дариона береги и мужчину своего. Куда он хоть тебя забирает? Ты ведь так и не сказала.

Да уж, заигралась в секретность, хотя уже и незачем, наверное. Как только телевизионщики поймают их с Наилием где-нибудь в городе, Аврелия обязательно увидит. Может, сразу и не поверит, но потом проклянет сестру так, что несуществующие боги ужаснутся.

— Прости Регина, я сразу должна была сказать, но боялась, что испорчу службе безопасности работу.

— Ты про тех якобы гражданских с такими широкими плечами, что в машину садятся боком? Они четвертый день в квартале ошиваются. Машины меняются, а рожи прежние.

Куне почему-то стало обидно за бойцов. Она тоже заметила выставленных Наилием

охранников, но до последнего надеялась, что замученные работой жительницы квартала выводов не сделают. Напрасно. Тяжело прятаться там, где все друг у друга на виду. Любое новое лицо пристально изучается, запоминается и мысленно ставится на учет. Жаль, что в армии совсем нет женщин, на них бы точно никто не обратил внимания. Догадался же кто-то прислать в квартал разбитых сердец таких красавцев.

— Да, про них, — смутилась Куна, — ты, наверное, уже и остальное поняла.

— А как же. Генеральский паек, генеральский водитель, — лукаво улыбнулась Регина, а потом тоже смутилась, — не сразу, конечно, догадалась, меня одежда убедила. Не каждый офицер вот так своей женщине полмагазина за раз привезет. Дело не в деньгах, а в широте жеста. Генеральский размах.

— Умеет Его Превосходство поражать воображение. В особняк забирает, а я что-то даже не знаю.

— Главное, что забирает, — ободряюще погладила по плечу Регина, — как же я за тебя рада! Выше нос, пятьдесят третья! С любимым мужчиной хоть в особняк, хоть в клетку.

Со двора раздался шорох колес по снежному насту. Оглушительно громкий в предрассветной тишине.

— Но в особняке все же лучше, — радостно кивнула Регина и взяла один из чемоданов, — Нурий приехал, пойдем грузиться.

Военный внедорожник припарковался у барака, фарами освещая двери. Далеко унести чемодан Регине не дал водитель, ловко подхватив его на пороге и с маленького пульта открыв багажник.

— А я переживала, что в салон ставить придется, — ахнула соседка, сунув нос в багажник, — да сюда якорь можно затолкать!

— Или трех жутко пьяных бойцов, — усмехнулся водитель, — еще и место останется, чтобы Шуи разливать и догоняться в дороге. Показывайте остальные чемоданы, дарисса Регина.

Куне почудилось, что из салона донесся смешок, но хлопнула входная дверь барака и наваждение пропало. Наилий сейчас спит или тренируется, обещал встретить у ворот особняка. Скорей бы уже. Жители квартала просыпались, зажигая в окнах свет, матери так рано на работу не нужно, а Аврелия раньше обеда с кровати вставала редко. Хотелось истово просить бездну, Вселенную и каждую из миллиарда звезд, чтобы отъезд никто не заметил. Была — и пропала. Уж если рвать с прошлым, то без лишних слез. Мать точно ни разу не всплакнула, это Куна как дура убивалась ночами, закрывшись в ванной комнате, чтобы не разбудить Регину. Все полотенца слезами пропитала, и долго потом ждала, пока побледнеет раскрасневшийся нос.

— Кажется, все, — сказал Нурий, уложив последний чемодан, — садитесь, дарисса.

Водитель заднюю дверь внедорожника не успел открыть, как вдалеке раскатом грома что-то хлопнуло. У Куны сердце замерло, когда в синеву рассветных сумерек из дальнего барака нырнул темный силуэт. Демоны её подняли, не иначе! Бежать нужно, пока скандал не начался! Ну, и где охранники, когда они так нужны? Несуществующие боги, только бы мать в драку не полезла.

— Нурий, нужно ехать, — пробормотала Куна, от ужаса намертво вцепившись в рукав форменной куртки. От стены соседнего барака к ним метнулась еще одна тень.

— Далеко собралась? — на весь квартал прокричала мать. — А попрощаться?

Куну совесть кольнула. Все-таки мать, а она сбегает как нашкодивший подросток.

— Я быстро, — шепнула она водителю и отпустила, наконец, рукав. — Мама, извини...

Вторая тень остановилась за спиной родительницы, не вступая в пятно света от фар, Нурий держался рядом, оглядываясь то на внедорожник, то куда-то вдаль. Мать в потертом пальто, словно реку вброд перешла через свет фар и остановилась возле Куны.

— Что же ты, дочка, среди ночи как преступница бежишь? Мужчину своего нам так и не представила, а мне ведь интересно, кому я тебя отдала.

Голос матери дрожал от напряжения, но пока в нем слышались плаксивые нотки, Куна не было слишком уж страшно. Может, зря драку нафантазировала, и она правда пришла поговорить. Вот только как врать теперь про Нурия? Генерал назвал своей, признал ребенка, а Куна будет продолжать кивать на другого? Хотя, услышит про генерала — не поверит, как Аврелия.

— А вы почему молчите, рядовой? — не дождавшись от дочери ни слова, мать переключилась на Нурия. — Язык в казарме перед выходом забыли получить? Решили, что раз дарисса из простой семьи, то можно здесь и не появляться? Ребенка уже успели заделать или еще нет? Когда мне её обратно ждать в слезах и с выродком на руках.

— Мама! — ахнула Куна, а Нурий не выдержал, выступил вперед, отодвинув её за спину.

— Выражения выбирайте, дарисса, вы о своей дочери говорите.

— Да, — пошла в атаку мать, — и буду говорить то, что хочу. Потому что это моя дочь! Я её растила, пока такой как вы по кустам прятался от ответственности. Ах, все слишком внезапно, ах, он не готов, чувства надо проверить. Под юбку лез — героем был! А едва на тесте две полоски появилось — обгадился. Знаю я вас всех. Лично бы каждого удавила! Мерзавцы, ублюдки!

Она все-таки бросилась на водителя, замахиваясь кулаком, но тень за спиной оказалась быстрее. Пока Нурий отбивал удар в воздухе, охранник дернул мать за пальто назад. Сграбастал огромными ручищами в охапку и потащил обратно к барaku. Её крик оборвался на первой ноте, мужчина просто зажал ей рот ладонью.

Куна смотрела и не верила. Из глубины поднимался древний как вселенная инстинкт. Тот самый, что намертво привязывает родных друг к другу. Её мать забирали, отнимали у неё, хотели причинить боль. Обида пропала, будто не было никогда. Куна рванулась следом, чувствуя, как крик рвется из груди снежной лавиной.

— Мама!

Её тоже схватили за плечи и грудь, не касаясь беременного живота, но Куна падала и падала вперед, где в хватке охранника билась от ужаса её онемевшая мать.

— Мама!

Слезы застилали глаза, затапливая квартал ослепительно ярким золотом искусственного света фар. Оно прожигало насквозь, лишая сил, обращая в пепел. С высохших, потрескавшихся губ шепотом срывалось всего одно слово: «Мама».

— Отставить! — холодом полоснуло за спиной, и золотое марево вздрогнуло. — Бойцы, отпустите их!

Куна чуть не потеряла опору и тут же упала в такую знакомую теплоту, что пахла травяным настоем, старостью кладовки и теплой шерстью пухового платка. Мать тоже плакала и гладила её по сбившейся на затылок шапке, убирала за уши непослушные пряди.

— Дочка, я вся извелась. Как ты, где ты, с кем. Соседки чего только по кварталу не собирали, дуры. Дочка...

Куна прижималась к ней, чувствуя, как теплеет в животе и распускается тугой узел. Сколько глупостей понадобилось натворить и наделать, чтобы понять, как плохо друг без друга.

— Мама, ты только не ругайся, я ребенка жду, — шептала она, вытирая замерзшей ладонью мокрое лицо, — мальчик будет, я его уже видела на УЗИ. Такой хороший, мы его Дарионом назвали.

— Пускай Дарионом, красивое имя.

Мать вытирала то свои, то её слезы и вдруг заулыбалась.

— Мальчик, это ж где ему вещи брать, не в ваши же с Аврелией платья наряжать? А когда рожать уже сказали?

— Летом, мама. В самую жару, как меня.

— Ох, намучаешься, дочка.

Мужчины темными тенями качались где-то за пределами пятна света, будто в другой галактике и лишь один подошел ближе.

— Дарисса.

— Не может быть, — замерла мать, глядя Куне поверх плеча, — до чего же похож. Или он? Правда?

Генерал спрятал погоны под широкую форменную куртку, небрежно наброшенную на плечи, но мать не хуже Куны и Аврелии знала каждый изгиб такого знакомого лица. Не разглядела в таком освещении не веснушек, не шрама под бровью, но хозяина сектора перепутать с кем-то невозможно.

— Ваше Превосходство.

— Это я — отец ребенка, дарисса, — Наилий подошел еще ближе, — вы правы, мне стоило прийти раньше.

Наверное, на метеорит, угодивший в крышу барака, мать не отреагировала бы столь остро. Её колотило не то от холода, не от нервного напряжения, а слова она выдавливала с трудом.

— Я рада, если так, — воздух кончился вместе с фразой, и мать судорожно вдохнула, — вы ведь не насовсем её заберете?

— Вы сможете видетсья, если захотите, — холодно кивнул Наилий, — но только в присутствии охраны. Я назвал Куну своей и забочусь о её безопасности. А теперь, если вы позволите, мы уедем.

Генерал обнял Куну, выставив вперед плечо как укрепление против неприятеля. Наверное, так бы и увел, но терпеливо ждал ответа.

— Да, конечно, — смутилась мать, отступив назад, — я попрощаться пришла. Звони, дочка, как устроишься.

Куна закивала и хотела еще что-то сказать, но горизонт стремительно светлел, вытаскивая с востока утро. Они и так задержались, а нужно еще на работу успеть.

— Я позвоню, мама, — пообещала она, — обязательно.

Глава 26 — "Только ей не говорите!"

Облегчение остужало осенним ветром после летней жары. Больше ничего не давило на грудь, не жгло изнутри, а жизнь казалась простой и легкой. Куна засыпала на плече у генерала, пока за окном внедорожника вспыхивали и гасли проносящиеся мимо фонари. Равэнна давно осталась позади, и теперь только узкое полотно трассы несло автомобиль к особняку, как ручей щепку. Скоро расступится голый до черноты лес, мелькнет заснеженная апельсиновая роща и вдалеке неясным росчерком покажется ограда. Климат-система нагоняла в салон тепло, и пахло лимонным ароматизатором, качающимся под зеркалом заднего вида.

— Ты веришь, что она одумалась? — тихо спросил Наилий и Куна проснулась. Вспомнился его ледяной тон и обещание разрешить встречи с матерью только под охраной.

— А ты нет?

— Я давно живу и много видел, но чтобы безразличие превращалось в любовь — нет. Ненависть, страх, злость — может быть, а равнодушие — никогда.

Заявил по-генеральски категорично, будто огласил приговор. Куна села ровно, откинувшись на спинку сидения. Сама еще не разобралась, что чувствует и не могла объяснить Наилию. Не хотелось раскладывать порыв души на составляющие, искать мотив и думать о последствиях. Пусть этим занимаются мужчины, ей достаточно верить.

— А если правда? Ведь она же моя мать, ты против наших встреч?

— Я не хочу, чтобы ты разочаровалась, — едва слышно ответил генерал. — Во второй раз будет намного больше.

Куна прикусила губу и нервно сплела пальцы. Своя, еще не забытая до конца обида, мешалась с его воспоминаниями о женщине, застывшей на пороге богатого дома. «Я не обязана всех помнить». Найденная и снова потерянная мать — как вечное доказательство, что вера — всего лишь иллюзия. Самообман маленького, никому не нужного мальчика. Из равнодушия не вырастает любовь.

— Хуже уже не будет, — грустно улыбнулась Куна и запнулась, не договорив. Куда сильнее матери беспокоила Аврелия. Сейчас сестра узнает, что ребенок действительно от генерала и детская мечта разобьется. А там уже точно будет не до безразличия. В категоричности хрупкая Аврелия легко превзойдет Наилия и щедро выдаст самые страшные обвинения. Один был смысл в жизни — и тот Куна отобрала.

Жаль сестру до слез, конечно, но ребенок — не платье. Нельзя отнять у себя и отдать ей вместе с генералом, особняком, охраной у дверей и бесконечными командировками Его Превосходства. Аврелия грезилась осенним балом и выходами в свет, не понимая как тяжело вместе даже просто сходить в магазин. Сестра не включала выпуски новостей со страхом, что там будет портрет во весь экран и несколько глифов соболезнований сектору по случаю кончины полководца. Ей казалось, что генерал будет жить вечно, чтобы до конца времен Аврелия забыла о нехватке денег. Такая простая и незамысловатая мечта о волшебнике, исполняющем желания.

Не важно, как его зовут, сколько новых шрамов у него скоро появится, что спит он мало, и чистить апельсины любит больше, чем есть их. Всегда закрывает в комнатах двери, а если без спроса что-то переложить на рабочем столе — страшно разозлится.

Волшебник Аврелии всегда весел, счастлив и живет только её мыслями и желаниями. А она так уж и быть в благодарность позволяет наслаждаться своей красотой и редкими знаками внимания. «У тебя новая шляпа, волшебник? Фи, прежняя куда лучше. Поменяй, ты же не хочешь, чтобы я расстроилась». Нет, своего Дариона она такой приемной матери ни за что не отдаст.

Нурий свернул с трасы на боковое ответвление, будто въехал в иную реальность. Вчера шел не то дождь, не то мокрый снег и кусты покрылись серебристыми гроздьями сосуллек, восхитительно синих в рассветных сумерках. Светило поднималось над горизонтом, пролив на макушки сугробов золото, а льдинки в снегу сверкали драгоценными камнями. Сказка под стать волшебнику с холодными голубыми глазами.

Вот только назвать особняк хижинкой язык не поворачивался. Куна ждала роскоши и монументальности, как в колонном зале генерального штаба, а увидела геометрической буйство фантазии архитектора. Неуместно строгое и современное в окружении заснеженного парка и кованой ограды. Один из многочисленных концепт-дизайнов, что должен был остаться в ящике стола навечно, но его по недоразумению воплотили в жизнь. Фасад отчаянно притворялся объемным чертежом, и умело прятал окна в нишах, складках и кривых контурах. На молочно-белых стенах вспухали ромбы, квадраты и прямоугольники темных оттенков дерева. Плоская крыша тонула среди зубцов и выступов, а все вместе казалось жестким панцирем или шелухой.

— Интересный дизайн, — восхищенно выдохнула Куна, а генерал нахмурился.

— Это я попросил спрятать особняк под новым фасадом так, чтобы я приехал и не узнал прежний дом. Иногда мои приказы исполняются слишком буквально.

— А внутри так же необычно?

— Нет, мебель я не трогал, мне хватило перестановки.

Куна помнила, что особняк больше казарма, чем дом Его Превосходства, но все еще стеснялась спросить, где она будет жить? Дом крепко спал, укрывшись шапкой снега, горело несколько окон на первом и третьем этажах.

Из будки у ворот выскочил рядовой и вытянулся струной, пока внедорожник въезжал на территорию. Широкие дорожки в парке тщательно подметали от снега, обнажая бледно-терракотовую плитку, а у самого крыльца под колесами автомобиля захрустел мелкий гравий. Массивные двери распахнулись, выпуская бойцов. Не дожидаясь приказа, они рванули к багажнику и за одно мгновение выдернули из него все чемоданы Куны.

— Жаль, времени нет на экскурсию, — сказал Наилий, открыв дверь и впустив в салон стывший зимний воздух, — пойдем, я покажу спальню и поедем обратно в Равэнну. Вдруг заблудишься, когда вернешься вечером без меня.

Куна улыбнулась, представив, как стоит посреди особняка со спутниковым навигатором и вежливая дарисса подсказывает: «Через две комнаты поверните налево». Почти угадала. По главной лестнице поднялись сразу на третий этаж, а спальня оказалась четвертой по счету. Куна зашла внутрь и ахнула. Среди монохромного интерьера особняка только здесь расцвели живые и теплые краски. Спокойная зелень штор и покрывала на кровати, пушистый оранжевый ковер и удивительно нежный персиковый оттенок паланкина на детской кроватке. Куна замерла, водя пальцем по бахrome паланкина и не сразу услышала, как генерал подошел сзади.

— Я запомнил твою нелюбовь к большим комнатам, — обнял Наилий, осторожно поглаживая по животу, — выбрал самую маленькую и уютную. Дополнительный радиатор

отопления сделать успели, так что не замерзнем. И тебе не придется ночью бегать в соседнюю комнату, чтобы укачать Дариона.

Слезы и крики сестры Куна уже хорошо помнила. Самой приходилось вставать к колыбели, пока мать отсыпалась на кухне. Разводить детское питание, менять мокрый подгузник. Сейчас за это стоило сказать спасибо. Вряд ли в особняке будет хоть одна женщина, чтобы помочь с ребенком.

— Мы точно не будем мешать, Наилий?

— Нет, — вздохнул генерал, — я буду стараться проводить с вами больше времени, но обещать не могу. Куна, легарцы все-таки затеяли крупную военную компанию и если мы подпишем договор, меня не будет три месяца.

Бездна, как же долго! Куна чуть не застонала, представив три месяца напряженного ожидания — вернется ли живым и здоровым?

— И когда лететь?

— Не знаю пока, с оплатой никак не сойдемся. Слишком долго у легарцев идет междоусобица, раньше вместо них воевали гнароши, но хитрые синекожие умудрились встать по обе стороны и в итоге свели столкновения к позиционной войне. Время идет, деньги тратятся, а результата нет. Зато с нами теперь нечем рассчитывать. Геологи сейчас смотрят карту месторождений полезных ископаемых и подсчитывают целесообразность добычи.

Куна кивнула, привыкая к новым проблемам. С сегодняшнего дня о легарцах, гнарошах и дарлибах она будет слышать гораздо чаще. У Наилия запищала гарнитура, и пришлось уходить из спальни обратно на улицу до машины. Диспетчерская ждала на смену.

Цеста слово сдержала и позвонила на личный номер генерала. Застала в кабинете между совещаниями, почти на бегу, но едва Наилий увидел имя звонящего, и в голове стало пусто как в бездне. Куда там бюджету и шахтам легарцев, генерал дошел до кресла и почти упал на холодную кожу сидения.

— Слушаю.

— Ваше Превосходство, это Цеста, акушерка из Центра репродукции, вам удобно говорить?

— Да, конечно, дарисса.

— Пришли результаты генетического анализа и по одному показателю есть отклонения. Знал ведь, что так будет и все равно в озноб бросило. Холод, что вечно стелился сквозняком по старому зданию генерального штаба, крепко обнял за ноги. Главное — не дышать в микрофон гарнитуры слишком тяжело и не стучать нервно зубами.

— Что там, дарисса? Говорите. Можно без предисловий сразу к сути, я не беременная женщина, мне можно.

— Это еще не точно, Ваше Превосходство, мы брали кровь матери и анализировали уровень гормонов. Результат показывает только вероятность хромосомной аномалии у ребенка. Чтобы поставить диагноз, нужен генетический материал младенца. Кровь из пуповины или околоплодные воды, где есть частички эпителия с кожи.

Наилий слушал голос акушерки и видел, как плывет и качается кабинет, расплываются пятнами стрельчатые окна, а ковер на полу превращается в зыбкое болото. Что ж так голова

болит? После третьего глотка Шуи легче.

— Мы всегда делаем два исследования — смотрим на УЗИ нет ли внешних признаков хромосомной аномалии: измеряем толщину носовой кости, воротникового пространства и дополнительно берем кровь. У вас идеальное УЗИ. Шанс, что отклонения в гормонах — индивидуальная особенность организма матери весьма высок. Но патология серьезная, мы не можем просто закрыть глаза на результаты, надо обязательно хотя бы околоплодные воды взять на анализ.

— Я понял, — хрипло ответил генерал, — делайте, что нужно, только Куне ничего не говорите. Цеста, я настаиваю. Обычная предосторожность, дополнительное исследование и все.

— Конечно, — неожиданно легко согласилась акушерка, — только мы ограничены сроками. Воды берут на анализ не раньше шестнадцатой недели, и результат надо будет ждать от двух недель до месяца.

И все это время молча падать в бездну, бояться смотреть Куне в глаза и бесконечно разрываться между «да» и «нет».

— Что там? Вы так и не сказали.

— Умственная отсталость и, возможно, пороки развития, — ответила акушерка, — одна из немногих хромосомных аномалий, при которой плод жизнеспособен. Не все потеряно, Ваше Превосходство, есть технологии, облегчающие состояние, особые методики обучения...

— Сколько он проживет?

Цеста впервые запнулась и замолчала, не то вспоминая данные, не то собираясь с духом. Наилия уже колотило, и до адреналинового взрыва оставалось совсем чуть-чуть.

— Сколько, дарисса?

— Двадцать циклов, может тридцать, Ваше Превосходство.

Из тех ста пятидесяти, что им отпущено генетикой, первый и единственный сын генерала проживет двадцать циклов тупым овощем, не способным позаботиться о себе. Хуже и придумать невозможно.

— В этом есть смысл?

— Это решать вам и Куне, Ваше Превосходство. Если вероятность подтвердится, мы соберем консилиум, скорее всего общим решением он предложит прервать беременность.

Убить ребенка как генетически негодный отброс. Наилий больше не мог слушать, в глазах темнело от ярости и боли. На что он надеялся? Что Вселенная сжадется над ним? Над ним?

— Спасибо, что позвонили, дарисса. Я сам поговорю с Куной. Это обычное обследование, она не должна знать о проклятой вероятности, отклонениях и пороках развития пока мы не увидим результат.

Сорвался все-таки, повысил голос, но акушерка всего лишь тихо согласилась.

— Конечно, Ваше Превосходство, не нужно ей лишний раз волноваться.

— Еще раз спасибо, дарисса. Отбой.

Гарнитуру на стол генерал швырнул с ненавистью, уже не видя куда. Адреналин душил как двадцать с лишним циклов назад в интернате. Научился с ним справляться? Seriously?

— Флавий! — заорал Наилий на пределе голосовых связок, чтобы либрарий вздрогнул там в огромной и пустой приемной. Чтобы до него докатилась волна боли и хоть ненадолго, но отпустила самого генерала. Либрарий влетел в двери, чуть не споткнувшись о ковер.

— Ваше Пре...

— Лейтенанта Назо ко мне. Нет. Отставить. Сам поеду. Нурия с машиной к выходу.

— Есть!

И пусть хоть Публий что-нибудь скажет. Что-нибудь, неважно что, только бы не сидеть здесь одному. Не получилось обмануть генетику. От мутантов не бывает здоровых детей.

Глава 27 — Вероятность

В ординаторскую генерал идти отказался и Публий, не спрашивая, что случилось, молча повел в пустую палату на одного. Раньше здесь был инфекционный бокс, но потом карантинный блок перенесли в другое крыло, а палата осталась для тяжелых. Кому нужен постоянный уход и желателен покой.

В бетонной коробке с белыми стенами под окном стояла застеленная кровать, и лейтенант так же молча уселся поверх покрывала, сложив руки на груди. Раз ходил по медцентру в военном комбинезоне под тонким халатом, значит, дежурства сегодня не будет.

— Посмотри, насколько все плохо, — попросил Наилий, протягивая планшет с генетическими анализами Куны.

— Конечно, — буркнул военврач, — ты сядь, пожалуйста, Ваше Превосходство, смотреть страшно, как мечешься по боксу.

Без разницы: стоя, сидя, лежа, Наилий чувствовал себя одинаково. Будто кто-то вытянул все жилы и завязал в тугий пучок. Яркий и безветренный день за окном казался издевкой. Кому-то другому сейчас светило дарило скупое зимнее тепло, а в его реальности деревья, стены домов и тени от металлических решеток стояли картонными декорациями. Кто их сюда принес и поставил? Зачем? Не нужно ничего. Пустоты! Пожалуйста, пустоты!

— Да уж, — нахмурился Публий, убирая планшет на подушку, — а так все хорошо было, я нарадоваться не мог. Что Цеста сказала?

— Дополнительные анализы нужны, — бесцветным тоном ответил Наилий, усаживаясь рядом. Собственный голос звучал неуместно. Не слышать ничего! Не видеть...

Назо заразился шоком как опасным вирусом, бледнел и не мог говорить. Только шептал обрывочно.

— Развелось исследований. Как рожали при первых генералах без всего этого? Генетика теперь. Вероятности. Что вы с Куной думаете делать?

— Ничего не думаем, — отрезал Наилий, — Куна вообще не знает. А я решать не хочу. Не сейчас.

Жесты лейтенанта стали рваными: он хотел сцепить пальцы в замок, но только сильнее разводил ладони, тянулся ко лбу и останавливался.

— Гормон, который так не понравился генетикам, вырабатывает плацента. До конца его еще не изучили, многие считают, что верхнего предела у него нет, поэтому все выводы условны, а вместо диагноза — вероятность. Жаль, что у Куны первая беременность, не с чем сравнить. Может, высокий уровень гормона — особенность её организма.

— Или у ребенка хромосомная аномалия, — ответил генерал и Публий замолчал.

Бесполезно утешать. Даже если найдется тысяча причин и оправданий, где-то на краю сознания так и останется мысль: «А вдруг ребенок действительно умственно-отсталый?» Она не даст покоя до родов, вывернет душу наизнанку. Можно принять любого сына, жизнь положить на его воспитание, но будет ли Дарион благодарен? Не спросит ли когда-нибудь: «Папа, ведь вы же с мамой знали, что я такой, зачем оставили?»

Потому что любили? Почему? Заставить ребенка страдать каждое мгновение жизни, а потом прикрыться любовью? На это даже генеральского цинизма не хватит. Но Куна...

— Как я ей скажу? — прошептал в пустоту Наилий. — Срок большой будет, ребенок

начнет пинаться. Он уже живой, у него имя есть. А я сяду вот так рядом, возьму за руку и скажу: «Ничего страшного, еще родишь, ты молодая и здоровая».

— Ты так не скажешь! — дернулся Публий, но генерал не услышал.

— А потом отведу её в Центр к Цесте. Операционный стол, сорочка, уколы, инструменты, а Дарион живой. Он бьется в животе и не понимает, за что его хотят убить.

— Наилий!

— Крюками будут рвать? По частям вытаскивать?

Военврач не выдержал — ударил. Не особо целясь, куда-то в скулу, отчего пронзительно зазвенело в ушах. Наилий замолчал и обмяк, будто из него разом выдернули позвоночник. Осталось только упасть на лейтенанта, лишь бы не головой вперед — на пол.

— Не будет этого, — заскрежетал Публий вмиг охрипшим голосом и крепко обнял Наилия за плечи, — Куна сдаст околоплодные воды на анализ и увидит отрицательный результат. Он всегда отрицательный. Девяносто восемь случаев из ста. С ребенком все в порядке. Успокойся, Наилий, пожалуйста.

Скулу саднило от удара, а на языке катался железистый привкус. Генерал потрогал пальцами наливающийся краснотой синяк и ответил.

— Хорошо я буду ждать. Так, будто ничего не случилось. Но ты все равно не говори Куне ничего. Хватит того, что я знаю.

Публий кивнул, не отпуская.

— Вероятность, — протянул Наилий, — целую теорию вывели: формулы, расчеты, а все построено на жетоне, у которого одна сторона черная, а другая — красная. Бойцы таким играют от скуки. Подбрасывают и смотрят, какой стороной вверх упадет. Если пять раз выпало красное, то есть смысл ставить на черное, потому что вероятность пяти красных и одного черного гораздо выше, чем шести красных. Как в анализе, понимаешь? Вероятность умственной отсталости: один к девяносто шести. Много.

Лейтенант молчал, едва заметно поглаживая по плечу, а за окном светило все так же радостно прогревало землю. Радостно для всех и безразлично для каждого. Вероятность. Сколько детей рождаются здоровыми, и только Дариону не повезло. Генерал отвернулся от окна и продолжил.

— Бойцы достают из карманов мелочь, какие-то безделушки, ставят их на черное и потирают ладони в предвкушении выигрыша. Ведь вероятность высокая. А правда, и она же ловушка для любого игрока, в том, что плевать на вероятность. Когда жетон летит вверх, то в этот краткий миг вероятность, что выпадет черное, по-прежнему один к двум. Пятьдесят на пятьдесят. Да или нет. Жив или мертв. И ничего нельзя сделать. Только ждать.

Бывший инфекционный бокс засыпал, подергиваясь белесой дымкой, как инеем. Звуки вязли в тишине и руки почти не дрожали.

— Нам надо выпить, Наилий, — твердо сказал военврач, — Шуи у меня с собой, а кипяток сейчас принесу, заварим. Пиши в чат библиотеке, что до завтра командира не будет.

Генерал устало потянулся за планшетом, возражать не хотелось. Если доктор сказал: «Пить!», значит, надо пить.

Смену до конца Куна еле досидела — устала. Вроде ничего особенного не случилось, даже аварии обходили суда стороной, а спать хотелось жутко. Нурий только захлопнул дверь

внедорожника, как Куна отключилась, и проснулась, когда автомобиль затормозил у ворот особняка.

— Приехали, дарисса, — улыбнулся водитель, — у вас гарнитура пищит.

Точно ведь пищит, да еще так противно. Как могла не услышать? Куна разогнула затекшую спину и повесила девайс на ухо.

— Слушаю.

— Куна, это лейтенант Назо.

Голос военврача звучал до того странно, что казалось — язык заплетался. Сон исчез как от глотка ледяной воды.

— Что случилось? Что-то с ребенком?

— Нет, — радостно протянул Публий и со второй попытки продолжил, — мы здесь... мы просто... выпили немного. Все хорошо, не волнуйся. Спи, не жди Наилия. Егс Превосходство утром сразу в штаб пойдет.

Немного? Три глотка Шуи, а то и четыре. Военврач еле языком ворочал. Как номер с планшета набрал — не понятно.

— А где генерал сейчас? С ним все хорошо?

— Да что ему сделается? — устало выдохнул Публий и, помолчав, добавил. — Вон рядом лежит, спит. И ты ложись. Поздно уже, а в твоём положении надо чаще отдыхать.

Он еще и рекомендации раздавал! Куна хихикнула, прикрыв рот рукой.

— Хорошо. Спасибо, что позвонили, лейтенант Назо.

— Не за что, — отрывисто произнес военврач и уже из последних сил выпалил. — Отбой.

Ну, вот и дождала. Захотела жить с мужчиной? Получи, распишись. Да, они не только еду домой приносят и в постели рядом спят, а еще иногда пьют. Заваривают сушеную ягоду Шуи кипятком и цедают мелкими глотками. Куна сама никогда не пробовала, но слышала, как от неё плывет сознание, и отказывают ноги. Шуи — наркотическое вещество. На его основе сделаны многие лекарства. Оно само, как лекарство от душевных ран. Что же так расстроило генерала? Неужели все из-за неё?

Свалилась, как снег на голову, поселилась в особняке. Генерал с такой настойчивостью забирал из барака Регины и в первую же ночь напился с лейтенантом. А говорят женщины нелогичные.

— Дарисса? — деликатно кашлянул Нурий, напоминая о себе.

— Выхожу. Спасибо, что довезли.

— Не за что. Вам помочь?

Куна не поняла вопроса, застыв на сидении у приоткрытой двери внедорожника, и Нурию пришлось повторить.

— Проводить вас до третьего этажа?

— Нет, я сама, спасибо.

Ноги еле держали. Хотелось сесть прямо в сугроб и никуда не ходить. Но охрана на крыльце внимательно разглядывала новую жительницу особняка, так что пришлось выпрямить спину и тащиться внутрь. Один совершенно лысый охранник косился совсем уж недобро и даже фыркнул, отворачиваясь. Нос длинный и крючковатый, как у стервятника. Неприятный тип.

Бойцы почтительно расступились перед Куной, но стоило качнуться от усталости, как двое бросились поддержать за локоть. Она покраснела и юркнула в двери, не поднимая глаз.

Особняк снова не рассмотрела — считала ступени лестницы и старалась не оступиться. Уже зашла в спальню, как снова запищала гарнитура.

— Лейтенант Назо? — пискнула Куна в микрофон девайса.

— Ты что, сестренка, это же я. Не узнала номер?

Аврелия. Только её сейчас не хватало.

— Узнала, конечно, — обреченно прошептала Куна и рухнула на кровать.

— Я здесь у ворот особняка стою. Выйдешь меня встретить? А то ваши мордовороты не пускают, — щебетала сестра радостнее весенних птиц, — мать как сказала, куда ты уехала, я сразу кинулась следом. Ох, и добираться до вас тяжело, в лесу живете. Транспортом из Равэнны выехала, а дальше на попутках. Дариссы за рулем бледнели и отказывались везти. Насилу уговорила одну. Высадила меня в сугроб, развернулась и по газам. Трусиха. Не станет же охрана генерала расстреливать незащищенных женщин. Так тыпустишь меня или нет?

У Куны от нервов живот подвело. Такой прыти она от Аврелии не ожидала. Думала, проклянет навеки и телефон из списка контактов удалит, а младшая к особняку примчалась. Бездна, что же делать?

— Я сейчас, подожди, — простонала старшая в гарнитуру и разорвала соединение.

Невероятно! Какие демоны вселились в Аврелию? Куда делась её осторожность? Как мать вообще отпустила?! Одну. Практически в дикий лес. Теперь разве что Нурия просить, чтобы увез обратно.

— Да она с ума сошла, — проворчала Куна, выбегая на лестницу. Ладонь со скрипом скользила по металлическим перилам, а ноги цеплялись носками сапог за ступени. Во двор Аврелию не пустили, пришлось бежать по заснеженным дорожкам к главным воротам. Тот же охранник, что встречал их с Наилием утром, косился через прутья ограды на взбитое сливочно-розовое безе, в котором едва угадывала наряженная в мех и кружево Аврелия. Сестра уже замерзла и пританцовывала на месте, постукивая сапожками из тонкой кожи друг об друга.

— Куна! — крикнула она и радостно замахала руками.

— К вам, дарисса? — мрачно уточнил охранник. — Визит согласован? Пропуск на дариссу есть?

Конечно, нет. Аврелия в пылу порыва даже не подумала об этом. Беспечный ребенок, не соображающий, куда приехал.

— А можно я выйду с ней поговорить? — смущенно пробормотала Куна.

— Да, сюда, пожалуйста.

Охранник отступил назад и приложил ладонь к электронному замку на калитке. Куна хрустя сапогами по недавно выпавшему снегу, выбралась навстречу к Аврелии.

— Ай, какой красивый дом, — захлебывалась от восторга младшая, — его ведь ни разу в телевизионной панели не показали, я наугад ехала. Кто-то когда-то слышал, что особняк здесь, даже указатели по дороге ни о чем. Какой-то там объект и все. Ну, рассказывай, как устроилась, сколько комнат занимаешь? Все три этажа или меньше?

Куна смотрела в её горящие от счастья глаза и не верила. Аврелия из ревности убить была готова любую подругу, томно вздохнувшую по генералу, а собственной сестре будто все простила мгновенно. Не поверила ведь, когда узнала правду, фыркнула, что диспетчер из рабочего квартала Его Превосходству не ровня. Как же теперь?

— Ты зачем приехала? — строго спросила Куна, морщась от неприятного предчувствия.

— Тебя поздравить, — приторно улыбнулась младшая и, подойдя ближе, кокетливо

поправила завязки на теплой курке старшей. — Можешь обижаться, но я тогда не со зла говорила про тебя и генерала. Расстроилась, конечно, когда мать сказала. Так мечтала о Наилии, так мечтала, но потом подумала — чего нам с тобой делить? Ведь мы же сестры. Я не смогу родить ему ребенка, зато ты уже беременна. Генерал — щедрый мужчина. Таблетки мне подарил, тебя из барака Регины забрал, неужели снова не поможет? Я ведь родная тетя его первенца.

Куна захлопнула приоткрывшийся рот и уставилась на Аврелию. Лихо придумала. Раз сестра стала содержанкой, то и ей перепадет? Генерал настолько богат, что на всех хватит?

— И чего же ты хочешь? Ну, кроме таблеток?

— Жить хочу, — вздохнула Аврелия, — нормально, а не в крошечной комнате барака вдвоем с матерью. Ты как сбежала, от неё одни скандалы. Раньше хоть на тебе вымещала, теперь и до меня добралась. Здоровая, говорит уже, так иди посуду помой, почему я одна пластаюсь? А у меня аллергия на химию, ты же знаешь. Кожа нежная, сразу высыхает и трескается. Кому я с безобразными руками нужна? Я ж не прошу к вам с генералом третьей на кровать, меня и резиденция устроит. Да чего там, любой домик подалее от матери. Съеду, мужчину найду. Ты обрела счастье, помоги мне.

Куна устало опустила плечи и отвернулась. Таблетки, платья из бутиков, теперь жильё. Аппетит никогда не успокаивается, только разгорается сильнее. И ведь не понимает, что старшая сама здесь в гостях. Генерал так рад, что напился и не поехал домой. Завтра вернется, а в спальне сюрприз. Нагрузка в белых и розовых кружевах. Корми её, одевай, содержи. Обеих ведь на улицу выставит и будет прав. Нельзя садиться на шею тому, кто так много для тебя сделал. Некрасиво. Не честно.

— Нет, Аврелия, — мотнула головой Куна и зачастила, чтобы сестра не успела перебить. — Я здесь сама как приживалка, мне ничего не принадлежит. Хочешь попросить что-то у генерала? Напиши письмо, отправь на адрес приемной генерального штаба и жди ответа месяц. Если твой вопрос рассмотрят, назначат личную встречу.

— Ах, вот значит как! — младшая сложила руки на груди и топнула ногой. — Я великодушно простила, полдня моталась в вонючих попутках, а ты меня в бездну посылаешь? Спасибо, дорогая сестра, не ожидала. Быстро же ты нос задрала. Стоило шмотки подороже напялить. Да корову в шелка одень — она не перестанет быть коровой!

Вот теперь Аврелия настоящая. Куна даже выдохнула и расслабилась. Упреки, обвинения, оскорбления.

— Знаешь что? — распалаясь младшая. — А подавись своим барахлом! Я лучше сдохну в бедности, чем с такой сестрой буду общаться. И не останавливай меня, сама до дома дойду! Пешком!

И ведь развернулась, дурная, и потопала по дороге через лес к трассе.

— Аврелия! — крикнула Куна в упрямо выпрямленную спину. — Подожди, замерзнешь ведь!

Позерство. Глупость. Ребячество.

— Дарисса, — заволновался охранник, выйдя из калитки. — Послать за ней?

— Не нужно, — смутилась Куна, — я сама.

Пошла следом, а на планшете уже набирался номер Нурия.

— Слушаю, — ответил водитель.

— Нурий, помогите, пожалуйста, — чуть слышно бормотала Куна, — ко мне сестра приехала, пропуска на неё нет, а на дворе ночь и до Равэнны далеко. Может, есть какой-

нибудь гостевой домик или еще что-то?

Стыдно просить, противно до дрожи. Из-за глупых детских капризов беспокоить уставшего после работы Нурия.

— Увы, нет, — ответил водитель, — на территорию особняка можно войти только по согласованию с генералом. Его Превосходство уже недоступен, не дозвониться, а за старшего на охране сегодня Рэм. Там без вариантов. Я могу увезти её домой, а завтра вы с пропуском порешаете, хорошо?

— Спасибо, Нурий, я так вам должна.

— Перестаньте, дарисса, — развеселился рядовой, — для моей несостоявшейся женщины все, что угодно.

Куна еще раз сбивчиво поблагодарила и спрятала гарнитуру в карман.

— Аврелия, стой! Ну, не бежать же за тобой до трассы!

До трассы младшая дойти не успела, Нурий на внедорожнике догнал раньше и уговорил сесть в салон. На сестру Аврелия даже не оглянулась. Обиделась. Снова.

Три этажа в особняке, а Куна боялась выйти из спальни. Будто не уезжала из диспетчерской речного вокзала, а так и сидела за пультом, не смея отвлекать коллег от работы. Особняк теперь казался даже не казармой, а маленьким военным штабом с охраной у ворот, офицерами на втором этаже и даже столовой. Из вытяжки в спальню проникал аромат жареного мяса, и Куна давилась слюной от голода. Не ела за весь день ни разу. Утром каталась с Наилием до особняка и обратно, а заплатить за обед не хватило денег. Едва жалование попадало на счет, как тут же списывалось за кредит на платьях Аврелии. Еще неделя и она выйдет из минуса, но работать становилось все сложнее и сложнее.

Наилию в своих финансовых трудностях Куна так и не призналось. Он её кормил и одевал, а она все деньги отдала сестре. Не поймет ведь генерал и не простит. Скажет, что вся семья одинаковая — лишь бы жить за чужой счет. Охрана наверняка доложит, что приезжала Аврелия, да еще и передаст разговор слово в слово. Младшая кричала на весь двор.

Обиделась, как же. Надолго её не хватит, скоро позвонит и снова потребует резиденцию, личный автомобиль или половину торгового центра в подарок. Еще в детстве научилась истериками и капризами добиваться своего. Терпения хватало клянчить и хныкать день, два, три, плотом мать сдавалась и покупала то, что просит. Аврелия не знала слово «нет» и поздно было учить. Когда денег не стало, мать пыталась объяснять, разговаривать, но сестра поняла только то, что плакать теперь придется дольше. У Куны руки опускались, она не знала, что делать.

Пожаловаться Наилию и попросить оградить от собственной сестры? Оградит с удовольствием: запрет в спальне на ключ и планшет заберет. Разрешит только с Нурием ездить в Центр репродукции. А на кулинарных курсах скоро первый зачет и кредит на счете надо погасить.

Занять бы чем-нибудь младшую, чтобы не листала весь день каталоги с платьями и косметикой. Раз здоровья хватает учиться, то и работу можно найти. Помогать матери мыть посуду она не пойдет — не престижно. В диспетчерской на сменах слишком тяжело, а чтобы сидеть в муниципалитете с бумагами нужно образование. Идеальная работа для Аврелии — ничего не делать и получать огромное жалование, но так просто не бывает. Никто не заплатит за безостановочный треп о моде и сплетни о соседях. А еще пересказ всех телевизионных программ.

Куна оглянулась на небольшую телевизионную панель на стене и чуть не подпрыгнула. Вот где весь день сидят и разговаривают! То, что нужно Аврелии! Но попасть в Центр вещания, наверное, еще тяжелее, чем на прием к генералу. Хотя одно такое чудо уже случилось. Почему бы не попробовать снова?

Номер приемной Наилия в планшете нашелся сразу, правда, близилась ночь, и она разве что автоответчик услышит. Однако после первого гудка, в гарнитуре прозвучал приятный голос Флавия Прима:

— Приемная Его Превосходства.

Бездна, почему он домой не уехал? Наилий говорил, что у библиотекаря рабочий день ненормированный, но не настолько же!

— Лейтенант Прим, это Куна. Я приходила несколько месяцев назад и настойчиво

ждала Его Превосходство с Совета генералов.

— Да, я помню, дарисса, — бодро ответил либрарий, — чем могу помочь?

Если обязанности Флавия хотя бы немного напоминали секретаря начальника речного вокзала, то помочь мог только он. Наилей часто выступал перед камерами телевизионщиков, кто-то же согласовывал съемки. Лишь бы не специальный отдел, профессионально посылающий в бездну всех, кто позвонил с личным вопросом. Ей всего-то нужны контакты гражданской части Центра вещания. В справочниках только их приемная с автоответчиком. Но как объяснить лейтенанту — зачем? Об Аврелии в двух словах не расскажешь. Тем более на ночь глядя. Надо отдельно написать текст и отрепетировать, поторопилась она звонить.

— Простите, лейтенант Прим, я не вовремя, поздно уже. Когда вам завтра можно перезвонить?

— Говорите сейчас, дарисса, вы меня не отвлекаете, — ответил либрарий, — я все равно дома, переадресация сработала, забыл перевести на автоответчик.

Ей бы обрадоваться, но Куна расстроилась. Даже дома Флавию отдохнуть не удавалось. Военные до самой смерти не снимали форму, в армии не случалось отставок. Хотелось верить, что кроме службы еще что-то было, но чем дольше она жила с генералом, тем меньше в это верила.

— Я приходила тогда поблагодарить Его Превосходство за таблетки для моей сестры, — начала рассказывать Куна, — она больна редким генетическим заболеванием. Раньше не могла из дома выходить, а теперь вернулась на учебу. Мы с мамой рады за неё и хотим, чтобы она жила как все, занималась тем, что любит. А ей нравится мода и красота. Все кумиры — в телевизионной панели. Ни одной передачи не пропускает, сама много читает, знает и может рассказать другим. Может быть, вы знаете, проводит ли гражданский Центр вещания кастинги на дикторов?

Флавий задумался, и Куна представила, как тяжело ему сейчас снова включаться в работу. Вспоминать контакты, решать, кому звонить. Или наоборот, лейтенант мучительно сочинял вежливый отказ, чтобы не слишком обидеть двух дарисс.

— Насколько я знаю, при центре есть академия и дикторов набирают из нее, — наконец, ответил лейтенант, — но я позвоню завтра знакомому специалисту и спрошу, какие еще есть варианты. А вы пока попросите сестру записать пробное видео. Пусть расскажет на камеру о том, что ей кажется интересным. Как получите файл, отправьте мне на личный номер, я сейчас пришлю вам на планшет контакт. Формат видео не важен, встроенная в девайс камера — устроит.

Куна закрыла глаза. Радость пробиралась в сердце осторожнее кота, мягко ступающего пушистыми лапами. Пусть специалист фыркнет и откажется, подаренная надежда бесценна. Главное для Аврелии — понять, что можно чего-то добиться даже с её болезнью.

— Спасибо, лейтенант Прим, — выдохнула Куна, — я очень вам признательна.

— Пока не за что. Завтра созвонимся. Отбой.

Куна сняла гарнитуру с уха и счастливо обняла планшет. Осталось уговорить Аврелию записать видео. Интересно, обида уже прошла? Примет вызов?

Набрать номер старшая не успела, в дверь деликатно постучали.

— Дарисса, я принес ужин, — глухо прозвучал мужской голос, — можно войти?

Куне показалось, что пришел Нурий и она бросилась открывать, но на пороге стоял худой, как богомол, мужчина в черном рабочем комбинезоне без нашивок рядового.

— Меня зовут Палий, дарисса. Я — виликус.

На подносе у него стояло квадратном блюдо, разделенное на секции. В каждой лежало что-то съедобное: мясной салат с консервированной фасолью и зеленью, стопка галет, ванночка с плавленым сыром и апельсиновый сок в высоком стакане.

— Вы повар? — уточнила Куна, сглатывая слюну. Аромат еды наполнял спальню, и на вежливость почти не оставалось сил.

— Я — виликус, — улыбнулся мужчина, — слежу за порядком: убираю комнаты, стираю форму, готовлю на общей кухне, мою посуду, ухаживаю за садом. Охрана предупредила, что в особняке появилась хозяйка. Если хотите, после ужина я покажу вам дом. Кроме второго этажа, он на ночь закрывается.

— Конечно, хочу, — закивала Куна и тут же осторожно добавила, — если Его Превосходство не будет против.

— Не будет, — эхом отозвался виликус и занес ужин в спальню. — Приятного аппетита. — Спасибо.

Куна села за стол перед блюдом, но вместо ужина еще долго переваривала услышанное. Хозяйкой её назвала охрана. Вряд ли случайно. Слово согрело не хуже включенного на всю мощность отопления, но по спине все равно ознобом пробирался холод. Легко быть хозяйкой барака на две комнаты, но особняка в три этажа — совсем другое дело. Да и чем ей заниматься, если всю домашнюю работу делает виликус? Кстати, как он один справляется? Неужели кормит и обстирывает всех офицеров и рядовых? Не может быть.

Надо будет расспросить, но сначала все-таки ужин. Будь Дарион чуть больше, давно бы возмущенно пинал нерадивую мамашу. Вздумала морить и себя и ребенка голодом. Дура.

Экскурсию пришлось отложить на второй день. Палий провел только по третьему этажу, а потом хмуро посмотрел на живот и сказал, что остальное покажет завтра, спать пора. Куна не стала спорить, но в спальне у зеркала долго разглядывала себя боком. Не такой уж и большой живот, как виликус догадался? Разве что походка изменилась. Теперь Куна ходила, переваливаясь с ноги на ногу, как утка. Не специально, конечно, так удобнее.

Утром дозвонилась до Аврелии. Сестра отвечала сонным и очень недовольным голосом, поэтому Куна сократила рассказ до сути. Нужно видео, где бы младшая рассказала о моде. Нет, формат не важен. Нет, можно особенно не наряжаться. Ладно-ладно, хорошо, прическа у лучшей мастерицы квартала и вдумчивый макияж обязательны. Только не перестарайся, Аврелия. О, несуществующие боги, больше не лезу, делай, как знаешь. Сегодня нужно. Да, сегодня, ты уж поторопись. Да не я гоню я тебя никуда палкой! Знаю, как важно вдохновение, лови его и делай. Мне на почту. Нет, пока мне, дальше — посмотрим. Не обманываю. Точно не обманываю. Чем поклясться? Хорошо, клянусь. Все, отбой.

Пока Куна выслушивала язвительный клекот сестры, Палий принес завтрак, который пришлось взять с собой, чтобы не опоздать на смену. Наилей так и не приехал. Его подушка на кровати осталась несмятой. Куна несколько раз брала планшет, чтобы позвонить, и откладывала в сторону. Генерал праве сам решать, где ему спать. Но как же беспокойно! Вдруг ему плохо, он заболел, ранен случайной пулей. Где её можно поймать на мирной Дарии, Куна не знала, но воображение останавливала с трудом. В итоге все же написала сообщение с просьбой позвонить, как проснется.

Мандраж конца цикла в диспетчерской нарастал. Сменщицы проверяли журналы,

собирали статистику и заполняли бесконечные отчеты. Цеста прислала график обследования и Куна, вчитавшись, выпала на мгновение из реальности. Будто все профосмотры собрали воедино и сдобрили сверху невероятным количеством анализов. Особенно напрягал забор околоплодных вод. К анализу прилагалась памятка с фотографиями и длинный рассказ о безопасности и безболезненности процедуры. Как же. Живот иглой насквозь проколут до самого Дариона и выкачают немного жидкости. Одно успокаивало — до исследования больше месяца, успеет морально подготовиться.

Наилий написал, что будет к ужину только вечером, когда Куна уже всерьез извелась. Если настолько не хочет видеть, зачем забрал в особняк? Что она успела сделать или сказать не так? Это из-за Аврелии? Матери? Почему?

Возвращалась с Нурием и чуть не плакала. Водитель следил за ней через зеркало заднего вида и молчал. Вот за это спасибо, честно. А на пороге особняка, спрятавшись за широкими спинами охранников, ждал Палий. На фоне дюжих сотрудников службы безопасности тощий виликус выглядел больным. Впалые щеки, тонкие запястья, штанины и рукава пузыряем. Как поднимает ведро с водой и не переламывается пополам? Загадка.

Первый этаж сильнее всего напоминал генеральный штаб. Одних залов для собраний Куна насчитала четыре. От тесных посиделок за круглым столом до гигантского зала с трибуной и рядами кресел для зрителей. Знакомые декорации, кстати. Генерал часто записывал здесь публичные выступления. Аврелия все-таки сподобилась прислать видео и Куна, бегло его просмотрев, переслала Флавию. Сестра на удивление не кривлялась и разговаривала с блеском в глазах. Мода — любимая тема, еще бы.

За официальным крылом особняка открылось вспомогательное с тренировочными залами и комнатами отдыха. Чувствовалось, что офицеры обжили комнаты, натаскав половиков, разноцветных подушек и в каждом углу поставив по столику для Шу-Арлит. Куна не умела играть, усидчивости не хватало. Слишком много фигур и каждая ходила по-своему.

Второго виликуса она увидела протирающим одну из блестящих досок. Потом в коридоре обошла третьего, со стремянки вешающего на стену часы, но больше всего их оказалось в хозяйственном крыле.

Такие стиральные машины не продавались в торговых центрах. Новенькие, блестящие, по промышленному масштабные. А рядом мужчины в черных рабочих комбинезонах. Привыкнуть невозможно. Куна смущалась, когда Наилий сам что-то готовил, но видеть военного, развешивающего мокрое белье?

— Почему мужчины? — взмолилась Куна, тронув Палия за рукав.

— По инструкции положено, дарисса, — веско ответил виликус. — Если в помещении расквартировано больше одной звезды, нужно организовать хозяйственное обеспечение. Тяжелая работа на самом деле. Не для женщин. Да и бойцы будут отвлекаться. Когда ходит мимо раскрасавица, покачивая бедрами, не до службы.

Палий улыбнулся и повел дальше, а Куна прижала ладони к пылающим щекам. Сразу вспомнилось, что подол платья помялся от долгого сидения на стуле и на лифе, кажется, осталось пятнышко от капнувшего с чашки отвара. Пришлось закутаться в легкую кофту. А ведь все смотрят на женщину генерала.

На второй этаж все-таки поднялись, но дошли только до столовой. За массивной дверью начинались жилые комнаты рядовых и офицеров, куда Куна заглядывать постеснялась. От столовой в большой зале были разве что столы на четверых и стулья с высокими спинками. Интерьер — типично роскошный для особняка: теплое дерево, холодный металл и скатерти,

как в ресторане. В секции для офицеров пил апельсиновый сок Флавий Прим. Куна от неожиданности спряталась за спину виликуса и оттуда разглядывала либрария. Недолго, он заметил.

— Дарисса Куна.

Мало ей было взглядов, теперь вся столовая обернулась, а узнав женщину, бойцы повыскакивали с мест и хором поприветствовали. В бездну хотелось провалиться со стыда! Ноги её больше на втором этаже не будет!

— Лейтенант Прим, — вмиг охрипшим голосом сказала Куна и пошла к столу. Не сбегать же с позором после такого внимания. Палий кивнул с улыбкой и нырнул под стойкой на раздачу. Помогать. Не сразу, но бойцы вернулись к ужину и в столовой снова застучали ложки о тарелки.

— У меня хорошие новости, дарисса, — просиял Флавий, — специалист посмотрел видео и обещал подумать, что можно сделать.

Куна медленно выдохнула, чувствуя, как немеет от напряжения вытянутая спина. Может и правда что-то получится из этой затеи. Аврелия займется любимым делом и успокоится.

Значит, лейтенант живет в особняке и вчера они разговаривали, сидя на разных этажах. Бывает же такое.

— Спасибо, лейтенант Прим, надеюсь, все получится.

Ответить Флавий не успел, бойцы отодвинули стулья с невыносимым скрежетом металлических ножек о кафель. Еще одна женщина? Старший офицер? Куна снова сжалась в комок и осторожно обернулась.

— Ваше Превосходство, — как по команде на параде дружно грянули офицеры, только Флавий замешкался и немного опоздал. Рядовые и виликусы молчали, вытянув спины, иначе приветствие стало бы по-настоящему оглушительным.

— Вольно, — негромко ответил генерал и пошел к их с Флавием столу. Куна заметила, как испугано заметался взгляд у либрария. В секционном блюде еще оставалась еда, но на глазах у командира кусок в горло явно не лез. Лейтенант вцепился в посуду и привстал, но Наилий жестом осадил.

— Доедай, не дергайся.

Генерал еще не успел на стул сесть, как от раздачи рванули два виликуса с подносами, и Куна еле дождалась, пока их поставят на стол. Аппетит пропал, желудок крутило от тревоги. Никогда раньше не видела своего мужчину таким бледным и уставшим. Темные круги под глазами больше напоминали синяки от побоев, а на скуле припухла свежая гематома. Несуществующие боги, как же он так пил и где все-таки спал? К форме не придраться: комбинезон отутюжен, воротник белой рубашки безупречен. Тогда почему кажется, что генерал вернулся с поля боя?

— О чем разговаривали? — хмуро спросил Наилий, не притронувшись к ужину. — Почему замолчали?

Флавий открыл рот, вдохнул и снова закрыл, беспомощно глянув на Куну. Нет, не струсил — засомневался, генерал в курсе просьбы или нет?

Стук ложек о тарелки стал громче. Бойцы спешили доесть и убраться подальше от глаз командира. Мудрое решение, жаль, Куна так сделать не могла. От Наилия тянуло стылмым холодом до гусиной кожи на руках под теплой кофтой. Заготовленная еще для Флавия речь об Аврелии мгновенно исчезла из памяти, и Куна, чуть заикнувшись, кое-как выдавила:

— Я п-просила лейтенанта Прима помочь Аврелии попасть на телевидение.

— Ты помог, Флавий?

Генерал поднял взгляд и либрарий побледнел. Квадратный подбородок лейтенанта ушел назад и Куны послышался скрежет зубов.

— Так точно, Ваше Превосходство.

— Хорошо, — ледяным тоном ответил Наилий и взял вилку.

У Куны руки спазмом сводило от намертво сжатых кулаков. Умел генерал без крика и скандала доводить до истерики. Уже все перебрала, что пришло в голову, любые беды и несчастья, а он спокойно накалывал овощи вилкой и медленно ел.

— Ты ведь не против? — не выдержала Куна. — Она приезжала вчера к особняку, хотела в гости зайти, но пропуска не было.

— Знаю, — отрезал генерал. — Мне доложили.

Флавий проглотил оставшийся на блюде ужин, практически не пережевывая. Одним большим глотком допил сок и с явным облегчением встал из-за стола. Столовая стремительно опустела, даже виликусы ушли с раздачи. Ужин Куны почти остыл, а в горле комом встала обида. Да что она сделала? Кто-нибудь может ей объяснить?

— Как Дарион? — невозмутимо и все так же отстраненно спросил Наилий. — Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо.

— И все?

У Куны судорога прокатилась по позвоночнику, зубы стукнули. От нервов в глазах темнело, а генерал и не думал заканчивать пытку.

— Да.

— Забавно, — Наилий отложил вилку и откинулся на спинку стула. — Я весь день в докладах только и вижу имя твой сестры. Аврелия приехала в особняк, Аврелии надо помочь с работой. Ты второй день не обедаешь, потому что кредит на счете не погашен? Не молчи, Куна. Почему тебя собственный ребенок волнует меньше, чем взрослая, самостоятельная сестра?

Судороги били в грудь, уже не переставая, слезы покатались из глаз. Генерал напился вчера так, что домой не поехал, а теперь отчитывал её за помощь сестре. Кто из них безразличен к Дариону?

— Аврелия больна, — стуча зубами, ответила Куна, — она не может...

— А если Дарион заболит? — перебил генерал. — Родится с патологией и понадобится уход. Ты сможешь забыть о сестре и сидеть со своим сыном дома?

Обида ножом полоснула по нервам. Куна швырнула от себя блюдо с ужином и почти закричала.

— Да! Неужели ты сомневаешься? Почему спрашиваешь?!

Истерика булькала и клокотала в горле, руки тряслись, а генерал отвечал убийственно тихо и спокойно.

— Потому что ты не хотела ребенка, он получился случайно. Про аборт думала. Тихо, я знаю, что решила оставить. А что изменилось? Ты до сих пор работаешь, хотя можешь сидеть дома. Я тебя не кормлю, не одеваю? Зачем тебе деньги? Семье отдавать?

Куна закрыла лицо руками, больше не могла смотреть на Наилия. Щеки от слез стали мокрыми, вода каталась под пальцами. Зачем он так с ней?

— Мне работу бросить, да? — голос сорвался на визг. — Сидеть в особняке сутками и за ворота не выходить, планшет выбросить, с семьей не общаться. Этого ты хочешь?

Крик эхом отскакивал от стен пустой столовой. В слезах Куна ничего не видела, только услышала скрежет ножек стула по кафелю и почувствовала, как генерал обнимает за плечи. Задергалась, сливая остатки истерики, и плакала, плакала.

— Живи для себя, — шепнул Наилий, — это все, чего я хочу.

Они уснули вместе, хотя Куна весь вечер отворачивалась и не сказала больше ни слова. Легла на широкой кровати как можно ближе к краю и дальше от генерала. Пусть хоть каждый день пьет и ночует в штабе, у Публия — где угодно, только больше не приходит таким злым. Легко любить на расстоянии, рисуя в голове образ из самых лучших воспоминаний. А теперь у её портрета генерала навсегда холодный взгляд и хмурая складка на переносице.

Пружины матраса прогибались под тяжестью двух тел, стоило Наилию во сне дернуться или перевернуться на другой бок, как кровать шла волнами и под Куной. Встряска будила и раздражала невероятно. А еще он сопел. Не храпел, а тяжело дышал, будто его придавило чем-то тяжелым. Куна просыпалась, закрывала уши подушкой и всерьез думала, не сбежать ли в другую комнату? В гостиной полно диванов. Зря что-ли особняк такой большой?

Проснулась еще раз среди ночи в промокшей насквозь сорочке. Стала выпутываться из-под одеяла и обнаружила, что укрыта двумя вместо одного, а кровать рядом пуста. Ушел генерал. Сон пропал окончательно. Куна смотрела в темный потолок и прислушивалась. К раздражению добавилась тревога. Лучше бы Наилий сопел и ворочался, вот где он сейчас? Она крепко уснула и не услышала, как запищала гарнитура пронзительной трелью высшего приоритета? Что-то случилось в пятой армии? Генерал оделся и уехал с Нурием на космодром?

Куна встала с постели и надела поверх влажной сорочки халат. Тапочки в темноте потеряла, наверное, нечаянно пнула под кровать. Планшет Наилия вместе с гарнитурой спокойно лежали на тумбочке, а без них он бы никуда не поехал. Нет в чувствах логики. Куна только что ненавидела, дулась от обиды, а теперь не уснет, пока не найдет генерала.

Глаза успели привыкнуть к темноте, но она все равно шла наощупь по едва знакомым комнатам. Тусклый свет спутника отражался от заметанного снегом сада, и за окном все казалось серым. Будто густо засыпанным пеплом. Босые ступни остывали с каждым шагом, а под мокрую сорочку забирался сквозняк. В коридорах тише, чем в крематории. Свет горел где-то далеко впереди единственным теплым пятном. Если Наилий в особняке, то только там.

Пол выстелен темно-синими матами, окна закрыты тяжелыми шторами, а посреди пустого зала возле тренировочного манекена такая же неподвижная фигура генерала. В статуях больше жизни, а у камня ласковее взгляд. Будто приготовился к погребению и ждал, когда под ним разожгут огонь. Сидел как горные, поджав под себя ноги и уложив ладони на колени. А еще этот звук — протяжный, низкий, отзывающийся эхом где-то в животе. «Ммммммм». Куна закрутила головой, не жужжит ли рядом дрон. Пусто. А звук снова резанул по ушам. «Ммммммм».

Изрезанная шрамами спина генерала идеально прямая, влажные после душа волосы зачесаны назад. Неужели это он? Горлом?

— Ммммммм.

— Наилий.

Не выдержала Куна и на звук её голоса генерал вздрогнул. Вывернулся назад, перекрутившись в пояснице так, что казалось, сейчас позвоночник сломается, но нет.

Гибкий, как змея.

— Я разбудил тебя? — хмуро спросил генерал. — Что-то болит?

— Ничего, — замотала головой Куна и, обойдя генерала, села на маты рядом.

Выдохнуть хотелось с облегчением, а слова никак не шли на ум.

— Я тебя искала. Испугалась, что ушел.

Он выкрутился обратно и расслабился, опустив плечи. Темные от воды пряди упали на лоб.

— Куда я уйду? — спросил глухо, потирая пальцем гематому на скуле. — Разве брошу вас?

Куна придвинулась ближе и попыталась обнять. Холодный, неподвижный, будто закованный в лед. Ночью уснуть не мог, а теперь сидел здесь, вращая в пол как дерево в скалу. Чем больше нервничал, тем сильнее замыкался, словно боялся расплескать бурю, что кипела внутри. Нельзя генералу срываться и кричать. Крик — слабость, отчаяние от того, что не можешь получить желаемое по-другому. Тридцать три легиона, а он не может справиться с одной женщиной. Упрямая, молодая, дурная, но ведь Аврелии надо помочь и в диспетчерской...

Куна вздохнула и осторожно положила ему голову на плечо.

— Я волновалась за тебя. Не думай, пожалуйста, что мне наплевать. Я представляю, как тяжело ломать жизнь ради кого-то. Ты нас с Дарионом тоже не планировал и теперь тянешь, как...

— Мне не в тягость, — перебил генерал, — но я тоже волнуюсь. Беременным столько всего нельзя, а ты бегаешь по двору зимой едва одетая.

Куна зажмурилась, чувствуя, как от смущения бросает в жар.

— Извини, больше не буду. Я хорошо себя чувствую, разве что работать тяжело стало. Ты прав, мне стоит уйти из диспетчерской.

У Наилия разгладилась хмурая складка на переносице и глаза распахнулись шире.

— Ты сама решила или я надавил?

— Сама, — уверенно кивнула Куна. — Я забывчивая стала, невнимательная. Устрою пару аварий, лучше никому не станет. Завтра напишу заявление по собственному, две недели отработаю и стану свободна. Только разреши мне, пожалуйста, ходить на кулинарные курсы. — О последнем просила совсем тихо, но в пустом и гулком зале слова звенели громче льдинок на ветру. — Я так долго об этом мечтала.

Генерал ожил, обнимая за талию и стараясь не задеть живот.

— Учиться тебе сейчас лучше, чем работать. Слишком рано ты окопалась в диспетчерской. Девочка совсем, еще искать и искать себя, все дороги открыты. Будь у меня такой шанс — держался бы за него зубами.

Куна прильнула к нему, и Наилий расцепил ноги, усаживая к себе на колени. Сердце генерала билось, ускоряясь, гоняло кровь по телу. На щеки вернулся румянец, кожа потеплела. Через мгновение в его объятиях стало жарко.

— Выбор всегда есть, — тихо продолжал Наилий. — Неважно где ты родился, как рос, станешь только тем, кем сам захочешь. Учителя найдутся, нужные цзы'дарийцы встретятся. Главное — вот здесь знать, чего хочешь.

Генерал положил Куне руку на грудь, туда, где билось сердце. А мысли уже ушли в сторону от выбора, предназначения и цели в жизни. Тяжело думать о высоком, сидя на коленях любимого мужчины. Она потерлась щекой о его голое плечо и заурчала, как кошка.

Внизу живота потеплело от желания. Казалось, недавно вернулись из резиденции, а сколько уже не были вместе. Стыдно самой предлагать, но вдруг догадается?

Наилий задумчиво гладил по спине, расправляя складки халата. За окном темнела ночь и до рассвета еще можно выспаться. Наверное, нужно вернуться в кровать и забыть о глупостях, но стоило Куна дернуться встать, как генерал обнял крепче.

— Побудь со мной. Хотя бы немного. Не хочу один.

Она молча закивала и погладила его ладонью по груди, чувствуя, как расслабляется еще больше. Генерал откинулся спиной на маты, увлекая за собой. Вытащил из-за манекена полотенце и свернул в подушку, но задремать не получилось. Куна закрыла глаза и долго наслаждалась поглаживаниями по спине, пока рука генерала не опустилась на бедра. Халат слишком короткий, задрался до белья мгновенно. Желание распускалось цветком, туманя разум. Куна отвечала на ласку, целуя Наилия в шею, водя пальцами по животу, а потом бесстыдно положила руку на тренировочные штаны. Уже научилась понимать, почему твердеет как камень, наливаясь кровью, но он сказал вслух:

— Куна, я хочу близости.

Она не ответила, только застонала тихо, когда накрыл телом, коленями раздвигая ноги. Даже в ледяную стужу всегда может вспыхнуть яркое пламя, надо не бояться возле него греться.

Заявление Куна отправила Регине на визу на следующий день, как собиралась. Старшая смены даже не читала, мгновенно нажав на кнопку «подтвердить», а в комментарии прислала короткое: «Наконец-то!»

Куна переплела дрожащие пальцы и беспомощно посмотрела на диспетчерский пульт. Пора прощаться. Два цикла в обнимку с графиками, журналами, схемами движения, лоцманскими картами. Наизусть знала все теплоходы и каждого капитана по имени. Вечно злая и ядовитая на язык Фелиция с её «Беркутом», заводная Доминика на «Стриже», готовая броситься на выручку, даже если ей не по пути. Интеллигентная Кассия, читающая в радиоэфире древних философов и гоняющая своего «Орлана» по самым мелким протокам. Водная стая Тарса, весь цвет речного флота пятого сектора.

Куна знала, что будет скучать, но забрать с собой можно только воспоминания. Даже форму сдаст на склад, а под её позывным будет работать другая дарисса. Уже завтра чужой голос скажет в гарнитуру: «Диспетчерская. Пятьдесят третий оператор».

Регина вышла на середину диспетчерской и объявила, что Куна уходит. Сменщицы разочарованно вздохнули и зашушукались, обсуждая, кому придется больше работать. Даже за спиной не прозвучало имя Наилия, значит, так и не узнали.

Куна рассеянно улыбалась и уклончиво отвечала, что переезжает и будет искать новую работу. До конца смены сидела как на иголках, с каждым закрытым журналом будто оставляя часть себя. Давно ли ненавидела работу, чтобы так переживать увольнение?

Регина вечером поймала в коридоре и потянула за собой. Расцвела старшая смены, похорошела. Раньше волосы в хвост собирала, а теперь закручивала локонами и распускала по плечам. Пахло от неё чем-то цветочным и едва уловимым ароматом свежести.

— Как ты там? — тревожно сдвинув брови, спросила она. — Не отмахивайся, что хорошо, я же вижу — не все в порядке. Ругаетесь?

Куна губу прикусила и опустила взгляд. Насквозь Регина видела, не спрячешься. Хоть и помирились ночью с Наилием, а добрее генерал не стал. Жгло его что-то изнутри, дербанило на части. Про службу перестал рассказывать, только напомнил еще раз, что скоро улетит надолго и хорошо бы успеть с обследованием. Так и сказал, что изведется на другой планете в ожидании. Куна даже звонила Цесте, но акушерка была категорична: обследование четко по сроку — нет смысла делать раньше.

— Притираемся, — коротко кивнула Куна, и руки за спину спрятала.

— Ты уж зубы не показывай, — покачала головой Регина, — сколько циклов он один жил? Не привыкнет теперь никак все на двоих делить. А у вас еще и сразу на троих. Руки, надеюсь, не распускает? Ай, не выпучивай глаза и не пыхти возмущенно, я на всякий случай спросила. Хорошо раз так, значит, наладится все. Ну, иди, обниму. Не самые худшие два цикла вместе отработали. Звони, не теряйся. Случится что или просто так.

— Спасибо, Регина, — всхлипнула Куна в объятиях старшей смены, — за все спасибо.

— Не за что, совершенно. Беги, поздно уже.

Куна еще долго оборачивалась и мысленно прощалась с Региной, диспетчерской, речным вокзалом. Даже с Тарсом, что лениво тащил прозрачную синюю воду до самого Срединного океана. Из окон особняка реки не видно. Только лес, кусочек заснеженной равнины и длинные белые облака.

За две недели в особняке привыкла к завтракам и обедам по расписанию, успела проводить Наилия на учения и встретиться с ними. Выучила имена виликусов, охранников, водителей и только офицеров по-прежнему обходила стороной. Разве что Флавий подходил и иногда напоминал, что держит вопрос Аврелии на контроле и обязательно скажет, когда что-нибудь решится.

Младшая сначала теребила звонками каждый день, а потом успокоилась. Надула, конечно, губы, что сестра её обманула, но Куна повлиять на телевизионщиков не могла. Думали, смотрели, решали и не торопились с ответом.

Живот рос, и даже один раз показалось, что Дарион толкнулся, но Цеста скептически покачала головой. Слишком рано, надо подождать. Не отъел еще мальчишка пятки, нечем маму пинать.

Наутро перед исследованием нервозность Наилия достигла пика. Не за что влетело Нурию, походя досталось Флавию и в итоге генерал сказал, что сам отвезет Куну в Центр репродукции. Внедорожник охрана выгнала во двор, он уже успел прогреться на морозе, а Куна все никак не могла найти удобные штаны. В десятый раз открывала шкаф, по пятому кругу обходила комнату, а потом вовсе устало села на кровать и выдохнула.

— Нервничаешь? — генерал черной тенью стоял в дверях, сложив на груди руки.

— Немного, — призналась Куна, решив обойтись шерстяным платьем и двумя колготами. Осталось только их найти. Такой бардак устроила, демоны в бездне ужаснулись бы. — Может, не поедем? Что случится страшного, если сдать анализ позже или вообще...

— Надо ехать, — отрезал генерал и вытер глаза тыльной стороной ладони, — очень важное исследование. Отложим — я не узнаю результатов.

— А что там может быть? — осторожно спросила Куна, — Цеста обычно все объясняет, а тут молчит как под подпиской о неразглашении.

Наилий дернулся и долго на неё смотрел, поджав губы. Куне показалось, что она случайно попала в цель и подписка действительно есть. А с ней заговор молчания. Потому такой выдержанный и спокойный генерал срывается на всех подряд. Чего успели наворотить

генетики, когда создавали эмбрион будущего хозяина пятого сектора? Ничего страшного, конечно, иначе он не стал бы лучшим воином, но тревога не отпускала.

— Что с нашим сыном, Наилий? — едва слышно прошептала Куна. — Зачем я сдаю околоплодную воду на анализ? Не молчи, пожалуйста. Дарион болен?

У металла есть предел прочности и у генералов тоже. Куна впервые видела как он, побледнев, упал спиной на косяк, оседая вниз. Мелкая дрожь сильнейшей лихорадки прокатилась по телу от гримасы на лице до вздрагивающих коленей. Куна бросилась к Наилию, даже не подумав, что не удержит тяжелого мужчину. Только вцепилась в рукава военного комбинезона и прижалась к груди.

— Наилий!

Генерал устоял на ногах, но дышал тяжело и долго не открывал глаза. Температура поднялась, он пылал жаром. Сам заболел?

— Да что случилось? Скажи, наконец!

Куна чуть не плакала, а он слабый и тихий осторожно сжал за плечи.

— Не могу сказать, извини. Не нужно тебе знать.

Будь проклято генеральское упрямство! На пределе уже, но мотает головой и сильнее стискивает зубы.

— Наилий, — позвала Куна, пытаюсь встряхнуть, расшевелить. — Не надо так, не тащи все один. Я не стеклянная, не разобьюсь. Догадалась уже, сейчас сама нафантазирую самое страшное. Не чувствую пока, как шевелится, не слышу, бьется ли сердце. Дарион умер? Скажи!

Слезы заволокли глаза, превращая лицо генерала в мутное пятно, кулаки судорогой сводило, и ткань военного комбинезона вымокла от рук. Кровь ударила в голову, слабость накатила. Еще немного и сама упадет, но Наилий держал крепко.

— Он жив, успокойся, дело в другом, — голос, будто из соседней галактики — сухой и безжизненный. Генерал рассказывал, словно рапорт зачитывал, спрятав боль за безликими медицинскими терминами. Перечислял номера хромосом, вероятности нарушения и не слова о последствиях. Бубнил как заведенный, что все в порядке, нужно только проверить. Куна отключилась на середине, не видя и не слыша ничего. Качнулась к вешалке и вцепилась в куртку.

— Поехали, — произнесла так же мертво и тихо, — не поверю, пока не увижу результат. Сдадим этот проклятый анализ и забудем.

Наилий помог надеть куртку и вывел из спальни, держа за руку. Одно расстраивало — две недели ждать и всей власти генерала не хватит, чтобы ускорить процесс.

Глава 30 — Какими бывают радость...

Куна еще в холле Центра репродукции поняла, как сильно недооценила анализ. Её попросили переодеться в больничное и оставить свою одежду в камере хранения. На вопрос: «надолго я здесь?» администратор туманно ответила, что если все пройдет хорошо, то утром доктор отпустит домой. Утром. Через сутки. Если все будет хорошо.

Пока вокруг неё хлопотали, подавая тапочки и халат, Наилий стоял за стеклянной дверью. В стационар генерала не пустили даже в бахилах и накидке. Он еще в машине уговаривал не волноваться и теперь просто молча смотрел. Долго и тяжело, будто прощаясь. Невыносимо.

Куна замотала головой и потерла пальцами глаза. Так и правда с ума можно сойти. «Иди, — помахала рукой на прощание и прижала палец к уху, — Я позвоню».

Он кивнул, а потом толкнул дверь ладонью и зашел внутрь.

— Ваше Превосходство! — испуганно вскрикнула администратор, но генерал уже обнял Куну, шурша синтетической тканью накидки и шепча на ухо:

— Не бойся, все будет хорошо. Я рядом. Пиши или звони, как хочешь. Просто анализ и его нужно пережить. Завтра я заберу вас с Дарионом...

Он еще что-то говорил, но администратор заглушала слова возмущенной нотацией.

— У нас режим, Ваше Превосходство, вам нельзя здесь. Пожалуйста, выйдите.

— Хорошо, хорошо, — согласился Наилий и, не стесняясь чужих глаз, поцеловал Куну. Легко, нежно и теперь действительно на прощание. Она закрыла глаза и не открывала, пока не растаяло тепло от его прикосновений и не стихли шаги за дверью.

— Дарисса? — позвала администратор. — Я провожу вас в палату.

Подчеркнуто вежливо и спокойно, ни на мгновение не забывая улыбаться. Куна понимала, что нельзя нервничать и персонал Центра только поэтому наигранно радостный, но колени дрожали и сорочка прилипала к телу от духоты и волнения.

Палата больше, чем в стационаре Публия. Столько пустого места, что можно всю диспетчерскую вместе с пультами разместить, а посреди комнаты только кровать и где-то в углу сиротливо прижалась к стене тумбочка для личных вещей.

— Располагайтесь, дарисса, — торопливо заговорила администратор, явно начитывая привычный и давно выученный текст, — если в халате жарко, можно остаться в сорочке. Перед операционной нужно сходить в туалет и снять белье. Медсестра придет заранее, чтобы поставить внутривенный катетер. На всякий случай, если придется препаратом снимать тонус матки во время исследования...

От слова «операционная» стало еще хуже. Куна вцепилась в подол халата и почувствовала, как плывет голова, а слова администратора превращаются в ровный гул. Не поняла, что её под локоть довели до кровати, и очнулась, когда ноги укрыли простыней.

— Лежите, — попросила перепуганная работница центра, — я позову врача.

— Не надо, — Куна дернулась встать, но её не пустили, — все в порядке, я буду лежать. Скажите, зачем операционная?

— Нужна стерильность и больше ничего страшного. Место прокола обезболит — вы ничего не почувствуете. Это я могу гарантировать. Исследование не сложное, пройдет быстро, потом — только отдыхать. Принести вам воды?

— Нет, спасибо.

Общего наркоза не будет, есть никто не запрещал, но Куна все равно не смогла бы ничего проглотить. Даже воду. Желудок сводило спазмом, и голова все еще кружилась. Администратор ушла, убавив по дороге температуру на системе отопления. Оттепель за окном, жарко в центре. Куна пока не знала весь персонал по именам, но еще десяток исследований и обязательно выучит. Бесконечные анализы крови, УЗИ, консультации специалистов. Отменное здоровье не подводило, но мелочи иногда находились. Лучше они, чем операционная, будь она трижды стерильна и безопасна. Паническая атака навалилась удушьем, и сердце надсадно колотилось. Хорошо, что сейчас, а не перед дверями оперблока. Надо дышать ровно и все пройдет.

Надо же, как сильно прихватило, в животе кишки ворочаются от спазма. Да, точно крутятся, но разве так бывает? Куна удивленно прижала руку к животу и почувствовала крошечный толчок. Догадка разливалась теплом в груди, но прежде, чем поверить, Куна решила дождаться второго и даже позвала тихо:

— Дарион.

Маленький кулак ударил еще раз. Или пятка? Не может быть! Ребенок слишком мал! Разве что он так нырнул или оттолкнулся. Верчение в животе не утихало, а Куна боялась пошевелиться. Нельзя пропустить ни одного мгновения. Давно разглядела на УЗИ, хранила на планшете черно-белые фотографии, но только сейчас по-настоящему ощутила, что у неё есть ребенок. Он растёт, дышит, двигается. Обнять его Куна сможет только после родов, а сейчас осторожно погладить живот и еще раз позвать.

— Дарион, мальчик мой. Я так рада, что ты со мной.

Больше не верилось в генетические отклонения и страшные болезни. Все, что успела напридумывать по дороге в центр, померкло и растворилось в тумане. У них с Наилием будет самый лучший сын. Здоровый, сильный, умный. Врачи могут ошибаться, чего-то не знать и перестраховываться. Пусть делают анализы, если всем так спокойнее, Куна вытерпит. Она уже знала, что все хорошо и Дарион будто подтверждал, снова и снова толкаясь в животе: «Мама, я здесь! Я с тобой».

— Мы с папой тебя любим, — улыбалась Куна, поглаживая живот, — и очень ждем. Расти большой.

Она потянулась за планшетом, чтобы написать Наилию, но пришла медсестра. Вместо строгой белой формы администратора на миниатюрной дариссе была темно-синяя рубашка со штанами, волосы прятала шапочка, а лицо закрывала маска. В металлическом лотке бесформенной горкой лежали упаковки с асептической салфеткой, ватными тампонами, внутривенном катетером, лейкопластырем и жгутом.

— Лежите, дарисса, — из-под маски ласковый голос казался особенно теплым, а улыбка легко угадывалась по морщинам вокруг глаз, — я поставлю катетер и начнем собираться. Все готово, нас скоро позовут.

— Хорошо, — кивнула Куна, засучивая рукав сорочки. Паника отпустила, и пришло спокойствие. Тихо-тихо маленькими толчками в животе. Дарион, как же хорошо, что ты есть.

Куна справилась с паникой, а Наилий две недели не выныривал из бездны. Не

проходящая нервозность выматывала генерала, даже служба не помогала отвлечься. Сидя в своем кабинете в пятый раз читал план наступления легарской кампании, а в строчках глифов видел только положительное заключение по хромосомной аномалии и большие от испуга глаза Куны. «Как же так, Наилий? Дарион, что с ним будет?» Убьют младенца. Достанут из утробы матери, и нежизнеспособный плод тихо угаснет под безразличными взглядами медиков. «Это лучший выход, Ваше Превосходство. Дарисса сможет родить другого ребенка. Мы выберем для переноса лучший эмбрион. Шанс на здоровое потомство есть и он большой».

Другого ребенка. Не получилось с этим, возьмут следующего. Душа сворачивалась от цинизма генетиков. Тех самых, что когда-то создали его в военной лаборатории. Не доверил Наилий анализ гражданским медикам, изъял материал и переслал на горный материк. Прошло почти сорок циклов с тех экспериментов, программу закрыли, а персонал лаборатории остался заниматься теоретическими исследованиями, в свободное время помогая бывшим подопытным зачинать детей. Северина ходила уже вторую беременность. Уговорила начальника лаборатории перенести сразу два эмбриона, а потом наотрез отказалась избавляться от одного, несмотря на риски для своего здоровья. Теперь они с Марком ждали близнецов. Здоровых, сильных и красивых. А Наилий спать не мог в ожидании анализов.

И тем тяжелее становилось, чем сильнее расцветала радостью Куна. Дарион зашевелился. Акушерки фыркали, что рано, не может быть. Первородящие чувствуют движения плода на две недели позже, а то и на месяц, но генерал прикладывал ладонь к животу своей женщины и ощущал толчки чуть сильнее биения сердца. Куна подтверждала, это ребенок.

Улыбка растягивалась сама собой, и Наилий был готов сидеть часами и ждать следующего удара. Дарион. Сын.

Нужно позвонить генетикам, в бездну вежливость, срок вышел, где результаты?

Только генерал повесил на ухо гарнитуру, как она запищала входящим вызовом.

— Ваше Превосходство, лаборатория генетики, капитан Дорн.

Начальник звонил лично, приветствовал бодро, но генерала изнутри вымораживало ужасом. Слова вступления о проведенном исследовании он пропускал мимо сознания, жадно вслушиваясь в интонацию. Речь у военного генетика поставлена хорошо, докладывает четко, но у самого сухого и отстраненного рапорта всегда есть оттенки и можно угадать каким станет финал. Не сообщают дурные вести с ликованием даже циничные генетики.

— Полный набор хромосом без видимой патологии, Ваше Превосходство. Нормальный мальчик.

Мышцы расслабились вместе с выдохом. Тело генерала, словно лишенное позвоночника и всех костей медленно осело в кресле. Несуществующие боги, Дарион — нормальный! Голос капитана журчал в ухе успокоительной музыкой, и светило заглянуло в высокие окна кабинета. Фантастически прекрасный будет день. Нужно позвонить Куне прямо сейчас. Нет, линия занята, что там говорит генетик?

— Поскольку вероятность отцовства составила девяносто девять и девять десятых процента, мы смотрели наследование всех ваших мутаций...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Кто бы сомневался, что раз материал попал в лабораторию, дотошные генетики за две недели посмотрели вообще все. Тест на отцовство генерал делать не просил, в результате не

сомневался, но разве удержишь любопытство ученых? Генетики вели их экспериментальную группу с рождения до выпуска из интерната и потом иногда приглашали на обследование. Возможно то, что два воспитанника из выживших девятнадцати выпускников стали генералами грело самолюбие персонала лаборатории после закрытия программы. Они в итоге своего добились — вывели идеальных солдат и теперь присматривали за ними с заботой несуществующих отцов. Часть мутаций до сих пор требовала регулярного контроля состояния организма, а доступ к историям болезни жертв эксперимента по решению трибунала генетикам запретили. Приходилось приезжать в лабораторию и сдавать кровь на месте.

— Полезные передалась ребенку почти все, — с восторгом рассказывал капитан, — мальчик родится с вашей скоростью реакции и уровнем адреналина...

Генерал улыбался, наконец, понимая смысл высказывания «пухнуть от гордости» в полной мере. Если они с Марком были для капитана Дорна детьми, то Дарион станет внуком. Может быть пилотом, как отец, и такая скорость реакции придется весьма к месту. Нужно только найти ему хорошее училище и близко не подпускать мастера горного интерната. Пусть старик, пропахший запахом жженого сандала, тренирует чужих детей. Хватит того, что Наилий спустя двадцать циклов после выпуска ненавидел наставника.

— Пару вредных мутаций мальчик тоже поймал, — чуть придавив радость, сообщил начальник лаборатории, — один ген системы гемостаза, но волноваться не стоит Ваше Превосходство, его легко контролировать. И придаток слепой кишки, чья вредность до сих пор под вопросом.

Аппендикс — наследие некогда общих предков сразу нескольких рас: легарцев, эриданов, лиеннов — вспоминать всех не было смысла. Считалось, что в первоначальном становлении генетического типа цзы'дарийцев функции короткого отростка кишки взяли на себя другие механизмы, а он пропал за ненадобностью, но спустя десяток поколений у отдельных особей появился снова. Частота мутации: одна на сто тысяч. Наилий подростком гордился своей уникальностью, тем более что жить аппендикс не мешал. До тех пор пока не воспалится, разумеется.

— Мальчику нужно будет помнить симптомы острого аппендицита, — наставлял генерала начальник лаборатории, — и обратится к хирургу в течение девяти часов. Других проблем нет. Все в порядке.

Генерал все еще расслабленно полулежал в кресле, прикрыв глаза, потому не сразу уловил логическую точку в разговоре. Безмерно радовало, что все в порядке, но тогда вставал другой вопрос:

— Выходит, гражданские специалисты ошиблись с анализом крови? Неверно оценили вероятность хромосомных аномалий?

Кулаки не чесались разбить кому-нибудь лицо, но почти месяц стойкого невроза на пустом месте прощать просто так не хотелось. Паранойя расцветала подозрениями, что недовольная акушерка Цеста специально подменила анализ крови, дабы Его Превосходству жизнь слишком прекрасной не казалось. Если так, то стоило натравить на неё службу безопасности с четким приказом — найти повод лишить права на медицинскую деятельность. Но порыв наказать виноватого отчаянно сбивал капитан Дорн.

— Вовсе нет, Ваше Превосходство. Ошибка не в показателях, а в несовершенстве самого метода исследования. Он не учитывает индивидуальных особенностей организма матери, а может быть дело в чем-то другом, более глобальном.

Речь начальника лаборатории замедлилась. Он начал выбирать слова, крадучись к главной мысли с осторожностью сапера на минном поле.

— У нас есть несколько подозрений, но чтобы их проверить, крайне желательно обследовать мать ребенка. Ничего серьезного, только анализы крови. Если вы позволите, разумеется.

Генерал не возражал, доверие к гражданским специалистам пропало, но Куна — не боец пятой армии, её кровь нельзя переслать на анализ по существующим каналам. Чем тонуть в согласованиях и просьбах, проще привезти её саму в лабораторию.

— Я подумаю, что можно сделать, — нейтрально ответил Наилий.

— Благодарю, Ваше Превосходство и позвольте вас поздравить с сыном. Редкая удача без предварительного исследования эмбриона зачать настолько удачно. Для меня будет огромной честью составить генетическую карту на ребенка, когда он родится. Его геном уникален так же как ваш.

Генетик, кажется, дышать перестал, ожидая ответ. Трудно сказать, чего в просьбе было больше — научного интереса к продолжению эксперимента или желания увидеть, что выведенные идеальные солдаты — не жертвы издевательств, как их выставили на трибунале, а полноценные цы'дарийцы, способные давать здоровое потомство.

Наилий мог злиться за своё загубленное детство, но здоровье Дариона ставил выше обид. Медики пятого сектора знали об особенностях генетически-модифицированных организмов гораздо меньше те, кто эти модификации создавал. Старшую дочь Марка обследовал капитан Дорн и близнецов генерал девятой армии собирался вести к нему же.

— Хорошо, — ответил Наилий, — я привезу к вам и мать и ребенка.

— Спасибо, Ваше Превосходство, — ликовал старый генетик, — результаты последних исследований я отправил вам на почту. Если будут вопросы, звоните.

— Обязательно. И вам спасибо, капитан Дорн. Отбой.

Генерал еще раз улыбнулся и нажал кнопку на гарнитуре, прекращая вызов. Оставалось придумать, когда и как везти Куну и где она будет жить на горном материке несколько дней, отдыхая от перелета. Можно ли везти её сейчас или стоит дожждаться родов? Зачем медлить, если уже решил устроить гражданским проверку с анализами? Больше в Центр репродукции Куна не пойдет, а то еще что-нибудь найдут.

Жаль, что он пропустит расследование, дата начала кампании у легарцев назначена и лететь нужно через неделю. Публий в списках на вылет есть, кому поручить Куну на два а то и три месяца? Флавий слишком молод и будет завален работой и без женщины генерала. Марк занят своими детьми, а надеяться на родственниц Куны крайне глупо. Женское перемирие — слишком хрупкая вещь, от любой мелочи рассыпается. Нужен кто-то взрослее и мудрее младшей сестры и её матери.

Решение вызревало, стягивая доводы и обрастая обстоятельствами. Если уж везти Куну на горный материк, то почему не сейчас и не к Аттии? Матушка жила в соседней деревни от бывшего дома Наилия, который он получил, будучи капитаном девятой армии. Дом отремонтировали, документы оформили, двум женщинам там будет комфортно и безопасно. А еду, одежду и занавески на окна можно и с равнины привезти.

Куна ответила на вызов мгновенно, пропев в трубку:

— Ваше Превосходство.

— Отвыкай так меня называть, — шутливо высказал ей Наилий, — а то я сбиваюсь с мыслей. Куна, мне звонил генетик, анализ пришел. Дарион здоров.

Новость по-прежнему грела, словно только что узнал. Генерал жмурился от лучей светила, неправдоподобно жарких для зимы и слушал, как радуется его женщина. Спасибо тебе, Вселенная, за еще один подарок.

Два дня после процедуры Куна отлеживалась и потом Цеста просила не бегать и не прыгать хотя бы неделю. Не привыкшая к праздности Куна, да еще и оставшаяся без работы, первые дни страдала от безделья, а потом привыкла. По приказу генерала еду Палий приносил на третий этаж, для редких прогулок хватало заднего двора особняка, зато кухня оказалась в полном её распоряжении. Наилий иногда любил готовить сам и в тесном закутке левого крыла поставил плиту, рабочий стол и небольшой холодильник. Конечно, стоило Куне там обосноваться, генерал предложил перенести все в соседнюю столовую и оборудовать, как полагается, но она отказалась. Уют маленькой комнаты напоминал о доме, а готовить вкусно можно и на костре, забыв о бытовой технике.

Наилий нежно любил бумажные книги, собрал целую библиотеку и на вопрос Куны: «что бы почитать по кулинарии» отдал несколько потрепанных фолиантов с мятыми углами и стершимися позолоченными надписями на обложках. Так сейчас не преподавали. Теория термической обработки продуктов начиналась с физики, а в одной из глав рассказывали, как правильно наточить нож. К слову, ножом генерала Куна чуть не искромсала пальцы, пока не освоила инструмент. Никогда не училась правильно резать овощи, считала, что уж это можно делать, как захочется. Зато теперь нарезаая картофель, маниакально чертила лезвием идеально параллельные линии и рубила исключительно ровные кубики.

Но выпечка по-прежнему удавалась лучше всего. В генеральском пайке были самые жирные сливки, а из них получался самый воздушный крем. Куна час крутилась возле заварных пирожных, начиняя их кремом и украшая сиропом из размороженной ягоды. Ждала генерала к ужину и заодно тренировалась перед завтрашним зачетом в Кулинарной академии. Пока учеба давалась легко и шла в удовольствие. А по оценкам она стабильно входила в пятерку лучших на курсе. Не очень честно, наверное, не у всех был такой наставник.

Через плотно закрытые окна шум шин не различить и приезд внедорожника Куна угадала по вспышкам золотистого света от фар. Отмыла руки от капель сиропа и понесла десерт в столовую. Круглый стол накрыла на двоих, выставив на льняную скатерть посуду из тончайшего стекла. До сервировки программа академии еще не дошла, Куна подглядела в иллюстрациях из книг. Благо, посуда у Наилия была точно такой же.

Красиво завернуть салфетки уже не успевала, продела сложенную ткань через кольцо и положила на тарелку. Руки чуть дрожали от волнения, хотела удивить Наилия ужином. Не все же виликусам готовить.

— У нас сегодня праздник? — спросил генерал от дверей. Надо же, так увлеклась, что не услышала шагов. Наилий пришел сразу, не заходя в спальню, чтобы переодеться и теперь стоял перед ней в безупречно отглаженном военном комбинезоне. Сам как праздник после новостей от генетиков, улыбка появлялась на губах генерала почти по любому поводу.

— Просто захотелось чего-то красивого, — смутилась Куна, развязывая за спиной фартук. Бездна, забыла достать салат из холодильника и вилки для него не положила.

— Тыквенный суп и десерт еще ладно, но утка с апельсинами явно не просто так, — улыбнулся генерал, обнимая Куну, — у тебя мука на носу, дай уберу.

А еще волосы небрежно собраны в хвост и домашнее платье, перешитое из прежнего

гардероба. Нарядиться тоже не успела, так и стояла растрепанная и неухоженная, пока Наилий пальцем вытирал муку с лица. Ласково и заботливо, будто она еще один ребенок.

— Ты о чем-то хотел поговорить?

— Да, но давай сначала поедим. Как там Дарион?

— Спит наш сын, — улыбнулась Куна, трогая круглый живот, — пока я хожу и что-то делаю, лежит смиренно, но стоит сесть или прилечь, начинает пинаться. Шебутной будет, когда родится, бегать за ним придется и ловить, чтобы не упал.

— С лестницей надо что-то придумать, — рассуждал генерал, усаживаясь за стол, — ограждение сделать или вовсе переехать на первый этаж.

Куна слушала, разливая половником суп. Сладкий запах тыквы перебил ягодный аромат десерта и соперничал с пряным запахом утки. Салат Куна все-таки принесла с кухни и прятала глаза, пока генерал хвалил ужин. До мастерства лучших поваров далеко, конечно, но она старалась. К десерту только сама не притронулась, места в желудке не осталось. Дома так не готовила, пшено есть и хорошо, а с таким изобилием даже аппетит беременности не помогал.

— У тебя завтра зачет? — спросил Наилий, убирая пустую тарелку. — Напиши, как закончишь, я приеду. Надо будет оформить академический отпуск.

Куна согласно кивнула, а потом замерла, почувствовав, как сжалось сердце. Нет, Цеста предупреждала, что перед родами станет нельзя даже учиться, но до них еще так далеко.

— А зачем отпуск?

— Чтобы пропустить зачеты, — невозмутимо ответил генерал. — Я улетаю к легарцам, а перед этим хочу отвезти тебя на горный материк к генетикам. Сдашь пару анализов и останешься там с Аггией. Она хорошая женщина и мне на другой планете будет за вас с Дарионом спокойнее.

Зато Куна начала нервничать. Она и так училась заочно, не посещая лекций, а теперь перерыв придется делать из-за поездки.

— Почему нельзя остаться в особняке? Здесь безопасно, за мной присматривают, вон сколько камер висит. Если что случится, рядом Цеста и стационар центра, а на горном материке только генетики. Я не понимаю, Наилий.

Старалась говорить спокойно, но прежний нервоз поднимался к горлу как тесто на дрожжах. Обида пухла и хотелось ворчать, что совести у генерала нет. Таскает за собой куда вздумается, не спрашивая, хочет она или нет. Ему так удобнее, а ей? Из дома ушла, работу бросила, по особняку ходила как по казарме, боясь заблудиться и ворваться к кому-нибудь без приглашения. Опять все заново?

— Потому что в особняке кроме тебя больше нет женщин. Поговорить и посоветоваться не с кем. Не в твоём положении запирается в комнате и сидеть тихо. Я всерьез боюсь, что ты постесняешься идти с проблемами к Нурию или Флавию, а до Цесты еще доехать нужно.

Наилий отвечал ровно, но руку в кулаке сжал и нахмурился. Не любил Его Превосходство возражений. Бойцы и офицеры на любой приказ отвечали: «Есть» и «Так точно», а Куна упиралась.

— У меня есть мать и сестра. Боишься оставлять одну, пусть кто-нибудь из них сюда приедет.

— Нет, — дернулся генерал, — я наслушался докладов о том, как твои родственницы умеют опекать и поддерживать. Я бы им звезду кадетов после училища не доверил, не то, что собственного сына.

Наилий говорил так же холодно и сдержанно, но в столовой становилось душно. Куна сжала на коленях текстильную салфетку и выпрямилась.

— Пусть моя мать не идеальна, а сестра любит лезть, куда не просят, но они — моя семья. Я не хочу прятать от них Дариона...

— Я хочу, — отрезал генерал.

Куна захлопнула рот, чуть не прикусив язык. Раздражение свербело черным перцем в носу. Да, она — дарисса из рабочего квартала и не от хорошей жизни их с Аврелией так воспитывали, но мать никогда от неё не отказывалась, как та женщина, что родила Наилия. Зачем он обо всех думает плохо?

— Не нравится моя семья? — поджала губы Куна и по-детски всхлипнула. — Может и я стану плохой матерью для Дариона? Рожу, а ты найдешь няньку получше?

Не стоило перегибать, не хотела ругаться. Злые слова катились с языка, а из глаз капали слезы. Давно боялась, что не сможет воспитывать Дариона. Мальчик, сын генерала, с ним нельзя так, как с больной сестрой, а по-другому Куна не умеет. Наилий точно не позволит баловать и сюсюкаться, найдет наставника и она перестанет видеть сына еще до училища. Угроза генерала отдать ребенка в горный интернат звенела в ушах воспоминанием, рискуя стать явью. Слишком быстро Наилий принимал решения и не хотел потом от них отступить.

— Пожалуйста, оставь меня здесь — причитала Куна, еще не понимая, что давно слушает тишину вместо ответа, — я могу каждый день ездить к Цесте или лечь в стационар. Не надо горного материка. Перелет повредит Дариону, я читала когда-то, что нельзя в воздушный катер беременным из-за перепадов давления. А к генетикам мы после родов полетим, ведь им нужна кровь ребенка, как они сейчас её возьмут? Наилий, я понимаю твоё беспокойство и ценю заботу, но так нельзя. Ты просил жить для себя, а сам шагу не даешь ступить. Наилий?

Генерал не отзывался. Закрыв глаза, откинулся на спинку стула и молчал. Глубокие тени от яркой лампы рисовали на лице тоску. Лучше бы кричал и настаивал, чем вот так безразлично ждать, когда она выговорится. Упрямая досталась Дариону мать, не хотела лететь демоны знают куда.

— Наилий?

Молчание тянулось невыносимо долго, Куна успела пожалеть, что начала спорить, но переломить себя не могла, а генерал будто окаменел. Даже хуже чем в тренировочном зале, когда искал внутренний покой, сидя на матах. Он словно в бездну провалился, оставив тело пустым без души. В бездну споры, с ним что-то не так!

— Наилий, да ответь же! — крикнула Куна, схватив генерала за руку. Холодную как лед и безжизненную. Генерал и тогда открыл глаза лишь спустя несколько мгновений.

— Что? Почему ты стоишь? Сядь, все в порядке. Я задумался, так бывает. Слышал, что ты говорила. Не хочешь лететь? Останемся здесь. Я попробую уговорить Аттию сюда приехать, а с генетиками позже решим.

Выговаривал сухо, будто рапорт зачитывал. Уступил, поменял решение, но Куну все равно не отпускала тревога. Никогда таким прежде не видела, не задумывалась, каких на самом деле могли наворотить аномалий генетики из той лаборатории. Сколько из них мешали генералу жить, и что передалось Дариону по наследству?

— Спасибо, — прошептала она, не отпуская холодную руку, — извини, что накричала, на меня иногда находит. Гормоны, наверное, Цеста предупреждала.

— Гормоны, — эхом повторил Наилий и вздохнул. — Не извиняйся, я должен был с

тобой посоветоваться. Иди в спальню, я помою посуду.

Теперь точно не стоило спорить. Куна поцеловала его в прохладную щеку, сказала, что будет ждать, и ушла.

К зданию Кулинарной академии Куну привез Нурий. Внедорожник он припарковал у ограды заднего двора, чтобы не маячить перед глазами любопытных курсантов, которых на военный манер называл кадетами. В прошлые поездки Нурий морщился, разглядывая ярко одетых мужчин. Гражданские следили за модой, отращивали длинные волосы, укладывали их в причудливые прически и носили очки с цветными стеклами. Зимой светило ослепляло безжалостно, отражаясь от чистого снега, как от зеркала.

— Гнарочи бы обрадовались, — ворчал водитель, — они любят ухоженных мальчиков.

Какое дело синекожим инопланетянам до молодых цзы'дарийцев Куна уточнять не стала. Ей разодетые курсанты тоже не понравились. Показались слишком легкомысленными и самовлюбленными, часами могли рассказывать о себе, как Аврелия, и улыбались в каждое зеркало в холле, стоило пройти мимо.

Зачет принимали в корпусе практических занятий — длинном бараке с плоской крышей, утыканной трубами дымоходов, как коктейль трубочками. Аромат кулинарных шедевров курсантов накрывал весь квартал при Академии, и по запаху можно было догадаться, что сегодня изучали. Куна тянула носом воздух и улыбалась. Супы или тушеные овощи. Только рано очень или она опоздала на зачет? Проверила время на планшете — нет, пришла вовремя. Странно.

Узкие окна барака специально покрасили белой краской, чтобы яркий дневной свет не мешал. Внутри поставили столы с кухонным оборудованием на каждого курсанта в группе, а печи у дальней стены были общими. Варочные поверхности, духовки, гриль, очаги с открытым огнем — жар возле них стоял невероятный. Куна лавировала между столами, на бегу приветствуя тех, с кем успела познакомиться раньше. Рабочее место себе выбрала самое дальнее, чтобы лишний раз не раздражать наставников неумелой готовкой. Повязала фартук с эмблемой академии, а волосы спрятала под высокий колпак. Такой же ритуал настройки на работу, как запуск диспетчерского пульта. Когда-нибудь каждый её день будет так начинаться.

На прошлом зачете курсантам раздали коробки с продуктами и велели приготовить из них любое блюдо по пройденным темам, но сегодня коробки оказались пусты. В центре зала ширмами огородили пространство, куда сначала зашли три наставника в серой форме ученых, а затем стали вызывать по одному курсанту. Выходили они оттуда быстро, светясь от радости, или хмуро спрашивали у других, когда пересдача. Куна могла свою пересдачу пролежать в стационаре, сохраняя беременность, поэтому сдать нужно было с первой попытки.

— Какое задание? — взволнованно спрашивали курсанты каждую новую жертву, а в ответ слышали:

— Сами узнаете.

Дарион разволновался, недовольно ворочаясь в животе, и Куна нежно погладила его под фартуком.

— Тише, родной. Appetit у тебя разгулялся от запахов? Потерпи, вернемся в особняк, поедим.

Её имя объявили так громко, что Куна испуганно вжала голову в плечи. Пока шла к ширмам, старалась не оглядываться, чтобы не заразиться чужой нервозностью. Своей хватало. Воздух перед ширмами от обилия запахов напоминал суп. Густой, насыщенный, с оттенками пряностей и ароматом овощей. Куна несмело отодвинула занавеску и зашла к наставникам.

Зачет принимали две незнакомые ей дариссы и куратор группы. Мартий возвышался над наставницами как горный пик и в ответ на робкое приветствие Куны кивнул первым.

— Рад видеть, дарисса. Итак, перед вами суп из тридцати ингредиентов. На зачет нужно отгадать пятнадцать, на похвалу восемнадцать, а на громкие аплодисменты не меньше двадцати двух. Можете приступать.

Наставник снял крышку с огромного бака и зачерпнул половником умопомрачительно сложный по составу суп. Положил на тарелку чуть больше стандартной порции и протянул Куне.

Да уж, бульона почти нет, одна мешанина из ровных цветных кубиков всех оттенков желтого, красного и зеленого. Сложное задание. Тридцать вкусов смешались в один, и Куна сильно сомневалась, что угадает хотя бы пять. Начать решила с самого простого и очевидного.

— Здесь есть вода.

— Верно, — улыбнулась наставница справа от Мартия. Кажется, она преподавала у старших курсов кондитерское мастерство. Куна мечтала к ней попасть, но сначала нужно сдать зачет.

Стручковую фасоль она узнала, даже не пробуя. Пшено разварилось, но тоже не стало загадкой, а вот полупрозрачные белые кубики могли оказаться кабачком, цуккини, или патиссоном, лучше выбрать что-то попроще. В бульоне угадывались специи, явно их включили в список тридцати ингредиентов.

— Здесь есть перец, — уверенно заявила Куна, а наставница слева от Мартия уточнила:

— Какой?

Бездна его знает! Белый, красный и черный горели во рту почти одинаково. На запах ориентироваться бесполезно, но если суп варил кто-то из курсантов, то явно брал местный перец грубого помола. Значит, в супе могли оказаться крошечные перчинки. И они там были.

— Черный? — неуверенно протянула Куна, а наставница довольно кивнула. Ох, какое облегчение! Другие специи пока тоже в сторону. Хотя нет, вон те маленькие палочки явно укроп и семена тмина ни с чем не спутаешь. Особенно когда раскусишь. Сладкий перец тоже угадала больше по форме, чем по вкусу, а вот с картофелем чуть не ошиблась. Сначала показалось, что равнинный, а потом когда Мартий нарочито громко переспросил: «какой-какой», исправила на горный. Ярко желтый, продолговатый и с характерным сладким привкусом. Мелкорубленный лук, морковь и огурец Куна назвала, томат узнала по забытой или оставленной специально кожуре, а на тринадцатом ингредиенте остановилась.

Раз есть подсказка в виде кожуры, то должен быть подвох. Продукт, настолько хорошо спрятанный, что догадаться можно только по ощущениям, опыту, смекалке. Куна растирала бульон языком по нёбу и внезапно выпалила:

— Здесь есть мука.

Наставники переглянулись, округлив глаза. Мартий покачал головой и, прицокнув, спросил.

— Как вы догадались по муку?

Ладони вспотели от волнения. Куна отложила ложку и попробовала выразить ощущения словами:

— Бульон густой и на языке катается что-то едва уловимое. Я думала на сметану, но потом вспомнила про муку. Жарить её должны были на сливочном масле. Добавили совсем чуть-чуть, иначе на поверхности плавали бы капли жира.

— В баке они есть, взгляните.

Мартий снова открыл крышку и Куна, затаив дыхание, заглянула. Она все время мешала суп ложкой, поэтому просто не увидела крошечных капель в тарелке. Зато в баке они спокойно плавали на ровной глади бульона.

— Я засчитываю вам муку, сметану и сливочное масло, — сказал Мартий, — зачет есть. Хотите еще что-нибудь добавить?

Куна с облегчением выдохнула и прикрыла глаза. Сдала! В диспетчерской на аттестации так не переживала. Изобретательные у неё наставники. Какое задание придумали!

— Некоторые овощи желтее, чем обычно, — добавила она, — поэтому молотый шафран. Я сомневалась между цуккини и патиссоном, но думаю, что есть оба. В остальном не уверена.

— Достаточно, — улыбнулся куратор, — вы хорошо подготовлены. Муку до вас никто не называл. Мало научиться готовить по рецепту, настоящий повар должен понимать, что он делает, чувствовать блюдо. У вас это есть. Пожалуйста, не потеряйте в погоне за сложностью высокой кухни. Готовить каждый день для своей семьи простые и вкусные блюда — тоже искусство.

Куна опустила взгляд, краснея от смущения. Мартий строг с курсантами, заслужить его похвалу вдвойне приятно. Наставницы тоже сказали пару слов, поздравив с зачетом и пожелав удачи на следующем курсе. Куна собралась уходить, но куратор остановил вопросом:

— Я вижу, вы в положении. Планируете брать академический отпуск?

Планировал за неё сейчас Дарион. Сдавать зачеты с младенцем на руках она не сможет, не место ему возле печей и среди курсантов.

— Половину цикла я пропущу, — неуверенно отвечала Куна, — а потом вернусь, если найду няню для ребенка.

— Вы можете продлевать академический отпуск столько, сколько нужно, — вмешалась наставница кондитеров. — Мы понимаем положение курсантов и не торопим. Лишь бы интерес к профессии не угас.

Куна в своих мечтах не сомневалась, но, вспоминая вчерашний разговор с Наилием, понимала, что больше не может отвечать только за себя. Если ради здоровья Дариона его придется везти на горный материк к генетикам, она соберет вещи и поедет на аэродром. Генерал не всемогущ и не сможет ради неё перенести на равнину целую лабораторию.

— Буду продлевать, если окажусь слишком далеко от академии.

— Слишком не сможете, — ответил Мартий. — У нас отделения в каждом городе. Любому наставнику примет сессию, нужно только заранее написать заявление.

Куна резко вскинула голову, уставившись на куратора. Бездна, как она сама не додумалась спросить? Оценки хранятся в единой системе, оттуда же курсанты получают учебные пособия на планшеты и персональные задания. Нет разницы, кто будет пробовать

экзаменационное блюдо. Стандарты обучения во всех отделениях академии одинаковые.

— Прекрасная новость, — обрадовалась Куна, — спасибо.

— Не стоит. Я, конечно, расстроюсь, если вы упорхнете куда-нибудь на другой материк, но буду следить за вашими успехами. Мне кажется, из вас выйдет толк. Зовите следующего, суп остывает.

Куна улыбнулась на прощание, еще раз всех поблагодарила и сбежала из корпуса практических занятий.

В машине Куна ждал сюрприз. Лейтенант Флавий Прим, расположившись на сидении для пассажира, беседовал с Нурием.

— Дарисса, — поприветствовал либrarian, когда Куна уселась назад, хлопнув дверью внедорожника, — я договорился о встрече с главой отдела развития Центра вещания. Она посмотрела видеозаписи вашей сестры и хочет предложить сотрудничество.

— Замечательно, — восхищенно выдохнула Куна. — Аврелия будет счастлива. Когда ехать?

— Прямо сейчас, если вы не возражаете. Ваша сестра живет там же? Никуда не переехала? Мы заберем её по дороге.

— Конечно, — согласилась она, ерзая на сидении от нетерпения.

Аврелия не звонила уже две недели, отчаявшись дожидаться ответа. Снова обиделась и жалела, что зря потратила время на видеозапись и перевела косметику на макияж. С учебой не ладилось, на курсах спрашивали гораздо строже, чем на дистанционном обучении и Аврелия все время что-то пересдавала. Зная, как она учит, Куна сочувствовала наставницам. Младшая сестра брала их измором, выпрашивая оценки. Могла уйти утром на зачет и вернуться к вечеру, хвостом протаскавшись за куратором весь день. «Как это ничего не знаю? Я учила, пожалуйста, проверьте еще раз. Дарисса Сильва меня недолюбливает и специально выбирает самые сложные вопросы. Я же не виновата, что такая красивая. Неужели ради зачета нужно волосы обрезать, ногти обломать и прийти без макияжа? Она предвзята, а я все знаю, честно-честно!»

Пересдавала раз десять, но дальше названия вопроса, прочитанного вслух, продвигалась редко. После очередного «плохо», снова донимала куратора. Она терпела день, два, а потом открывала табель и ставила зачет, лишь бы не слышать больше жалобно-плаксивого голоса. Куна со стыда бы умерла, зато Аврелия гордо показывала матери закрытый табель и хвасталась, что учится ничуть не хуже других.

Мать звонила еще реже, иногда спрашивая, как здоровье и когда Куне рожать. Просила денег хотя бы на продукты, но сначала на счете висел неоплаченный кредит, а после увольнения из диспетчерской генерал счет закрыл. Мать расстроено вздыхала и обрывала связь. Куна хотела помочь, но, переехав в особняк Наилия, перестала видеть деньги. От пособия по безработице пришлось отказаться, чтобы служба занятости не искала ей новую работу, а паек на Дариона назначат только после родов.

Внедорожник заехал в рабочий квартал по главной дороге, больше не прячась по дворам и закоулкам. Сплетницы притихли как по волшебству, спрятав за зубами злые языки. Да и Куне, сидя в особняке, стало на них наплевать. Боялась, что будет скучать по дому, но глядя на серые одноэтажки сквозь окно автомобиля, не чувствовала ничего.

Баракы отгородились закрытыми занавесками и ждали возвращения хозяев с работы. Мать мыла посуду в кафе, дома сидела одна Аврелия. Нужно было позвонить заранее, чтобы начала собираться. Сейчас надует губы, что впопыхах не успеет хорошо накраситься, уложить волосы и поедет, как оборванка с окраины на главную встречу в своей жизни.

Ждать Аврелию пришлось час, Флавий позвонил в Центр вещания, извинился и перенес встречу. А Куна не выдержала истеричных метаний сестры по бараку в поисках той самой

помады и ушла в машину. Разве можно куда-то успеть, в третий раз меняя платье, потому что туфли такого же цвета натирают ноги? А под платье нужен другой макияж, сумочка, лак на ногтях и новые украшения. «Что значит все равно? Молчи, раз ничего не понимаешь! Я должна понравиться этой главной по развитию. Если она хоть чуть-чуть разбирается в моде, то захлопнет у меня перед носом дверь, увидев бездарно подобранный ансамбль!»

Куна не стала спорить. Сидела в машине, стараясь не смотреть на маявших от скуки мужчин, и периодически звонила Аврелии:

— Ты скоро?

— Уже иду!

Наконец, она выпорхнула из барака, кутаясь в меховую шубу и цокая каблуками по расчищенной от снега дорожке. Куна чуть не закричала, увидев, что сестра вышла в туфлях и практически с голыми ногами. С ума сошла? Давно от мышечной слабости не мучилась, так решила слечь с острым циститом?

— Где сапоги? — зло зашипела Куна, когда Аврелия открыла дверь внедорожника.

— Дома, где им еще быть? — отмахнулась младшая сестра и потеряла к старшей интерес. — Лейтенант Прим, как я рада познакомиться! В нашем квартале за всю жизнь не встретишь такого блестящего офицера, я уже не чаяла увидеться. Сестра живет в особняке, как медведь в малиннике, а я лишена радости общения с настоящими мужчинами.

Аврелия подала руку для поцелуя вежливости, не прекращая щебетать. Хлопала густо накрашенными синей тушью ресницами и складывала губы бантиком. Интересно, где успела научиться кокетничать? И кто надоумил так грубо льстить?

Флавия, однако, лезть не смутила, он церемонно поцеловал руку Аврелии, чуть не вывернувшись с переднего кресла, и вежливо ответил:

— У военных одна беда, дарисса. Мы обделены женской красотой и сохнем без неё, как цветы без полива. Ваша юная свежесть, словно глоток родниковой воды в жару — можно наслаждаться часами. Но, увы, нас ждут в другом месте, поэтому поспешим.

Аврелия старательно покраснела от смущения и кокетливо повела плечами, расстегивая шубу. Платье в итоге надела то, что мерила первым. Зачем тогда за час вывернула все шкафы и раскидала одежду по комнате?

Нурий запустил двигатель и плавно тронулся с места, выезжая с площадки перед бараком на узкую дорогу. Только Куна собралась отчитать младшую за неподходящий к зимней погоде наряд, как Аврелия снова защебетала:

— Мне всегда казалось неправильным деление общества на военных и гражданских. Разве справедливо лишать мужчин и женщин полноценного общения? Вот вы, лейтенант Прим, после службы, неужели сразу уезжаете домой? И даже не смотрите в сторону огней ночной Равэнны? Где тот бар или кафе, в котором можно встретить лучшего офицера пятой армии?

Куне захотелось под сидением спрятаться от стыда. Она переживала, что сестра с открытым ртом начнет разглядывать роскошный салон внедорожника, будет тыкать пальцем в окна, спрашивая, что за здания проносятся мимо за окном. Но даже в кошмаре не могла представить, как едва переступившая семнадцатый цикл Аврелия станет флиртовать с Флавием! Какое полноценное общение? Какое кафе? Она еще ребенок!

— У меня ненормированный рабочий день, дарисса, — скупой улыбнулся лейтенант, — кафе закрываются раньше, чем я выхожу из генерального штаба. И если пропущу автобус до особняка Его Превосходства, придется ночевать на улице. А зимой на лавочках городского

парка очень холодно.

И ведь не соврал про автобус, просто умолчал об увольнительных, за что Куна готова была расцеловать лейтенанта. Но Аврелия с детства не понимала слово «нет» и терроризировала Флавию до самого Центра вещания. Внедорожник давно стоял на парковке с заглушенным двигателем, а флирт все продолжался. Нурию пришлось откашляться, чтобы пассажиры, наконец, обратили на него внимание.

— Лейтенант Прим, я буду здесь, если понадобится.

— Да, спасибо Нурий. Дариссы, прошу на выход.

Галантный либрарий выбрался из внедорожника первым, чтобы открыть дверь возле Куны и подать руку. Аврелия обиженно сопела, но дождалась, пока лейтенант обойдет автомобиль и поможет ей выйти.

Перед стоэтажной свечей Центра вещания младшая замолчала, замороженно рассматривая место своей будущей работы. Здание построили тонким и длинным как шпиль ради вещательных передатчиков на крыше, но со временем технологии изменились, оборудование демонтировали, а Центр стал еще одним символом Равэнны.

Верхние этажи отдали под залы для официальных совещаний и кафе с дружескими посиделками. Через стеклянный фасад с такой высоты город казался круглым тортом, украшенным огнями как кондитерской посыпкой.

Куна прилипла к окну переговорной комнаты, не в силах оторваться от зрелища, а за спиной Аврелия сидя за столом, нудно бубнила Флавию про строгое воспитание матери, не отпускающей развлекаться вечером. Вот приемная генерала — вполне общественное место и даже девушке из приличной семьи не будет зазорно прийти туда, чтобы пообщаться с интересными цзы'дарийцами. Лейтенант продолжал мягко отказывать. Его бы непреклонность наставницам Аврелии, возможно, младшая стала бы лучше учиться.

Глава отдела развития опоздала на полчаса, ворвалась в переговорную вместе с облаком цветочного парфюма и с порога начала быстро рассказывать про будущий проект.

— Итак, дарисса Аврелия, мы месяц назад запустили в Сети большой раздел о моде и красоте, но посещаемость остается низкой.

Младшая, наконец, отвлеклась от либрария и принялась очаровывать будущую начальницу широкой улыбкой. Заглянув в пустые глаза сестры, Куна засомневалась, слышит ли она хоть что-нибудь или раз встреча состоялась, то вникать в суть не обязательно? И так возьмут.

— Мы с коллегами решили, что не хватает живого общения со зрителями, — продолжала глава отдела, усаживаясь за стеклянный стол. — Ведущей, которая сможет разговаривать с аудиторией на понятном ей языке. Без профессионального образования с мелкими огрехами дикции, чтобы создавалось ощущение беседы с подругой. Такой же как они жительницы одного из рабочих кварталов. Два часа вечером на онлайн-чат и переписка в остальное время.

— Весь день? — изумилась Аврелия, нервно дернув завитый пружиной локон. — Но я не могу сидеть в офисе так долго. Мне нужно учиться и гулять.

— Вам не придется сидеть в офисе. Мы настроим доступ к нашему разделу в Сети с вашего планшета. Нас устроило качество снятого видео. Никаких декораций, студийного света и профессионального грима. Простая домашняя обстановка. То, что нужно.

— Макияж у меня профессиональный, — надула губы Аврелия, — и получается, я все сама должна делать?

— Нет, список тем для обсуждения мы вам дадим. Ответы вы будете присылать редакторам на проверку и после утверждения сможете озвучивать их в Сети. Позже мы выйдем на спонсоров с предложениями размещать в ваших видео рекламу их продуктов.

— Ну, уж нет, — фыркнула Аврелия, топнув под столом ногой. — Я сама буду решать, что говорить и всякие редакторы мне не указ! Я думала у вас серьезная организация, а на мне бесстыдно собираются нажиться. Купи, Аврелия, платье за свои деньги, к визажисту сходи, а мы будем только рекламный доход со спонсоров сшибать! Хорошо устроились! Вот что, дарисса. Или собственное шоу на центральном канале, чтоб как полагается: со студией, солидным гонораром, примерами, костюмерами, или я разворачиваюсь и ухожу!

Куна рот открыла и никак не могла закрыть. Флавий месяц обхаживал половину сотрудниц отдела развития, наобещал им эксклюзивных интервью с генералом, отгул драгоценный потратил, чтобы привести Аврелию на встречу и сейчас сидел, закрыв лицо рукой.

— Сожалею, но вы не можете ставить условия, — сменила тон глава отдела и стала похожа на Регину, когда случалась авария по вине диспетчеров, — это все, что мы можем вам предложить. Если не согласны, вас никто не держит, дарисса.

— Катитесь в бездну тогда! — дернулась Аврелия. — Тоже мне отдел развития, дальше своего носа не видите. Еще пожалеете, кого потеряли!

Младшая вскочила, взмахнув пышной юбкой, и решительно пошла к дверям. Куна уже не надеялась что-то исправить, хотела просто поймать и как следует отлупить по тощей заднице. Хоть белый ремень с форменного комбинезона у Флавия проси. Аврелия нервно сдернула шубу с вешалки, а старшая, поддерживая живот, еле догнала её в просторном фойе, куда выходили двери всех переговорных комнат этой части девяносто девятого этажа.

— А, ну, стой! Аврелия!

— Ты тоже в бездну катись! — фальцетом заверещала младшая, вырываясь из хватки сестры. — Тоже мне благодетельница! Продать меня решила? Пусть Аврелия работает, а хитрая Куна и дальше будет жировать на генеральский паек! Не выйдет! Я может, тоже так хочу — раздвинуть один раз ноги и всю жизнь не думать, где деньги взять.

Звонкой стала бы пощечина, но Куна сдержалась, скрипнув зубами. Сестру несло от ярости и обиды за обманутые ожидания, она не понимала, что говорит. Наилей достался другой, а все остальное тянулось за главным разочарованием. Сколько бы старшая не отдала денег, все равно будет мало. Тот, кто был нужен Аврелии, называл сыном чужого ребенка и приказал охране не пускать его тетю на порог.

— Думаешь, он любит тебя? — кричала младшая на весь Центр вещания. — Дура! Ты просто инкубатор для первого нилота. Родишь и получишь пинка под зад! Сдалась ему тупая уродина! Идиотка!

Терпение лопнуло. Куна ударила наотмашь, смазав помаду с губ сестры и толстый слой тонального крема со щеки. Хлопок пощечины звенел в ушах, когда Аврелия попятилась назад, зажимая покрасневшую припухлость от удара.

— Хватит! — крикнула Куна. — Не жди больше от меня помощи. Раздвигай ноги перед кем хочешь. Кончилось твое детство, теперь сама отвечаешь за свою жизнь.

— А ты за свою, да? — прищурилась младшая. — Сытую, богатую жизнь неблагодарной твари! Забыла, кто вытащил тебя из кладовой? Не сдвинь я тогда шкаф, никуда бы ты не поехала. Я чуть не надорвалась, в постель слегла от слабости. Мать узнала, за ремень схватилась и все зря. Сидит теперь дома, не выходит, подругам на глаза стыдно показаться.

Дочь живет с генералом, а мать с сестрой голодают в рабочем квартале. Воспитала старшенькую, душу вложила. Лучше бы ты сдохла в утробе! Тварь!

Последние слова Аврелия выплюнула вместе со слюной, развернулась и пошла к лифту, на ходу толкая руку в рукав шубы. Каблуки громом стучали по гранитному полу, а Куна держалась за живот. Матка сжалась в комок и никак не хотела расслабляться.

Воспитали младшую, всю любовь вложили. Сколько ночей с матерью не спали, сидя возле её кровати и слушая дыхание. Справляются ли слабые межреберные мышцы без лекарства? Качают воздух в легкие? Не задохнется ли во сне? Все самое лучшее ей, все внимание и заботу. В обносках ходили, недоедали, лишь бы Аврелия не чувствовала себя ущербным ребенком. Разбаловали. Куна разбаловала, пока мать ходила на работу, оставив её присматривать за младшей сестрой. Она и сейчас переживала, как полуголая сестра доберется по морозу домой. Простынет ведь и заболит.

Хватит. Больше Куна не будет за ней бегать. Замерзнет один раз — научится тепло одеваться. Поголодает по-настоящему и вместо очередной помады купит на рынке овощей. Приготовит или съест сырыми. Сама.

А у Куны есть Дарион и его нужно везти на горный материк к генетикам, раз уж врачи Центра репродукции не могут с генетическими аномалиями разобраться. Что её держит в Равэнне? Кулинарная академия? Пересдаст зачеты там, сегодня же напишет куратору заявление. И выбросит чип связи из планшета, чтобы любимая сестра навсегда забыла её голос. Так всем будет лучше.

— Дарисса Куна? — тихо позвал Флавий за спиной и она обернулась. — Ушла ваша сестра? Жаль. Я почти уговорил главу отдела дать ей второй шанс. Загорелись они проектом, финансирование у руководства выбили, а искать другую ведущую времени нет. Может быть завтра...

— Не надо, — мотнула головой Куна. — Спасибо вам огромное, лейтенант Прим. Вы столько сделали для нас. Простите меня за сестру, пожалуйста. Бездну времени потратили на ту, что совершенно этого не заслужила. Пусть теперь сама ищет работу. Отделу развития будет лучше с другой ведущей.

Боль прошла, спазм медленно отпускал. Куна убрала руку с живота и шагнула к Флавию. Лейтенант выглядел разбитым и уставшим, будто весь день толкал в гору камень, а он сорвался и улетел вниз. Хороший у Наилия либрарий. Добрый, честный, искренний. И Куна не знала, как загладить перед ним вину.

— Нужно ехать в особняк, дарисса, — вздохнул Флавий, — Его Превосходство волнуется, куда мы пропали так надолго. Я позвоню в отдел развития и объясню ситуацию. Обопритесь об мою руку, вижу вы устали. В машине опустим кресло, чтобы вы могли лечь. Еще успеем на обед в особняке. Палий говорил, что сегодня готовят мясные пироги. Вы любите пироги, дарисса?

Куна кивнула и повисла на руке лейтенанта, медленно шагая к лифту. Теплые куртки Флавий нес с собой, мечтая вслух о десерте из ягод со сливками. Сладости снимали стресс, поднимали настроение и прогоняли прочь желание разрыдаться от боли и обиды. Больше она не будет страдать впустую. И Дариону с Наилием не позволит.

До чего же упрямая мать у Дариона! Нет, она имеет право решать, где жить и куда ехать, но все демоны бездны, он же хотел как лучше!

Генерал сидел в кабинете за рабочим столом и вертел в пальцах гарнитуру. Дрянная связь в горах до сих пор, сколько бы циклов её не налаживали. Облака что ли там ходят грозные и спутник не может пробить их сигналом? Недоступен планшет Аттии, не поговорить с матушкой. Наилий откинулся назад, качнув спинку кресла, и запустил руку в волосы. Отросли пряди на макушке, пора стричься. Проклятье, вылет с космодрома через три дня, не считая сегодняшнего, он ничего не успеет.

Нельзя оставлять Куну одну в особняке. Вернувшись, он точно увидит её мать и сестру в комнатах на третьем этаже. Дождут его женщину, переедут со всеми вещами. Порядки новые установят, виликусами начнут командовать. Кто разрешил? «Моя дочь беременна от генерала!» Кхантор бэй, пока он вернется и начнет разбираться, его уже сделают посмешищем в собственном доме. Тридцатью легионами командует, а трем женщинам позволяет слишком много. Да что там трем. Он Куну не смог уговорить полететь на горный материк, что будет, когда возле каждого уха появится суфлер?

И так любое решение в штыки и через скандал. Как с этим женским отрядом управляться? Взыскание всем объявить? По клеткам родственниц рассадить? Смешно. Правильных выводов мать и сестра не сделают, ударятся в слезы и обиды. Куна на стороне семьи, он уже понял. Не найти у неё поддержки. Хоть насильно забирай и вези к Аттии. Не будь Куна беременна, так бы и поступил. Тьер, нарычать на всех хотелось и по разным углам развести, чтобы рот лишний раз открыть боялись. Сразу тихо станет и спокойно.

Не продержится ведь младшая сестра в особняке долго. Бойцы без женщин маются, а тут молодая и наивная, пальцем помани, сама в постель прыгнет. В первую же ночь невинность потеряет. Вроде бы какое генералу дело, но запрета на близость до восемнадцатого цикла никто не отменял. Похоть и Шуи прекрасно отключают разум. Дарисса утром в слезах, а бойца под трибунал. Вот зачем ставить тарелку с едой перед голодным и надеяться, что он к ней не притронется? Раз не получилось увезти Куну, может её семью с глаз долой убрать? Есть у гражданских переводы в другой сектор или хотя бы длительные внутренние командировки?

Наилий потянулся к планшету, чтобы поискать информацию в Сети, но тут запищала гарнитура.

— Ваше Превосходство, — отчеканил приветствие либрарий. — Мы с дариссой Куной в приемной. Вы свободны? Примете её?

— Да, пусть заходит.

То, что зачет сдала, генерал уже знал, а вот на встрече в Центре вещания они слишком уж задержались. Зубы сводило от любого упоминания семьи Куны, но придется терпеть. Не время сейчас воевать с ними за свою женщину, пусть родит спокойно.

Пока Наилий спешил через вес кабинет до тяжелых дверей, Куна с трудом их открыла, навалившись плечом. Первым в проеме показался беременный живот. Несуществующие боги, уже такой огромный! Что же будет через три месяца, когда генерал вернется из легарской кампании? Наилий поймал дверь и распахнул шире.

— Зачем по Равэнне лишний раз катаешься? Подождала бы меня в особняке. Или что-то случилось?

— Нет, — качнула головой она и прикусила губу, — я поговорить хотела. Можно?

Взгляд виноватый прятала и руки держала на животе. Последние недели так делала, когда нервничала. Толчки Дариона успокаивали.

— Пойдем, сядем, — хмуро ответил генерал и повел её к стульям для посетителей под высокими окнами. Зимнее светило клонилось к горизонту и нещадно било лучами по глазам. Пришлось задернуть тяжелые шторы, чтобы не щуриться друг на друга.

— Я знаю, что так не делают, — пробормотала Куна, не решаясь поднять глаза, — но если еще не поздно, давай улетим на горный материк, Оказывается, зачеты я могу и там сдать, академический отпуск оформить и вообще сделать все, что нужно. Извини, я даже не догадывалась, что так можно. Уперлась рогом и зря на тебя накричала. Прости, Наилий.

Лучше поздно, чем никогда, конечно, но он уже приказал вывести мебель на реставрацию и законсервировать дом. Там сейчас голые стены и ветер гуляет по дровняку. Чем топиться? Сухпак с собой возьмет, но Куна нужно другое питание. Собирался договориться с женщинами из деревни Аттии, чтобы они возили сыр, творог, свежее мясо и не стал. Тьер, и Аттия куда-то пропала! Хоть через Марка её разыскивай.

Генерал устало выдохнул и сел на соседний стул, вытянув ноги. Куна молчала, испуганно сжавшись в комочек и баюкая на руках еще не родившегося сына.

— Ты очень резко передумала оставаться в Равэнне, — мягко сказал Наилий. — От кого сбежать собралась?

— От сестры, — всхлипнула она и заморгала, вытирая влагу под носом. Когда с мороза в тепло заходишь, всегда так, только Куна не болела простудой. Плакала?

— Опять поругались?

— Да. И, кажется, теперь насовсем. Флавий старался, а она хвостом махнула. Работы много, условия не нравятся. Захотела отдельное шоу, а потом просто ушла. Так стыдно, ты не представляешь.

— Представляю, — кивнул генерал и обнял Куну за плечи. — У некоторых цзы'дарийцев особый талант разрушать свою жизнь. Им нельзя помочь, даже если очень хочется. Это тяжело, но нужно просто отступить, не вмешиваться. Вселенная сама их воспитает.

Куна всхлипывала и доверчиво прижималась к Наилию. Маленькая, слабая, незащитная. Всерьез решила, что он будет ругаться? Следовало бы, наверное. С самого начало было ясно, что затея бессмысленная. Избалованные дети не хотят работать, им лишь бы развлекаться. Но Куна не хотела слушать, зато сейчас убедилась. Увозить её нужно. Хватит испытывать организм на прочность нервными нагрузками.

— Полетим завтра утром. Если дом не успеют подготовить, остановимся у Марка. Генерала девятого сектора. Он мой друг, мы выросли в одном интернате. Найдем Аттию и тогда я успокоюсь. Времени мало, но я надеюсь устроить вас обеих в своем бывшем доме. Я получил его вместе со званием капитана, командовал летными отрядами патрульных в одном из легионов. Потом базу закрыли, меня перевели, выдали другое жилье, и дом долго стоял пустым. Теперь он наш с тобой. Лаборатория генетики в полчаса езды. В деревне рядом есть гражданский медпункт, он гораздо ближе.

Куна, наконец, подняла на него блестящие от влаги глаза. Широко распахнутые, как у ребенка.

— Ты вернешься потом за мной?

— Конечно, — улыбнулся генерал и поцеловал её в лоб, — ни за что не пропущу рождение нашего сына. Если тебе запретят летать, отвезу к тем же генетикам. В лаборатории до сих пор работает врач, принимавший роды у суррогатных матерей. Прекрасный специалист. Я расскажу больше, когда доберемся до горного материка, а пока езжай в особняк и собирай вещи. Флавий проводит, я буду только к ночи. Надо закончить дела.

— Хорошо, — кивнула Куна, нехотя выбираясь из объятий, — постараюсь обойтись минимумом багажа.

— Наоборот. Бери все, что может понадобится. Там не будет столичных торговых центров, деревня глубоко в горах. Багаж — меньшая проблема, чем попытки купить что-то специфическое.

Куна снова кивнула, теперь на прощание, и генерал проводил её, открыв тяжелую дверь. Разница во времени с горным материком — от шести до восьми часов, все уже спят, ни до кого не дозвониться. Придется отправлять своих.

— Рэм, — позвал он в гарнитуру, набрав номер охраны особняка. — Дом уже законсервировали?

— Никак нет, Ваше Превосходство, — бодро ответил капитан, — не успели. Виноват.

Генерал выдохнул. Никогда еще так не радовался нерасторопности подчиненных. Одна проблема исчезла сама, остался еще десяток.

— Отставить тогда. Возьми бойцов и вылетай на место. Уголь, дрова, продукты, как планировали. Я полечу следом завтра утром.

— Есть.

Голос начальника личной охраны даже не дрогнул. Будто сидел и ждал приказа срываться в ночь на другой материк. Наилий вдруг представил его хищно загнутый нос, маленькие глаза и застывшее на лице выражение холодной отстраненности. Три цикла прошло с тех пор, как освободили его из плена гнарошей, а капитан так и не ожил. У дрона-уборщика больше эмоций. Зато преданней охранника не найти.

— Рэм, оставь одного бойца помочь с багажом. Отправь его к дариссе Куне на третий этаж.

— Есть, — таким же пустым и отстраненным тоном ответил капитан.

Беспорядок в спальне не хуже, чем у Аврелии, когда она в Центр вещания собиралась. Куна разложила вещи по кровати, поставила обувь на пол, открыла все чемоданы и никак не могла решить — что взять, а что оставить. Генеральское «бери все» только сбивало. Уезжает ведь максимум на три месяца, зачем все? Конечно, военная компания не полет на учения, там нельзя закончить побыстрее, если захочется. Но неужели придется остаться на другом материке и рожать там?

Роды пугали хуже ночных кошмаров. Насмотрелась художественных фильмов, где женщины в родзалах кричали так, будто их пытали, наслушалась рассказов матери о невыносимой боли и страданиях. «Никогда не рожай, дочка. Оно того не стоит». Но ведь Дарион там не останется, придется рожать. И если Наилий не успеет вернуться, то нужны детские вещи, которых нет. Не в свои же платья заматывать младенца.

В дверь деликатно постучали, и Куна бросилась открывать.

— Палий?

В коридоре смущенно переминался с ноги на ногу рядовой в военном комбинезоне с нашивкой службы охраны. Чуть выше Наилия, коротко стриженный «под кадета» и с такой невероятной улыбкой, что Куна замерла.

Летнее светило, пробившееся лучами сквозь заснеженные ветви деревьев. Рыжее, теплое, озорное. Никогда не видела его в особняке. Новенький?

— Меня зовут Амадей, дарисса, я пришел забрать багаж.

Совсем юный голос прокатился вибрацией по телу и смешно защекотал в носу. Так кричали мальчишки от радости, когда строем ходили по городскому парку, выбравшись из-за стен училища. Щебет птиц, перестук речной гальки, шум волны, накатывающей на берег. Куна утонула в нем. Не чувствовала ладонью шершавое полотно двери, мягкий ворс ковра под ногами. Тусклое серебро его взгляда напоминало Тарс, укрывающий прибором, как одеялом. Откуда ты такой взялся, Амадей?

— Он еще... — начала Куна и забыла, что хотела сказать.

— Не готов, — подсказал рядовой, мельком заглянув в спальню через её плечо. — Я могу помочь.

— Не надо!

От паники голос взлетел к высоким нотам и рухнул в безмолвие. Куна вцепилась в дверь, скрипнув влажными пальцами по отполированному дереву. Качнулась назад и чуть не упала. Надо же, ноги не держали. Неуклюжей стала, как медведица или как беременная с отеками.

— Вам плохо, дарисса?

Он бросился ловить, сомкнув пальцы на плече чуть выше локтя, и волны Тарса накрыли с головой. Так обнимает прогретая светилком вода, если нырнуть, сев на корточки. Мир сквозь нее становится другим. Простым, понятным и своим.

— Отпустите, — через силу попросила Куна, — все хорошо, я скоро закончу.

Не могла спрятаться от его взгляда, куда только не вертела головой. Пятилась назад, путаясь ступнями в ворсе ковра. Пусть уходит, а то она так и будет нести чушь, барахтаясь в ковре посреди спальни.

— Извините, — сконфуженно пробормотал Амадей, — я подожду снаружи.

Сам чуть не запнулся на ровном месте и спиной вывалился в проем двери.

— Я буду рядом, если что. Зовите!

Воды Тарса схлынули вслед за ним, спрятавшись за закрытой дверью, а Куна дрожала, будто от холода, жалея, что несуществующий ветер уносит остатки тепла. До чего же глупо получилось. У рядового приказ, он пришел по делу, а она мямлила и кривлялась хуже малолетней курсистки, впервые увидевшей мужчину. Ну, симпатичный, даже красивый со своими большими глазами, аккуратным подбородком и плавным изгибом скул. Но больше ведь ничего нет. Кроме голоса.

— Хватит, — сама на себя фыркнула Куна и зло потерла лицо, мечтая убрать наваждение, как прилипшую паутину. Совершенно обычный охранник и незачем снова и снова вспоминать те несколько слов. «Меня зовут Амадей, дарисса». Амадей. Амадей.

— Бездна, да что это? — простонала она, добравшись до кресла. Кожаная обивка разгоряченному телу показалась ледяной, но сейчас это спасало. Остыть нужно и все пройдет. Обязательно!

Уговоры помогли. Куна отвлеклась, запихивая в чемоданы все, что попадалось под руку. Не до аккуратных стопок и экономии пространства, лишь бы молния по бокам застегнулась. Осторожно открыла дверь и молча толкнула прочь первый чемодан, не глядя на рядового, схватившего его чуть ли не с благодарностью.

Она улетает и за три месяца гарантированно его забудет. Даже имя. Не нужен ей никто кроме Наилия и Дариона. Поздно.

— Забирайте остальное, я в столовую пошла, — коротко выпалила Куна и сбежала.

Ночью Куна снилась диспетчерская и отчет, который она никак не могла сдать в срок. Не успевала. Регина маячила черной тенью за спиной и меньше всего хотелось её разочаровывать. А цифры как назло уползали в другие колонки, теряли запятые в десятичных знаках или вовсе пропадали. Заплакать от бессилия она не успела, проснулась тяжело дыша. На пустом месте рядом лежал её планшет с сообщением от генерала: «Разбужу вовремя, но если сама проснешься раньше, выходи во двор к машине».

Багаж еще вчера уехал на аэродром, Куна оставила только те вещи, в которых полетит. Звонить домой и прощаться не хотелось. Аврелия писала злые письма, обвиняя во всем, что могла придумать, а мать просто молчала. Выбрасывать чип связи Куна не передумала, решила отложить до горного материка.

Вчерашняя реакция на Амадея поутру казалось сном и еще большей глупостью. Как же она была счастлива, выйдя во двор и не увидев ни на одном посту молодого охранника с голосом полноводного Тарса. Нет, она не влюбилась! Совершенно точно, определенно и без единого шанса. Многие успела пересмотреть из того, что с детства вдалбливала в голову мать, но настоящей потаскухой она никогда не станет! Мужчина должен быть один. И у неё он уже был. Хозяин пятого сектора. Отец Дариона.

— Дарисса! — помахал рукой Нурий и открыл дверь внедорожника, одновременно с ним запищала гарнитура

— Я уже во дворе, — выпалила в микрофон Куна, не сомневаясь, кто звонил. Отвечала на ходу, нырнув под густой снегопад. Бушевавшая сутки буря стихла, и крупные хлопья лениво падали из черных ночных облаков, обещая теплый день на Равнине. Как будет в горах?

— А я на аэродроме, — ответил генерал, — проблема у нас с пилотами, сам за штурвал сяду. Нурий довезет тебя.

— Что-то серьезное?

— Нет, — сдержанно ответил генерал, — учения у них, весь резерв в полях, а дергать патрульных с маршрута я не хочу. Жду тебя. Отбой.

Куна сняла гарнитуру с уха и еще долго на неё смотрела. Наилий, привыкший, что его возит водитель, катером управляет пилот и повсюду сопровождает охрана, вдруг пожалел бойцов из патруля. Не может быть! Снова заговор молчания?

Снегопад усилился, укладывая ровный слой пушистых хлопьев на крышу и капот автомобиля. Дорожки в особняке всегда скоблили лопатами до самых плит, но сугробы на газонах за ночь выросли не хуже грибов после дождя. В бурю нельзя летать, это Куна помнила еще с той ночи в катере, и в густом снегу не намного безопаснее. Но если они не улетят сейчас, то останутся на равнине. Не поэтому ли Наилий сел за штурвал? Пошел наперекор запрету и взял на себя ответственность.

— Мы спешим, дарисса, — напомнил Нурий, кивая в салон внедорожника.

Куна подобрала длинные полы утепленной куртки и нырнула в тепло, пахнущее новой кожей и едва ощутимо топливом. С переднего сидения для пассажира обернулся и расцвел улыбкой Амадей.

Несуществующие боги, да будь он проклят! Прошептал её имя, приветствуя, а Куна чуть не выпрыгнула из машины. Даже дверь толкнула, но Нурий нажал снаружи сильнее и захлопнул её. Торопился водитель, на своё место запрыгнул, не отряхнув ноги от снега.

— Амадей, ты лопаты взял?

— Так точно. Но думаю, копать не придется. Не застрянем.

— Это уж как повезет, — проворчал Нурий, выезжая на дорожку до главных ворот. — Снег сыплет и сыплет, а бульдозер уже уехал чистить подъезды к базам.

— Его Превосходство утром возили, только в одном месте до трассы переметы видели, — жизнерадостно ответил охранник.

— Вот там сейчас и сядем, — зло оборвал Нурий, добавляя газ.

Крупные снежинки врезались в лобовое стекло и гибли под щетками дворников, размазываясь густой мокрой кашей. Завесу снегопада фары не пробивали дальше капота. Мужчины затихли, вглядываясь в едва заметную на снегу колею. А потом на дорогу начали напозать первые переметы.

— Пристегнитесь, дарисса, — попросил водитель, — сейчас будет трясти.

Куна пристегнулась сразу же, как села в машину, Наилий приучил. И теперь только сильнее вцепилась в ремень, чувствуя, с каким трудом под днищем в снегу проворачиваются колеса. Внедорожник греб из-под себя, как зверь лапами, недовольно ворча высокими оборотами двигателя. Переметы лежали островками, давая короткие передышки на ровных, незанесенных участках. Но каждый следующий сугроб был выше предыдущего. Колеса поднимали фонтаны снега, и он водой уже заливал капот.

— Стой, Нурий! — вскрикнул Амадей, хватаясь за ручку над окном. — Влетим же!

— Разобьем, снег легкий.

Внедорожник с глухим стуком врезался в перемет. Снег волной цунами поднялся до крыши и рухнул на лобовое стекло, наглухо его запечатав. Нурий вел вслепую, дворники не успевали разгрести снег, как сверху обрушивалась следующая волна. Куна чуть не закричала от испуга, но не смогла закрыть глаза. Отчаянная смелость водителя завораживала до нездорового восторга. Нурий будто понимал, куда несется автомобиль и твердо держал его на дороге. Переметы оборвались внезапно, внедорожник сбавил ход, стряхивая дворниками снег и Куна снова увидела мутную завесу снегопада.

— Уфф, мощно прокатились, — выдохнул Амадей, щелкая ремнем и поворачиваясь назад, — дарисса вы в порядке?

У него ужас плескался в глазах, но улыбался охранник еще шире, чем вчера. Пьяный от радости и безумно красивый. Весь нараспашку и свободнее вольного Тарса. Будто не жил по Инструкции в одинаковой для всех форме, не ходил строем по плацу и не отвечал бесконечно: «есть» и «так точно».

Для счастья не нужны генеральские погоны, сектор и тридцать три легиона. Оно всегда внутри и мы сами запираем его в клетку долга, обязательств, ответственности. Насильно перетаскивая туда еще и тех, кто рядом.

Простая дарисса из рабочего квартала мячиком прыгала по сектору и теперь летела на другой материк. А могла остаться дома, как Регина, и каждый вечер встречать любимого

мужчину со службы, накрыв стол на маленькой кухне. Тихо. Спокойно. Как все.

Но Равэнна исчезла за спиной, Дарион спал в животе и генерал ждал на аэродроме.

— Все хорошо, — через силу улыбнулась Куна, — не беспокойтесь.

Лампочки приборов воздушного катера моргали зеленым. Топливные баки под завязку, все системы исправны. Механик сдавал машину с проблеском гордости в глазах, а вот с диспетчерской Наилий зря поругался. Дело даже не в Инструкции, а в здравом смысле. Снеговым облакам плевать на мастерство пилота, будь генерал трижды гением, рисковал он совершенно безрассудно. Еще и потащил к себе на борт беременную Куна.

Диспетчер два раза запрещал взлет, зло отчитал пилота, даже зная, кто за штурвалом. Наилий понимал, что безымянный «Вышка-4» во всем прав, но к рассвету подул ветер с Тарса, уводя облака вглубь равнины.

— Борт 5-13-18, это вышка-4, - вышел на связь диспетчер, — взлет разрешаю.

— Вас понял, вышка-4. Спасибо.

Напряжение пропало с последними снежинками, упавшими на лобовое стекло катера. Генерал снял наушники и вышел из кабины. Внедорожник привез на аэродром Куна.

Устала в дороге, Нурий помогал выбраться из машины, а рядом бестолково суетился молодой охранник. Толковых бойцов Рэм в горы забрал, а женщину генерала оставил со вчерашним кадетом. Тьер, нашел с кем!

— Ваше Превосходство, — поднявшись на борт, военные хором поприветствовали генерала, а Куна удивленно уставилась на Публия. Лейтенант ждал её, облокотившись на санитарные носилки для перевозки лежащих больных. В хвосте катера для них предусмотрели специальные крепления и штангу с занавеской.

— Ложитесь, дарисса, — военврач приглашающе похлопал по носилкам, — перелет долгий, погодные условия сложные.

Куна попятилась назад, упрямо закусив нижнюю губу. Генерал уже догадался, что сейчас будет, но все еще наивно надеялся на чудо. Напрасно.

— Я здорова, могу лететь сидя, — тихо сказала беременная, повернувшись к нему. — Пожалуйста, Ваше Превосходство, не нужно носилок.

И вроде бы не спорит, а просит, но дергает от этого лишь сильнее. Все в штыки. Буквально. Будто он — главный монстр сектора, мечтающий навредить своей женщине. Кажется, скоро руку подаст, чтобы помочь сесть в машину и услышит отказ. Несуществующие боги, за что?

Да, генерал бывал резок и груб, но меры Куна не знала. Как в том примечании к заявке на нилота вскипала бурей негодования и выливалась все на голову. Зло и упрямо. До сих пор не могла простить сцены в номере гостинцы, когда заставил раздеваться? Он давно извинился, что еще нужно сделать?

— Нет, Куна, — холодно ответил Наилий, чувствуя, что еще одно возражение, и он потащит её на носилки сам, — так будет лучше для ребенка.

Глаза опустила, но кулаков не разжала. Сгорбилась, словно ждала удара и молчала. Генерал замер, чувствуя, как течет ядом по крови адреналин. Слишком много хапнул, пока ждал хорошую погоду. Не мог успокоиться и снова приходилось сражаться со своей женщиной. Время на полет таяло, в горах надо сесть до темноты, они и так летят на восток, уменьшая день. Все ждут, Куна молчит, а рядом страдает охранник.

Не привык мальчишка к капризам любовниц генерала. В училище из любви и заботы о

женщине делали культ. Служба, боевые операции, полеты в космос — все ради благополучия семьи, оставшейся на Дарии. Ради женщин. Любимых, дочерей, матери, сестер. Куна беременна, расстроена, а генерал заставляет делать то, чего она не хочет. Зачем? Это же мелочь, ерунда, почему не уступить?

Не понимал мальчишка, жалел Куну, украдкой поглядывая на неё и не зная, чем помочь. С той детской добротой, когда сердце отзывается на чужую боль, как на свою собственную. Сострадательно, порывисто. Не то, что закованный в броню генерал, который умеет только приказывать. Старый, циничный, черствый.

А женщины все чувствуют и безошибочно тянутся к тем, кто на их стороне, будоража инстинкт защитника. Толкая на безрассудства. Мальчишка уже рот открыл и воздуха глотнул, чтобы заступиться за чужую женщину, но Публий оказался быстрее.

— Его Превосходство прав, дарисса. Военный катер — не гражданский транспортник, здесь нет удобных кресел и вежливых стюардесс. Восемь часов на жестком сидении даже мужчине тяжело выдержать. У вас поднимется тонус матки, появится угроза выкидыша. Этого хотите?

Умел военврач пугать так, чтобы Куна сделала как надо, но не ударилась в панику. И все равно генералу было неприятно, что сдалась не ему, а Публию. Виновато качнула головой и пошла к носилкам.

— Бойцы, помогите, — позвал Публий рядовых, сноровисто фиксируя пациентку ремнями. Не взял с собой санитаров и по привычке командовал всеми, кто подворачивался под руку. Нурий уже стоял у носилок, а мальчишка только очнулся, хлопая глазами. Беспокойство в них стало острее. С такой нежностью помогал крепить носилки в пазы на днище и закрывал Куну занавеской, что к адреналину генерала острой приправой добавилась ревность. Надо будет спросить у Рэма, как он набирает пополнение.

— Спасибо, бойцы, свободны, — улыбнулся военврач и сел рядом с носилками, — мы готовы, Ваше Превосходство.

— Прекрасно, — кивнул генерал, одновременно прощаясь с рядовыми, — взлетаем.

Светило плыло над океаном ровным золотым диском. Слишком маленькое для бескрайнего неба, но яркое и притягательное. Руки генерала тянулись к штурвалу, чтобы отключить автопилот и полететь прямо к нему. Оно манило пламенем и свободой. Чем выше от земли, тем меньше преград и ненужных мыслей. Так летают птицы, а у него вместо крыльев — катер.

Говорили, за всю жизнь — одна страсть и, может быть, свою он нашел слишком рано. Таким же беспокойным утром в горном интернате, когда впервые поднял катер в небо. Тот первый восторг ничем не перебить, даже издали не взглянуть. Казалось, небо заменит все, что искал мятежный мальчишка и ответит на все вопросы. Нет семьи? И не нужно. Она для тех, кто ходит по земле и смотрит только под ноги. Он другой. Генетически.

Штурвал на себя и носом вверх. Курсом строго на светило.

Он забрался на свою гору, дотянулся до звезд, рассыпав их свет искрами на генеральские погоны. И что теперь?

Небо молчало, все так же катая светило с востока на запад. А Наилий не мог разобраться, что нужно одной единственной женщине. И все чаще казалось, что кто угодно,

только не он.

Публий докладывал состояние пациентки, прокравшись в кабину со спины и постучав пальцем по наушникам генерала. Наилий спускал одно «ухо» и кивал в ответ на: «Все хорошо». Куна легко переносила полет и большую часть дороги спала. Немного осталась, дотерпит.

Горы вырастали впереди черными зубами из синей глади океана. Светило уходило, согревая горизонт остатками света. На заброшенном аэродроме не будет посадочных огней, только прожектор с крыши военного внедорожника. Ни один пилот пятого сектора не сядет в таких условиях, а генерал мог. За семь циклов на патрульном катере хорошо узнал и полюбил эти горы. Они ждали его домой.

— Вышка Запад-2, это борт 5-13-18, - сказал Наилий в микрофон по привычке, не надеясь услышать ответ. Полет над девятым сектором согласовали заранее, и последний диспетчер проводил генерала до границы своей зоны полчаса назад. В пустой башне аэродрома разве что призраки сидели за пультом. Но волна радиоэфира неожиданно заскрипела помехами и знакомый голос капитана Рэма проскрежетал:

— Борт 5-13-18, это вышка Запад-2, вижу вас, посадку разрешаю.

Генерал усмехнулся. Ай, да Рэм. Оборудования связи на вышке не осталось, но раздобыть радиостанцию и выйти на нужную частоту капитан смог. Моральная поддержка тоже пригодится. Оставалось попросить несуществующих богов, чтобы помогли сесть.

Или шепотом поругаться на самого себя. Тоже помогало.

Океан в иллюминаторе воздушного катера Куна так и не увидела. Наилий решил доставить её на другой материк, как очень ценный груз — тщательно зафиксировав. Совершенно бессмысленно, но генерал никогда её не слушал. Обещал советоваться после ссоры из-за переезда и двух дней не выдержал. Носилки, ремни и нянька в погонах лейтенанта. Будто она — ребенок и не может о себе позаботиться. Куна надеялась на здравый смысл военного врача, но Публий неожиданно уперся сильнее Наилия. Нет, ей не нужна угроза выкидыша и спорить с врачом — себе дороже, поэтому пришлось подчиниться.

И отворачиваться потом, пряча пунцовое лицо от взволнованного Амадея. Простите, рядовой, иногда генералы обращаются со своими женщинами так, будто они — багаж. Куна себя живой в тот момент не чувствовала. О какой свободе и самостоятельности мечтала? Инкубатор для ребенка и только.

Лежа на носилках укачивало и Куна проваливалась в сон постоянно, убаюканная шумом медицинской аппаратуры. Публий себя не сдерживал: датчик сердцебиения матери, отдельный на ремне вокруг живота для Дариона, манжета тонометра на плече, лазерный термометр, выстреливающий сдвоенным лучом прямо в лоб, и целая станция обработки результатов. Все это шипело, попискивало и подмигивало индикаторами.

— Дарисса, — позвал лейтенант, тронув за плечо, — просыпайтесь, мы сели.

В кабине тускло горело дежурное освещение, иллюминатор будто вымазали черной краской, а в дверях кабины, облокотившись на косяк, стоял генерал.

— Как себя чувствуешь?

— Нормально, — пробормотала Куна, кое-как спустив ноги с каталки. Тело словно ватой обложили и хорошенько распарили в летнюю жару. — Теперь мне можно пройтись?

Спросила ровно и без претензии, но Наилий снова нахмурился.

— В горах ночью не стоит. Потерпи, завтра нагуляешься.

Дернули же демоны за язык! Она восемь часов спала, а генерал сидел за штурвалом. Сказать бы спасибо и промолчать, но Наилий уже открыл дверь и выпрыгнул из кабины. Снаружи в пятне желтого света кто-то проскрежетал:

— Ваше Превосходство, с прибытием!

— Со мной лейтенант Назо и медицинское оборудование. Доставишь их в Нарт.

— Есть.

Публий помог спуститься, и Куна охнула, чуть не утонув в пушистом снегу. В Равэнне ночью никогда не было темно. Свет от уличных фонарей и окон домов накрывал город теплой прозрачной шапкой, а здесь за границами прожектора будто бездна начиналась. Черная, холодная, непроглядная. И звезды на небе в ней мерцали как заблудшие души.

Генерал переговаривался с лысым начальником охраны, Публий попрощался и ушел упаковывать оборудование, а знакомый по особняку рядовой открыл дверь внедорожника.

— Садитесь, дарисса.

Ехать далеко не пришлось. Дом генерала стоял на пригорке сразу за жилыми корпусами для персонала аэродрома. «Для личного состава», поправила себя Куна и выдохнула теплое облачко на окно автомобиля. Еще один новый дом. Четвертый по счету. Такой же холодный и безжизненный как остальные. Кто-то оставил на крыльце свет, но его едва хватало, чтобы разглядеть контуры жилища генерала. Двухэтажное, маленькое, деревянное.

Пока охрана заносила чемоданы через вторую дверь, Наилий повел Куну к крыльцу. Перчатки она, выходя из машины, забыла надеть, а генерал и не носил никогда. Тепло его ладони таяло на ветру, мороз норовил забраться под куртку, а снег оглушительно хрустел под сапогами.

— Дом отремонтировали, — рассказывал Наилий, поднимаясь по ступеням, — вода, тепло и электричество больше не пропадут в самый неподходящий момент. Тебе придется только следить за котлом. Выгрести золу и подкладывать в огонь поленья. Если станет тяжело — позвони Рэму, он пришлет кого-нибудь в помощь. Генетики будут отправлять за тобой машину из лаборатории, а с поездками в соседний Нарт завтра решим. Ну, заходи, располагайся.

Хозяин дома широко распахнул дверь и щелкнул выключателем. Над просторной гостиной загорелась люстра — пять ламп внутри клубка из тонких полосок коры, склеенных, будто дети баловались. Теплый свет окутал деревянные стены, выложенный из камня огромный камин, простой диван, застеленный шерстяным покрывалом и половик с узором из красных полос и белых треугольников.

К стенам прижимались стеллажи и полки с книгами, карабкались под самую крышу. В доме пахло пылью и свежим деревом. Казалось, делая мебель, его никто не обрабатывал, но стоило подойти ближе, и Куна заметила тончайший слой лака, заботливо обновленный совсем недавно. И грубую кладку камина отполировали, будто уговаривая дом смягчиться. А получилось ведь. Ожил деревянный исполин, принял в свои объятия.

Дышалось здесь легко и радостно. Хотелось трогать каждую мелочь, гладить ладонями камень, рисовать пальцами прожилки на дереве. Ни одной купленной в гигантском торговом центре вещи. Даже шторы и подушки на диване из домотканной материи. Когда нити чуть-чуть провисают и бугрятся пушистыми прожилками.

— Моя соседка так умела, — Куна с улыбкой обняла вышитую подушку, — хотела меня

научить, но я сбегала с уроков, глупая. Казалось скучным сидеть полдня с иголкой в руках, а сейчас бы с удовольствием распутывала цветные нити и выкладывала стежками цветы. Красиво очень, настоящая мастерица шила.

— Это Аттия, — ответил генерал, — завтра я вас познакомлю.

Куна обернулась на голос и улыбнулась еще шире. Наилей порозовел в жарко натопленном доме. Снежинки на длинной челке растаяли, и вода капала на веснушчатый нос. Льдистые глаза светились, а вместо хмурой складки на переносице появились ямочки на щеках. Улыбка полководца снова сотворила с ним маленькое чудо. Но на этот раз стоило сказать спасибо всему дому. Горный мальчик вернулся таким же молодым, как шесть циклов назад, когда на плечи еще не давили генеральские погоны, а он не прятался за обращением «Ваше Превосходство».

— Тебе здесь нравится, Куна?

— Конечно. Дом чудесный! Тут все дышит и живет. Столько книг и ни одной телевизионной панели. А люстра! Скажи, кто делал люстру?

— Мы с Марком, — смущенно признался генерал, — вернулись с учений, уставшие и грязные как дарлибы. Пока по дому крутились, Сципион раздражался на лампочки: «Глаза выжигают! Ты плафоны разбил или потерял?» До того меня задолбил, что я вырвал проводку и смотал лампочки гирляндой. Кору надергали с поленьев в дровянике, клеили силиконовым герметиком. Утром проснулись, а там такой ужас, что хоть не смотри. Хотел выбросить, но оставил хохмы ради. До сих пор висит.

— И пусть висит, — расцвела Куна, падая на диван и задирая голову, чтобы получше рассмотреть творение двух генералов. — А можно я сегодня прямо здесь спать буду?

— Как хочешь, — согласился Наилей, — отдыхай, мне нужно отпустить охрану.

Куна ждала, что сядет рядом или хотя бы подойдет, но генерал вдруг потускнел, развернулся и ушел, впустив в гостиную холод с улицы. Сквозняк дрожью добрался от ступней до колен и выше к заколотившемуся сердцу. Что-то не так, но разве Наилей объяснит, что?

Обратно в гостиную генерал так и не вернулся. Куна слышала, как хлопает дверь, поскрипывают ступени лестницы, переливается трелями гарнитура. Наилий ходил по дому, будто забыв, что приехал не один. Коротко и сухо отдавал приказы в гарнитуру, гремел посудой на кухне, а потом поднялся под крышу и дом затих.

Куна лежала на диване, накрывшись теплой курткой, и проклинала себя. Наилий перестарался с медицинскими носилками, а она с упрямством. И ведь могла остановиться, но продолжала недовольно поджимать губы. Доподжималась.

Думала, взрослые мужчины не умеют обижаться. Наилий мог нарычать или наоборот замкнуться в себе и застыть каменной статуей, но никогда раньше вот так не прятался. Словно вычеркнул её из своей жизни. Приказом перевел в другой сектор и забыл.

Как мать, когда выгнала из дома. Сестра, кричавшая, чтоб больше не звонила. Куна нервно достала из сумки планшет и долго царапала крышку, чтобы добраться до чипа связи. Ногти срывались с пластика, не попадая в нужный зазор. Девайс дважды падал на пол, чудом не разлетевшись на куски. Наконец, достав чип, Куна переломила его пополам и выдохнула.

Прекрасно! Если она никому не нужна, то не выйдет из гостиной. Так и будет сидеть на диване, пока не родит. Всю жизнь за других волновалась больше чем за себя и где в итоге оказалась? В пустом доме на заброшенном аэродроме рядом с мужчиной, которому на неё наплевать. Привез, бросил, молча хлопнул дверью и ушел. Генерал. Или делай, как он хочет или убирайся с глаз долой! Хватит, надоело! Пусть сам катится в бездну! В самую глубокую и черную бездну!

Куна вскочила с дивана, и рванула к выключателю на стене. Хлопнула по кнопке так громко, что эхо защелкало в ответ, словно Регина, неодобрительно цокающая языком. Темнота обрушилась непроницаемая, без единой искорки света. Горы заслоняли белый диск спутника в небе, а звезд было слишком мало. Послала Наилия в бездну и сама там оказалась. Одна. Глупая, маленькая, непослушная девочка.

Регина предупреждала, что с мужчинами осторожнее надо, объясняла, рассказывала, но вспомнились нужные слова только сейчас. Старшая смены никогда не ругалась с Лавром даже по мелочам. Умела ладить с отцом своего ребенка. А Куна как мать. Скандал за скандалом и в итоге одна. Умудрилась залезть в ту же самую ловушку. Лучше других знала, каково растить ребенка без мужчины и до чего довела их с Наилием.

В темноте, как под водой теряешься. Бестолково шарить руками, не понимая, где верх, а где низ и на что натыкаешься. Куна наощупь брела к двери, и в каждом шорохе слышался шепот соседок за спиной у матери: «От хороших женщин не уходят. Хозяйка, наверное, дрянная. Еще бы её не бросили с таким-то характером. Запустила себя, мужик и нашел покрасивее. Бороться надо за своё счастье. Дочерей жалко, такими же вырастут. Негодными. Беспольными. Не нужными никому».

— Не нужными никому, — повторила Куна и толкнула дверь в коридор. В окне над лестницей отражался уличный светильник, пересчитывая бликами отполированные ступени. Серебряная дорожка стелилась от половика под ногами строго вверх. Туда, где спал Наилий. Он улетит в космос завтра и будет слишком поздно объясняться. Нужно сейчас.

Куна поднялась на первую ступеньку и погладила живот. Она не оставит Дариона без

отца. Не повторит судьбу матери. Прикусит язык, и на любую фразу генерала будет отвечать: «Да, хорошо, конечно». Жить там, где скажет, думать, как он хочет, общаться с кем разрешит. Лишь бы снова не отвернулся.

Ступеньки поскрипывали под тяжестью шагов, Куна цеплялась за перила, чтобы в темноте не оступиться. Зря не переделалась в домашнее. Натопили дом жарко, все тепло поднялось вверх, и от духоты кружилась голова. Во рту пересохло, язык прилипал к небу. Встанет сейчас перед Наилием и ни слова сказать не сможет.

Спальню генерал не запер, зажег лампу на тумбочке и лежал поперек кровати, широко раскинув руки. Кисловатый запах Шуи витал над генералом и заставлял морщиться. Напился. И должно быть сильно, потому что раздеться не успел. Рубашку снял, а комбинезон оставил на бедрах.

Куна села рядом с ним на кровать и вздохнула. Вот и поговорили. Даже если сейчас разбудить — слушать не станет. Сонно кивнет и перевернется на бок. Пусть отоспится. Ему завтра еще лететь обратно те же восемь часов. Раздеть только нужно.

Черная ткань почти не шуршала, но с бедер снималась неохотно. Наилий не позволял раньше себя раздевать, в липучках и потайных застежках Куна не разбиралась, просто тащила штанины вниз. Хорошо хоть разулся. Поднимать его за ноги и ворчать на кровати Куна не решилась. Укрыла пледом и потушила лампу.

Утром генерала разбудил аромат жареных лепешек. После Шуи хотелось пить, и аппетит проснулся как у кадета-недокормыша. Куна готовила, оставив его в кровати одного. Помнил, как пришла и раздела, а потом спала рядом, забравшись под бок. Еще одно проклятие жертвы генетического эксперимента: сколько не пей Шуи, все будешь помнить даже на грани глубокой отключки. Руки иногда хотелось оторвать генетикам за такие подарки. Собирались на поток поставить, но в высшей степени странная реакция на сыворотку, снимающую эффект от Шуи, заставила передумать. Тьер, а ему теперь не напиться до вонючих дарлибов!

Время поджимало. Завтракали с Куной почти на бегу, еще быстрее Наилий объяснял, как обращаться с котлом отопления. Хвала несуществующим богам, отличница образовательных курсов физику знала, и объяснения про тягу и задвижки в котле получились короткими. Дров рядовые в подсобку натаскали достаточно. Нарубили четко под размер топки. Углем, конечно, лучше, но он слишком тяжелый для беременной женщины, а надо помнить про метели на горном перевале. Аэродром заброшен, чистить будут в последнюю очередь и Куне придется сидеть в доме, как в клетке, не выходя на улицу целыми днями.

Проблема с транспортом, наконец, решилась. Подруга Аттии согласилась возить Куну на снегоходе до Нарта и обратно в обмен на щедрый подарок для города по медицинской части. И теперь оставалось только дожидаться гостей.

Женщины приехали даже раньше, чем обещали. Припарковали снегоход на заднем дворе дома, пробравшись на территорию аэродрома через выломанные ворота. И пока Наилий шел к ним по снегу, гости расстегивали капюшоны курток и снимали вязаные маски. Белые, как у горных подразделений, но из козьей шерсти вместо термосинтетики.

Аттия не изменилась за циклы, старость по-прежнему обходила её стороной, лишь слегка царапнув морщинами уголки глаз и проредив когда-то густые волосы. Матушка. Даже

сказанное в мыслях слово грело пушистым шарфом и рукавицами, а на лицо лезла глупая улыбка. Её мудрости и любви хватало на всех кадетов горного интерната, но «лабораторные» сбегали к ней в деревню чаще других. С того дня, когда у Наилия появился шрам под бровью и до последнего стука сердца хотелось обнять Аттю и не отпускать.

— Матушка.

— Мальчик мой.

Она потянулась обнять, укутав ароматом козьего пуха, свежего молока и сушеных трав. Погладила по щеке холодными с мороза пальцами и потрепала генерала за волосы, как мальчишку. Подруга стояла рядом и ждала приветствия, не догадываясь, какие погоны под военной круткой на плечах у хозяина дома.

— Дарисса Глория, меня зовут Наилий, очень рад знакомству.

Генерал коснулся губами обветренной кожи, почувствовал мозоли на широкой ладони. Равэнские красавицы казались избалованными неженками рядом с женщинами из горных деревень. Чем тяжелее быт, тем грубее женские руки.

— Что же ты Наилий бросаешь свою ненаглядную одну? — проворчала Глория, поспешно выдергивая руку из-под поцелуя вежливости. — Да еще и беременную.

— В космос улетаю надолго. А её семья слишком занята своими проблемами.

— Что это за семья такая? — фыркнула подруга Аттю и, получив от матушки тычок локтем в бок, перевела разговор. — В кладовку ей хоть отсыпал консервов? Этих ваших в белой золотинке. Гадость, конечно, та еще. Нашел, чем кормить дитя в утробе. Привезу я ей нормальной еды, не сомневайся. Лети в свой космос.

— Спасибо, Глория. Я очень признателен вам за помощь, — сказал Наилий и попытался снова поцеловать руку, но гордая дарисса прошла мимо него прямо к дому.

— Пока не выскажет Куне все нравоучения — не успокоится, — улыбнулась Аттю. — Такой уж Глория уродилась. Вижу, гложет тебя тоска, мой мальчик. Похудел, осунулся. Расскажешь?

— Расскажу, но позже. Пойдем. Боюсь, эта решительная женщина напугает Куну до икоты.

Генерал взял матушку под руку и повел по своим следам через глубокий снег. Грубый голос Глории уже грохотал за дверью, они едва успели к передышке в приветственной речи.

— ... полезнее козьего молока ничего нет, — назидательно вещала гостя, — глянь, какая тощая, что та жердь заборная. Сама недоедаешь, что ребеночку достается?

— Дарион хорошо в весе прибавляет, — тихо ответила Куна и попятилась вглубь прихожей, закрывая живот руками. Наилий предупреждал утром, чтобы не волновалась, но Глория сбивала с ног напором не хуже снежной лавины.

— Спасибо, дарисса, — с нажимом сказал генерал, — вы, наверное, устали с дороги. Хотите перекусить?

— Устала? Не смейся меня, мальчик! Ты еще мамкину титьку сосал, когда я на снегоходе все горы объездила. Устала. Ха!

Глория воинственно уперла руки в бока и окинула взглядом генеральский дом. Аттю что-то тихо шептала Куне и гладила её по руке, а броневик женской закалки вдруг хмыкнула:

— Идите уже, шепчитесь, не мозольте глаза. Я снаружи подожду, в снегоходе что-то стучало, надобно посмотреть. Эй, малая, найди в аптечке антисептик, зеркала надо протереть, а то инеем затягивает. Да не торопись особо с пузом-то.

Куна кивнула и пошла вверх по лестнице, а матушка потянула генерала за рукав в

гостиную.

— Ты уж не сердись, мой мальчик, — попросила Аттия, прикрывая за собой дверь, — сын у неё погиб в космосе, тоскует материнское сердце. Похож ты на её Фуриана, вот она и решила, что молодой, как Куна.

— Я привык, — вздохнул Наилий, обведя пальцем слишком юное, как у всех «лабораторных» лицо, — так даже лучше, чем бесконечное: «Ваше Превосходство».

Аттия улыбнулась и села на диван, положив рядом теплые рукавицы. Наилий о многом успел рассказать по телефону, попросил познакомиться с Куной и теперь ждал, как приговор, одно единственного ответа — она или нет. Та самая. Единственная. На всю жизнь.

В горах много легенд, не всем стоит верить. Эдельвейс — всего лишь белый цветок, камня счастья не бывает, а медведя нельзя убить женской красотой. Но они с Марком знали, что где-то по Дарии ходят их вторые половины, любимые женщины, предназначенные Вселенной. Привязанные к своим мужчинам крепкой алой нитью от браслета до браслета. И видела эту нить только Аттия.

Деревенские на неё косились как на сумасшедшую, но тайком приходили за чудесными лекарствами из трав и порошков горных минералов, добрыми советами и вердиктом — судьба или нет прожить с избранником до конца жизни. Матушка не любила разбивать семьи, часто замалчивала правду, боялась, что она разрушит хрупкое счастье. Вот и теперь молча смотрела в пол.

— Матушка?

— Ты прости меня, Наилий. Зря я тогда рассказала вам с Марком. Забила буйные головы чепухой. Семья и без великой любви может получиться. На уважении, доверии и заботе о детях. Красивое вы с Куной придумали сыну имя. Я уж не чаяла услышать детский смех в твоём доме. Я так рада за вас.

Говорила и опускала голову все ниже и ниже. Не могла врать, но такой правды хватало.

Не она. Женщина, что носила первенца генерала, предназначена другому. Наилий ошибся, обмануло сердце. Думал, раз Вселенная на сороковом цикле подарила ребенка, значит, судьба. Нет. Несуществующие боги, нет!

Генерал сел на диван рядом с Аттией и закрыл глаза.

Столько усилий и всё зря. Выдернул Куну из семьи, изводил контролем, таскал за собой по сектору, привез на другой материк и, выходит, принуждал поперек воли. На деле, а не на словах измученной гормонами беременной женщины. Отсюда споры и неприязнь. Не его женщина. Так убийственно просто и горько. Не его.

— Наилий, — позвала Аттия, погладив по руке, — забудь про легенду, пожалуйста. Пустая она...

— Нет, — мотнул головой генерал, — не пустая. Марк счастлив с Севериной. Я, дурак, смеялся над его влюбленностью. Радовался, что никогда подобного не чувствовал. Гордился свободой. Прозрел потом. Их семья — не ерунда. Она настоящая. Я тоже так хочу. Чтобы во сне её лицо видеть, просыпаться с именем на губах. Дышать одним воздухом и даже думать одинаково. Разве я много прошу?

Аттия провела пальцем по голубым венам на бледном запястье Наилия. Там, где должен быть алый браслет.

— Марк с Севериной родились почти одновременно. Вселенная свела их вовремя и не мучила долгим ожиданием. Сколько ты ищешь свою женщину? Двадцать с лишним циклов. А если она так и не родится, Наилий? Или умерла, не дождавшись тебя?

Матушка говорила, что так бывает. По легенде упав с неба половинки целого раскалываются и долго потом ищут друг друга. Если одна утонет в океане или сгорит в жерле вулкана, то вторая обречена на вечное одиночество. Как Наилий без браслета на руке. Как Аттия.

Восемьдесят циклов прожила, не сказав «да» ни одному мужчине. Хранила верность давно умершему любимому. Он так и не воплотился в новой жизни, его дух летал рядом с Аттией и разговаривал с ней во сне. Дар матушки — её проклятие. Она видела духов. Горевала по любимому, звала, а все, что он мог сделать — присниться ей и сказать, как сильно скучает. День за днем, цикл за циклом лишь бледная тень рядом и эхо воспоминаний.

— Воровать чужую жизнь я не хочу, — упрямо ответил генерал. — Где-то есть единственный для Куны и каждый день со мной она без него. Я не брошу сына. Дарион мой и не важно, любили мы друг друга или нет. Но если Куна встретит другого, держать не стану. Пусть будет счастлива.

Аттия подняла его ладонь и прижала к своей щеке. Так нежно, что дыхание перехватывало.

— Мальчик мой, знал бы ты, как болит за тебя сердце. Вселенная слепа и несправедлива, я молюсь несуществующим богам, чтобы ты не зачерствел. Прости за то, что сейчас скажу. Есть браслет. Появился совсем недавно. Бледный и тонкий, как паутина, но он есть. Родилась твоя единственная. Младенцем лежит у материнской груди.

Большого, наверное, и не нужно. Радость потекла по венам жарче волны Шуи и ударила в голову эйфорией. Родилась! Она есть!

— Я увижу её, да? Как это будет? На что похоже?

— На вспышку света, — улыбнулась Аттия, — на мелодию любимой музыки, на самое лучшее воспоминание. Не ошибешься и не пропустишь, одного взгляда хватит.

Улыбка не хотела гаснуть. Счастливая и беззаботная, впервые такая легкая за десятки циклов. Сжалилась Вселенная, перестала мучить. Одно беспокоило — центр всего сущего не дарил простых подарков.

— Между нами сорок циклов разницы, — тихо сказал Наилий, — я — генерал и в космосе бываю чаще, чем на родной планете. Что, если...

— Ты уж доживи, мой мальчик, — понимающе кивнула Аттия, не отпуская его ладонь, — постарайся, пожалуйста. Она не сможет без тебя.

Как можно обещать? Любой военный посмеется над такими словами. Но чудо заразительно, как вирус и такое же стойкое. Не вытравить ничем. Теперь уж точно.

— Хорошо, — ответил Наилий, — я доживу.

Раз уж ночью не получилось разговора, Куна надеялась, что хотя бы прощаясь, генерал её выслушает. Но все утро Его Превосходство организовывал кучу самых важных мелочей перед полетом в космос, отвлекаясь от гарнитуры, только чтобы прочитать Куне очередную инструкцию как растопить котел или куда выносить золу. Обязательно в оцинкованном ведре, а не в пластиковом. Если топить два раза в сутки, зола не будет остывать, её жара хватит, чтобы расплавить пластик. Лучше металл, он выдержит.

В последний раз Куна пыталась поговорить за мгновение до приезда гостей на снегоходе. А теперь стояла на крыльце и смотрела, как Глория деловито протирает зеркала снегохода тряпицей, смоченной в антисептике. Резкий запах на морозном воздухе казался особенно тошнотворным, Куна закрывала рукавицей лицо и переживала, что расстанется с генералом в ссоре. Закончив с зеркалами, Глория перешла на ветровое стекло, а Наилий с Аттией так и не вышли из дома.

По-детски хотелось заподозрить, что её обсуждали, иначе, зачем скрываться? Генерал мог просить совета, что делать со строптивой девчонкой, не понимающей, что о ней всего лишь заботятся. А матушка могла предложить поставить Куну в угол или оставить без сладостей.

Бред, достойный выдумки Аврелии, считающей себя центром Вселенной. Вдруг Аттия просила Наилия о чем-то глубоко личном, и тогда рядом действительно никто не нужен. Жаль только время таяло быстрее снега на ботинках в прихожей. До отлета генерал разве что обнять успеет. Если захочет, конечно.

Нет, Наилий не отдалялся, он просто передумал подходить ближе. Отгородился вежливостью и заботился, будто выполнял приказ. Сухо, дозированно и строго по необходимости.

Может зря она себя накручивала, и мыслями генерал уже отправлял войска в бой на далекой планете, забыв на время о других проблемах. Вернется из командировки и все будет по-прежнему. Как в медицинском центре перед процедурой забора вод, когда ворвался в стационар, наплевав на запрет, просто, чтобы сказать: «Все будет хорошо. Я рядом».

Куна сжала до хруста комок снега в рукавице. Теперь она знала, насколько по-разному можно быть рядом.

— Эй, малая, — помахала Глория рукой, — у тебя ж завтра зачет в академии, забыла? В Нарт поедем, а я твоего номера так и не знаю. Куда звонить-то?

Ох, она же выбросила чип связи! Без него планшет хоть под ножку стула подкладывай, чтобы он не шатался, к остальному непригоден.

— Некуда звонить, — призналась Куна и схватилась за шапку на голове. Забыла утром предупредить Наилия, а теперь где взять новый чип?

— Что и проводной телефон не работает? — прищурилась хозяйка снегохода. — Спутник нас иногда не пробивает через облака, но провода-то никуда не делись. Ладно, отвезу твоего мужика на аэродром, посмотрим, что со связью. Я, конечно и Аттии могу позвонить, раз уж она за тобой приглядывать остается, но с детства проводам привыкла верить больше, чем спутникам. Они надежнее.

Глория тархтела старой стиральной машиной, а Куна едва успевала запоминать

новости. Генерал тоже забыл предупредить, что матушка будет жить с ней в одном доме. Приставил все-таки няньку, но на этот раз злиться расхотелось. Зброшенный аэродром занесло снегом по окна первых этажей. С вершины холма здания казались пирожными, слишком густо политыми белой глазурью. Снег шапкой сползал с крыш, мягкими волнами лежал во дворе и бугрился отвалами возле расчищенной взлетной площадки. Случись что — и Куна не дойдет по глубоким сугробам даже до аэродрома, не то, что до Нарта. Без связи никак. А уж через спутник, по проводам или на крыльях птиц — без разницы.

— Твой идет, — ткнула Глория пальцем за спину Куны, — целоваться на морозе не советую. Губы треснут и будут шелушиться. Да и обниматься с пузом неудобно.

Хозяйка снегохода бубнила над ухом, Агтия вышла проводить Наилия, а Куна чуть не стонала от досады. Тишины, пожалуйста, одиночества! Хотя на несколько фраз. Но генерал будто радовался посторонним. Держал матушку под руку и что-то не спеша ей рассказывал, заглядывая в глаза.

На что Куна надеялась? Что они с Дарионом заменят Наилию сорок циклов жизни? Службу, друзей, родных. Пока она яростно охраняла свою самостоятельность, не заметила, что генерал перестал с ней сражаться. Отпустил, вычеркнул из жизни и не оставил шанса снова привлечь внимание. Будет кормить, одевать и заботиться как прежде, но двери в спальню закрыл и проходил мимо, не оборачиваясь.

— Дарисса Глория, еще раз спасибо за помощь. Аванс за топливо для снегохода уже перечислили, если понадобится ремонт — позвоните Рэму, он все устроит. Я надеюсь вернуться через два месяца, но могу задержаться.

— Да поняла я, — отмахнулась Глория, — лети в свой космос и ни о чем не волнуйся. Приглядим за ними за обоими. Надо будет — роды примем. А что? Я умею. У нас по зиме как буран пройдет, так и сидим в деревне, медицинской помощью не обласканные. Дело-то не хитрое. Тужься себе и тужься, остальное природа сама сделает, только ребеночка обмыть да спеленать.

— К родам я успею, — с нажимом ответил Наилий, — одну Куну не оставлю.

— Рядом что ли стоять собрался? За руку держать? Вот дурной! Нечего тебе там делать. Взяли моду к роженицам пристраиваться. Да ей не до тебя будет. Я своего вообще убить хотела за то, что обрюхатил, а я мучилась. Увидела бы — в башку швырнула чего потяжелее.

Глория от избытка чувств руками показала, как именно собиралась швырнуть. Её грубый голос камнепадом катился с гор и бил по голове. Агтия стыдливо отворачивалась, Куна теряла терпение, а генерал спокойно ждал паузу в речи.

— Нет, дарисса, присутствовать на родах я не собирался. Нервы, конечно, крепкие, но не настолько. Вы готовы ехать? Хорошо. Пару мгновений, я с Куной попрощаюсь.

Озноб заставил дернуть плечами. Куна послушно отошла в сторону за генералом, напрочь забыв все, что хотела сказать. Почему несколько мгновений? Так мало и бесполезно. Лучше бы промолчал, чем сейчас снова сухо пообещает вернуться и попросит беречь себя и Дариона.

— Все еще злишься на меня? — тихо спросил Наилий, поймав за локоть. — Почему, Куна? Я же стараюсь ради вас и никак не могу угодить. Маленький дом, как тебе нравится, кулинарные курсы, охраны нет, виликусов, офицеров. Что теперь не так?

Все утро жадно искала его взгляд, а сейчас жалела, что внимательно смотрит. Не осталось у генерала к ней тепла, одно раздражение. Обузой повисла на шее и тянула вниз.

— Нет, все хорошо, — дрогнув, ответила Куна, чувствуя, как мороз заколол мокрые

глаза, — Дом замечательный, такой уютный. Агтия добра и приветлива. Глория хоть и резковата, но зла от неё нет. Спасибо, что привез сюда. Здесь, правда, лучше, чем в особняке. Знаешь, я вчера чип связи выбросила, не буду звонить матери и сестре. Если что — от Агтии дозвонюсь генетикам или капитану Рэму. Ты лети спокойно, не переживай за нас. Главное, чтобы на службе все получилось, а мы тебяждемся...

Наилий все-таки обнял, и последние слова Куна бормотала уже в его куртку, пропахшую дымом от горящих в котле дров. Цеплялась за рукава и не хотела отпускать. Столько ошибок сделала, глупостей наговорила, что теперь трусливо надеялась на время и его же боялась. Кто вернется к ней через два месяца? Наилий или Его Превосходство? Забудет обиду или больше не простит?

— Я рад, что привез тебя домой, — сказал генерал, — не в пустую резиденцию, чужой даже мне особняк, а домой. В горы, где я вырос. К настоящей матери, что меня воспитала. Здесь все будет по-другому, я обещаю. Только помни, я никогда не брошу вас с Дарионом. Два месяца пролетят быстро. Отдохни, выпись, надышись горным воздухом. Я вернусь, возьму все отгулы, которые накопил и будет у нас тихая, спокойная жизнь.

Куна кивала и обнимала крепче, пока не пошел снег. Он укутывал их пушистым покрывалом и роднил с землей, на которой стояли.

Она полюбит горы. Обязательно. И тогда в их с Наилием вселенной станет на одну общую планету больше.

Генерал улетел, и замолчало эхо в пустых комнатах дома. Облака закрыли небо, светило погасло на ночь, и только фонарь над крыльцом все так же раскрашивал золотыми искрами густой снегопад. Тихая зима. Сонная. С ароматом корицы и холодным привкусом мятных леденцов. Зима, шепчущая вьюгой из каждого угла: «Разочарование». Протяжным сквозняком, колкими льдинками под кожей медленно и по слогам: «Ра-зо-ча-ро-ва-ни-е». Семь глифов на заиндевевшем стекле деревянными пальцами. По одному на каждую потерю: дом, мать, сестра, работа, друзья, будущее, любовь.

Хотелось записать два месяца на видео и перемотать вперед, чтобы промелькнули незамеченными поездки в Нарт на зачеты, осмотры у генетиков, ежедневная возня с отоплением и продуктами на кухне. Дарион рос в животе, настойчиво пинаясь и напоминая о себе. Маленький, беззащитный, единственный ни в чем не виноватый. Если больше не нужно жить для себя, то стоит жить для него. Куна говорила себе это, уставившись в потускневшее зеркало в коридоре. Живот торчал из-под короткой кофты, как не натягивай её, а скоро ведь станет еще больше. А потом исчезнет. И, наверное, ощущение маленькой жизни внутри него больше не повторится. За девятнадцать циклов всего несколько месяцев, когда она действительно не одна. И нужна по-настоящему.

— Пойдем есть, Дарион, — вздохнула Куна и погладила живот, — ты, наверное, голодный. Сейчас посмотрим, что нам папа оставил. Любишь сладкое? Возьмем джем, намажем на галету и запьем горячим отваром. Добрый доктор Назо рассказывал что-то скучное про аминокислоты, которыми ты питаешься прямо из моей крови, но разве какие-то кислоты заменят джем?

— Конечно, нет, — ласково ответила Агтия за спиной и Куна смутилась. Не стоило при матушке, как её называл Наилий, разговаривать с животом вслух. Еще сочтет сумасшедшей.

— Извините, у меня вырвалось случайно...

— Болтай с сыном, сколько хочешь, мне только в радость, — улыбнулась Аттия. — Одна ведь живу, даром что в деревне со всеми. Дом мой на отшибе, как занесет бураном дорожку по колено, так и сижу с собственным отражением в зеркале переглядываюсь. Козу что ли завести? Как думаешь?

— А за ней не тяжело ухаживать?

— Не знаю, у меня никогда раньше не было козы, — рассказывала матушка, заманивая рукой на кухню, — уж больно важные наши горные козы, абы кому не подступиться. Рога носят, что император корону. А шерсть длинная и мягкая какая. В шубе такой не замерзнешь никогда, это мы все топим и топим, дрова жжем. Пойдем есть. Чего вкусного не найдем — сами приготовим.

Готовить Аттия почти не умела. Суп из консервов, галеты с паштетом из сухпайка — не в счет. Зато разбиралась в травах и умела одно и то же блюдо каждый раз приправить по-новому. Скучала только по выпечке из интерната и жалела, что не научилась у своих мальчишек.

— Наилий ненавидел наряды по кухне, — рассказывала Аттия, перетирая сухие веточки укропа над бурлящим в кастрюле супом, — настоящим воином хотел стать, генералом. А его превращали в повара.

— Он рассказывал про карамель. Как резал её две недели.

От воспоминаний теплело, ароматный суп поднимал настроение и Дарион уснул, убаюканный женскими разговорами.

— А про медвежатину разве нет? — удивилась матушка, гоня ложкой волокна консервированного мяса по дну кастрюли. — Уж не знаю как, а раздобыли мальчишки медведя. Притащили огромную тушу на кухню интерната и гуськом ходили за Наилием, чтобы нарядами поменялся. Сам приготовил. Но не тут-то было. Уперся мой мальчик, что та коза рогами. Нет и всё. Мне тренироваться надо, а не у плиты стоять.

Раз уперся, то правда не до готовки, Куна знала. Если Наилий что-то решил — не отступится.

— И как? Пропала медвежатина?

— Нет, — трянула убранными под платок волосами Аттия, — извел его Марк придирами, схватились оба за посохи, да на глазах у мастера. Не любил он, когда дрались злобы ради. Загнал мальчишек в клетку, а медведя велел на лед в подвале положить. Дождался косолапый своего повара. Остыл Наилий, сам проголодался.

Жаль, у Куны не было мастера, который вовремя бы осаживал и не давал ругаться со своим мужчиной. Причем её в клетке нужно было держать чаще и запирать на дольше. Сейчас не жалела бы о каждом неосторожном слове.

— А что потом было? — тихо спросила она, складывая стопочкой галеты на столе. — Марк с Наилием помирились?

— Конечно. Нет той ссоры, что может развести, если оба хотят быть вместе. Уж сколько они дрались, а все равно рядом. Съели ту медвежатину — и нет трагедии. Не вспоминают даже. И ты забудь.

Аттия поставила тарелки с супом на стол и села напротив Куны. Пар поднимался от еды и окутывал матушку пряным ароматом. Свет от лампы рисовал длинные росчерки морщин под глазами и возле губ. Они изгибались в улыбке то ласково, то немного грустно и казалось, тяжелый медальон на шее все время тянет Аттию вниз.

— Крепко Наилию от вселенной досталось, оттого не верит счастью. Боится. Сам в тьму уходит, не толкает никто. Ты свети ему, девочка, чтоб тепло чувствовал. Река вспять оборачивается и судьбу можно.

Куна глаза опустила и не хотела поднимать. Не умела она светить даже себе. Как зеркало ловила чужие блики и грелась от искр. Горы сталкивались и расходились, пропадали и появлялись озера, а равнинный Тарс все так же впадал в Срединный океан.

— Я постараюсь, — несмело пообещала она, — буду учиться, раз не умею.

— Пирог надо учиться печь, — вздохнула Агтия, — а здесь сердцем рваться. Изюм всех сил. Чтобы музыкой звучал любимый голос. И не слышать больше никого.

Куне совсем гадко стало. И стыдно. Чужой голос слышала переливами волн Тарса. До сих пор. Не Наилий ночью снился. Любила, уважала, боялась, но никогда не замирала от взгляда генерала. Ждала, что изменится и вот-вот почувствует к Наилию то самое незабываемое, о чем писали в сентиментальных женских романах на каждой странице. А потом пришел Амадей. И Тарс понес её в океан. Легко и нежно, будто листок, навсегда прилипший к прозрачной водной глади.

Куна вздыхала и кусала губы, но так ничего не ответила, а матушка больше не спрашивала, вспомнив про генетиков и завтрашний зачет в Нарте. Ела суп и рассказывала уже о Глории с её снегоходом.

Время все-таки встало на паузу, а потом понеслось вскачь, перепрыгивая через дни и недели. Горы затягивали, успокаивали и рассказывали во сне старые сказки. Запутанные, как клубки шерсти в корзине матушки и такие же теплые, если их связать в узор. Куна привыкла к аромату трав на кухне, невероятным терминам генетиков, басовитому хохоту Глории и жесткому сидению снегохода. Вместо планшета дома звонил древний как сама Империя телефон, а дрова в котле разжигались с первого раза. И чем больше Куна смотрела на далекие белые пики с вершин холмов, тем спокойнее ей становилось. Горы умели ждать.

А генерал вернулся.

Куну разбудил тихий щелчок открывшейся двери. В остывшей за ночь комнате уже хозяйничало утреннее светило, с кухни пахло свежей выпечкой, но в воздухе витал еще один аромат. Тонкий, едва ощутимый запах южных фруктов.

— Выспалась? — с улыбкой спросил Наилий, поставив на прикроватную тумбу корзину с виноградом, яблоками и апельсинами. Куна села в кровати, не зная куда смотреть: на фруктовое чудо посреди зимы или на генерала с алыми от мороза щеками. Форменный комбинезон Наилий застегнул под горло, длинную челку состриг, оставив на голове колкий ежик коротких волос. Куна с тревогой искала новые шрамы на лице или пластырь-повязку, выглядывающую из-под длинных рукавов. Не видно ничего. Живой, здоровый.

— Я уже боялась не дожидаться, — выдохнула она и потянулась обнять, падая в прохладу военной формы.

— Затянулась легарская кампания. Вместо двух месяцев мы завязли на все три, — пробормотал генерал, осторожно прижимая к себе беременную Куну. — Как вы с Дарионом выросли. Дай хоть посмотреть.

Куна встала босыми ногами на пушистый коврик и погладила огромный живот. Смешно, наверное, выглядела с ним. Маленькая, худая, как стебель травы и такой большой шар впереди.

— А ведь еще месяц ходить, — смущенно улыбнулась она. — Что же будет перед родами?

— Хорошо будет. Растите оба.

Наилий тоже погладил живот под тонкой сорочкой. Жаль, Дарион спал или просто не хотел толкаться. Куна жила три месяца его движениями. Угадывала по бугоркам на животе: колено выставлял или локоть.

— Крупный у нас сын. Акушер из лаборатории смеется, что есть в кого.

— Да, я хоть и вырос недокормышем, но родился детенышем бегемота, — пошутил генерал и снова улыбнулся. Тихий, спокойный и довольный жизнью. Как рассветное светило, укрывающее теплым светом белые вершины гор.

— Прохладно у вас, дрова жалеете? — вдруг нахмурился генерал. — Забирайся обратно в кровать, замерзнешь.

— Так кончились почти дрова. Тянем последнее изо всех сил. Потепление давно обещали, но погода не меняется.

Сухпайка уже не было. Куна с Аттией ели то, что привозила из деревни на снегоходе Глория. Задержался в космосе генерал, успеть бы теперь вернуться в Равэнну до родов.

— Плохо, — вздохнул Наилий, помогая Куне укрыться одеялом. — Почему Рэму ничего не сказала? Привезти дрова — не проблема, зачем мерзнуть?

Боялась она звонить в пятый сектор строгому начальнику личной охраны генерала. Вдруг занят или не захочет помогать. А еще не хотела даже случайно услышать в телефоне голос Амадея. Почти забыла рядового, насильно вытолкала из головы. Не нужна симпатия, тем более легкая влюбленность. У Дариона есть отец и с ним Куна должна быть всеми мыслями.

— Но ведь хватает же, — робко ответила она и погладила генерала по рукаву

форменного комбинезона, — не сердись, пожалуйста. Расскажи лучше, где ты зимой фрукты нашел?

— У Цезаря в гостях был, — ответил Наилий, — чего только не найдешь в первом секторе. Ешь, Аттия все перемыла. Я посмотрю, что у вас осталось из запасов, и будем собираться домой.

Обратно в особняк к виликусам, офицерам и юному охраннику с красивым именем Амадей. Куна поежилась будто от сквозняка и потянулась к зеленому яблоку.

— А мне здесь понравилось. Правда. Уютно, спокойно и горы обступают со всех сторон.

— Да, но моё место в пятом секторе, — терпеливо объяснял генерал, — я могу оставить тебя, а сам должен уехать в Равэнну. Слишком много времени потратил на легарцев, срочные и очень срочные дела покоя не дадут. Ты выдержишь еще один переезд? Или мне не тревожить вас с Дарионом?

Так хотелось еще пожить в маленьком доме с Аттией, что Куна почти согласилась. Уже открыла рот, но замолчала на первом же слове. Как легко наступать на знакомые грабли. Снова переезд и она опять перечит воле генерала. Нельзя оставаться в горах, даже если в особняке потом придется ходить мимо комнаты охраны, закрыв глаза. В конце концов, зачем бояться Амадея? Мало ли чего пригрезилось в их первую встречу, может у рядового есть женщина и ребенок, а она страдает по собственным фантазиям. Конечно, ему на неё наплевать. Зато никогда не было наплевать Наилию.

— Нет, я хочу поехать с тобой, — уверенно сказала Куна, и ей показалось, что генерал выдохнул с облегчением.

— Хорошо, тогда я вызову охрану, чтобы они законсервировали дом, рассчитаюсь с Глорией и отвезу в деревню Аттию. Ты кушай яблоки, а мне позвонить нужно.

Жаль, конечно, прощаться с домом. Из всех мест, где успела побывать Куна, он был самым уютным и приветливым. Но Дарион — дитя равнины, ему будет лучше в Равэнне. Наверное.

Отгулы генерал все-таки взял, как обещал. Не двадцать дней, конечно, а только пять. Минус день перелета и оставалось четыре. Слишком мало для тихой семейной жизни и то Наилий редко снимал гарнитуру с уха, постоянно что-то обсуждая с офицерами. С его приездом в доме поселилась суета. Ходила по пятам за Куной, пряталась во взволнованном взгляде Аттии и наводила порядок в комнатах. Генерал пересчитал продукты и составил меню на пять дней, разложил в спальне гаджеты, развесил форму и рассортировал кухонную утварь так, как было до появления Куны.

К вечеру у неё заболела спина и ноги, хоть и не делала ничего, просто ходила за Наилием. Тяжело давался последний месяц беременности, и радовало только то, что ждать осталось недолго. Скоро она возьмет на руки Дариона.

— Куна, иди спать, — ласково сказал генерал, поймав её в коридоре.

— А ты?

— Рэм отзвонился, что они прилетели, надо встретить и расквартировать.

Значит, охранники займут гостиную или кабинет, других комнат кроме спальни и кухни в доме не было. А к занесенным снегом жилым корпусам аэродрома давно было не

добраться.

— Где же Аттия будет спать?

— Её Глория заберет. Если хочешь попрощаться, поспеши.

Куна кивнула и пошла искать матушку, едва переставляя ноги. К ним будто привязали гири, и отдышка мучила, как после долгой пробежки. Аттия отзывалась откуда-то с веранды, пришлось надеть куртку и обуться. Застегнув липучки на ботинках, Куна разогнула спину и почувствовала, что от слабости закружилась голова. Зря она столько бегала по лестнице с первого на второй этаж. Зато спать сегодня будет крепко.

Пока вышла на веранду, держалась за стену. На свежем от мороза воздухе стало легче. Нужно чаще отдыхать, права матушка.

— Куна! А я тут Глорию выглядываю, буран собирается, успеет ли добраться?

Аттия стояла у перил веранды на фоне сумеречно-синего снега. Уже одетая в теплую куртку и штаны. Даже на холоде от матушки пахло травами, и глаза лучились добротой в прорезях маски. Наверное, жестоко называть матерью ту, что никогда не брала на руки своих детей. Но очень правильно, если осознать, сколько чужих выросло у неё на глазах.

Безумная история с тридцатью младенцами, рожденными в лаборатории от суррогатных матерей. Генетических экспериментах, в один день доставленных в горный интернат на воспитание мастеру. Ученые разгрузили в зал для тренировок тридцать кювезов и, попрощавшись, исчезли. Куна представить не могла шок начальника интерната. Что делать с младенцами? Пока тридцатого накормишь, первый проголодается. Один проснется и закричит — всех разбудит. А пеленать, купать, выкладывать на живот и делать массаж? Мастер взвыл на следующий день и позвал из деревни себе на помощь женщину. Единственную, когда-либо появившуюся в интернате. Аттию.

Детям не объяснить с рождения, что они — будущие воины и должны вести себя как мужчины. Мальчишки просились на руки, обнимали за шею и висли на матушке гроздьями. Да так, что мастеру приходилось снимать. Два цикла она их кормила и выхаживала, а потом начались тренировки с наставниками и мастер отправил Аттию обратно в деревню. Уверен был, что мальчишки забудут и не вспомнят. Они и забыли. Пока Наилий на двенадцатом цикле не сбежал из интерната, а Марк не отправился за ним. Нашел и они подрались. Свалились оба в расщелину и обратно возвращались через деревню, в которой жила Аттия.

Вселенная привела детей к матери и больше они не расставались. Даже спустя сорок циклов Аттия жила проблемами своих мальчишек. Помогала Северине с дочерью и вот теперь приглядывала за Куной, пока Наилий воевал с легарцами.

— Жаль, что вы уезжаете, — вздохнула Куна, подойдя к перилам, — я так привыкла к нашим вечерам у камина, разговорам, вязанию.

— Не печалься, девочка, сойдутся звезды на небе — еще увидимся. Ты только береги себя и Дариона. Хорошо?

— Хорошо, — эхом повторила Куна и уткнулась носом в плечо Аттии. От волнения стало совсем худо: голова кружилась, и тошнило, как в первые месяцы беременности. А еще пол веранды все время уходил из-под ног, пришлось качнуться в сторону и вцепиться в перила.

— Куна, тебе плохо? — Аттия крепко взяла под локоть и не отпускала. — Пойдем в дом.

— Нет, мне на воздухе лучше. Жарко натопили. Душно.

Вдвоем они добрались до скамьи на веранде и Куна грузно осела на крашенные доски.

Симптомы недомогания навалились сразу и все вместе. Хорошо бы лечь, но на улице не стоит. Матушка что-то спрашивала, но её голос тонул в вязкой тишине, затопившей по самое горло. Кажется, вышел Наилий и хотел поднять со скамьи, но боялся сильно тянуть за руки, а Куна не могла сама встать.

— Публий! — крикнул генерал сквозь тишину, и Куна поморщилась от головной боли. Откуда-то перед закрытыми глазами взялись крошечные блестящие мошки. Они кружились в воздухе и норовили сесть на нос. Мошки. Зимой.

— Куна, открой глаза, — жестко потребовал военврач и прохладными пальцами взял её за запястье. Вокруг хрустел под военными ботинками снег и далеким шумом слышались чужие голоса. Откуда здесь так много цзы'дарийцев? Охрана приехала?

— В гостиную её на диван, — распорядился Публий, — я скажу, как нужно положить. Осторожно!

Мир завертелся перед глазами до нового приступа тошноты. Куна то зажимала рот, то пыталась обнять живот и расстроилась, снова оказавшись в жаркой гостиной.

Её как куклу раздели и уложили на диван, вместо пальцев военврача плечо охватила манжета, и противно запищал тонометр. Публий всегда обследовал молча, да и потом редко что-то объяснял. Легче стало, когда по вене пошел препарат и Куна, наконец, всех разглядела.

Наилий, распахнув теплую куртку, сидел рядом на стуле. Военврач суетился у медицинского кейса, а дверь подпирал широким плечом тот самый лысый начальник охраны. Никто не звал его по имени, только по фамилии — Рэм.

— Что с ней? — нервно спросил генерал.

— Пока высокое давление, остальное скажу позже.

Публий сам задрал подол платья и стал ощупывать живот, потом прицепил датчик и включил на всю гостиную стук маленького сердца Дариона.

— Сердцебиение в норме, но я бы посмотрел кровообращение в сосудах. Предлежание тазовое, а ей точно разрешили перелет на таком сроке?

Генерал молчал, а Куна мучительно вспоминала, что говорил акушер из лаборатории генетики. Бездна, она ведь не спрашивала про перелет!

— Даже с аппаратурой и под контролем нельзя?

Наилий не успевает договорить, как Публий резко мотает головой.

— Нет. Преждевременные при тазовом я в катере не приму. Акушерских операций никогда не делал. Нельзя лететь, Ваше Превосходство.

Наверное, Публий вколол успокоительное. Куна хотела пережить и не могла. Апатия отбивала желание спорить и даже шевелиться. Конечно, она никуда сейчас не полетит, но, может быть завтра? Через день? Неделю?

— Хорошо, — коротко согласился генерал. — Побудь с ней. Рэм, на пару слов.

Сонливость возвращалась, но теперь другая. Укрывала теплым пледом и нашептывала в уши голосом лейтенанта Назо: «Спи, если хочешь. Спи».

И Куна уснула.

Хуже, чем выбирать — только мучиться потом от принятого решения. Не оставил Наилий легарскую кампанию на офицеров, сам командовал до первого значимого успеха, надеялся, что успеет вернуться за Куной и опоздал. Безопасный срок для перелета прошел. За месяц до родов ни один акушер беременную женщину в воздушный катер не пустит. Будь Куна совершенно здоровой, еще можно было попытаться, но не с таким артериальным давлением. К тому же от перепадов атмосферного давления на взлете и посадке могли начаться преждевременные роды. Да, Публий знал, как их принять, но Дарион лежал ногами вниз и военврач не хотел рисковать.

— Как только ребенок родится до пупка, его голова прижмет пуповину к стенке родового канала, — размеренно объяснял Публий, стоя в коридоре между генералом и начальником охраны. — И у меня будет несколько минут до полного рождения, иначе разовьется острая гипоксия и ребенок умрет. Принимай я роды каждый день двадцать или тридцать циклов и то бы лишний раз подумал, а сейчас нет. Лучше поставить к операционному столу нормальную акушерку и достать ребенка через разрез в матке.

Чудо, что полевой хирург вообще знал такие подробности. Публий выжал максимум из случайно прослушанного курса по акушерству, и требовать от него большего означало вредить Куне и Дариону. Нормальная, как он выразился, акушерка только в Нарте, а до него час на снегоходе по занесенным бураном горным тропинкам.

— Операция нужна немедленно? — тихо спросил генерал.

— Нет. Матка не сокращается, родовой деятельности нет. Ребенка нужно доносить до конца срока или хотя бы еще две недели.

И за это время никаких перелетов, переездов и лишнего беспокойства для Куны. Будет лучше оставить её в горах, как бы ни хотел Наилий забрать её с собой в Равэнну.

— Хорошо, я понял. Рэм, отбой консервировать дом. Запас продуктов и топлива на два месяца и разберись уже со связью. Проводной телефон меня вгоняет в уныние. Над Дарией спутники перестали летать?

— Никак нет, Ваше Превосходство, летают и не падают, — механическим голосом дрона ответил начальник охраны. — Есть запас продуктов и разобраться со связью.

Еще бы решить, где всех поселить, раз Куна остается, генерал пока не улетает, Аттию нужно просить задержаться и Публия не хочется отпускать. А еще Рэм и два охранника. Всего семь цзы'дарийцев на один маленький дом.

— Женщин в спальню, — продолжал распоряжаться Наилий, — бойцов на кухню, а мы втроем в гостиной.

— Есть, — отозвались офицеры.

Беспокойная выдалась ночь. Куну, как только ей стало лучше, отвели в спальню и передали матушке. Рэм ушел на улицу вызванивать Нарт и договариваться о закупке дров и продуктов.

Дрянная связь. Сигнал пропадал, ворчал помехами и глотал слова целыми фразами. Генерал, сидя в гостиной, слушал разговор, временами переходящий в крик, и завидовал выдержке капитана. Сам бы давно сорвался в Нарт и пинками открывал двери в магазины. Торговки с самого начала упирались и не хотели везти товар на заброшенный аэродром, не

веря, что он здесь кому-то нужен. Одна особенно грамотная даже позвонила в летный полк и спросила, что за мародеры завелись на их бывшем объекте? Рэм тогда не дал разгореться скандалу, и Агтия уговорила Глорию помочь. Но за несколько дней с большой поставкой не справится даже бесстрашная хозяйка снегохода.

Наилий, как и в прошлый раз, прилетел на катере пятой армии, но вместо патрульного взял транспортный вместе с небольшим вездеходом. Утром по прилету военные погрузились в машину, и пилот лебедкой спустил их прямо в сугробы. Изрядно занесло аэродром. Чтобы посадить транспортник, пришлось до вечера разгрести вездеходом взлетную полосу. Не привыкшая к таким нагрузкам техника трижды ломалась, и бойцы добрались к дому генерала, пропахнув машинным маслом и выхлопными газами. Молодой охранник шатался от слабости и старший напарник чуть ли не за шиворот его таскал. Командир рядом, генерал где-то ходит, нельзя показывать слабость. Мальчишка храбрился, тянул спину, но организм не обманешь. Еще немного и упадет спать там, где стоял. Как же его звали? Наилий знал всех, кто служил в особняке, но имя рядового упорно не шло из памяти на язык.

— Краст, Амадей, в машину, — гаркнул Рэм, распахнув входную дверь.

Точно, Амадей. Симпатичный, как дарисса, и имя такое же изнеженное. Дитя столицы. Полцикла назад выпустился из училища. Отличник боевой подготовки, один из лучших на курсе и рекомендации от наставников самые лестные. Золотой мальчик. Не хватает ему, конечно, генетически модифицированной выносливости. Крепкий, но по сравнению с лабораторными экспериментами горных генетиков — недостаточно. Однако, не переманивать же рядовых из девятого сектора. Марк за каждого офицера зубами держался, если еще и бойцы строем на равнину поедут, генералы точно разругаются. Надо будет в следующий раз пополнение с севера пятого сектора набирать. Может, они не такие теплолюбивые.

— Ваше Превосходство, — докладывал капитан, — о поставке я договорился, но только с самовывозом.

— Вездеход на полпути не встанет окончательно? Вы до Нарта дорогу чистить собрались?

— Так точно. Прогноз погоды благоприятный, больше такого снегопада не будет. А хорошая дорога до Нарта нужна. сломается вездеход — починим, — холодно ответил Рэм, проводив взглядом охранников на выход. Бойцы прятали опухшие от жары и усталости лица в воротники курток и спешно натягивали массивные перчатки. Краст в технике разбирался, а мальчишку с собой брали разве что инструмент подавать и лопатой снег кидать. Безжалостно Рэм натаскивал пополнение. Правило, конечно, делал. Но как бы потом Публию не пришлось лечить второго пациента.

— Хорошо. Если намертво застрянете, звони пилоту транспортника, пусть лебедкой дергает и в Нарт везет.

— Есть, Ваше Превосходство, — кивнул начальник охраны.

Утром Куна даже не вспоминала о вчерашнем недомогании, но Публий все равно запретил вставать с постели. Скучно было лежать. Матушка вязала в кресле, стуча металлическими спицами, военные переговаривались на первом этаже, и по-весеннему ярко грело за окном светило. Горы оживали, снежнее полотно сползало с покатых склонов и в

долину текли звонкие ручьи.

— Снег, наверное, красиво переливается, — мечтательно протянула Куна.

— Угу, — вяло ответила Аттия.

— Душно, может окно открыть?

— Простудишься, — едва разборчиво пробормотала матушка, считая петли.

— Ой, кажется, птица в стекло постучалась. Я посмотрю.

— Лежи. Это не птица, а рядовой дрова рубит.

— Что делает?

Куна приподнялась на локтях и вытянула шею. За окном чинно проплывали облака по синему небу, и глухой стук выбивал из гор эхо.

— Дрова ночью привезли, — вздохнула Аттия, переворачивая вязание на обратную сторону. — Додумались купить весной дрова. Где только нашли? Не рубленные, конечно. Спасибо, хоть на чурки им распилили, я думала, целыми бревнами отдадут. Вот Рэм и поставил самого молодого колоты чурки на дрова. Те поленья, что мы с тобой в котел складываем. Пожалел бы мальчишку, деспот. Всю ночь рядовой не спал, а он ему топор в руки сунул.

Куна ноги с кровати спустила в мягкие тапочки и потянулась к халату. Любопытство толкало к окну и припекало нетерпением. Дрова впервые руками потрогала, когда в горах оказалась. А уж как их рубят, никогда не видела.

— Ох, девочка, не лежится тебе, — Аттия отложила вязание и пошла за Куной, готовясь ловить, если голова закружится, — дурно? Живот болит?

— Нет, матушка, я только посмотреть, — виновато улыбнулась Куна и шире распахнула занавески.

Перед крыльцом дома высилась гора из деревянных цилиндров. Придумали же им название — чурки. Издалека казалось, что бисквитный рулет нарезали слишком толстыми ломтями, а темные кольца дерева — прослойка из джема. Живот голодно заурчал от сравнения, и Куна облизнула губы.

Готовые дрова с вытоптанного снега собирал худощавый военный. Теплую куртку с погонами рядового он повесил на перила веранды и остался в одной рубашке. Холодно ведь на улице, тепло паром выдыхается, а он разделся.

— Вот, кто сейчас простудится, — разволновалась Куна, едва не коснувшись стекла носом. Рядовой сложил поленья, отвернувшись от зрительниц в окне второго этажа, и снова взялся за топор. Что-то знакомое почудилось Куне в манере ставить ноги шире, чем нужно, развороте покатых плеч, а потом Амадей поднял голову.

Куна отпрянула от окна, испуганно вцепившись в занавески. Зажмурилась крепко, будто золотистый блик светила отразился от воды и попал в глаза. Морок, наваждение, галлюцинация. Вспоминала об Амадее вчера, вот и привиделась его улыбка в совершенно незнакомом мальчишке. Мало ли в пятом секторе рядовых? Мать говорила, что за долгие циклы службы да в одинаковой форме они все как братья-близнецы. Похожи очень друг на друга, вот и пригрезилось.

Но лысый Рэм был тот же самый и других молодых охранников в особняке Куна не видела. Колени подгибались от слабости, Аттия крепко держала за локоть и тянула обратно к кровати, но Куна упрямо вцепилась в занавеску.

— Все нормально, я стою. Не падаю. Матушка, пожалуйста, можно я еще посмотрю в окно?

Три месяца терзаний, раздумий и твердых решений снесло как паводком плотину. Куна снова слышала шепот Тарса и бросалась в его воды с головой. Не генерала она ждала три месяца, Наилий давно погас и остался добрым воспоминанием, а мир замер в улыбке Амадея. Сорваться бы к нему, в тапочки выбежать на снег. Обнять и долго рассказывать, как скучала. Гладить по волосам, укутать в теплую крутку и слушать, как отвечает. Нежно зовет по имени. Улыбаться и повторять его имя, словно не осталось других слов. Амадей.

Куна выдохнула горячий пар на стекло и белая пелена скрыла двор и рядового.

Чуть не сошла с ума, бедная. Глупая. Опасное чувство, невозможное и совершенно никому не нужное. Она родит Дариона и будет жить с Наилием, а рядовой найдет себе любимую и будет, как Лавр с Региной ждать повышения, учиться на офицера и даже не посмотрит на женщину генерала. Так правильно.

— Ты совсем бледная, — тихо сказала матушка и погладила по руке, разглядывая что-то на запястье Куны. — Душно здесь, дышать нечем. А на улице свежо и свободно, правда? Одевайся, девочка моя и сходи погуляй.

— Не хочу, — ответила Куна и сжала зубы. Амадей поставил на пенек новую чурку и замахнулся на неё топором. — Мне и здесь хорошо, матушка.

Лезвие вошло в древесину с мягким стуком и застряло в ране.

— Уверена? — спросила Агтия, трогая пальцами запястье. — Вижу, рвешься вниз всем сердцем.

Амадей достал из разруба топор и ударил снова.

— Нет, — резко выдохнула Куна. — Я никуда не пойду.

Матушка вздрогнула и отступила, промолчав. Гадко стало. Зачем Куна сорвалась на Агтию? Боль и раскаяние долбили одинаково беспощадно. Не пойдет она к Амадею, хватит с неё глупостей! Плевать, что не любит генерала. Есть совесть, воспитание и порядочность. Наилий мог выгнать в любой момент, отказаться признавать ребенка. Забыть и не вспомнить, даже если бы Куна пришла с младенцем под окна особняка. Но он так не сделал. И что заслужил в ответ? «Прости, Наилий, я встретила другого?»

— Не пойду, — отчаянно застонала Куна и прислонилась лбом к стеклу. Холодное, как лед, и такое же хрупкое. Невидимая преграда, ничтожная, но такая непреодолимая.

Она виновата, что Наилий отдалился, она довела генерала упрямством и твердолобостью и вселенная за него отомстила. Подсунула испытание: все, что Куна незаслуженно получила в подарок от Наилия, предлагала поменять на мечту о счастье. Если Куна выберет Амадея, генерал выгонит её из дома и отберет Дариона. Она ни разу не увидит сына даже за короткие семь циклов до училища. Наилий не позволит другому мужчине воспитывать его ребенка. Первенца. А предательницу-мать отправит так далеко на север, что сугробы заброшенного аэродрома покажутся лучшим местом на планете.

Ни одна влюбленность такого не стоит.

— Извините, матушка, — тихо попросила Куна, вытирая глаза, — не знаю, что на меня нашло.

— А и правда, что? — вместо Агтии спросил генерал, черной скалой вырастая за спиной. Он тоже смотрел через окно на улицу, где рядовой Амадей рубил дрова.

Глава 39 — Генеральская ревность

Генерал знал про свою паранойю, но замечал очередной приступ только с середины, когда пугающие выводы уже казались единственной истиной.

Куна, забыв о недомогании, стояла в одном халате у окна и смотрела на двор дома. Не дойдя до умывальника, не спустившись к завтраку, не узнав, что решилось с возвращением в Равэнну, его женщина смотрела в окно на другого мужчину. Мальчишку-охранника, утром отправленного Рэмом колоть дрова. Уснул вчера доходяга в вездеходе, без него чинили. А теперь в расстегнутой рубашке проклятый Амадей красовался с топором в руках под восхищенные вздохи женщин. Ах, какой он сильный! С одного удара раскалывает чурку.

— Душно в комнате, — оправдывалась Куна, закрыв окно занавеской, — матушка отправила погулять, а я испугалась холода. Вот и вспыхнула.

Врет. Наилий по бегающему взгляду и виноватой полуулыбке понял, что Куна обманула.

Спиной загорживала оконный проем, словно пряча что-то постыдное. Щеки порозовели совсем не от духоты. Такая буря эмоций от мальчишки с топором ненормальна. Амадей в горах всего лишь во второй раз — когда успели пообщаться? Каким нужно быть идиотом, чтобы за спиной генерала улыбаться его женщине? Наилий спрятал Куну от голодных до близости бойцов на другом материке — и здесь добрались. Феноменально!

Генерал шагнул ближе, заметив, как испугано вжалась спиной в окно Куна. Как матушка бросилась наперерез, плечом закрывая беременную от разгневанного мужчины. Еще немного и по ушам ударит крик: «Одумайся, что ты делаешь?»

Хватило мгновения, чтобы остановиться, а потом включился разум. Нужно успокоиться. Куна уже соврала и ради правды придется устраивать допрос. Мучить мать своего ребенка, которой врач запретил волноваться. Давление едва сбили препаратами, не стоит провоцировать новый криз.

— Публий не запрещал тебе гулять, не вижу проблем, — ответил генерал, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Одеться нужно теплее и одна не ходи, позови меня.

— Ты занят, я не хотела отвлекать, — хмуро и слишком поспешно сказала Куна. Упрямство распрямило ей плечи и сжало кулаки, но запала не хватило надолго. Куна сдалась, поникла и тихо добавила:

— Только если не во двор. Пойдем к аэродрому.

А ведь не хотела гулять. Значит, подчинилась и уступила, но радости от победы не чувствовалось. Может, потому что к окну любоваться Амадеем сама побежала, а с генералом играла в капризы и поддавки? Быстро вселенная решила устроить её счастье. Уже и кандидат первый появился. Молодой, красивый, перспективный. А его, Наилия куда? «Извините, Ваше Превосходство, но сердцу не прикажешь?» Допустим, не нужен оказался со своей заботой, подарками и любовью к сыну. Но Дарион — не игрушка. Разонравился — можно выбросить. Не стоило его тогда рожать.

Генерал отвернулся, до боли сжав зубы. Редко что доводило до выбросов предельных доз адреналина, но сейчас руки задрожали.

— Хорошо, одевайся, я жду тебя внизу.

Плохо, что ответил грубо, но иначе сейчас не сможет. Адреналин разливался по крови, холодом оседая в груди. Деревянный рисунок до тошноты мельтешил в глазах и дверь Наилий толкнул почти с яростью. Бегать давно разучился, не к лицу офицеру. Шел, тяжело переставляя ноги, будто густой смолой стекая по ступеням лестницы.

— Наилий! — догнала Аттия на нижней площадке. — Подожди, не уходи так.

— А как надо? Скажи мне.

Матушка взволнованно убрала выбившиеся пряди обратно под платок и огляделась по сторонам. Есть уши у дома: охрана суетится, Публий в гостиной, Амадей во дворе. Кто захочет — подслушает.

— Мы правда ругались из-за прогулки. Если нафантазировал чего, то знай — лишнее.

Аттия оправдывалась и выглядела испуганной, как Куна. Будь кто-то трижды не прав, матушка всегда его защищала и поддерживала. Лишь бы не устраивать ссор. Куна теперь такая же дочь, как Наилий — сын.

— Ты же не за тем пришел к нам, мальчик мой, — ласково сказала Аттия, поглаживая генерала по руке, — навестить хотел с утра пораньше. Узнать, как Куна с Дарионом себя чувствуют. Услышал шум в спальне и поднялся.

Наилий молчал, слушая, к чему приведет разговор. Да, волновался, хоть Публий и успокаивал, что все в порядке.

— С отъездом наверняка не получилось, — продолжала догадываться матушка, — уж я видела, как все старались и в итоге дрова эти, кладовка полная. Тяжело Куне будет лететь, я понимаю. Ты очень правильно поступил, даже не сомневайся. И Куна поймет. Расстроится очень, она хотела домой, но поймет. Им с Дарионом так будет лучше.

Генерал накрыл её пальцы ладонью. Еще кадетом удивлялся, что Аттии ничего не нужно объяснять. Потом привык, забыл, перестал обращать внимание. Напрасно. Бесценный дар вот так понимать другого. Когда слушал легенду о половинках, верил, что со своей женщиной будет именно так. Со своей. Так может зря он дергался на поведение Куны?

— Я поговорю с ней на прогулке. Обязательно.

Аттия улыбнулась и погладила плечо генерала. Круглые бусины браслета с шорохом прокатились по форменному комбинезону. Матушка не умела закрываться от дара, всегда видела алые нити между половинами. Казалось, чего проще? Вози к ней каждую женщину, которая понравится, и рано или поздно найдешь единственную. Наилий не стал так делать, чтобы не ставить предначертанную кем-то судьбу выше своей воли. Но иногда безумно хотелось открыть жизнь как учебник на последней странице и прочитать верные ответы. Мальчишество. Но Аттия и это поймет.

— Охранника во дворе Амадеем зовут, — очень тихо сказал генерал, наклонившись к её уху, — ты ведь разглядела его возле дров, раз тоже у окна стояла. Скажи, пожалуйста, а не он ли единственный для моей Куны?

Генерал ждал ответ, как больной — диагноз. Когда о симптомах рассказывают и врачи и друзья, ты находишь у себя пугающие признаки, но до последнего веришь, что обойдется.

— Да, — обреченно кивнула Аттия. — Тот самый.

Наилий выдохнул коротким смешком и нервно одернул комбинезон. Чем он провинился перед вселенной? За что она с ним так изобретательно глумлива? Семья распалась, еще не сложившись. Пора прощаться и не мешать чужому счастью?

— Куна знает?

— Нет, я не успела сказать, — прошептала матушка и вдруг вцепилась в рукав

комбинезона. — Что ты будешь делать, Наилий? Мальчик мой, умоляю, не руби сгоряча. Подумай, поговори с ней. Дитя у вас.

Дарион. Здоровый, крепкий и совершенно нормальный сын генетического чудовища. Первенец генерала, который будет жить пасынком при рядовом бойце из личной охраны отца. Вселенная шутила, как перепивший Шуи кадет.

— Я не отдам сына, — зло выцедил Наилий. — Если Куна захочет уйти — пусть уходит, но Дариона оставит мне.

Взгляд Аттии погас, она прижала руки к груди и качнулась прочь от генерала. Морщины собрались на лбу, в уголках глаз и возле болезненно сжатых губ.

— Ты забереешь ребенка у матери? Мальчик мой, я не верю...

— Я обещал отпустить только Куну, — по-военному четко ответил генерал, — про Дариона речи не было. А теперь я прошу, матушка. Никаких легенд до родов. Если она захочет избавиться от ребенка...

— Не захочет, — вздрогнула Аттия и сжала кулаки. Сквозняк из открытой двери спальни принес горький запах трав от её одежды. Матушка выпрямила спину и, впервые отвернувшись от Наилия, ушла вверх по лестнице, где на пороге единственной комнаты уже стояла по-зимнему одетая Куна. Большой живот надежно укрывала теплая куртка.

«Никаких легенд до родов», мысленно повторил генерал и протянул руку.

— Готова? Пойдем.

Отполированное топориче оставило мозоли на ладонях Амадея. Как назло рядом с теми, что еще не стерлись после тренировок с боевым посохом. Белесые пузыри грозили лопнуть и превратить его в дрона с неуклюжими манипуляторами вместо рук, которые уже прилично гудели от ударов. Тяжесть была бы приятной, не присоединись к ощущениям спина. Надо экономнее наклоняться и больше поленьев собирать за раз, иначе он опять выдохнется раньше времени и с позором уснет.

От вчерашней отключки до сих пор стыдом прижигало. Краст изгалялся и подкалывал, как мог, а капитан Рэм послал отрабатывать незапланированные часы сна. Интересной оказалась служба в личной охране генерала. С тем, что нафантазировал себе в училище, не совпало ничего. Вместо долгого стояния истуканом за спиной полководца на очередном интервью для прессы — горы чужого материка, пустой аэродром и дрова на заснеженном дворе. Сказка, а не служба. Нет, он серьезно! С восьмого цикла никуда дальше Равэнны не уезжал, а тут за раз посмотрел шестую часть планеты.

Амадей выпрямился и, задрав голову вверх, сощурился на весеннее светило. Горло перехватывало от глотков ледяного воздуха, голова кружилась, но давно он себя так хорошо не чувствовал. Небо прекрасно, горы прекрасны, жизнь прекрасна.

В голове на заикленном воспроизведении одна и та же песня про дариссу с огромными глазами, упрямого мальчишку, что писал ей письма на заборе, и обещание выпить море, лишь бы до неё добраться. Чем чаще повторял, тем сильнее верил, что море может быть как лужа, а любовь стоит самых отчаянных безумств. Иначе зачем вселенная кружила звезды у него над головой? Ему бы только до офицера дослужиться.

— Сдулся? — насмешливо спросил за спиной Краст.

— Чурки кончились, — радостно ответил Амадей и уселся на пенек, прислонив

топорище к бедру. Двор в щепках и обрывках коры напоминал деревянное побоище. — Метлу бы.

— В кладовке стоит. Погоди, не суетись, сейчас генерал уйдет, а то в коридоре столкнетесь.

Амадей подскочил, как ошпаренный, и вовремя. Входная дверь бесшумно отворилась и во двор вышла та самая дарисса с огромными глазами. Теплая куртка обтягивала беременный живот, бесформенная шапка напознала на глаза, но рядовой узнал бы её даже завернутой в палатку. Красавица. Ради такой не только море, срединный океан маленькой ложкой вычерпаешь. Сейчас она рассеяно оглядывалась по сторонам, но Амадей помнил совсем другой взгляд. Там, на пороге спальни третьего этажа, когда вдруг перехватило дыхание, ноги приросли к полу, а язык трепал какую-то чушь. Удивительная дарисса. Совершенно невероятная. А какая смелая так перечить генералу. Не каждый офицер рискнет Наилию в глаза заглянуть, а дарисса Куна еще и спорила. «Я сама могу долететь». Сильная, отважная.

— Рубашку застегни, — прошипел над ухом Краст и набросил на плечи форменную куртку. Верхняя часть комбинезона болталась на поясе, к штанинам прилипли опилки. Да уж, не в лучшем виде генерал застанет своего охранника.

Наилий вышел следом за Куной и Амадей едва успел вытянуть спину. До генеральской осанки ему как до соседней планеты пешком, а до звания еще дальше. В училище только и говорили, что женщины смотрят на погоны и больше ни на что. Плевать на внешность, характер, дурные привычки. Главное — жильё побольше и паек пожирнее. Что ж, против генерала у Амадея не было шансов. Но, бездна! Как же хотелось верить, что Куна может полюбить и без шикарного особняка и личного транспорта. Глупо, наверное. Если она именно такая и любит Наилия по-настоящему, тогда мечтать о ней и вовсе бессмысленно.

— Ваше Превосходство, — в полголоса сказал Краст, а разволнованный Амадей не успел подхватить. Сутулые гнaroши, влетит же от Рэма за неуважение к командиру!

Наилий молча кивнул и, крепко взяв Куну за локоть, повел её по тропинке к аэродрому. Амадею показалось, что она вздрогнула и втянула голову в плечи, будто боялась собственного мужчину. Плохо так думать, но рядовой бы обрадовался размолвке между ними. Слишком стар был генерал для юной дариссы, слишком долго приказывал миллионам бойцов в легионах. Зачерствел. Сломает Куну, безжалостно растопчет и не заметит. Какое дело генералу до её чувств и желаний? Нарядит в платок и платье до пят, как у дариссы Аттии и запретит слово поперек говорить. Уже запретил все, что мог. Увез на другой материк подальше от чужих глаз и обратно забирать не захотел.

— Выдыхай Амадей, — хлопнул по плечу Краст, — и бегом за метлой. Срач со двора нужно убрать, улетаем скоро.

Рядовой уже бросился к дому, но резко остановился.

— Когда вылет?

— По команде, — усмехнулся Краст, — не переживай, еще пару раз надорвать спину успеешь.

— Я серьезно, — нахмурился Амадей, — когда?

Широченный, как шкаф, Краст, устало выдохнув, уселся на пенек и сложил руки на груди.

— Да скоро уже, потерпи. Или ты что-то сделать хотел? Сразу говорю, Шуи здесь брать негде, а если Рэм пьяным увидит — вылетишь из особняка как снаряд из ствола.

Амадей сердито засопел. Никогда Шуи не пил и не собирался начинать. На учебу и тренировки времени не хватало, зачем впустую тратить его на пьяный угар? Краст ждал ответ, но признаваться рядовой не собирался.

Он увезет с собой в Равэнну улыбку Куны. Наверное, вселенная его толкнула посмотреть в окно спальни на втором этаже в тот момент, когда дарисса подошла открыть занавески. Лучшего подарка и не придумать, а на большее не стоило надеяться. Но утренняя эйфория придавала сил и подстрекала на безумства. Море не выпьет, а один глоток сделает.

— Хотел узнать, как быстро махать метлой, — ответил рядовой Красту и пошел к крыльцу, на ходу соображая, обо что лучше запнуться. Стопка поленьев слишком далеко, чурки кончились, значит, ступени. Боль от удара по дереву обожгла ногу. Амадей ненаигранно зашипев, припал на колено и быстро, пока не видно из-за его спины, сунул руку под крыльцо. Там в тепле и полумраке вот-вот должны были распуститься весенние первоцветы. Заметил их еще утром, когда сидел здесь и точил топор. Чистые и хрупкие, как Куна. Пусть дарисса не поймет, от кого подарок, зато еще раз улыбнется.

Амадей нес цветок в спальню на втором этаже, замирая от страха на каждый шорох. Нельзя дарить цветы чужой женщине, нельзя даже издали смотреть. Не твоя. Чужая. Мало ли ходит красавиц по Дарии? Много, но она — одна. Пусть подумает на генерала, когда найдет первоцвет на подушке, все равно. Амадей будет знать правду. И помнить улыбку.

Широкую дорожку расчистил клин вездехода. Снег еще не начал таять и лежал под ногами плотным ковром. Ботинки привычно скрипели, размалывая снежинки в труху. Наилий вел Куну к аэродрому, крепко держа за руку, но остановился за первым же высоким сугробом. Быстро устала его женщина. Жадно глотала воздух, прикрывая рот рукавицей, и покачивалась на каждом неуклюжем шаге.

— Давай здесь поговорим, — предложил Наилий, жалея, что посадить её некуда. Тяжело дается одиночество даже в горах. Прослужил шесть циклов генералом и прятался теперь от собственной охраны. От Амадея, если быть честным. На мгновение показалось, что боится мальчишку. Будто рядовой нагло ввалился в особняк и с порога заявил, что Куна уходит с ним и забирает Дариона. А генерал стоял посреди атриума и не знал, что делать. Тридцатью легионами командовал, а свою женщину удержать не мог.

— Ты что-то хотел рассказать, — робко напомнила Куна и шмыгнула розовым от мороза носом. Наилий тряхнул головой, прогоняя опостылевшие мысли. Снова выпадал из реальности или просто стоял истуканом?

— Да, но ты, наверное, уже догадалась по приготовлениям. Я не могу забрать тебя в Равэнну. Это опасно Дариона. Рожать придется в горах.

Куна молча кусала губы. По её пустому взгляду не догадаться, о чем думала. Без слез, истерики и упрямого: «я не хочу». Безразличная, послушная кукла. Видят несуществующие боги, не этого добивался Наилий. Молодость не знала полутонов. Если не в штyki, то никак.

— В Нарте есть больница, — глухо ответила Куна, — но Глория жаловалась на нехватку врачей. Акушерка давно перебралась в соседний город, роды принимала женщина, старше Аттии. Уж лучше акушер из генетической лаборатории. Он знает меня и Дариона.

Генерал вздохнул глубоко и поднял глаза к бледному светилу. Дрова заготовил, еды привез, а о самом главном даже не вспомнил. Бардак у гражданских. Нищета и разруха. Столько циклов прошло, а в горных деревнях ничего не изменилось.

— Не получится с лабораторией, ты уж извини. Режимный объект. Начальник и так рискует взыскания получить за твои визиты, а оставить в лаборатории на роды просто не может. Первый ребенок, схватки будут долгими и потом тебе нельзя вставать и бежать домой. Я решу, что делать с акушеркой. Если понадобится, Цесту из Равэнны привезу.

— Не надо, — поспешила отказаться Куна и Наилий даже улыбнулся. Ожила. Вернулась. — Рожали же как-то раньше без медицинского оборудования и бригады врачей. И я смогу.

Только не крупного Дариона в тазовом предлежании. Генерал помнил, как внимательно следили за маленьким Друзом. Боялись, что родовые травмы поставят крест на эксперименте по созданию идеального воина. Генетики весь выпуск звали по личным номерам, и только Друза по имени. Агриппа. В переводе с древнего языка: «рожденный вперед ногами».

— Хорошо, как скажешь, — согласился генерал, решив не спорить. Иначе придется объяснять, насколько тяжелыми и опасными на самом деле будут роды. Публий убедил, что рано паниковать. Дарион может перевернуться головой вниз, время еще есть.

Но его мало. Слишком мало. Амадей уже рубил дрова под окнами его дома и Куна

смотрела на своего единственного. Успеет ли Наилий хотя бы взять на руки сына? А услышать его первое слово? Увидеть, как пойдет? Утихшая было злость, снова поднималась к горлу.

Куна ведь начнет сравнивать двух мужчин. Женщины по-другому не умеют. Этот выше, а тот симпатичнее, у одного в штанах почти пусто, а другой и крупным калибром ничего не может. Озноб пробирал, стоило представить, как Куна стонет под Амадеем и шепчет: «так хорошо мне ни с кем не было». А мальчишка пухнет от гордости, что хотя бы в этом превзошел генерала.

Новый выброс адреналина подогрел ярость. Хорошо, что они ушли так далеко, и никто не слышит. Наилий обнял Куну за плечи, а другой рукой крепко взял за подбородок. Она качнулась назад, упершись руками в грудь генерала. Натянулась струной и плотно сжала губы. Испугалась. Может, так и надо было с самого начала, тогда и возражения бы не появились?

— Что случилось, Наилий? — жалобно пролепетала Куна, попытавшись вырваться. — У тебя глаза блестят!

Генерал усмехнулся, пальцами отодвинув ворот куртки с тонкой шеи своей женщины. Неужели какой-то мальчишка лучше него? В самом деле?

— Куна, я соскучился за три месяца.

Она снова дернулась в руках, а генерал коснулся губами прохладной шеи. Откуда у беременной силы сопротивляться? Все что смогла — убрать живот немного в сторону.

— Наилий, нам уже нельзя. Срок большой. Отпусти, пожалуйста, я хочу домой. Я замерзла!

Крик вырвался облачком пара, а Куна как могла сильно оттолкнула генерала. И чуть не упала, когда он резко разжал объятия.

Адреналиновый жар пропал, холод вернулся хрустом снега под ботинками и тяжелым дыханием перепуганной Куны.

— Я не собирался, — глухо ответил генерал, — никакой близости, знаю, что нельзя. Поцеловать хотел.

Куна пятилась назад и защищалась, выставив руки. Будто он действительно стал чудовищем из недр генетической лаборатории. Злобным, неуправляемым, бездушным. Наверное, нужно извиниться, успокоить, но Куна не подпускала к себе, а Наилий не спешил подходить. Не получилось нормально разговора. Снова. Говорить вообще не получалось. Он срывался, Куна страдала, терпела и с каждым разом отходила все дальше и дальше. А он устал просить прощения и чувствовать себя виноватым. Если запчасти не подходят друг к другу, хоть молотком приколачивай — толку не будет.

Значит, конец. Осталось только сказать болезненную и важную фразу: «Я отпускаю тебя. Будь свободна и счастлива». И пара распадется. Официально. Но ведь обещал сам себе, что ничего до родов делать не станет. Еще хотя бы месяц Куна будет его. А потом, может быть и не захочет уходить. Он согласен даже так. Сухое приветствие утром, молчаливые обеды и ужины, лишь бы рядом с сыном. Наилий ненавидел вселенную за то, что оставила без родителей. С Дарионом он так не поступит.

— Иди в дом, — глухо сказал генерал Куне, — я догоню.

Она тоже погасла и опустила руки. Ответила, что будет ждать, и медленно пошла по укатанной тропинке обратно. Генерал отсчитал пятьдесят шагов и повесил на ухо гарнитуру.

— Рэм, у тебя рядовой в охране служит. Амадей.

— Так точно, — отозвался капитан.

— Чтобы духу его в горах не было.

Каких только кар не придумала генеральская фантазия. Дальний гарнизон на севере, планетоид на окраине галактики, самый жаркий военный конфликт, но совесть грызла. Мальчишка жил в неведении до сих пор, и обвинить его было не в чем. Поэтому только так.

— Из особняка его тоже убрать, Ваше Превосходство? — уточнил Рэм.

— Нет. Пока нет. Пусть на глазах у тебя будет.

— Есть, — ответил капитан.

Догадался, в чем дело или нет — не важно. Рэм не задавал лишних вопросов, не обсуждал приказы и не трепал языком личную жизнь генерала. Идеальный телохранитель.

Куна прощалась с генералом в коридоре на первом этаже. Охранники давно сидели в вездеходе, Рэм ждал снаружи, а матушка ушла в спальню. Дом затихал медленно, суета еще перекатывалась по комнатам, как круги по воде от брошенного камня. Остывала плита на кухне, аромат жареных лепешек выветривался сквозь щели в окнах и таял снег на половике в прихожей.

— Я постараюсь прилететь к родам, — вполголоса обещал Наилий, медленно застегивая рукава куртки, — давно мы с Марком совместных учений не устраивали. Встану лагерем чуть выше Нарта, а ночевать буду здесь.

— Конечно, прилетай. Но если не выйдет, не расстраивайся. Дарион сам не знает, когда захочет родиться, а учения всего на три или пять дней.

— Я могу растянуть до десяти, — возразил генерал и поправил черную вязаную шапку. Вспотел, наверное, стоять полностью одетым в теплом доме, но никак не хотел уходить. Куне казалось, что он её бросает. Не на месяц, что проживет в Равэнне, а навсегда. Именно сейчас после двух неловких дней вместе, не случившегося поцелуя на тропинке к аэродрому и тяжелого молчания вместо теплых слов. Их любовь так и не сложилась, а теперь даже её осколки потерялись. Стояли рядом и оба понимали, что нечего сказать друг другу.

— Я справлюсь здесь одна, — в который раз повторила Куна. — Улетай, не волнуйся за нас.

Генерал не ответил. Взял её за руку и простился поцелуем вежливости. Тихо и церемонно. Как подобает расставаться офицеру с прекрасной дариссой. А потом дверь хлопнула за его спиной, просыпав на половику несколько снежинок.

— Я все равно буду ждать, — упрямо прошептала Куна и погладила круглый живот. — Мы будем ждать.

По лестнице в спальню поднималась медленно, слушая, как скрипят ступени. Тяжелая стала, неповоротливая. Будто, на самом деле, в два раза больше, чем была.

— Все уехали? — негромко спросила Аття, сидя в кресле с вязанием.

— Да, матушка.

— Одни мы с тобой остались. Ну, ничего, нам не привыкать. Мужчины воюют, женщины ждут.

Аття бормотала под нос древние истины, словно сказку на ночь рассказывала. Спицы блестели в тонких пальцах, а Куна смотрела на белую наволочку подушки. Цветок растворился в ней, и только зеленый стебель рисовал его очертания.

— Откуда здесь первоцвет?

— Не знаю, девочка моя, — пожалала плечами Аттия, — я пришла, а он лежит. Свежий, красивый. Только что сорвали.

Куна села на кровать и осторожно потянулась к цветку. Прохладные лепестки ласкали пальцы, но аромат первоцвета она уловила только, когда поднесла к лицу. Дивный, ни на что не похожий. Маленькое чудо, а не подарок.

Боль от расставания с генералом отступала. Улыбка робко подрагивала на губах. Куна держала первоцвет, как сокровище, и не могла налюбоваться. Умел Наилий молча дарить радость.

— Жаль, уже не поблагодарю, — смущенно выдохнула Куна, — улетел мой мужчина и ничего не сказал.

— Он никогда не говорит, — улыбнулась Аттия, — не дарит цветов и не пишет мелом на тротуаре под окном. Мастер палками из него эту дурь выколачивал. «Мужчина-воин живет долгом и честью, ни одной слабости себе не позволяя». А Наилий ему верил. Послушным был учеником, старательным. Так с женщинами разговаривать и не научился. Стороной всех обходил.

Матушка отложила вязание и пересела на кровать к Куна. Цветок не тронула, коснулась запястья.

— Он по-другому любовь выражает. Переживает, где ты будешь жить, что ела сегодня, хватает ли теплых вещей на зиму. Ему важнее принести корзину фруктов, чем лишний раз позвонить. — Аттия отдернула руку и спрятала её в широких складках подола платья. — И уж точно, увидев первоцвет под снегом, Наилий бы не догадался тайком принести его в спальню.

Куна положила цветок на покрывало и замерла. А ведь правда, генерал ни разу не дарил ей цветов. Даже когда ухаживал. Откуда тогда первоцвет?

И ушли они из спальни на прогулку вместе, а когда вернулись, генерал все время рядом стоял. Он просто не мог сам положить цветок на подушку.

— Может, приказал кому-нибудь? — хмуро спросила Куна и тут же сама не поверила.

— Нет, — качнула головой Аттия. — Это не он.

В комнате потемнело от закрывших светило облаков. Подарок превратился в загадку без ответа. Амадей? Нет, она себя обманывает. Увязла в грезах, как в болоте, и любой шорох слышится признанием в любви. Так просто не бывает. Голодный счастлив глотком воды, слепой рад каждой тени, а она готова цветок принять за вечную любовь. Да сколько можно?

— Даже если его подарил другой, это ничего не меняет, — твердо сказала Куна. — Я жду ребенка генерала и останусь с ним, чтобы не случилось. Все цветы планеты не заставят меня передумать.

— Ох, девочка моя, жизнь, как река, несет не глядя, а берега то крутые, то пологие, — вздохнула матушка. — Может ты полюбишь другого, а может Наилий захочет расстаться.

Куна ссутулилась, чувствуя, как от разговора холодеет в груди. Мужчинам нужна близость гораздо больше, чем женщинам. Мать рассказывала, Регина подтвердила. Наилий даже в споре не уходил из спальни, его беременность не остановила. Три месяца воевал на другой планете, соскучился, а Куна поцеловать отказалась. Вернется в Равэнну, а там весна. Город цветет, дариссы порхают красивыми бабочками и тоже хотят счастья. Приласкает такая, затянет в объятия и забудет Наилий, кого назвал своей.

— Мне будет больно, если он уйдет, — призналась Куна, — но сама я так не поступлю.

Сколько семей погубили случайные чувства? Много, я знаю. Жила бы сейчас с отцом и матерью, не посмотри она тогда на приезжего офицера. Любовь у них вспыхнула. Мать думала, что навсегда. Про дом забыла, меня совсем крошку оставила Грации и упорхнула с офицером на юг. Кончился у него отпуск, вернулся на службу, и мать обратно с чемоданом и разбитым сердцем в барак. А там отец. Уж как она клялась, что других ошибок не будет, умоляла, на коленях ползала, да как простить? Предала, обманула.

Чем ниже Куна опускала плечи, тем сильнее живот давил на грудь и мешал дышать. Она не помнила того дня, ей Грация рассказала. Сколько раз Куна думала, что сдержи мать свой порыв и жили бы они по-другому. Вместе с отцом. Счастливо. Не мучаясь в нищете, без ненависти друг к другу.

— Я никогда так не сделаю, — прошептала она и смяла первоцвет в кулаке. Лепестки истерлись в труху, стебель больно уколол ладонь. Влюбленность в Амадея пройдет, а Дарион останется.

Аття села ближе и обняла за плечи, утешая. Гладила по волосам и молчала. Пустое все. И глупые чувства к мальчишке и страх, что Наилей бросит. Столько для неё сделал, всегда был рядом. Разве могло быть по-другому?

Куна прощалась с генералом в коридоре на первом этаже. Охранники давно сидели в вездеходе, Рэм ждал снаружи, а матушка ушла в спальню. Дом затихал медленно, суета еще перекатывалась по комнатам, как круги по воде от брошенного камня. Остывала плита на кухне, аромат жареных лепешек выветривался сквозь щели в окнах и таял снег на половике в прихожей.

— Я постараюсь прилететь к родам, — вполголоса обещал Наилий, медленно застегивая рукава куртки, — давно мы с Марком совместных учений не устраивали. Встану лагерем чуть выше Нарта, а ночевать буду здесь.

— Конечно, прилетай. Но если не выйдет, не расстраивайся. Дарион сам не знает, когда захочет родиться, а учения это всего три или пять дней.

— Я могу растянуть до десяти, — возразил генерал и поправил черную вязаную шапку. Вспотел, наверное, стоять полностью одетым в теплом доме, но никак не хотел уходить. Куна казалась, что он её бросает. Не на месяц, что проживет в Равэнне, а навсегда. Именно сейчас после двух неловких дней вместе, неслучившегося поцелуя на тропинке к аэродрому и тяжелого молчания вместо теплых слов. Их любовь так и не сложилась, а теперь даже её осколки потерялись. Стояли рядом и оба понимали, что нечего сказать друг другу.

— Я справлюсь здесь одна, — в который раз повторила Куна. — Улетай, не волнуйся за нас.

Генерал не ответил. Взял её за руку и простился поцелуем вежливости. Тихо и церемонно. Как подобает расставаться офицеру с прекрасной дариссой. А потом дверь хлопнула за его спиной, просыпав на половик несколько снежинок.

— Я все равно буду ждать, — упрямо прошептала Куна и погладила круглый живот. — Мы будем ждать.

По лестнице в спальню поднималась медленно, слушая, как скрипят ступени. Тяжелая стала, неповоротливая. Будто, на самом деле, в два раза больше, чем была.

— Все уехали? — негромко спросила Аттия, сидя в кресле с вязанием.

— Да, матушка.

— Одни мы с тобой остались. Ну, ничего, нам не привыкать. Мужчины воюют, женщины ждут.

Аттия бормотала под нос древние истины, словно сказку на ночь рассказывала. Спицы блестели в тонких пальцах, а Куна смотрела на белую наволочку подушки. Цветок растворялся в ней, и только зеленый стебель рисовал его очертания.

— Откуда здесь первоцвет?

— Не знаю, девочка моя, — пожала плечами Аттия, — я пришла, а он лежит. Свежий, красивый. Только что сорвали.

Куна села на кровать и осторожно потянулась к цветку. Прохладные лепестки ласкали пальцы, но аромат первоцвета она уловила только, когда поднесла к лицу. Дивный, ни на что не похожий. Маленькое чудо, а не подарок.

Боль от расставания с генералом отступала. Улыбка робко подрагивала на губах. Куна держала первоцвет, как сокровище, и не могла налюбоваться. Умел Наилий молча дарить радость.

— Жаль, уже не поблагодарю, — смущенно выдохнула Куна, — улетел мой мужчина и ничего не сказал.

— Он никогда не говорит, — улыбнулась Аттия, — не дарит цветов и не пишет мелом на тротуаре под окном. Мастер палками из него эту дурь выколачивал. «Мужчина-воин живет долгом и честью, ни одной слабости себе не позволяя». А Наилий ему верил. Послушным был учеником, старательным. Так с женщинами разговаривать и не научился. Стороной всех обходил.

Матушка отложила вязание и пересела на кровать к Куне. Цветок не тронула, коснулась запястья.

— Он по-другому любовь выражает. Переживает, где ты будешь жить, что ела сегодня, хватает ли теплых вещей на зиму. Ему важнее принести корзину фруктов, чем лишний раз позвонить. — Аттия отдернула руку и спрятала её в широких складках подола платья. — И уж точно, увидев первоцвет под снегом, Наилий бы не догадался тайком принести его в спальню.

Куна положила цветок на покрывало и замерла. А ведь правда, генерал ни разу не дарил ей цветов. Даже когда ухаживал. Откуда тогда первоцвет?

И ушли они из спальни на прогулку вместе, а когда вернулись, генерал все время рядом стоял. Он просто не мог сам положить цветок на подушку.

— Может, приказал кому-нибудь? — хмуро спросила Куна и тут же сама не поверила.

— Нет, — качнула головой Аттия. — Это не он.

В комнате потемнело от закрывших светило облаков. Подарок превратился в загадку без ответа. Амадей? Нет, она себя обманывает. Увязла в грезах, как в болоте, и любой шорох слышится признанием в любви. Так просто не бывает. Голодный счастлив глотком воды, слепой рад каждой тени, а она готова цветок принять за вечную любовь. Да сколько можно?

— Даже если его подарил другой, это ничего не меняет, — твердо сказала Куна. — Я жду ребенка генерала и останусь с ним, чтобы не случилось. Все цветы планеты не заставят меня передумать.

— Ох, девочка моя, жизнь, как река, несет не глядя, а берега то крутые, то пологие, — вздохнула матушка. — Может ты полюбишь другого, а может Наилий захочет расстаться.

Куна ссутулилась, чувствуя, как от разговора холодеет в груди. Мужчинам нужна близость гораздо больше, чем женщинам. Мать рассказывала, Регина подтвердила. Наилий даже в ссоре не уходил из спальни, его беременность не остановила. Три месяца воевал на другой планете, соскучился, а Куна поцеловать отказалась. Вернется в Равэнну, а там весна. Город цветет, дариссы порхают красивыми бабочками и тоже хотят счастья. Приласкает такая, затащит в объятия и забудет Наилий, кого назвал своей.

— Мне будет больно, если он уйдет, — призналась Куна, — но сама я так не поступлю. Сколько семей погубили случайные чувства? Много, я знаю. Жила бы сейчас с отцом и матерью, не посмотри она тогда на приезжего офицера. Любовь у них вспыхнула. Мать думала, что навсегда. Про дом забыла, меня совсем крошку оставила Грации и упорхнула с офицером на юг. Кончился у него отпуск, вернулся на службу, и мать обратно с чемоданом и разбитым сердцем в барак. А там отец. Уж как она клялась, что других ошибок не будет, умоляла, на коленях ползала, да как простить? Предала, обманула.

Чем ниже Куна опускала плечи, тем сильнее живот давил на грудь и мешал дышать. Она не помнила того дня, ей Грация рассказала. Сколько раз Куна думала, что сдержи мать свой порыв и жили бы они по-другому. Вместе с отцом. Счастливо. Не мучаясь в нищете, без

ненависти друг к другу.

— Я никогда так не сделаю, — прошептала она и смяла первоцвет в кулаке. Лепестки истерлись в труху, стебель больно уколол ладонь. Влюбленность в Амадея пройдет, а Дарион останется.

Аттия села ближе и обняла за плечи, утешая. Гладила по волосам и молчала. Пустое все. И глупые чувства к мальчишке и страх, что Наилий бросит. Столько для неё сделал, всегда был рядом. Разве может быть по-другому?

Выдернуть Марка на учения оказалось сложнее, чем думал Наилий. Близнецы родились раньше срока. Вокруг них и Северины крутились медики, няни и половина жителей особняка, а генерал девятой армии перекроил весь график, чтобы быть с семьей как можно дольше. Марк не послал в бездну грубо, но разговаривал односложно, на повышенных тонах и быстро оборвал связь. Наилий так и не признался, что тоже ждет рождения первенца, его женщина осталась в горах без внятной медицинской помощи и он по сути сам во всем виноват. Сам и будет решать проблемы, не дергая Марка.

На удивление Цеста согласилась принять роды даже после неприятных моментов с генетическими анализами. Генерал через свою медицинскую службу оформил приглашение по обмену опытом, а медийщики с подачи Флавия раздули социальную значимость мероприятия.

Финт получился достойным спецоперации. На равнинах пятого сектора нашли такие же полузабытые поселения как Нарт, где медицинские пункты закрылись или существовали силами одной-двух санитарок. Целый месяц медийщики показывали по всем телевизионным панелям пятого сектора, как там разгружают и настраивают новое оборудование, ремонтируют помещения, а где-то строят совершенно новые. И финальным штрихом была большая передача о выпускниках медицинской академии, рвущихся помогать пациентам даже в самых отдаленных районах.

Юные дариссы застенчиво улыбались в объективы камер, стоя рядом с лейтенантами и капитанами. Гражданские выделили специалистов при условии, что военные наладят стажировку на месте. Всего цикл, дальше медпункт заработает в полную силу самостоятельно. Сами гражданские, оказывается, так сделать не могли, страдали от кадрового голода, но опытных акушеров все же отправили.

Цеста с коллегами вылетела из Равэнны, помахав в камеру рукой, но до своего городка не добралась. По пути её пересадили на другой катер и доставили в Нарт.

— Ваше Превосходство, — позвонила она генералу, как только переступила порог медицинского пункта на другом материке, — я уже на месте, ключи мне передали, благодарю.

— Еще раз спасибо, дарисса, что согласились помочь.

— Я не могла бросить роженицу, — вздохнула акушерка. — Женщины и так слишком часто расплачиваются за упрямство мужчин.

Упрек Наилий проглотил молча, достойных возражений не нашлось.

— Вам хватает оборудования и медикаментов?

— На первый взгляд да, — ответила Цеста, с шумом что-то выдвигая и перекладывая, — но я посмотрю подробнее.

— Звоните. Все доставим. Отбой.

Генерал снял гарнитуру с уха и засунул руки в карманы комбинезона поглубже. Осталось решить еще десяток проблем и можно спокойно ждать рождения Дариона.

Весна в горах дремала слишком долго, а теперь вдруг решила наверстать упущенное. Тонкие ручейки превращались в гремучие водовороты, накатанные за зиму дороги таяли до непролазной каши, а на южных склонах туманы по утрам можно было есть ложкой.

На учения Наилий все-таки приехал. Отрабатывать эвакуацию техники из зоны наводнения. Марк подписал согласование мгновенно, не разбираясь, почему генерал из другого сектора приехал учиться к нему, когда у самого равнинный Тарс во время паводка разливался вширь так сильно, как никогда бы не смогли горные реки.

Лагерь поставили в долине чуть ниже заброшенного аэродрома. Бойцы мирно спали перед началом учений, а генерал слонялся по штабу и вздрагивал от каждого звонка.

— Слушаю.

— Наилий, это я. Кажется, началось. Живот болит сильно и промежутки между схватками короткие.

Куна казалась тихой и очень несчастной. Наверняка полночи промучилась, но терпела до последнего.

— Все хорошо, — ровно ответил генерал, хотя вцепился в обод столешницы до спазма в ладони. — Собирайся не спеша, я скоро тебя заберу.

Куна что-то пробормотала в ответ и разорвала связь. До рассвета еще час, но раз уж Дариону захотелось появиться на свет, то плевать на время. Официально командовал учениями майор Дант, его Наилий разбудил первым, предупредив, что к подведению итогов вернется. Летать Куне было по-прежнему нельзя, скачки давления никуда не делись. Вторым генерал разбудил Нурия, приказав подождать внедорожник к штабу, а третьим Публия. Особого резона беспокоить полевого хирурга не было, до Нарта не так уж и далеко, Наилий просто боялся везти Куну один. В машине не так много места, уж лучше военврач, чем водитель. К тому же в этот раз дорогу генерал знал лучше Нурия.

Внедорожник урчал заведенным двигателем, дым от выхлопной трубы окутывался паром и ветер гнал белесые клубы прямо под свет фар.

— Транспорт готов, Ваше Превосходство, — доложил Нурий, вытянув спину.

— Спасибо, ты свободен. А лейтенант Назо где?

— Здесь я, — тихо отозвался Публий, волоча от походной палатки огромный медицинский кейс.

— Тебе куда столько?

— Не дай несуществующие боги пригодится, — проворчал военврач, укладывая ношу в багажник. — Не порез едем кадету обрабатывать.

Генерал молча кивнул и сел за руль. Нервозность Публия подхлестывала его собственную. Не получалось успокаиваться тем, что миллиарды женщин на Дарии рожали до Куны и столько же родит позже. Страх выползал демоном из бездны. А вдруг не получится? Случится что-нибудь с матерью или ребенком. Медицина на планете одна из самых лучших, а женщины до сих пор умирали в родах.

— Публий, скажи, что все будет хорошо.

Военврач сел рядом на пассажирское, пристегнулся и только тогда повторил:

— Все будет хорошо. Поехали, Ваше Превосходство.

Тонкая корка оставшегося на дороге льда захрустела под колесами. Внедорожник сонно выкатился в просвет между походными палатками и ушел на серпантин. Горизонт прятали холмы, но светило уже очерчивало их покатые бока бледным рассветным заревом. В черно-белом мире камня и льда появлялись краски. До снеговой линии далеко, луга здесь

расстилались плотным ковром, но пока о нем напоминала только жухлая осенняя трава. В тени еще лежали ноздреватые как сыр сугробы и блестели кристаллами льда.

Внедорожник забирался все выше и выше, чтобы преодолев перевал, снова спуститься к аэродрому уже с другой стороны отрогов Ленивого хребта. Публий позвонил Куне, чтобы уточнить частоту схваток и спросить отошли ли воды. Процесс не затух, как бывало при ложных схватках, а околоплодный пузырь держался, давая время на дорогу. Однако, Цесту предупредить стоило уже сейчас. Наилий повесил гарнитуру на ухо и, аккуратно выходя из очередного поворота серпантина, услышал заспанный голос акушерки.

— Цеста.

— Дарисса, мы к вам едем со схватками. Через полтора часа ждите.

Ответ акушерки пришлось ждать. Она дышала в гарнитуру и шуршала чем-то текстильным.

— Ваше Превосходство, ночью случился обвал. Глория на мотоцикле поехала к Куне с продуктами и вернулась обратно. Дорога для Нарта не основная, Глория не знает, будут ли её вообще расчищать.

Если мотоцикл не проехал, то внедорожнику тем более не пробраться. Вселенная поиздеваться решила всласть, не иначе.

— Тьер. Кхантор бэй, — выругался сквозь зубы генерал, закрыв пальцами микрофон гарнитуры. Администрация Нарта неповоротливее застрявшего в болотах танка. Выбивать из них помощь можно сутками. А из военной техники здесь только внедорожники и легкие бронетранспортеры, которые умели плавать, но не умели летать. Был еще воздушный транспортник и, видимо, все-таки придется поднимать Куну на его борт.

— Я перезвоню, дарисса, — пообещал Наилий акушерке и бросил гарнитуру к лобовому стеклу.

Туман в горах появлялся быстро. Только что за окном спальни было чисто, и вот будто снаружи кто-то белое полотно повесил. Куна сначала терла стекло пальцами, пытаясь прогнать наваждение, потом распахнула створку и вытянула руку вперед.

— Надо же, как холодно и сыро.

— Хоть ложкой туман ешь, — вздохнула за плечом Агтия, — ты бы полежала, девочка моя.

Схватка пошла по животу волной, за мгновения достигнув пика. Куна зажмурилась и перестала дышать. Давно бы кричала, не знай, что сейчас будет спад. Матка сжималась в тугой комок и расслаблялась. Удивительно упрямо и ритмично. Вдох до стиснутых зубов и выдох.

— Ох, отпустило, — пробормотала Куна и посмотрела на часы. Еще быстрее и сильнее. — Где же Наилий?

— Он едет, скоро будет, — ласково погладила по плечу матушка.

Боль учит замечать время. Считать его, как бедняк последние зерна пшеницы. Мгновение за мгновением и каждое через себя. Ночь показалась Куне вечностью. Пыталась расслабиться и лечь удобнее, даже дремала немного, но схватки выдергивали из сна безжалостно. Долбили с настойчивостью молотка. Цеста предупреждала, что в первый раз будет долго, но бездна, почему так тяжело?

— Я пойду на крыльцо встречать, — сказала Куна и потянулась за курткой. В Нарт они с Агтией давно собрали большую сумку и теперь без толку слонялись по дому. В Равэнне ждала детская, кроватка с балдахином и кофточка, шапочки, пинетки. Здесь же матушка сшила один комплект из своего платья и обрезала одеяло, в которое завернут Дариона. Недолго осталось терпеть. Куна очень на это надеялась.

На лестнице закружилась голова. Зря надела куртку так рано, надо было нести в руках до порога. Схватка остановила на середине ступеней и Куна зажмурилась. Боль утаскивала в темноту, мешая думать, слышать, дышать. Как это вообще можно терпеть? Но кричать глупо. Никто не услышит кроме матушки, а она и так сама не своя от беспокойства.

Куна не чувствовала рук Агтии, пока спускалась, чуть не запнулась на последней ступени и в проем открытой двери упала грудью.

Туман клубился сразу за крыльцом, проглатывая очертания перил, размывая оголенную землю. Белый и непроницаемый как слепота.

— Никогда такого не видела, — прошептала Куна, — в Равэнне туман стелился над дорогами и таял с первыми лучами светила, а здесь что-то невероятное.

— Мы в долине, девочка моя. Уж если сгустился проклятый, быстро не уйдет. Зажали его горы, закрыли от ветра и тепла.

Куна снова вытянула руку, коснувшись пальцами плотной дымки. Где-то в ней барахтался военный внедорожник, наматывая туман на колеса, как сахарную вату на соломинку. А может давно стоял над пропастью и генерал ходил вокруг, не понимая, где очутился.

— Лишь бы Наилий не заблудился, — вздохнула Куна и сморщилась от следующей схватки.

— Он горные туманы знает, — успокаивала Агтия, — и водит аккуратно. Ты слушай, вдруг мотор заурчит вдалеке?

Куна расправила плечи и разогнула больную спину. В туман хотелось упасть носом и лежать там как на подушке. Дарион притих и перестал пинаться. Не случилось бы чего. Где же Цеста, генетек-акушер с его приборами? Она мечтала услышать, как бьется сердце сына, все бы сейчас отдала за это. Дарион, ну что же ты? Толкни маму ногой.

Что-то слабо шевельнулось в животе и затихло. Сын не отзывался. Тоже устал или просто уснул? Несуществующие боги, увидеть бы хоть одного врача! Пусть скажет, что все в порядке.

— Смотри, — сказала Агтия и ткнула пальцем вправо, где за очертаниями перил крыльца слабо мерцали огоньки. Фары? Неужели дождалась?

Куна рванулась вперед, чуть не упав, когда отпустила опору. Огоньки то гасли, то вспыхивали снова, пока очертания внедорожника не проступили темным пятном на белом полотне тумана. Автомобиль поднялся на холм и затормозил у дома.

— Матушка, пойдем, — радостно позвала Куна, — где сумка?

— Здесь, я донесу, поспеши, дитя.

Наилий спустился с подножки внедорожника и поймал её за вытянутые руки. От генерала пахло свежестью, Куна уткнулась носом в его куртку и всхлипнула. Схватка крутила живот. Скорее, пожалуйста!

— Собралась уже, хорошо, — тихо говорил Наилий над ухом, — но мы сейчас никуда не поедem, на дороге обвал. Нужно вернуться в дом.

Куна застонала и обмякла в его руках.

— Мне так больно, Наилий, сделай что-нибудь!

— Сейчас, сейчас, — бормотал он в ответ, аккуратно разворачивая к дому. Обратно в тяжелую духоту и к новым схваткам. Да когда они закончатся?

Сидеть генерал не мог. Ходил по гостиной от кресла до книжного шкафа и слушал, как Куна отвечала на вопросы Публия. Её раздели, уложив на застеленный покрывалом диван. Военврач попросил оголить живот и уже дважды зло смотрел в сторону Наилия, еще проглатывая приказ немедленно убраться, но поскрипывая зубами.

— Хорошо, дарисса, а теперь честно. Когда начались схватки?

— Вчера в полдень. Сначала слабые и редко, но к вечеру стало тяжело.

— И вы молчали?

Бледная от слабости Куна покусывала пересохшие губы. Конечно, она молчала, терпела до последнего!

— Цеста предупреждала, что схватки сначала будут ложные. Матка тренируется...

— Это акушерке решать, ложные или нет, — выщедил лейтенант.

— Рано ведь еще, до срока три дня. Я ждала Его Превосходство, надеялась, что пройдет.

Публия дернуло так, что он чуть не подскочил на диване.

— Ин дэв ма тоссант, это роды, дарисса! Само не пройдет! Не рассосется!

Куна съежилась в комок, прикрывая живот руками. Датчик сердцебиения ребенка

моргал индикаторами и до того противно пищал, что нервы сдавали не только у военного медика.

— Чем вы думали?

— Хватит, Публий. Выйдем на два слова.

Генерал резко остановился, задев бедром подлокотник кресла. Ощущение, что вернулся на месяц назад, не отпускало. Тогда гостиная тоже напоминала недогоспиталь с вывороченным нутром медицинского кейса, писком приборов, проводами, бледной Куной на диване. Только лейтенант разговаривал спокойно, сейчас же его почти трясло.

Не страшно, когда волнуется пациент, переживают его близкие. Это нормально и проходит. Настоящий ужас хватается за горло, когда нервничает хирург.

— Есть, — коротко ответил Публий и пошел в коридор. Агтия маячила тенью на верхней площадке лестницы, но увидев мужчин, вернулась в спальню.

— Что с ней? — тихо спросил генерал, плотно закрыв за собой дверь.

— Схватки непродуктивны. Шейка не открывается, ребенок не идет по родовым путям. Слишком крупный для матери, я думаю. Дай мне телефон акушерки, я должен посоветоваться.

Планшет выскользнул из пальцев генерала и грохнулся об пол. Ругаясь сквозь зубы, Наилий поднял девайс и взгляделся в экран. Целый, не разбился. Хотя в чем-то сегодня повезло. Военврач позвонил Цесте и надолго погрузился в переговоры на языке медицинских терминов.

Природа в горах часто устраивала неприятности, но сегодня превзошла себя. Вдобавок к обвалу еще и туман. Но если с первым генерал отчаялся бороться, то второй мог исчезнуть так же быстро, как появился, сделав погоду летной. И тогда можно было поднять в воздух транспортник и везти Куну в Нарт или Цесту сюда. Акушерка лететь согласилась даже налегке. То, чего не хватало в медицинском кейсе Публия сложила в свой и терпеливо ждала команды. Все ждали, и только Куна слабела на глазах.

Смотреть на её мучения и не знать, чем помочь — невыносимо. Да, дети не достаются легко, но все демоны бездны, зачем столько боли?

Военврач оборвал связь и протянул генералу планшет.

— С учетом всех показаний, нужно оперировать. Так будет лучше для ребенка, поверь мне. Цеста проконсультирует по видеосвязи. Будь в лагере полевой госпиталь со стерильным модулем операционной, я бы увез Куну туда, но его нет. А между палаткой медпункта и гостиной не такая уж большая разница.

Публий держал спину ровно и смотрел уверенно. Привык резать и шить в любых условиях, но за крепких и здоровых бойцов генералу было не так страшно, как за слабую женщину и новорожденного младенца.

— Подожди, — попросил он и открыл дверь в гостиную. Куна морщилась от боли, не убирая руку с живота. Лицо блее тумана, темные круги под глазами. Казалось, она успела похудеть и осунуться за целый месяц или за один день. За чьи ошибки Вселенная её наказывала? Чем успела навредить центру всего сущего юная и невинная дарисса?

Ни чем, конечно же. Это он, не подумав, сломал чужую жизнь. Выдернул Куну из её мира и насильно притащил в свой. Счастья хотел. Для себя. Генетическим чудовищем он был по документам, а кем на самом деле?

Никогда всерьез не верил в волю Вселенной. Смеялся над тем, как другие искали знаки в случайных событиях и толковали их за или против важных решений. А теперь сидел в

маленьком доме рядом с заброшенным аэродромом и собирался умолять всех несуществующих богов, оставить жизнь его сыну.

Случайности складывались в звенья прочной цепи от ночи посреди урагана на равнине четвертого сектора, через риск хромосомной аномалии, до несказанного вслух Публием. Не решился бы полевой хирург на акушерскую операцию, не будь страха за жизнь пациента. Верить не хотелось, что Вселенная пожертвует Дарионом ради того, чтобы его отец что-то понял.

Ураган, ливень, обвал, туман. Девять месяцев самых глупых препятствий до одной единственной мысли: «У него не будет семьи. Здесь, сейчас, еще двадцать циклов. Хоть цепями привяжи Куна, спрячь так глубоко, что никто не сможет найти. Нет всегда значит нет». Он оставит ей Дариона. Позволит жить с тем мужчиной, с которым она захочет, и просто уйдет. Пусть только живут.

— Куна, — генерал осторожно сел на край дивана и погладил её по руке, — я знаю, ты устала, тебе больно, но потерпи еще немного. Дарион не родится сам, нужна операция. Конечно, Цеста поможет, проконсультирует, а Публий...

Слова давались с трудом, уверенность пропадала из голоса.

— Знаешь, Публий не просто талантливый хирург, он — гений. Молодой, резкий, может грубый иногда...

— Я знаю, — слабо ответила Куна, — и согласна. Хорошо, наверное, родить самой, но не так уж важно. Главное, чтобы Дарион был здоров.

Наилий взял её за руку и поцеловал, а потом долго держал ладонью у щеки, пока в дверь не постучался Публий.

Гостиную превратили в операционную, генерала военврач выгнал на кухню и велел Аттии следить за ним. На столе давно остыл травяной отвар, матушка куталась в платок и молчала. Она вместе с Наилием слушала тишину. Очень долго и внимательно. Наверное, Вселенная простила или сжалилась. Через закрытые двери на весь дом закричал только что родившийся Дарион.

Наилий жалел, что дверь в гостиную без стекла. Деревянное полотно мешало заглянуть внутрь и узнать, как там Куна. Публий разрешил войти только Аттии, она сейчас обмывала Дариона. Сын плакал, военврач вполголоса раздавал указания, а женщины молчали.

Только медики могли закрыть перед генералом двери, да еще так категорично. «Нет, Наилий, операцию ты не увидишь». Куна по-прежнему лежала на столе под наркозом, а Публий накладывал швы стежок за стежком. Методично и бесстрастно. Так, будто он все еще в академии у тренировочного макета. Не стоит отвлекать, лезть под руку и задавать вопросы. Закончит — сам выйдет.

Генерал уперся лбом в оштукатуренную стену и закрыл глаза. В коридоре назойливо пахло сыростью от пропитанных туманом курток и травяным отваром с кухни. Женщины не готовили, в Нарт собрались. Голодные обе. И Дарион. Его кто-нибудь собирается кормить? Наилий дернулся к двери и решительно постучал, но спрашивать и требовать не пришлось. Ручка провернулась, замок щелкнул, и боком в проем вышла Аттия, закутанная в синтетическую ткань от бахил до шапочки. У неё на руках недовольно кряхтел клетчатый сверток.

— А вот и наш папа, — прошептала матушка куда-то в складки одеяла. Запеленали Дариона с головой — лица не разглядеть. Слабый, беззащитный, маленький, словно кукла. Наилий шагнул к ним, не чувствуя ног, и остановился.

— Покажи, — хрипло попросил генерал, — покажи мне.

— Верх у комбинезона снимай, — улыбнулась Аттия, выставив локоть, чтобы случайно не схватил ребенка, — и шапочку у меня из кармана возьми.

Пришлось подчиниться, но никогда еще генерал так не путался в рукавах. Ткань будто прилипла, а молния рассерженно трещала. Забыл до конца расстегнуть.

— Все!

— Еще шапочка, — пропела матушка.

Помочь не могла, руки заняты. Спрятав волосы, Наилий, наконец, выдохнул. Аттия аккуратно переложила ему на сгиб локтя сверток, поправляя ладони так, чтобы держал правильно. Дарион не смотрел на отца. Уткнулся носом в белую рубашку и тихо сопел.

Наилий мир перестал чувствовать. Просочившийся в дом туман, шепот матушки, собственное тело, ставшее чужим. Его сердце лежало на руках и прятало в край пеленки огромные щеки. Радость бежала по венам волной тепла, голова кружилась от эйфории и хотелось только одного — чтобы сын открыл глаза. Но мальчишка собрался спать, нахмутив брови до глубокой складки на переносице.

— Не тебя похож, Наилий, — тронула за плечо Аттия, — смотри, какой строгий.

— Офицером вырастет, — рассмеялся генерал. — Бойцов будет по плацу гонять.

А сам уже вглядывался в чуть вздернутый нос, покатый лоб.

— Нет, не похож.

— Копия, — настаивала матушка, обнимая сзади за плечи, — я ведь помню. Ты такой же крепкий родился. Щеки, как кузнечные меха ходили, соски на бутылке не успевала менять.

Аттия вдруг замолчала, уткнувшись в генеральское плечо. Слезы расплывались на

рубашке, и казалось, что как в детстве пахнет молоком и цветочным медом. Том далеком детстве, где еще не было тренировок и голоса мастера, кричавшего «подъем», а мальчишки делили на всех одну маму.

Дарион будет счастливее его, Наилий наизнанку ради этого вывернется.

Хитрую анестезию поставил лейтенант Куна. Укол в спину, от которого отнимаются ноги, а сознание остается. Лежа на столе, она успела разглядеть все приготовления. Обернутую стерильными простынями тумбу с хирургическими инструментами в лотках, вторую с лампой и растворами для обработки, куда отнесут Дариона. Так радовалась, что услышит крик сына, увидит его. Дождаться не могла тех нескольких мгновений от строгого «начали» Публия до первого вдоха ребенка.

А его как пилота катера Публий поднял в воздух и мгновенно положил на пеленку к Аттии в руки. Куна едва успела разглядеть крохотное личико, косопалые ножки и синезеленую нить пуповины. Сердце застучало, нагоняя давление до блестящих мушек перед глазами. Облегчение накатило волной слабости. Родила. Несуществующие боги, она родила!

— Покажите, — робко попросила Куна. Пошевелиться не могла. Ног не чувствовала, а руки военврач привязал к столу и отгородился от пациентки тряпичным экраном, чтобы не видела, как он режет и шьет. Где-то по ту сторону в держателе стоял планшет и снимал операцию, а Цеста в гарнитуру подсказывала, что делать. Публий слушал акушерку.

Дарион кричал за спиной Аттии, тяжелый воздух гостиной разбавлялся все новыми и новыми запахами. Резкими химическими, мягкими с парфюмерной отдушкой, навязчивыми и едва уловимыми. Куна тянула шею, выворачивала голову, но видела только, как матушка сосредоточенно пеленает младенца.

— Мы готовы.

— Пуповину обработала? — отрывисто спросил Публий. — Скобку поставила?

— Да. К груди можно приложить?

Куна дернулась попросить, рот открыла, но лейтенант ответил быстрее.

— Нет, я еще не закончил. Помешаете.

Инструменты ворочались в поддоне с металлическим лязгом, а Куна губы кусала от досады. Матушка не стала спорить с хирургом, унесла Дариона в коридор. Может и правильно, Наилий тоже волновался, но бездна, как обидно. Вместо огромного живота — пустота и тревога, которая теперь всегда будет с Куной. Где её ребенок? Как он там?

— Извини, — пробормотал Публий из-за экрана, — будь я настоящим акушером, справился бы лучше. Потерпи немного, хорошо?

— Что вы, лейтенант Назо, — выдохнула Куна, — вы нам жизнь спасли. Это я должна просить прощения...

— Лежи пока. Все позже.

Лампы светили в глаза, их со всего дома собрали и включили одновременно. Одна до сих пор горела над тумбой, где Аттия пеленала Дариона. По старинке с головой, Куна так не умела. Видела раньше на снимке из медицинского центра, где мать держала сверток с Аврелией и страдала, будто несла домой беду, а не ребенка. Куна не будет такой. Как можно не любить своё дитя? Забыть ту радость, что сейчас греет тысячей светил, променять на обиду и претензии, кто кому жизнь испортил.

Мать с ней больше не ругалась, но и не звонила. Четыре месяца, что она в горах, Куна не слышала ни её голоса, ни сестры. Сама так захотела, верно, но боль не отпускала. Неужели им настолько наплевать? Ведь мать знает, что скоро станет бабушкой и даже не пытается найти дочь и внука? Номер Куна помнила, могла сама позвонить, но поняла, что не станет. Мать — взрослая, самостоятельная и это её выбор. Если бы действительно волновалась за дочь, её бы ничто не остановило.

— Все, я закончил, — доложил Публий и гремел теперь инструментами, прибираясь у стола. Экран снял, накрыл простыней ноги Куны и выключил половину освещения. Большой ком пропитанных кровью тряпок сунул в пакет для мусора и, выдохнув, встал рядом.

— Я ведь так тебя и не поздравил, мама Куна. Какой мальчишка получился — загляденье.

Лейтенант устало улыбался, вытирая запястьем пот со лба. Все отвлеклись на Дариона и забыли, чьи руки достали его на свет. Одной бездне известно, чего это стоило Публию.

— Спасибо вам, — сказала Куна, болезненно сглатывая слюну пересохшим горлом. Больше слова не шли. Да и можно ли вложить в них ту благодарность, что чувствовала?

— Ты главное поправляйся, — кивнул военврач, — и Дариона береги. Знаешь, я сейчас понял акушерок. Жизнь всегда драгоценность, но увидеть рождение новой — настоящее чудо. Выбирай я специализацию в академии сегодня, не уверен, что остался бы хирургом.

— И очень зря, — отозвался с порога Наилий, — военно-полевая хирургия тебе бы этого не простила.

— Может быть, — рассмеялся Публий, промолчав про собственный запрет для генерала стоять в операционной. Улыбка не сходила с их лиц, Куна никогда раньше не видела мужчин такими счастливыми. Любовалась бы и дальше, не держи Наилий клетчатый сверток.

— Лейтенант Назо, — тихо позвала она, — а теперь можно покормить ребенка?

— Да, конечно, — спохватился военврач, — Наилий, неси его.

Под ноги генерал почти не смотрел, и Аттия крутилась рядом, направляя, чтобы не врезался в диван или тумбу. Столько взрослых вокруг одного младенца, а матери до сих пор не разрешили его подержать. Узлы на веревках затянулись туго, Публию пришлось буквально отрезать Куну от стола. Если бы не анестезия, давно бы сама сбежала. Пусть недалеко, но к сыну.

— Отдайте, — простонала Куна, не замечая, как Аттия надрывает ткань операционной сорочки на груди.

— За голову не трогай, — предупредил Публий, — рано еще.

Сонного Дариона осторожно уложили на живот матери. Маленького, теплого, родного. Хотелось обнять покрепче, но как? Куна едва его придерживала, боясь что-нибудь

повредить. Сын прижался пухлой щекой к груди и тут же замотал головой. Да так сильно, что пушок на макушке шаркался об пеленку.

— Что с ним? — в панике дернулась Куна.

— Грудь ищет, — улыбнулась матушка, — давай поможем.

Дарион сам справился, больно уцепившись деснами за сосок. Пыхтел, как закипающий чайник и щеки раздувал. Пахло от него теплой пеленкой, детским мылом и чуть-чуть карамелью. Самый сладкий младенец.

Куна слушала его дыхание и думала, что едва ли заслужила такое счастье, но она будет стараться. Может и не знает, каково это — быть хорошей матерью. Но догадывается, что для начала ребенка нужно просто любить.

Публий долго рассказывал под запись, сколько часов Куне нужно лежать, когда можно попробовать встать с кровати и как обрабатывать шов после операции. Генерал сидел в гостиной, замотавшись в стерильную пеленку, и только успевал разбивать на планшете аудиопоток на файлы.

Забрать Куну в Равэнну снова не получалось, да никто и не рвался. Легарскую компанию нужно доводить до капитуляции противника и Наилия на Дарии все равно не будет.

— Куна не справится без помощи, — бубнил Публий, — кто-то должен приносить ребенка на кормления и решать бытовые проблемы.

Виликусам это не поручишь. Генерал сомневался, что молодая мама оставит ребенка голодным, постеснявшись достать грудь из сорочки при постороннем мужчине, но зачем создавать неудобства? Да и лучше Аттии вряд ли кто-нибудь справится, а матушка не хотела покидать горы.

Даже Цесту не пришлось уговаривать. Акушерка причитала в гарнитуру, что такая операция в полевых условиях чревата осложнениями и рвалась осмотреть пациентов сразу, как только сойдет туман или расчистят завал на дороге. Настаивала, что проработает в Нарте два месяца и будет следить за Куной, пока она не восстановится.

Разумеется, генерал не возражал. Тем более, вокруг Цесты уже крутилась половина Нарта. Новость о дариссе акушерке женщины разнесли по городу быстрее, чем рядовые приказ о старте учений по казарме. У медпункта каждый день выстраивалась очередь, Цесте корзинами таскали продукты, а Глория клялась возить на мотоцикле, куда скажет по первому свистку. Измучились местные без хорошего врача. Так ведь и заманят остаться на совсем.

— Педиатра бы еще хорошего, — не унимался Публий, поглядывая на Дариона. Наелся мальчишка и уснул прямо на груди матери, а Куну отказалась отдавать, словно боялась, что больше не увидит.

— Генетики только по аномалиям, — нахмурился генерал, — другие детские хвори их не волнуют. Понял, что-нибудь придумаю.

Военврач притих, переводя дыхание, и в паузу у Наилия запищала гарнитура.

— Слушаю.

— Ты там как? Всех научил правильно эвакуироваться? — бодро спросил Марк. — Прилетишь в гости? Я много рыбы нажарил, один не съем.

Наилий накрыл микрофон ладонью и тихо вздохнул. В гостях ведь на чужом материке, а хозяину сектора даже не позвонил. Формально генералы могли летать по планете ни перед кем не отчитываясь, но правила вежливости требовали устного или письменного приглашения. Марк от него отмахнулся, учения согласовал не глядя, а теперь висел на линии и ждал ответ.

— Извини, Сципион, не могу.

Обидится ведь Марк, если придумать глупую причину, а на правду о новорожденном сыне обидится вдвойне. Почему Наилий молчал о ребенке? Закрутился, забыл, не придал значения? Первенцу? Девять месяцев? Бред.

— Я здесь с женщиной, — начал издалека генерал пятой армии, — в моем старом доме. Помнишь возню с документами? Владею вот. Приехал в отгулы между командировками.

— Понятно. Я мешаю.

Бездна его забери! Уже на взводе. В гарнитуру не пыхтит, но все и так слышно по ледяному тону. Да-да мешает! Наилий скоро улетит обратно к легарцам, а так хотелось побыть с Дарионом.

— Как Северина? — попытался перевести тему генерал пятой армии. — Как дети?

— Нормально, — выщедил Марк и замолчал. Связь держал, но палец уже явно на кнопке гарнитуры. В интернате было проще, а с генеральскими погонами на плечах и через океан словно стена выросла. Вместо ночных разговоров в общей спальне — графики командировок, учения и семьи с их проблемами. Марк рыбы нажарил, пообщаться хотел, а Наилий признаться не мог. Глупо. Слова давили на нервы как река на плотину. Барьер трещал, разваливался на части и генерала прорвало.

— Марк, у меня сын родился час назад прямо в доме. Сильный, крепкий, здоровее нас с тобой. Хотел его в город забрать в медпункт, а в долине туман — не сесть, не взлететь. Застряли мы здесь, не до рыбы мне сейчас, давай как-нибудь в другой раз.

— Отсыревшие патроны, утонувший магазин! — ругнулся Сципион. — Жди, сейчас прилечу!

Из крайности в крайность. Сорок циклов, а Марк не изменился.

— Стой! — дернулся Наилий. — Не надо нас спасать. Я не могу сейчас забрать всех в Равэнну, Куна покой нужен. Она здесь останется, а я дождусь хорошей погоды и буду у тебя.

Послушал он как же. Тяжелый транспортник легче с курса сбить, чем генерала девятой армии.

— Рыба пропадет. Жди, скоро буду.

— В бездну. Прилетай, — ответил Наилий уже в короткие гудки разрыва связи. Быстро не доберется, Куна успеет отдохнуть, а дальше по обстоятельствам.

Глава 43 — Подарки и поздравления (обновление от 22.08)

Умел Наилий приносить с собой суету. Стартовой шестеренкой запускал любой механизм и заставлял крутиться с нужной ему скоростью. Дом у заброшенного аэродрома ожил за несколько часов. Поскольку генерал не мог забрать мать и ребенка в Равэнну, то решил поселить их здесь. С ремонтом не успевал, ограничился перестановкой. Сначала Куна вместе с Дарионом перенесли на кухонный диван и оставили под присмотром Публия. Позже, когда рассеялся туман, прилетел воздушный катер. Цесту с её тяжелым медицинским оборудованием до дома проводил рядовой летной группы и пока акушерка осматривала пациентов, Наилий отправил молодого военного двигать мебель в гостиную.

Куна отвечала на вопросы Цесты и пугливо прислушивалась к грохоту из-за двери. Не иначе тяжелую кровать из спальни на втором этаже мальчишка-рядовой тащил по лестнице вниз. Несчастный. Уронит ведь на ногу или надорвется! Ну зачем такие хлопоты из-за неё? Поспала бы на диване, раз после операции нельзя слишком часто ходить вверх-вниз по лестнице.

— Болит живот? — подала голос акушерка, привлекая внимание.

— А? Нет, дарисса, все хорошо.

— Анестезия скоро отойдет, — подсказал Публий, — заболит. Скажешь мне, я анальгетик поставлю.

— Хорошо, лейтенант Назо.

Цеста привезла с собой кювез-реанимацию, напоминающую стеклянный ящик с круглыми окнами для рук врача. Сложное оборудование помогало выхаживать недоношенных и очень слабых детей, но Дариону, хвала несуществующим богам, оно не пригодилось.

— Крепкий мальчик, — улыбалась акушерка, осматривая ребенка, — придраться не к чему. Да, мой хороший? Расти большой, здоровый и радуй маму с папой.

Сыну осмотр не понравился, он сначала кряхтел, а потом заплакал.

— Голодный, — расстроилась Куна, — грудь пустая, не понимаю, что он вообще там ест.

— Молозиво, — отозвалась Цеста, кутая Дариона в пеленку, — ему оно сейчас важнее всего. Чаще прикладывай к груди и молоко быстрее придет. А что несколько капель — не волнуйся. Ребенок доношенный, успел запасти все необходимое и сейчас этим запасом пользуется.

Голова пухла от советов и рекомендаций, но Куна упрямо старалась все запомнить, пока Цеста осматривала её после операции. Не всем осталась довольна, что-то тихо бубнила Публию, а полевой хирург кивал. Однако назначенные им препараты акушерка одобрила, анализы у пациентки взяла и на прощание добавила:

— Хорошо прошла операция. Кое-какие мелочи есть, но куда без них? Сутки лейтенант за тобой присмотрит, а завтра к вечеру разберут завал, и я приеду. Восстановление нас ждет долгое, но прогноз хороший.

— Спасибо, дарисса Цеста.

— О, не за что, — улыбнулась акушерка. — Операция на дому — уникальный случай.

Лейтенант Назо очень смелый врач и сделал все прекрасно. Почти не оставил мне работы.

Цеста смотрела на Публия с восхищением и толикой смущения, а когда военврач поблагодарил её поцелуем вежливости и вовсе покраснела. Куна вдруг представила их вместе на скамейке городского парка Равэнны без формы и дежурно-вежливых улыбок. Таких же искренних как сейчас. Жаль, что между ними тоже будет полтора материка и Срединный океан, как между ней и Наилием. Любила Вселенная разводить по разным углам и смотреть — доберутся ли двое снова друг до друга.

Военврач помог Цесте вывезти огромный кювез в коридор, и там снова стало слишком шумно. Куна различала несколько мужских голосов, но узнавала только Наилия. Генерал монотонно ворчал, а ему громко отвечал кто-то взбудоражено-радостный. Удивительно даже. Столько слов от рядовых она рядом с Наилием еще ни разу не слышала. Обычно они ограничивались короткими: «Есть!» и «Так точно».

Голос незнакомца возвысился и оборвался переливистым смехом, а потом распахнулась дверь. На пороге сразу за огромным букетом роз в корзине появился высокий цзы'дариец волнами длинных волос, зачесанных назад. Куна увидела только ворот-стойку военного комбинезона, а погоны за цветами разглядеть не смогла. Гость улыбался до озорных демонят в глазах.

— Куна, это Марк Сципион Мор, — сказал Наилий, выходя из-за широкого плеча военного, — генерал девятой армии и мой друг.

— Любишь ты официоз, Наилий, — фыркнул гость и в три размашистых шага добрался до дивана. — Просто Марк, дарисса и я здесь, чтобы поздравить вас с рождением сына. Удивительно, как долго новоиспеченный отец вас прятал, даже обидно за собственную разведку. Мину без взрывателя им, а не финансирование. Клянусь, я все наверстаю.

Куна еще не чувствовала ног, даже дернуться встать не смогла. Чужой генерал с цветами, а она в старом платье с прорехой на груди. Хорошо хоть не в операционной сорочке, та совсем прозрачная и неприличная. Дарион лежал на руках, и забрать подарок Куна не могла, но Марк и не настаивал. Опустил цветы на пол рядом с диваном, и, встав на колено, бережно взял ладонь Куны.

— Я очень рад, что Наилий решил не тревожить вас и оставить в горах. Воздух здесь гораздо лучше, чем в столице любого сектора. Будьте моей гостьей и позвольте по-отечески приглядывать за вами и долгожданным первенцем моего друга. Поверьте, для меня это — честь.

От смущения щеки Куны вспыхнули. Она едва осмелилась поднять взгляд на генерала девятой армии, а потом через его плечо посмотрела на Наилия. Соглашаться ей или отказываться? Генерал пятой армии вытянул спину, будто стоял на трибуне для выступлений. На плотно сжатых губах не тени улыбки. Бездна, что делать? Конечно, в любовницы Марк не звал, всего лишь предлагал помощь, но Наилий так крепко держал себя в руках, что Куна сама себе казалась блудницей.

— Неудобно вас беспокоить, — неуверенно начала она, но Марк не дал договорить, наклонившись к её уху и прошептав.

— Наилий не против, поверьте мне. А пыхтит ревниво он по привычке. Я в молодости считался ловеласом, но давным-давно стал семейным.

Куна задержала дыхание, едва в нос ударил аромат парфюма чужого мужчины. На щеках генерала девятой армии осталась не сбритая щетина полосами от края челюсти до подбородка. Он так близко наклонился, что Куне казалось еще немного, и она почувствует

эту колкую поросль на своей щеке. Хотелось верить, что уступает обстоятельствам, а не напору Марка. Ведь она действительно на территории чужого сектора без разрешения на работу и закрепленного муниципалитетом жилья. Если кто-то из Нарта додумается написать официальный запрос: «Что делает на заброшенном военном объекте женщина с ребенком?», то её быстро выдворят домой. А Наилий из космоса вряд ли успеет заступиться. К тому же здесь он не властен. Это сектор Марка Сципиона Мора.

— Спасибо, Марк. Немного неожиданно, но очень приятно. Цветы чудесны.

— О, я не только с цветами, — отстранился генерал и пружинисто поднялся на ноги. — Северина, моя женщина, тоже передает вам поздравление и несколько мелочей для Дариона.

То, что Марк назвал мелочью, в кухню по его приказу стали заносить рядовые девятой армии. Сумки, кейсы и запечатанные коробки с эмблемами незнакомых Куне магазинов генерал провожал короткими комментариями:

— Северина не знала, что вам понравится и положила всего понемногу. Комбинезоны, чепчики, носки, игрушки. Я просил остановиться, но у неё так блестели глаза, что я сдался. В этой сумке ужин для вас. Северина тоже кормит грудью и лучше меня знает, что можно, а чего нельзя.

Куна в шоке смотрела на растущую гору подарков и думала, что генералы не умеют жить по чуть-чуть. У них все через край и с широтой замысла. Наилий тогда половину магазина одежды для беременных вынес, а Марк явно опустошил торговый центр с товарами для детей. И ведь генерал девятой армии не для неё старался. Сколько циклов Наилий жил без детей, боясь, что от генетического эксперимента родится больное потомство? Это все — ради его первого сына. И она не вправе отказываться.

— Большое спасибо Северине. Бесценный подарок, я очень тронута.

— Берегите Дариона, — ослепительно улыбнулся Марк, — больше отдыхайте и ни о чем не волнуйтесь. Я украду вашего мужчину, а то он совсем закис без Шуи. Наилий, пойдём праздновать. Сын! Первенец! Мы обязаны напиться до вонючих дарлибов.

Генерал пятой армии кивнул и шепотом попросил подождать его в гостиной. Марк ушел, жестом выгнав рядовых, и теперь Наилий подошел к Куне.

— Сципиона иногда слишком много, — вздохнул генерал, усаживаясь на стул Публия, — но с его помощью многие вещи станут намного проще.

Наилий выглядел уставшим и озадаченным, но стоило Дариону закрутить головой в пеленке, как взгляд генерала изменился. В него вернулся тот восторг и обожание, с каким Наилий впервые занес ребенка в гостиную после операции.

— Извини, что я без цветов и говорю только сейчас. Спасибо тебе за нашего сына, Куна. И пожалуйста, помни, что бы ни случилось, ты всегда будешь матерью моего первенца.

Генерал обнял обоих, осторожно поцеловав сначала Дариона в пеленку на макушке, а потом Куно. Такие моменты стоило запоминать навсегда.

Гостиная после перестановки выглядела, как отвоеванное у противника укрепление. Лишняя мебель сдвинута в угол и накрыта простынями, окна забаррикадированы шкапами, везде пустые и полные коробки, а каркас не застеленной кровати в центре словно разворотили взрывом гранаты. И бойцы девятой армии на позициях вытянулись по стойке смирно, стоило двум генералам зайти.

— Свободны, — сказал Наилий чужим подчиненным. Те не стали разбираться, кто им может приказывать, а кто нет, и дружно ушли. Марк пропустил последнего, и плотно закрыв дверь, присвистнул:

— Я, конечно, догадывался, что ты не подготовился, но вот прям настолько...

— Марк, как Северина себя чувствует с детьми? — перебил Наилий. — Я ведь тоже волнуюсь.

Генерал девятой армии обошел коробки и сел на табурет. Марк любил прятаться за радостью и громким смехом, но еще в интернате Наилий научился видеть сквозь маску. Угадывать, как на самом деле ему тяжело по мелочам. Чем крепче друг держал спину, тем ниже потом опускал плечи. Ворот комбинезона начинал душить, и Марк расстегивал молнию до белого ремня, а сегодня еще и рубашке досталось. Но по-настоящему настораживало даже не это. Всегда аккуратно выстриженные бакенбарды сейчас напоминали помятую старую щетку, а над губой торчали пропущенные бритвой волоски. Сколько дней растил щетину? Пять? Семь? Брился сегодня впопыхах и примчался слишком быстро.

— Живы дети, — наконец, ответил Сципион, — обошлось. Дышат сами, едят тоже, грудь у Северины взяли оба. Клавдий покапризничал немного, но потом, наверное, на сестру посмотрелся и тоже захотелось. Все хорошо, правда.

Генерал гримасничал, то усмехаясь, то кусая губы, и смотрел в одну точку на полу. Наилий знал, как он себя чувствовал, сам месяц ждал генетических анализов Дариона. В интернате оба думали, что стоит забраться на вершину, где сияли золотом вместо светила генеральские погоны, и никаких проблем больше не будет. Ошиблись. Бездна по-прежнему не подчинялась приказам, плевала на звания и не слышала просьб. А генералы под военными комбинезонами оставались мальчишками, возомнившими, что им можно больше, чем остальным.

— Главное, что все хорошо, — искусственным эхом повторил Наилий и замолчал. Не умел утешать. Совсем. И сделал так же, как десятки циклов до этого — просто сел рядом на первую попавшуюся коробку. Сципион переплетал пальцы и смотрел, как тень на полу отзывается на каждое движение. Темная клякса вспухала буграми, вытягивалась и сжималась. Мастер запрещал раздражать вселенную грустью, когда она давала повод для счастья. Он вообще относился к ней, как к женщине и всю жизнь тщетно пытался понять.

— Что ж ты люстру не выкинул? — громко фыркнул Марк, задрав голову и прищурившись на лампы в деревянном обрамлении. — Сколько мы тогда выпили? Как вообще утром проснулись?

— С трудом, — улыбнулся Наилий. — Я бы рад сегодня выпить так же, но мне еще итоги учений вечером подводить.

— Смеешься? Какие итоги? Если я сопли ненадолго распустил, это не значит, что планы поменялись. Рыба с собой, Шуи сейчас заварим, а с учениями ты будто не знаешь что делать. Явно кого-то за старшего оставил — пусть он отчеты и слушает.

Марк оживал и снова заряжался радостью. Ему сейчас эта пьянка нужна была даже больше, чем Наилию. Наверняка, Северина сама выгнала из дома, чтобы отвлекся от врачей и медицинского оборудования. Одного жаль, адреналин за день изрядно потрепал резервы сил генерала пятой армии. С трех глотков Шуи отключится, как мальчишка, впервые хлебнувший пьяной ягоды.

— Погоди с Шуи, — попросил Наилий. — Бойцы в Нарте детскую кроватку раздобыли. Привезли разобранную и я их обратно отправил с акушеркой и оборудованием. Публий дежурит, женщин я сейчас этим конструктором напрягать не хочу, а если выпью, то вместо кроватки воздушный катер соберу.

— Так, я понял, — решительно заявил Марк, вставая с табурета, — раз тебе хочется занять руки, тащи свой ребус: «вставьте деталь А в отверстие Б». Генералы мы или кадеты-первогодки? Неужели не осилим бред сумасшедшего конструктора, который по недоразумению назвали инструкцией по сборке? Хотя сдается мне, даже трезвые мы воздушный катер сделаем. Главное потом на нем со второго этажа не спрыгнуть. Не взлетит.

Без Шуи мебель не собиралась совсем. Фурнитура не подходила к технологическим отверстиям, а решетка ограждения до дрожи напоминала клетку для провинившихся кадетов. Генералы разложили будущую кровать на полу и с тоской смотрели на испещренную глифами и схемами инструкцию. Действительно, ребус. Хоть гвоздями приколачивай, как придется.

— И все-таки, — нахмурился Марк, — почему ты со своей женщиной здесь, а не в Равэнне?

Лучше бы Наилий не слышал этого вопроса. Себе объяснить не мог, а Марку тем более. Не подходили они с Куной друг другу, как детали злополучной кроватки. Вроде все ясно, а никак не соединить.

— Помнишь легенду о половинках, что рассказывала матушка?

Сципион кивнул, а потом нахмурился, вглядываясь в лицо друга.

— Стой, не может быть. Не она?

— Чужая, да, — подтвердил Наилий и взялся за деревянные планки. «Соедините пятую с шестой, как показано на рисунке». — И я знаю, чья. Боец из моей личной охраны. В особняке служит.

— Рваная гусеница на танке, даже так? Ребенок-то хоть твой? Тест на отцовство сделали?

Наилия дернуло, но он ответил коротко и зло:

— Мой.

И плевать на ужас в глазах друга. Не до ущемленной мужской гордости. Половина офицеров на его месте выставили бы Куну за дверь, раз любовник на горизонте маячит, и она все равно к нему уйдет. Подпись в документах на признание отцовства, паек от муниципалитета и свободна. Строй свое счастье. Но Наилий не мог. По крайней мере, сейчас.

— Да уж, ситуация — хмыкнул Марк, пощипывая бакенбарды. — Нет, я понимаю, зачем ты её на другой материк притащил, но не проще ли было мальчишку выслать на север? Или где у тебя самое забытое несуществующими богами место в секторе?

— Жалость взыграла, — выщедил Наилий, нервно вворачивая болт шестигранником, — и совесть заела. Я свою единственную терпеливо жду, а чужую судьбу ломаю. Развел их пока по углам, посмотрим, как вселенная сподобится свести вместе. Сколько циклов на это потратит? Или она только меня ненавидит, а к другим благосклонна?

Марк сел ближе и помог удержать наполовину собранную конструкцию. В схему уже не смотрел, болты подавал те, что попадались под руку.

— Тогда здесь Куну оставляй. Не до выздоровления и финала легарской компании, а насовсем. Не волнуйся, я присмотрю. Детский врач нужен? Пришлю своего. Вещи продукты, что угодно. Даже не думай отказываться, я корыстен. Тебя, равнинный беглец, теперь в горы на буксировочном тросе не затащишь. А так я хоть видеть тебя начну чаще.

Заманчивое предложение. Много проблем за раз решались. Болтаясь в космосе и на чужих планетах — не все ли ему равно, как далеко сын будет от Равэнны? Вернется — навестит. И отчим раньше времени не заставит Дариона называть себя «папой». А потом, когда Куна уйдет, не придется волноваться, где они будут жить. Дом есть. Нужно передать его в муниципалитет Нарта и пусть они его обслуживают: завалы на дорогах чистят, дрова привозят. Гражданские, конечно, будут возмущаться, не нужна им такая обуза. Но Сципион на них управу найдет гораздо быстрее, чем генерал из чужого сектора.

— Хорошо, так и сделаем.

— Отлично, — просиял Марк и от радости до хруста затянул болт на почти собранном каркасе. — Снова будем соседями. Как поправится Куна, в гости с ней и сыном приезжай. Понимаю, что не скоро, такую операцию на дому пережила. Мощный у тебя все-таки полевой хирург. Тот самый, что из либрария переучился, да? Поощрить бы бойца. Капитана дашь?

Публию бы отпуск недели на две и чтоб никто не дергал. Загонял его командир, из хирурга акушером сделал. Лейтенант у стола почти подвиг совершил, а поощрить за это нельзя. Разве что проплатить оборудование, которое в центр просил, а со званием — беда.

— Рано еще Публию капитана, — ответил Наилий, закручивая ножки у кровати. — Молодой слишком, только во вкус вошел, руку набил. Боюсь, испорчу званием. Получит капитана, сядет в кабинет отчеты составлять, а кто меня после ранений зашивать будет? Я ведь тоже корыстен.

— Еще бы, — усмехнулся Марк и помог донести собранную кровать до её места у стены. — Ну, теперь закончили? Можно Шуи заваривать?

— Нужно, — согласился Наилий.

Подарки генерала девятой армии пришлось очень кстати. Агтия убрала сшитые наспех пеленки, и помогал переодеть Дариона в нормальную детскую одежду. Распаковывать сумки до конца не стали, ждали, пока мужчины закончат с гостиней и туда можно будет переехать. Куну тоже переодели, нашлась хорошая сорочка для кормящих, а с размером при таком свободном крае сложно было промахнуться.

Публий разрешил вставать, но из кухни никуда не пускал, поэтому взрывы смеха из гостиной она слушала через две двери, а потом возвращалась на диван. Хозяева двух секторов пили и праздновали рождение нилота. Так называли всех генеральских сыновей, и только у первого добавляли «старший». Для красоты, конечно. Наследники канули в бездну вместе со старой Империей. Генералы не получали власть по наследству, а выигрывали в поединке. И сколько бы женщин не родили Наилию детей, следующим генералом станет тот, кто его убьет. Зачем тогда сыновьям бремя золотых погон отца? Куна не понимала.

Пока ходила беременная, смирилась, что Дариона заберут в училище, едва он отсчитает седьмой цикл с рождения. Настроилась, что переживет. Регина ведь смогла. Но сейчас, прижимая младенца к груди, не представляла, что отдаст. Помнила каждый шрам на теле Наилия. Бугрящиеся белые рубцы, косыми линиями перечеркивающие грудь, спину, плечи. Столько раз мог погибнуть и выжил. Герой. Но какая мать захочет таких «украшений» для своего сына? Как будет ждать его из командировок в космос, не зная, сам вернется или вынесут из десантной капсулы на руках?

— Лейтенант Назо, — тихо позвала она военврача. День клонился к вечеру, но Публий все так же сидел возле нее на стуле и смотрел на экраны медицинского оборудования. Давление, сердцебиение, температура.

— Да, Куна? Болит что-то?

— Нет, я спросить хотела. А куда пропадают нилоты прежнего генерала, когда у сектора меняется хозяин? Я не знаю, сколько их было у Луция Клавдиана Тита, но нилотов часто показывали в телевизионной панели. Офицеры все. Молодые, здоровые, красивые. Где они сейчас?

Конечно, Публий мог не знать, но Куна была благодарна, что не отмахнулся от вопроса и через паузу ответил.

— Там же. В своих подразделениях и даже в офицерских званиях. Никто их не замучил в подвалах генерального штаба. Один, правда, погиб в операции. Но я сомневаюсь, что его специально подставили под пули. Младшие в училище и с ними все в порядке. Наилий — не зверь. Он не убивает младенцев.

— Наилий, да, — кивнула Куна, смотря на сонного Дариона, — а тот, кто придет на его место? Лейтенант, Назо, поймите, я не жду этого, не приближаю миг, но мне страшно. У Наилия три поединка за звание уже было. И будут еще.

— Я понял, — вздохнул Публий и вытянул спину. — Хочешь поговорить о нилотах и поединках? Давай поговорим. Сыновья генералов часто становятся офицерами вполне честно, а не потому что папа помогает. Другие кадеты могут лениться и забывать про учебу, но нилоту никто не позволит. И если он где-то не дотягивает, это решается интенсивными тренировками, а не поблажками при заполнении табеля оценок. По крайней мере, на

равнине так. Вот и получается, что к выпуску сын генерала сильнее, опытнее и учнее других. Несколько успешных операций и заслуженные погоны на плечах.

Никто себе не принадлежит. Даже у детей генерала на уме только долг, честь и хорошая репутация. Еще одна витрина успешного полководца, как и его женщина.

— И вот вырастут они такие сильные и красивые, — грустно пробормотала Куна, — а отца убьют. Мстить будут претенденту?

— Имеют право, — подтвердил Публий, — но успевают только один раз. На поединок нового генерала может вызвать майор или полковник, больше никто. И если старший по званию нилот не сделает это в первый же день, а то и час, бывший претендент под любым предлогом понизит его в звании. И все. Потом дорога к вершине карьерной лестницы закрывается навсегда.

Правила вызова на поединок Куна знала, но о таких хитростях не догадывалась. Обычно между поединками правила давали генералам цикл передышки, но это не касалось победивших претендентов. Их могли вызвать на поединок повторно прямо над телом предыдущего генерала. И позволить отсрочку в месяц, чтобы залечить травмы.

— Если сын не мог победить, он просто складывал голову на погребальный костер отца?

— Он мог отказаться, — устало прикрыл глаза Публий и взъерошил светлые кудри, — стерпеть понижение и попросить перевод подальше от столицы. Так сделал старший нилот Луция и остался жив, но высшее командование долго бурлило желчью, не приняв его выбор. Видишь ли, истинный смысл приемника не в мести убийце генерала, а в сохранении сложившегося порядка. Первое, что делает новый хозяин сектора — меняет высшее командование. Погоны летят практически со всех. Звучит цинично, но нилот, способный после смерти отца-генерала забрать обратно звание от претендента — своеобразная гарантия преданности полковников. Их страховка на тот страшный день. Поэтому на сыновей генерала буквально смотрит вся армия.

Куне стало холодно в перегретой вновь заработавшим отоплением кухне. Знай она правду о нилотах той ночью в катере — подошла бы к генералу? Позволила себя поцеловать? Намного проще с другими мужчинами, безопаснее для детей, но жалела ли она на самом деле? От злого примечания в заявке на нилота до забытой ради генерала влюбленности казалось, прошла половина жизни. Куна могла до сих пор сидеть в диспетчерской и прятать по карманам мелочь от жадных рук Аврелии. Работать на чужие таблетки и выслушивать упреки матери. Каждый день. Цикл за циклом.

Она не любила Наилия. Давно это поняла и отчаялась что-то изменить. Но если бы сейчас взяла в руки ту заявку, то, не дрогнув, написала бы тоже самое. «Тиран и бездушный чурбан» стал лучшим, что с ней случилось. И раз уж она родила ему старшего нилота, то примет это бремя вместе с сыном.

— Спасибо за честность, лейтенант Назо, — сказала Куна, — я подозревала, но должна была услышать.

— Я все-таки хирург, — виновато улыбнулся Публий, — к полумерам не привык. Да и без меня быстро бы нашлись желающие открыть тебе глаза. Нет ничего проще, чем запугать взволнованную мать. Но думая о нилотах и поединках, постарайся хоть иногда вспоминать, как Наилий смотрел на Дариона.

Куна помнила. На любимого сына, а не гарантию чьей-то преданности. Так, как смотрит только родной отец. Ни один другой мужчина не заменит его Дариону, даже если

будет очень стараться.

Единственное, что еще волновало — где Дарион будет учиться? Начальник лаборатории генетики, где Куна сдавала кровь на анализы, не сомневался, что в горах. Говорил длинно и умно о врожденном потенциале, который бесполезен, если его не развивать. Стандартные тренировки редко помогали. Одаренные кадеты быстрее проходили начальный этап, а потом более упорные сверстники догоняли их в показателях и преимущество исчезало. Поэтому истязали рожденных в лаборатории мальчишек особыми программами тренировок практически с наслаждением. И Дариона, унаследовавшего генетику отца, ждало что-то подобное.

Куна не знала точно, но случайных фраз из рассказов матушки хватало, чтобы оценить весь ужас. Наслоение синяков в одном и том же месте, огромные гематомы, кровоподтеки, выскочившие суставы. С боевой техникой обращались нежнее! Куна накручивала себя и все больше боялась.

— Лишь бы Его Превосходство не переусердствовал с воспитанием, — обреченно вздохнула она, — если нельзя без училища, то хотя бы не в горах.

— Это ему решать, конечно, — сдержанно ответил Публий. — Горный интернат — специфическое место, но я видел, что может Наилий, когда он только прилетел на равнину. Поверь, наши лучшие бойцы рядом не стояли.

Серые глаза лейтенанта светились от восхищения. Для своей армии Наилий был кумиром и непреступной вершиной. Даже далекая от поединков на посохах Куна не могла пройти мимо тренировочного зала, где генерал упражнялся с оружием. Наверняка, с реальным боем не сравнить, но до чего же красиво. Стыдно становилось от своих метаний. И жалко Дариона и хотелось, чтобы сын не уступал отцу.

— Я понимаю, но уж очень жестко с кадетами в интернатах мастера обращаются.

— Начальники, моя девочка. Мастер в горах всего один, — певуче ответила Аттия от двери. Вернулась с пустой кастрюлей и поставила ее в раковину мыть. Пока генералы праздновали, бойцы Марка терпеливо ждали в катере, и матушка ходила их кормить. Да, были сухпайки, но домашняя еда лучше. Куна не сомневалась, что мужчины охотно с этим согласились.

— Давным-давно, когда Дария звалась Империей, — не спеша рассказывала матушка под плеск воды, — такие, как мастер, превратили уличную драку в искусство. Первые генералы, уничтожая все старое, закрыли их школы, а наставникам запретили преподавать. Самые упрямые сбежали в горы и прятались там, пока искусство из пожара не угасло до трепета свечи. Мастер — последний. И так стар, что устал бороться за искусство. Вся его жизнь теперь в кадетах.

Куна не верила, что последний мастер безропотно принял новые правила, скорее уж создал видимость за оградой интерната, а внутри продолжал свое дело. Не даром, даже форму у горных была другая. Наилий иногда надевал на тренировку те самые белые штаны и перевязывал голени черными лентами.

— Я все равно не понимаю, — твердила Куна, — зачем так жестко? Поваров, когда учат проверять готовность блюда, не заставляют пихать пальцы в кипяток. Одни и те же истины можно доносить мягче.

Аттия насухо вытирала кастрюлю и хмурилась. Куна одного Дариона было жалко, а матушка весь интернат видела.

— Чудилось мне порой, — говорила она, — мастер гвозди в мальчишек вбивает, а не истину. Уж такие синяки по телу, плакать хотелось. Не выдержала как-то, налетела на него с кулаками. Била со злостью, чтобы сам почувствовал, а он молча терпел. Ответил, только когда устала и успокоилась. «Синяки проходят. Пусть мои кадеты сейчас бегают с ними, чем потом вернуться домой в черных мешках». Ты не сердись на него, дитя. Мужчины лучше знают, как мальчишек воспитывать. Одно тебе скажу, Наилий поклялся, что если у него когда-нибудь будет сын, в горный интернат его не отдаст.

И Куна с жаром бы сказала за это спасибо, но посчитав, сколько генералы успели выпить, не решалась идти в гостиную.

Шум воды давно стих, но эхо все еще журчало вдалеке, словно повторяя старую мелодию. Куна прикрыла глаза и удобнее устроилась на диване. Журчание убаюкивало, манило в сон, а потом ускорялось, расцветая новыми красками. Действительно музыка.

— Генералы планшет включили?

— Нет, это дудук, — улыбнулась матушка. — Наилий сам играет.

Куна дернулась встать с дивана, но боль вернула обратно. Осторожнее надо.

— Куда ты? — строго спросил военврач и поймал за плечо. Дарион на пеленке у стены даже не пошевелился. Так и спал, открыв рот и прижав маленький кулак к щеке.

— Послушать хочу, — смутилась Куна, поправляя на сыне одеяло.

— Ребенка не таскай, пусть спит. Я присмотрю.

Датчики приборов Публий снял быстро, а с внутривенным катетером пришлось повозиться. Крышка клапана пошла против резьбы, а потом военврач никак не мог отклеить пластырь от собственной перчатки. Бубнил под нос ругательства, но упрямо продолжал.

Куна изнывала от нетерпения. В особняке Наилий никогда не играл, времени не хватало, а может просто не хотел рушить перед бойцами образ сурового генерала. Мелодия набирала обороты, приближаясь к финалу. Еще десяток нот и дудук замолчит, а сыграть заново Наилий откажется.

Освободившись, Куна встала с дивана, опираясь на руку лейтенанта, и почти повисла на плече матушки. Живота не хватало, привыкла к нему. Заглядывать под сорочку страшно — что там осталось и как заплата после операции. Шагалось с трудом, но она терпела, а из гостиной, будто в благодарность, зазвучал высокий тенор.

— Он еще и поет?

— Нет, это Марк, — ответила Аттия, помогая идти. — Крепко мальчики выпили, давно я их вместе не слышала.

Слов песни не разобрать, да и не было их. Хозяин девятого сектора пел вокализ, голосом соперничая с красотой дудука. Куна замерла у входа в гостиную и лбом оперлась о дверь. Генералы не приглашали к себе, и воспитание предостерегало от дерзости. Но то, что запрещалось диспетчеру речного вокзала, дозволялось хозяйке дома и женщине Наилия. Она никогда не приблизится, если будет стоять в стороне. Куна твердо встала на ноги, отпустив плечо Аттии, и распахнула дверь.

Генералы сидели на полу в окружении листов инструкции и разорванной упаковки. Полуголые, пьяные и довольные. Наилий медленно перебирал пальцами по дудуку, а Марк пел, жестами приглашая женщин войти.

Без стен и других преград мелодия раскрылась ярче цветка. Нежные переливы дудука с

легкой вибрацией до дрожи задевали что-то глубоко внутри. Куна будто спускалась в глубокое ущелье и любовалась на прозрачную воду горных ручьев. Мелодия родилась здесь вместе с генералами и была их дыханием. Всем, чего не говорили вслух. Она окутывала плотнее тумана, но не давала потерять друг друга из вида.

Матушка помогла Куне сесть на стул и сама устроилась рядом, а Наилей играл. И это стоило тысячи слов.

Глава 45 — Звезды попадают в неприятности (обновление от 30.08)

Проклятые таблетки снова заканчивались. Аврелия доставала очередную из банки, не смотря на дно. Что толку их пересчитывать? Больше не станет. Лучше банка опустеет внезапно, а Аврелия еще неделю проживет спокойно. В надежде и вере, что вселенная сжалится и пошлет денег. Ведь другим она помогает. Куне, например. Отхватила генерала и укатила пузатая на юг. Лежит, поди, на пляже и апельсиновый сок через соломинку пьет. Давно без пуза, конечно. Цикл, как должна родить. Вокруг толпа няnek, ребенка не слышно, вышколенные виликусы по щелчку пальцев приносят все, что захочется, и даже Наилия нет рядом.

Он свои скучные военные проблемы решал сам, не напрягая драгоценную Куну. Выступал по-прежнему на всех мероприятиях, но Аврелия переключала канал, стоило услышать знакомый голос. Раздражал до нервного тика. Пусть катится в бездну, раз все, на что его хватило — дура-диспетчер из рабочего квартала. Несуществующие боги, столько красавиц в Равэнне, а женщина генерала страшнее дарлиба. Как перед другими полководцами не стыдно?

Хотя, наверное, стыдно, раз увез из особняка подальше. Перепугала она там всех манерами? Растолстела от беременности до размеров шкафа? Сто прыщей ей на морду! Дура! Как Аврелия её ненавидела.

Больше, наверное, только комнату в общежитии, куда заселилась полцикла назад. В бараке комфортнее, а здесь страшно представить — общая ванная комната на четверых дарисс. Ладно бы приличные попались соседки, так ведь не пойми кто с окраин сектора. Ноги заросли шерстью, в подмышках свалывшиеся колтуны волос, вместо причесок — нелепые стрижки. Аврелия брезгливо морщилась от их дешевого парфюма и прятала косметику, чтобы невымытые чучела не добрались грязными пальцами до её дорогущих брендов. Она не благотворительный фонд, чтобы вести к свету красоты совершенно бесплатно.

И так пришлось покупать подарки куратору, чтобы получить место в комнате. Жительниц Равэнны сюда не селили, заставляли добираться до курсов на общественном транспорте. Аврелия трясла планшетом со справкой о своей мышечной слабости перед половиной руководства, но они лишь пожимали плечами. Если так тяжело учиться очно, то стоит перевестись обратно на дистанционную форму. Нет уж. Больше к зануде-матери ни ногой.

Как же она надоела со своим нытьем: «Найди нормальную работу, мы не сможем оплатить следующий курс медикаментов». В диспетчерскую идти? Тарелки мыть на кухне в кафе? Эту работу мать считала нормальной? Демонам бездны на смех. Аврелия не собиралась хоронить себя заживо на бредовой работе ради нищенского жалования. Ей нравилось через Сеть рассказывать о моде и красоте. Конечно, не отдельная программа центра вещания и раскрутиться бы не мешало, но дела вот-вот пойдут. Статистика уже увеличилась вдвое после скандала с тем кремом, вызывающим аллергию. Правда, основной шум прошел вдали от Аврелии, но она тоже зацепилась.

Теперь главное, чтобы у Криспиана с проектом все получилось. Зря что ли она тратила

на него время? Его мать — обычная продавщица в магазине одежды, сам с какой-то генетической болезнью. Стерильный, разумеется, хоть из постели не вылезай — забеременеть не сможешь, но Аврелия пока не собиралась ему отдаваться. Вот еще. Подарков не дарит, по ресторанам не водит. За полцикла принес два чахлах букета, заслужил поцелуй в щечку и хватит с него. Вот разбогатеет, тогда может быть.

Гарнитура в сумке запиликала и Аврелия нехотя спустила ноги с кровати. Соседки пропадали на занятиях, она одна дремала в комнате после бессонной ночи в Сети. Пока со всеми поболтаешь, уже утро. Она же не виновата, что такая популярная. Звонил Криспиан.

— Да, мой драгоценный, — ласково ответила в гарнитуру Аврелия. — Порадуй меня, получилось?

— Нет, слушай, я по-другому поводу звоню. Дверь открой в коридор, а то я заблудился. Где твоя комната?

Надо же. Притащился незванным гостем. Мог хотя бы предупредить, чтобы она успела умыться и причесаться, а теперь как? В полотенце заматываться вроде как только что из душа? Точно! И халат.

Аврелия укуталась в махровую ткань и толкнула дверь рукой. Криспиан долговязой тенью шагал по коридору. Молодой, прыщавый и нескладный. До расцвета и остановки роста еще пять циклов, успеет возмужать и окрепнуть, а пока на девятнадцатом цикле смотреть не на что. Куда ему до военных с их осанкой и шириной плеч? Тощий заяц рядом с хищниками. И щель между зубами все время хотелось залепить пластырем. Не ухажер, а сплошное недоразумение. Но Аврелия сдавала экономику и считала их отношения инвестициями.

Три дня учила слово, чтобы на зачете хоть что-то сказать. Заковыристое определение, зато суть отражает верно. Лучше сейчас вложиться в перспективного курсиста, чем потом отбивать его разбогатевшего от стаи ушлых дарисс, внезапно разглядевших за прыщами нереальную красоту. Криспиан решил открыть модное кафе. Набрал кредитов в банке, выкупил помещение, заказал мебель, дизайнерское оформление интерьера и составил меню. До открытия оставалось два дня и единственная подпись от муниципалитета под разрешением на работу.

Аврелия уже выбрала платье на торжественный вечер, договорилась о трансляции открытия через Сеть и представляла, как пойдет рядом с нарядным Криспианом с улицы через парадный вход до самого кабинета хозяина кафе. Там на табличке будет его имя, но по бумагам половиной всего владела мать Аврелии. На неё подруга Криспиана из банка помогла оформить кредиты. Аврелия всего-то раз подсунула матери заявку на какую-то мелочь вроде покупки нового чайника, а потом специальная программа скопировала и размножила её электронную подпись на десяток договоров с куда более солидными суммами. Ерунда. Криспиан обещал, что прибыль с кафе покроет все расходы за пару месяцев. Мать ничего не заметит. А что делать? Без риска в жизни никуда не пробиться.

— Драгоценный, ты почему хмурый? — защебетала Аврелия, поглаживая пальцами воротник его рубашки.

— Дверь закрой, — толкнул её Криспиан, заходя в комнату, — и говори тише.

Аврелия подчинилась, но губы обиженно надула. Еще не разбогател, а уже голос на неё повышает. Нет, такое нужно пресекать сразу, простит только за подарок, а сейчас будет молчать. Курсист метался в проходе между кроватями и долго выбирал — на какую сесть. Розовый цвет не любил, от искусственной шерсти чесался, а на свое покрывало Аврелия его

не пускала. Незачем привыкать, еще увлечется и руки распустит.

— Проблемы у нас, звездочка, — нервно выдохнул Криспиан и вцепился в нечесанные волосы, — Фаустину поймали на махинациях и уволили из банка. Теперь они требуют вернуть кредиты досрочно, а я не могу, ты же знаешь. У меня денег нет — все в деле. Мебель доставили, собирают, отделка готова, нельзя срывать открытие!

Аврелия громко икнула от испуга. Полотенце раскручивалось и сползло с головы, но она не обращала внимания. Очередная мечта рушилась под причитания Криспиана. Курсист заламывал руки и хныкал как девчонка.

— Ты хоть знаешь, с кем сотрудничает банк по выбиванию долгов? Дозорные из седьмого легиона! Они лютые и обезбашенные, нас убьют, звездочка!

Криспиан резко повернулся на каблуках и вцепился скрюченными пальцами в плечи Аврелии.

— Надо что-то делать! Я знаю, я придумал! Мы достанем половину суммы, и банк утрется. Оставит нас в покое, а потом мы с ним рассчитаемся. Ты ведь спасешь нас? Никто другой не справится. Мы с тобой одни на всей планете, только ты и я. Это же наша мечта. Ну?

Аврелия шипела и морщилась от боли, но курсист не отпускал. Синяки останутся, придется носить кофту с длинным рукавом. Не замечала раньше, какие у него сильные пальцы. Просто крюки стальные.

— Ай, отпусти!

— Извини, звездочка, прости. Испугалась, маленькая? Все хорошо, ты кивни, что поможешь, и этот кошмар кончится, обещаю.

— Что делать-то? — пробормотала Аврелия, растирая плечи и пятясь назад.

— Понравится одному офицеру. Он мой дальний родственник, работает в финансовой службе. Достанет денег, сколько попросим. Приедем на встречу, ты ему улыбнешься, и он растает, потому что нет никого прекрасней моей звездочки.

Криспиан шептал её в ухо, нежно поглаживая по рукам. Полотенце с волос скатилось на пол, и курсист осторожно коснулся завитых кудрей. Рассказывал, как богат его родственник, что он целый майор и очень влиятельный военный. Аврелия плыла в мягком голосе своего ухажера и не видела берегов. Лишь вдалеке сверкали золотыми искрами офицерские погоны. Не этого ли она хотела? Не генерал, конечно, но лучше она не найдет. Стоит ему понравиться и можно забыть про Криспиана, кафе, кредиты, таблетки и все проблемы до конца жизни. Она будет жить как Куна на юге, даже лучше.

— Хорошо, — ответила Аврелия, вплетая высокие ноты в бархатный тембр курсиста. — Когда ехать? Мне нужно переодеться.

— Сейчас, моя звездочка. Я подожду, не спеши. Ты должна быть ослепительна.

Обязательно. Сиять ярче звезд Аврелия умела. Мягко толкнула Криспиана в грудь и выставила за дверь. Что ж, платье для открытия придется надеть на пару дней раньше.

Аврелия надеялась, что встречаться с офицером они будут на квартире в центре Равэнны или в роскошном номере отеля «Тарс», но Криспиан посадил её в машину и уже два часа вез бездна знает куда по трассе. Дешевая машина, никакого комфорта. Аврелию тошнило от запаха лимонного освежителя воздуха в салоне и от кислой рожи Криспиана. Проблемы у него. Переживает. Мог бы подумать о своей спасительнице и взять такси, раз по-другому до родственника не добраться. Соврал, поди, про офицера? Не живут майоры в чистом поле на пригорке, не их уровень. Зря только платье мяла в провонявшей бензином машине. Фальшивый родственник сам, наверное, такой же неудачник как Криспиан. Уходить надо от курсиста, если кафе не откроется, а мать пусть сама с кредитами разбирается. Ну, подаст банк в суд, все равно больше половины жалования не отнимет, не помрет родительница от голода. Надо будет статус в Сети сменить со «свободна» на «в активном поиске». В пятой армии тридцать три легиона. Не может быть, чтобы всех офицеров разобрали другие дариссы и навешали им на шею детей. Кто-то в любом случае найдется.

— Долго еще? — капризно захныкала Аврелия, толкнув Криспиана в плечо.

— Скоро повернем, а там по грунтовке до конца.

— Грунтовке? Ты издеваешься? Мы в деревню едем? Майор живет в деревянной хибаре с удобствами на улице?

— Не спеши морщить нос, звездочка, — усмехнулся Криспиан, — сейчас ты узнаешь, какими бывают деревянные дома у охотников.

Аврелия фыркнула, но язык прикусила. Про загородный дом она не подумала, а зря. Есть среди офицеров ценители тишины и покоя уединенности. Пусть так, ладно, посмотрит она на этот дом, лишь бы платье пережило поездку. Аврелия заботливо расправила складки на юбке, чтобы не помялись. В этом цикле женская мода превратила погребальное платье в предмет искусства. Раньше цзы'дарийки в белое кружево наряжались только в знак траура, но пора шатать устои. И кому как не ведущей программы о моде в Сети показывать другим пример? Аврелия ехала в перчатках, чтобы лишний раз не трогать белую ткань. Капризная очень, от любой мелочи может испачкаться. В саркофаге перед костром, конечно, все равно, а живым модницам нужно следить за чистотой наряда.

Машина нырнула в лесополосу и Аврелия действительно увидела дом на пригорке. Двухэтажный, просторный и в стиле современной архитектуры. Увы, особняк генерала намного больше, но у охотничьего дома был свой шарм. Струганый брус вместо фасадных панелей, панорамные окна от пола до потолка и внутри за тонкими занавесками наверняка массивная мебель в сугубо мужском стиле.

— Что скажешь, звездочка? — самодовольно ухмыльнулся курсист. — Хорош домик?

— Жаль, не твой, — съязвила в ответ Аврелия. Пусть знает, к чему должен стремиться, чтобы завоевать её расположение.

Криспиан замечание проглотил молча, и с тоской посмотрел на чужую богатую жизнь. Вроде вот она — рядом, а не дотянешься. Остается только глазеть из окна дешевой машины. Бедненький. Аврелия могла пожалеть, но не захотела. И так делала для него слишком много.

Курсист припарковался у ворот и подал руку, чтобы помочь спутнице выйти из машины.

Поздно проявлять галантность, теперь ей не до прыщавых юнцов. Впечатленная домом, Аврелия нетерпеливо ждала знакомства с хозяином. Идти нужно скорее, пока она не замерзла в легком платье. Лето еще не разгулялось и под вечер тянуло по-весеннему сырой прохладой. Жаль, меховая накидка осталась дома, но с другой стороны, так лучше видно высокую грудь в кружевном лифе. На неё мужчины смотрят даже раньше, чем в глаза.

Двор дома встретил аккуратно подстриженным газоном и фонарями вдоль выложенных плиткой дорожек. Ворота и двери нараспашку, но на крыльце дежурил угрюмый мужчина в гражданском. Аврелия заготовила ослепительную улыбку, но, подойдя ближе, чуть не завизжала от испуга. Лицо незнакомца уродовал затянутый бельмом глаз. Словно кто-то налил молоко под веки, да так и оставил. Мерзость! Неужели нельзя сделать красивый стеклянный протез, если медики до сих пор не научились пересаживать глаза? Ну и родственник.

— Спасибо, Криспиан, что привез очаровывать урода! — прошипела Аврелия и дернулась уйти, но курсист грубо схватил за локоть.

— Угомонись, — сказал тихо и с такой яростью, что она застыла на месте. — Это всего лишь сослуживец моего дяди. Веди себя прилично, не на вечеринку пришла в общежитие.

Сослуживец, значит. Ну, точно. Аврелия только сейчас разглядела крепкие руки, большие кулаки и перекаченные ноги. Военный с той самой осанкой, которая появляется после десяти циклов в училище. Рядом с ним сутулый Криспиан выглядел по-настоящему жалко. Особенно когда вот так горбился и заискивающе мямлил:

— Мы немного опоздали, на выезде из города плотное движение. Надеюсь, дядя не слишком зол, не хотелось его расстраивать. Может, вы спросите его аккуратно, примет ли нас?

Хмурое выражение на лице сослуживца не изменилось. Он осмотрел Аврелию с головы до ног и толкнул входную дверь.

— Он ждет.

— Спасибо! — счастливо выдохнул Криспиан и отступил, пропуская спутницу вперед. — Прошу вас, моя несравненная звездочка.

Аврелия прижала к бедрам пышную юбку и протиснулась в приоткрытую дверь. Действительно, охотничий дом. На полу скалили мертвые пасти медвежьей шкуры, на стенах висели рога оленей среди винтовок, а мебель будто наспех сколотили из того, что попало под руку. Но в нарочитой грубости угадывалась кропотливая работа дизайнера, и на дорогих предметах интерьера разве что ценники не висели с космическими суммами.

Аврелия жмурилась от удовольствия, её показная роскошь не смущала, а Криспиан сгорбился еще сильнее и стоял совершенно потерянный рядом с медвежьей шкурой, не решаясь на неё наступить. Слабак никчемный. Неудачник. Никогда он не будет жить в таком доме. Куда она смотрела полцикла назад? Один с него прок — с дядей познакомит.

— Криспиан, ты пропустил ужин, — раздался из бокового коридора высокий голос, — оленина остыла и Шуи скоро прокиснет.

Хозяин дома будто сам сошел с обложки модного журнала, на страницах которого ценные гражданские специалисты рассказывали, как много они сделали для планеты. Темно-синий костюм сидел безупречно, туфли из лакированной кожи чуть поскрипывали при ходьбе, а на мизинцах ухоженных рук красовались элегантные перстни. Только короткая стрижка выдавала в дяде Криспиана военного и все та же идеальная осанка. Двигался он с легкостью уверенного в себе цзы'дарийца, который обойдет все препятствия, даже не смотря

под ноги.

— Дарисса, — мелодично поприветствовал он и Аврелия, затаив дыхание, вложила в его руку ладонь в перчатке, — теперь я понимаю, почему племянник задержался. Вас стоит ждать хоть половину цикла. Достоин ли я узнать имя своей обворожительной гостьи?

— Аврелия. А вы майор...

— Обойдемся без званий, — мягко перебил он и тут же загладил момент поцелуем вежливости, — зовите меня Агриппа. Я уже говорил, насколько вы прекрасны? Признаюсь, только смущен погребальным платьем. Настроился на приятный вечер, а у вас траур.

— Без приятного вечера я вас не оставлю, — кокетливо улыбнулась Аврелия. — А платье — всего лишь способ показать, что смерть — еще одна сторона жизни и в ней есть своя эстетика. Пусть широкие массы этого не понимают, но просвещенные интеллектуалы давно свободны от навязанных условностей.

Агриппа не отпускал её ладонь и теперь смотрел с интересом вместо безупречной вежливости.

— Смелость всегда была спутницей юности. Криспиан не так много о вас рассказал, утолите моё любопытство, вы все еще посещаете курсы или уже работаете?

— Мне удастся совмещать. Чудо, когда едва переступив восемнадцатый цикл, находишь занятие по душе и не размениваешься по мелочам.

Возраст ожидаемо впечатлил майора. Серые глаза характерно блеснули. Аврелия знала, что рано высокое звание не дают, а чем старше мужчина, тем моложе его спутница. Тянуло высшее командование на чистоту, не испорченную похотью. Как бы ему намекнуть, что до сих пор невинна?

— Полностью согласен, дарисса, но что же мы стоим на пороге? Вит, накрывай в гостиной на троих. Аврелия, вы уже пробовали Шуи?

Соседки по комнате заваривали один раз, но ей не понравилось. К тому же не все запреты матери стоило игнорировать. Со второй волной эйфории женщина перестала сопротивляться ухаживаниям мужчины, а майор хоть и не Криспиан, но доводить знакомство до близости еще рано.

— Нет, матушка уверяла, что Шуи не красит дариссу из приличной семьи.

— О, я рад, что в наше время всеобщей свободы еще осталось строгое воспитание, но как просвещенный интеллектуал вы много теряете. Южный сорт Шуи особенный, он мягче того, что привыкли пить на равнине, к тому же Вит его превосходно заваривает. Один глоток, прошу, вы обязаны его попробовать.

Агриппа увлек её за собой на диван, придерживая за талию, а Криспиан остался на пороге неуверенно переминаясь с ноги на ногу. Аврелия ликовала. Она так увлекла майора, что он забыл о собственном племяннике. Пока они болтали о современных нравах, хмурый Вит принес две тарелки с олениной в брусничном соусе и два очень тонких фужера как раз на глоток Шуи.

— Кстати о нравах, — сказал Агриппа, наполняя фужеры горячим напитком, — вы с Криспианом объявили себя парой или он зря ревниво поглядывает в нашу сторону?

— Конечно, нет, — улыбнулась Аврелия, с трудом удержавшись от фырканья. Богатые дариссы не ведут себя, как диспетчеры речного вокзала. — Я не спешу заводить отношения. Даже поцелуй в щеку для меня событие, не говоря о чем-то большем.

Она постаралась выразительно изогнуть бровь, умудриться не выглядеть вульгарно, и чтобы майор её понял. Кажется, получилось, Агриппа не сводил с неё глаз, но не спешил

распускать руки, как неопытный юнец. Неужели придется самой проявлять инициативу? Аврелия сделала вид, что поправляет юбку, а сама пересела ближе. От майора пахло дорогим парфюмом, чем-то изысканно-древесным. Легко представить, как утром бритва снимала пену с широкого подбородка, обводила идеально очерченные губы. Над лицом Агриппы будто трудился гениальный скульптор или целая команда генетиков-селекционеров. Майор не зря носил погоны. Он, как аристократ забытой Империи, родился, чтобы править. Аврелия тонула в аромате кедра и вздрогнула, когда мужчина наклонился к ней.

— А кроме Криспиана, были другие?

От тихого шепота волна тепла прошла по обнаженной шее. Аврелия облизнула накрашенные губы и словно под эйфорией от Шуи ответила:

— Нет, никого. Никогда. Вы станете первым.

Ах, как глупо пообещала. Слишком рано, не стоило. Он теперь решит, что она легко отдастся! Аврелию заколотило от паники, но широкая мужская ладонь успокаивающе накрыла её тонкие пальцы.

— Я вам еще нужен, дядя? — некстати встрял Криспиан. Бездна, подслушал! Ну и демоны с ним. Мог бы сам догадаться, что давно пора уйти.

— Нет, ты свободен, — сухо ответил майор и достал из кармана брюк пластиковую карту, — здесь все, что я обещал.

За деньгами курсист рванул через всю гостиную без дополнительного приглашения. Аврелию передернуло, с каким фанатичным восторгом он вцепился в карту и как подобострастно залебезил:

— Спасибо, дядя, вы почетный гость в моем кафе, приходите в любой момент, будем счастливы вас обслужить. Любой каприз...

— Свободен, — холодно повторил Агриппа и курсист захлопнул рот, громко клацнув зубами. Уходил, так и не разогнувшись от поклона к карте, и задом вывалился в дверь. Пресмыкающийся слизняк. Фу, аж противно!

— Неприятный тип, — цокнул языком майор, — хоть и родственник. Аврелия, давайте выпьем, Шуи остывает.

Пока Агриппа подавал фужер, она думала, что сейчас её продали. За кафе, кредиты матери, природную алчность — не важно. Дорого и не абы кому, но все равно. И гадко стало от самой себя. За то, что нарядилась, улыбалась здесь, как потаскуха, и размахивала невинностью будто флагом. По товару и продавец.

— Аврелия? — позвал майор, мягко толкая фужер к её губам. — Выпейте, вам станет легче. Ну-ну, не сопротивляйтесь, всего один глоток.

Он крепко обнял, и аромат кедра смешался с кислым запахом Шуи. Она пыталась мотнуть головой, но пьянящий напиток уже вылился в рот, рубиновыми каплями стекая по подбородку. Первая волна ударила сразу, с головой макнув в белесый туман перед глазами. Гостиная расплылась и зашаталась, а жар потек по венам до сердца и всех слизистых. Соврал майор. Южный сорт был жестче того чуть подкрашенного отвара, что разливали в общежитии соседки.

Аврелия обмякла в руках мужчины и не сразу почувствовала холод на бедрах, когда задралась юбка. Гостиная качнулась или диван ударил под плечи? Еще можно уйти. Сейчас она скажет «нет» и её отпустят, но язык не слушался, превращая слова в невнятное бормотание. Белье натянулось струной и чиркнуло по коже. Между ног стало больно от грубого прикосновения.

— Не надо! — наконец, выдохнула Аврелия и толкнула майора в грудь, но он вместо того, что отпустить, прижал телом к дивану.

— Поздно брыкаться, я уже не успокоюсь. Давай договоримся: ты заткнешься, а я не буду делать невыносимо больно.

Даже сквозь эйфорию Аврелия все поняла и забилась так, как никогда в жизни. Но первый же удар в скулу обжег пламенем, и силы кончились. Бездна пахла кедром и кровью, а вместо звона в ушах свистело мужское дыхание.

Комната охраны в особняке генерала — особое место. Вернее не комната даже, а целый блок ограниченного доступа, где любой чих обитателей трех этажей дома в пустынном пригороде Равэнны записывался и контролировался. Амадей не сразу, но привык жить по расписанию смен и разучился скучать по дневному свету. Окон не было только здесь. Специально, чтобы никто посторонний не разглядел работу охраны. Да и старый добрый бетон надежнее любого бронированного стекла. Хотя внутри в отделке стекла хватало.

Маговое декоративное для шкафов и длинного рабочего стола от стены до стены. Хрупкое и прозрачное в люстре под потолком. И прочное каленое в кружке с горячим отваром. Амадей откинулся на спинку кресла и аккуратно поставил кружку на колено. Вечерняя смена постов, пожалуй, самое захватывающее зрелище. Снятое с десятков ракурсов видеокамер в коридорах и размноженное в ячейках гигантской панели на стене. Декорации и актеры одни и те же, но если следить за ними каждый раз по новому маршруту от камеры к камере, то можно посмотреть маленький фильм.

Сегодня он был в жанре драма. Новенький уснул на посту и получал нагоняй от капитана Рэма. Звук из коридора не передавался, но Амадей по жестам и движению губ догадывался, о чем речь.

— Замордует и в клетку отправит, — вздохнул за спиной Краст. — А я предупреждал сопляка, что лучше печень посадить энергетиками, чем уснуть в смену Рэма.

Амадей усмехнулся в ответ и хлебнул отвара. Выучить наизусть привычки и маленькие заскоки сослуживцев не сложно. Лысый и угрюмый капитан Рэм маниакально любил дисциплину, и у него на глазах стоило вытягиваться струной и не отходить от инструкций. Краст панически боялся куда-нибудь опоздать, поэтому смену приходил принимать за полчаса до установленного времени, а потом сидел и ждал, рассказывая последние новости. Кто-то болтал без умолку о своих детях, кто-то жить не мог без охоты и грезил ею от увольнительной до увольнительной. За цикл, что Амадей служил в особняке, он перезнакомился со всеми, но главного постояльца не дождался. Дарисса с большими и грустными глазами так и не вернулась.

Он слышал о ней один раз, когда пилот транспортного катера обмолвился, что возил из Нарта до заброшенного аэродрома акушерку принимать роды. Сын у генерала. Наилей праздновал его рождение, забыв про учения. Амадей потом неделю вздрагивал на каждый шум, но катер сел на площадке заднего двора с одним полководцем на борту. Куна с ребенком будто исчезли. Генерал все так же летал в командировки, победил в двух кампаниях, но на горном материке бывал строго по делу. По крайней мере, так говорил Краст и шептались другие охранники.

Хорош отец. Если бы Куна родила сына Амадею, он бы в соседний город её не отпустил, а генерал оставил на другом материке. Странная у него все-таки семья. Ненормальная. Разве Куна с ним счастлива? Конечно, нет. Она его даже не видит толком.

— Ты смотри, посетитель, — фыркнул Краст и Амадей, очнувшись, чуть отвар не разлил. Еще раз так замечается, и Рэм будет снимать мелкую стружку уже с него. Поставив кружку на стол, охранник бегло окинул взглядом внешние камеры и нашел у главных ворот фигуру в женском платье.

— Кто там? Дай крупный план, — теребил Краст, ерзая на стуле, хотя панель управления была рядом. Тоже привычка — не трогать пульт, пока смену не примет. Амадей приблизил изображение с камеры, как мог, но в полумраке вечера они разглядели женщину только, когда она подняла голову. Худая, осунувшаяся, заплаканная гостя что-то кричала и долбила кулаком в ворота.

— Я машину не вижу, — проворчал Краст, — пешком шла от трасы?

— Не знаю, — дернул плечом Амадей, выводя звук с микрофона камеры на колонки. Истеричный женский визг ударил по ушам.

— Будь ты проклят! Слышишь? Верни моих девочек! Верни немедленно! Чтоб тебя демоны бездны сожрали! Урод! Вор! Что ты с ними сделал?

Амадей морщился и кусал губы. Половина сектора верила, что если обратиться с проблемой лично к генералу, то она решится в десять раз быстрее. Цзы'дарийцы писали письма на почту, приходили на прием в генеральный штаб, а самые отчаянные пытались прорваться в особняк. Будто проторчав весь день у ворот, они добьются, чтобы генерал спустился лично. Увы. В лучшем случае из будки на посту выйдет дежурный и начнет бубнить про все те же приемные часы в штабе. Собственно, он уже вышел и даже деликатно взял скандалистку за локоть, но женщина вырвалась и снова бросилась на ворота.

— Куна, дочка! Это я! Открой! Я знаю, ты там. Беда у нас, Аврелия пропала! Открой Куна!

На последнем крике женщина охрипла и снова разрыдалась. Дежурный оттащивал её, сграбастав в охапку, но она упала к нему на руки всем телом, и микрофон поймал удаляющийся крик:

— Это он во всем виноват! Слышишь, Куна? Больше никому. Мерзавец! Верни моих девочек.

Генерала часто обвиняли во всех бедах. Большую часть претензий Амадей забывал в ту же минуту из-за их бредовости, но впервые голос чужой женщины звенел в ушах так громко, что хотелось заткнуть их пальцами. Знай мать, где сейчас Куна, не пришла бы в особняк. А со второй дочерью что случилось? Почему мать кричала генералу, чтобы вернул обеих?

— Смену принимай, — подскочил из кресла Амадей и схватил сканер отпечатка ладони.

— Рано еще, — проворчал Краст, — перетрудишься боишься?

— Нет, у меня дело. Срочное. Принимай уже.

— Стоять! — перебил охранник и буквально вырос над Амадеем во всю мощь своего перекаченного тела. — За самовольный уход с поста три дня клетки, пункт инструкции напомнить?

— Пять четыре два, — дерзко отчеканил Амадей, но от толчка в грудь увернуться не успел. Так и плюхнулся задом обратно в кресло. Краст схватил его за воротник комбинезона и локтем придавил к спинке.

— В особняке служить надоело? Жратва из генеральской столовой поперек горла встала? Ты скажи, я зубы выбью, легче проходить будет.

Краст дышал яростью в лицо Амадею. За цикл службы бывший кадет напарника таким никогда не видел. До конца смены несколько мгновений оставалось, с чего он так завелся?

— Начинай, раз собрался, — огрызнулся Амадей, — я отчитываться перед тобой обязан, куда мне идти и что делать?

Опасно было. Всерьез мог зубов не досчитаться, но Краст с рыком впечатал кулак в

высокую спинку стула рядом с ухом Амадея.

— Не лезь туда, дурак. Всеми несуществующими богами заклинаю — не светись.

Да что случилось-то? Генерал действительно навредил обеим сестрам и служба безопасности его прикрывает? Не может быть. Бред. Амадей помнил сцену в катере, когда ради здоровья своей женщины и ребенка Наилий разругался с ней при всех. Глупо сомневаться. В порядке Куна. Живет в горах и ни в чем не нуждается. Да, служба у генерала на первом месте и он не самый внимательный отец, но зачем похищать и прятать сестру Куны?

— Куда лезть? — тихо спросил он Краста. — Ты что-то знаешь?

Напарник отпустил воротник комбинезона, и устало сел в кресло напротив.

— К женщине генерала. Слушай, ничего я не знаю. Сам впервые увидел ту истеричку у ворот. Не наше это дело, капитан Рэм сам разберется. Если захочет. Вот куда ты сорвался, идиот?

— Поговорить, — насупился Амадей, с трудом пропустив «идиота» мимо ушей.

— Дежурный поговорит. Там сегодня Марсалий, а он любопытнее толпы баб. Утром сменится, я его спрошу потихоньку, только ты не суйся, добро?

Амадей долго смотрел в глаза Краста и ловил в осколках намеков отражение правды. Защищать ведь бросился и сейчас уговаривал почти как отец в детстве после подзатыльника за провинность. «Не делай так больше. Не лезь к женщине генерала».

Для Краста все дариссы были на одно лицо. Каждую увольнительную в город заводил новое знакомство, а утром не мог вспомнить имя. Одному правилу следовал четко: «не трогать женщин офицеров». Говорил, что рядовые для всех, кто выше лейтенанта — плюнуть и растереть. Перебежишь дорогу какому-нибудь капитану, и он ужом извернется, а испортит тебе жизнь. Что кричал только что? «В особняке служить надоело?» Как узнал про ревность генерала?

Амадей ведь никому про подаренный Куне первоцвет не рассказал. Разве что Краст сам заметил. И теперь кружил над ним, как дрон-разведчик, чтобы вовремя от глупостей предостеречь. Спасибо, конечно, но какие уж там глупости. Он Куну видел всего три раза, даже не поговорили толком. Пока он цикл мучился снами про неё, мать генеральского первенца даже не вспомнила мальчишку-охранника. Один из сотни рядовых. Безликих и одинаковых. Все правильно, да.

Проклятье до чего же обидно!

Буром в груди крутит, хоть вой. Сил нет терпеть. Надо лететь в горы и в глаза Куне посмотреть. Может, пригрезилось тогда, что тоже небезразличен? Так взглядом его провожала, что душа пела. Если сейчас увидит пустоту, значит к лучшему. Забудет и перестанет мучиться. Надо только увольнительную выбить и билеты на гражданский транспортник раздобыть. Цикл никуда из особняка не отлучался, увольнительных накопилось, как у начальника склада сухпайков. И от Краста отвязаться. Обязательно.

— Хочешь, расспроси, — пожал плечами Амадей, надеясь, что достаточно безразлично. — Мне не горит. Просто она так рыдала, что я размяк. Свою мать вспомнил. Смену прими, опаздываем уже.

Краст настороженно кивнул, но промолчал. Лишь бы поверил. Не нужна сейчас лишняя опека.

Генерал знал, что от младшей сестры Куны будут неприятности, ждал их, даже мысленно пытался предсказать, но Аврелии удалось его удивить. Откуда в юной дариссе взялась почти дарлибская жадность и хитрость? Конечно, она не одна провернула аферу с кредитом, но с обвинениями к воротам особняка пришла именно её мать. Охрана долго не забудет тот спектакль. Особенно после приказа во всем разобраться. Два дня шептались по углам, пока Рэм не пригрозил рассадить по клеткам, если не успокоятся. Капитан сидел сейчас в кабинете особняка напротив Наилия и монотонно-скрипучим голосом зачитывал рапорт. По памяти, не с планшета, разглядывая сцепленные пальцы и явно страдая от того, чем приходится заниматься.

— Пропала Аврелия десять дней назад. Камеры в общежитии при курсах поздно вечером сняли дариссу с её ухажером, выходящими из здания. Уехали на его машине, пару раз отметились в контрольных точках и покинули Равэнну. Машина тоже в розыске. По данным с топливной станции бак почти полный, квадрат поисков большой. Прочесывать его как полагается гражданские даже не пытались. Отговорки прежние — недоукомплектованность личного состава и низкий приоритет дела.

— Низкий? — переспросил генерал. — Разве они мало украли из банка?

— До хищения в особо крупных не дотянули, — не меняя каменного выражения лица, проскрежетал Рэм. — Курсисты, Ваше Превосходство. К тому же работники банка успели найти виноватого. Знакомая Криспиана, которая помогла ему получить кредит. Внутренние инструкции позволяют повесить на неё ущерб и заставить компенсировать. Решения суда еще нет, но оно будет. В производстве так же иск против дариссы Корделии, матери пропавшей. Электронная подпись на документах подлинная и банк имеет полное право требовать возврат средств. Им это выгоднее, чем доказывать подделку и признавать договор ничтожным. И мы не можем вмешаться. Нас это не касается никаким боком.

Рэм был прав и Наилий не собирался настаивать. Конечно, всегда можно влезть напрямую, но стоит ли? С таким трудом оторвал Куноу от семьи, а мать с сестрой продолжали болтаться камнем на шее. Как будто специально нарывались на неприятности. Получится — разбогатеют, а если нет, то генерал все уладит. Удобно, просто, безопасно. Ну, уж нет. Хватит с него.

— Отставить доказательство подделки, — сухо приказал генерал и капитан кивнул. В выцветших глазах Рэма тоски стало чуть меньше. — Пусть гражданские ищут курсистов и с них спрашивают, почему официальная заемщица не в курсе полученного кредита. Повезет — выйдут на мошенничество, а если нет, тогда надавим на главного зачинщика. Криспиан сам схему придумал или вдохновители были?

— Выясняем, Ваше Превосходство.

Рэм оживился, предвкушая переход от скучной финансовой части к более привычному для него расследованию. Кожаное кресло под капитаном скрипнуло, он почти на автомате достал флугу из кармана и хлебнул разведенного лекарства. После плена голосовые связки так и не восстановились до конца. Рэм хрипел, скрипел, и скрежетал поломанным дроном. Медики давно от проверенных средств перешли к смелым экспериментам. Рэм послушно глотал таблетки, микстуры, полоскал горло и прогревал его инфракрасным излучением. Вот

и сейчас в кабинете резко запахло чем-то травяным и химическим одновременно. Да так сильно, что чихнуть захотелось.

Генерал стоически перетерпел, но отодвинулся от стола. Осуждать упорство Рэма язык не поворачивался. Капитан будто собирал прежнюю жизнь по фрагментам и верил, что когда на место встанет последний, пережитый у гнарошей кошмар забудется окончательно.

— По курсисту хоть какие-то зацепки были, — не спеша начал Рэм, — гражданские радостно бросились рыть носом землю и даже нашли еще одну потерпевшую, но не самого Криспиана. Не знаю пока, кто автор схемы, но в первый раз она сработала успешнее. До кафе мальчишка собирал деньги на открытие салона красоты. Точно так же арендовал помещение на короткий срок, закупил на мебельной фабрики некондицию и якобы встал на разрешении от муниципалитета. Спонсор, правда, оказалась богаче Аврелии и связываться с банком не пришлось. Дарисса Прима заняла денег у родственников и радостно отдала курсисту, но их все равно не хватило.

Хрипы перекрывали слова, и Рэм еще раз приложился к фляжке. Не привык так долго говорить, предпочитал общаться по переписке. Но расследование было личной просьбой генерала и капитан многие моменты у гражданских выяснял устно, не оставляя следов в документах. Оттого и приходилось сейчас пересказывать.

— Разумеется, он попросил еще и Прима отказалась. Они разругались до разрыва отношений, но не бросать же начатое. Курсист настырно шел к успеху и тогда появилась вторая часть схемы. Он сымитировал самоубийство, вскрыл вены в ванной, и позвонил дариссе вроде как проститься. Влюбленная дура понеслась со всех ног и, полив слезами раны любимого, пообещала, что сделает для него все, что угодно. Клиническая идиотка.

От негодования у капитана покраснели кончики ушей, и на лысине выступил пот. Генерал слушал внимательно, подозревая, что в деталях истории рознились, но суть осталась прежней. Негодный к военной службе Криспиан решил подняться на гражданке за счет наивных женщин. Сопляк хитровышморганый. Не мешала ему генетическая болезнь учиться и работать, лень одолела. И не нужно рычать на армию, как любят матери таких больных: «Ах, забраковали, ах, не дали шанса, а мы воспитали, как могли». Бред. Хотели бы, воспитали нормально, а не так, что гниль теперь льется через край и лезет из ушей.

— «Чем угодно» оказалось знакомство с богатым другом, — тихо продолжал Рэм, терзая больные связки. — Криспиан фактически продал дариссу. Во времена Империи такое называли сутенерством. За приличную сумму курсист привез свою женщину на встречу и почти сразу уехал. Там вместо одного друга её ждал десяток мужчин. Следствия по изнасилованию не было. То ли её уговорили, то ли сама поняла, что жизнь дороже, но утром поехала домой без травм и побоев. Закатила скандал, потребовала деньги назад, подключила родственников, и Криспиан даже вернул все, что брал в первый раз, но оставил себе гонорар от богатого друга. Прима о нем просто не знала. В итоге салона нет, а прибыль есть.

Наилий потер пальцем висок и подумал, что если Криспиан бойцам Рэма, рыскающим по Равэнне, попадетя раньше, чем гражданским, то кости ему переломают, а потом будут дружно рассказывать, как курсист сам падал на боевой посох. Неловкий очень.

Непутевая дарисса чудом выжила, будто вселенная защитила, нашептав, чтоб не сопротивлялась. Приговор за изнасилование такой же строгий, как за убийство. А если нет разницы, то зачем оставлять жертву в живых? Она рассказать может, пальцем ткнуть в мучителя, а мертвая гарантированно промолчит. Если еще и тело спрятать, то можно забыть о наказании вообще. Не в этом ли причина исчезновения Аврелии?

— Значит, с сестрой Куны все повторилось вплоть до поездки? — спросил генерал.

— Так точно, Ваше Превосходство. Даже богатый друг мелькал на горизонте. На этот раз Криспиан называл его дядей. Мы проверили, родных братьев у родителей курсиста нет. Двоюродный только один и он в тот день лечился в стационаре от такой же генетической болезни как у племянника. Из палаты не отлучался. Здесь гражданские и зашли в тупик. Курсисты словно в воздухе растворились. Раз и нет их.

— Деньги Криспиан успел получить?

— Нет, все счета проверили. Ни одного подозрительного перевода.

Может, и не доехали до места. Хотелось верить в это, по крайней мере, но генерал понимал, что разбитую на дороге машину точно бы нашли. Трупы есть смысл прятать после изнасилования, а не до него. Аврелию как жертву, а Криспиана как свидетеля. Бездна, оба едва перешагнули восемнадцатый цикл! Дети, не соображающие, что натворили.

— Ищи, Рэм, — вздохнул генерал, — хоть фрагмент тела, по которому можно сделать генетический анализ. Но лучше обоих живыми.

— Есть, Ваше Превосходство, — кивнул капитан.

Глупо верить в чудо, десять дней прошло. Даже если курсисты уехали в другой сектор, база генетических карт одна на всю планету. Неопознанных трупов давно нет. Разве что их успели сжечь и развеять пепел над равниной.

Глава 47 — "Я отпускаю тебя" (обновление от 13.09)

Горы расцвели ранней весной и становились краше с каждым днем. Жаркое будет лето в этом цикле, набегается Дарион по склонам, лишь бы в пропасть не сорвался. Генерал в десятый раз себя одергивал, чтобы не приставить к сыну охрану. Пусть мальчишка растет, как другие, не думая хотя бы в детстве, что он — старший нилот. Потом будет училище, косые взгляды и отстаивание себя с посохом в руках, а пока пусть бегаёт по поясу в траве и радуется теплой погоде.

Мелкие камни хрустели под военными ботинками, и Наилий замедлил шаг. Хотелось зайти на крыльцо дома тихо и незаметно, будто не прилетал раз в месяц повидаться, а каждый день возвращался сюда со службы. Куна распахнула окна в кухне, дразня ароматом выпечки, Дарион забыл на ступенях лестницы игрушечный пистолет. Наилий поднял его на ходу, переложив пакеты в одну руку. Когда разгибался, генеральский посох за спиной ударил по ногам. Оружие для поединка за звание в отличие от боевого посоха нельзя было сложить. Его изготавливали цельным и без выдвигающихся шипов в наверхиях. Убивать таким — искусство, но Наилий привез его с другой целью.

— Папа! — взвился к небу детский голос, и маленькие башмаки застучали по коридору. Увидели все-таки в окно, не удалась маскировка. Почти бросив пакеты на крыльце, генерал поднял сына на руки. Легкий совсем, Куна его не кормит?

— Соскучился? — спросил Наилий куда-то в светлые кудри сына. Он обнял за шею и ерзал на руках, стараясь залезть повыше. — Как ты тут? Растешь?

— Папа! — радостно ответил Дарион и тут же, как сорока, падкая на блестящее, вцепился в генеральские погоны. Проклятье, надо было в гражданское переодеться. Комбинезон упакован в космос, а сын дергает липучки и открывает застёжки-молнии быстрее тренированного кадета, только успевай ладошки ловить и отбирать опасные предметы.

— Мы уже заждались, — сказала Куна, выходя на порог, — пироги остыли. Погода нелетная?

— Нет, на космодроме задержался. Поехали посмотреть место для новой посадочной площадки и слово за слово все проблемы обсудили. Пойдем в дом, я подарки привез.

Дарион к матери не пошел, посадить его на плечи мешал посох за спиной, и пакеты генералу снова пришлось поднимать одной рукой. Коридоры и комнаты в доме заросли игрушками, как заброшенный аэродром сорняком. Сколько Куна не пыталась их убрать, сын доставал и разбрасывал обратно. Наверное, нужно было поругаться на него, но Наилию нравилось. Разноцветный пластик машинок и конструктора, пушистый мех зайцев и медведей, самолеты на люстрах превращали каждый день в праздник. Дом словно сам был отцом и с улыбкой позволял разыгравшемуся ребенку ползать по всем углам и закоулкам. Игрушки лежали даже на чердаке, хотя генерал до сих пор не понимал, как Дарион туда забрался по стремянке, да еще и машинки с собой взял.

За цикл Куна поменяла занавески на окнах, наткала половиков и замотала веревками все ручки на шкафах, едва сын научился ползать. Дом Наилия давно стал её домом, и генерал не возражал. Муниципалитет упирался, но под давлением Марка на баланс жилья поставил. Любой генерал счел бы обещание помочь выполненным, но Сципион увлекся. Рядом с

обновленным медпунктом в заново отстроенном здании появились курсы с группами для малышей и детей постарше. Филиал кулинарной академии расширился, и к магазинам добавились кондитерская, несколько кафе и один ресторан. Нарт укрупнялся, собирая жителей со всех окрестных деревень. Ведь в городе появилось главное — работа. Куна теперь ездила туда гораздо чаще и почти не вспоминала про Равэнну. Иногда спрашивала про мать с сестрой, и Наилий отвечал, что все в порядке. Аврелия учится, мать работает. Что будет говорить сегодня, еще не решил. Пропавших курсистов так и не нашли, три недели прошло. Банк выиграл суд и повесил на мать Куны огромный долг. Единственное за чем проследил Наилий — чтобы платежи по кредиту не забирали больше половины жалования. Без таблеток Аврелии оставшейся суммы на жизнь хватало. Распродажа имущества кафе не помогла. Старая мебель и посуда почти ничего не стоили. Большую часть денег Криспиан спустил в никуда. Промотал по бабам, как говорили бойцы. Красиво жил, но не долго.

— Я в гостиной стол накрою, — сказал Куна, забирая пакеты, — садись на диван. Если можешь, конечно.

Генерал улыбнулся, отпуская Дариона с рук на покрывало дивана. Посох хоть и висел за спиной наискосок, но на диване устроиться бы не позволил.

— Подожди с ужином, сначала главный подарок.

Наилий достал из-за плеча оружие и поставил одним концом на пол. Посох был с ним одинакового роста и немного длиннее боевого. Маленькая хитрость, дающая генералу преимущество в бою с претендентом. Планете не нужны случайные победы в поединках за звание. Каждый следующий генерал должен быть искуснее предыдущего. Доказать, что может победить даже в невыгодном положении. Оправдать замену.

— У меня не так много вещей, которые лично мои, — тихо сказал Наилий, — все служебное, ты знаешь, и после моей смерти перейдет претенденту. Особняк, резиденции, машины, оружие, средства связи, планшет. Форму и ту сдадут обратно на склад, а этот посох оставят. Я получил его вместе со званием. Он мой без условий и оговорок. И я хочу подарить его сыну.

Куна замерла, комкая в руках край фартука. Не по возрасту подарок и настоящее оружие все же не игрушка. Придется повесить посох на стену под стекло и объяснять всем гостям, что трогать его можно только генералу, но Наилию до дрожи хотелось оставить посох здесь. Пройдут циклы, Дарион вырастет и забудет, как отец катал на плечах, читал на ночь книги. Рано или поздно у сектора будет другой хозяин. Пепел с погребального костра унесет ветер, и Наилий будет жить отражением на гладком металле посоха, хмурой складкой на лбу так похожего на него сына, эхом собственного имени.

— Как же ты без генеральского посоха? — бесцветным голосом спросила Куна.

— Есть другие, тоже служебные. Только этот — личный.

Дарион, кряхтя, слез с дивана и подбежал к отцу. Любопытство одолело мальчишку. Холодный металл посоха трогал сначала осторожно, а потом привык и вцепился всерьез.

— Это тебе, сын, — улыбнулся Наилий, не отдавая оружие.

— Что нужно сказать, помнишь? — Куна присела рядом на корточки и заглянула в голубые глаза Дариона. — Спа-си-бо.

— Папа! — звонко ответил мальчишка и Куна рассмеялась.

— Да, папин посох. Давай, положим его на шкаф и посмотрим, что там еще в пакетах интересного. Ммм, как вкусно оттуда пахнет. Пойдем?

Пакеты, конечно, интереснее. Дарион рванул к ним с широко распахнутыми от восторга

глазами. В первый залез по пояс и упал вместе с ним. Не страшно, там все мягкое и небьющееся, продукты рядом. Куна уже достала сладости и шуршала обертками, выманивая сына из пакета с одеждой. В гостиной запахло карамелью и земляникой. А генерал, все так же улыбаясь, прикрыл глаза.

Когда придет время, бездна заберет его, но даже она не сможет отнять воспоминаний. Теплого лета в горах, маленького дома на заброшенном аэродроме и счастливого смеха Дариона.

Ужинать устроились в гостиной. Куна накрыла стол для них с Наилием, а сына усадила на специальный детский стул. Из привезенных сладостей Дариону отдали только готовое питание из фруктов. Сын еще не различал картинок на этикетках и тянулся ко всем баночкам без разбора, так что Куна сама нашла его любимое пюре из бананов и, открыв банку, поставила перед Дарионом. Половина пюре, конечно, останется на лице, салфетке и руках, но пусть ест сам. Детский стул держал ребенка крепко, а углубление в столешнице не давало банке опрокинуться. Учись есть хоть до захода светила, тем более старанием и упрямством сын пошел в отца.

И не только ими, конечно. Генетики шутили, что такие копии получаются только клонированием, показывали фотографии маленького Наилия и просили Куну найти хотя бы два отличия. Тщетно. Как братья-близнецы, родившиеся с разницей в сорок циклов. Причуда наследственности, шутка вселенной. Она часто исполняла желания слишком буквально, но на этот раз будто перепила Шуи. Не стоило Наилию так сильно хотеть, чтобы сын был на него похож. Бездна с внешностью, параметрами в генетической карте, Куна боялась, что Дарион повторит судьбу отца. Какой бы она не была плохой или хорошей, мальчику нужна собственная.

Еще и посох генеральский. Красивый подарок, очень ценный, но зачем настраивать сына на смертельный поединок с самого рождения? Ему хватит обучения в училище. Еще успеет окунуться в предназначение с головой. Не понимала Куна идеалов военных, принимала как неизбежность, но не могла разделить. И прожитый в горах цикл мало что изменил.

— Ты останешься на ночь? — привычно спросила она и Наилий задумался. Вспоминал, наверное, график и считал часы перелета с материка на материк.

— Да, но уйду рано утром, вы будете спать.

Дарион громко стучал ложкой по стеклянной банке с пюре. Глядел в неё так же хмуро и сосредоточенно, как Наилий в свою тарелку. Когда вырастет, припухлость с щек уйдет, заострятся скулы, станет острым подбородок. Чтобы не случилось с генералом, он всегда будет жить в их сыне. Слово это и есть бессмертие.

Куна отвернулась, тряхнув головой. Дурные мысли. Не стоит звать бездну раньше времени, услышать может. Устала, наверное, вот и чудятся страхи. Тяжелые сны мучали в последние дни, беспокойные. То с матерью скандалили и били на кухне в бараке посуду, то Аврелия, снова став ребенком, разбрасывала игрушки, и Куна никак не могла их собрать. К чему все?

Таблетки Аврелии, подаренные генералом, должны были скоро закончиться, два цикла прошло. Неужели мать с сестрой сами нашли деньги? Хорошо, если так, но Куна надеялась, что родные объявятся хотя бы ради этого. Настолько не нужна стала? Старый чип связи она выбросила, но планшет с новым у неё были. Звонила несколько раз в Равэнну, узнать как дела у Регины, и подруга отвечала. Лавр служил, она сидела в диспетчерской, а сын впервые закрыл табель с наивысшим балом. Про семью тоже рассказывала. Работала мать, училась Аврелия, все нормально. Но сны терзали тревогой и Куна решилась.

— Наилий, ты не будешь против, если я домой позвоню?

Генерал не реагировал слишком остро на вопросы, наработанная циклами выдержка спасала. Разве что вздрагивал иногда или прятал в кулаках дрожащие пальцы. И сейчас сдержался, но Куна почувствовала неладное по тому, как дважды собирался заговорить и останавливался.

— Наилий?

— Звони. Наверное, будет лучше, если сама услышишь. Не стоит мне пересказывать.

Генерал отодвинул полупустую тарелку и встал из-за стола. Дарион давно доел пюре и теперь размазывал остатки ложкой по столешнице. Чумазый до бровей, умыть нужно.

— Пойдем со мной, — ласково сказал ему отец, вытирая щеки. — Умоемся, спать ляжем. Мы еще не все сказки прочитали.

Дарион залепетал в ответ, цепляясь за шею генерала, тот едва успел развязать измазанную пюре салфетку. Как умудрялся возиться с ребенком без особого ущерба для военной формы, Куна до сих пор не понимала. Проводила их взглядом до двери и достала из шкафа планшет.

Что она должна услышать сама? Мать заболела? Аврелия? Или они переехали? Может, сестра нашла мужчину и сбежала с ним в другой сектор, как цикл назад Куна?

На черном пластике планшета подсыхали следы от влажных пальцев. Куна мяла девайс в руках, не решаясь набрать номер. Что она скажет? «Мама, это я?» После цикла молчания? Но звонить нужно, иначе она с ума сойдет от волнения. Мать ответила через два гудка в линии. Холодно и отстраненно.

— Слушаю, говорите.

У Куны больно кольнуло в груди. А чего она ждала? Номер незнакомый. Безликий набор цифр на экране планшета матери. Помнит ли еще старшую дочь?

— Вас не слышно, говорите, — строго повторила мать и задержала дыхание. Куна почти придумала, что ответит. Даже первое слово сорвалось тоскливым стоном с губ, но мать опередила.

— Аврелия, дочка, это ты? Не молчи, родная, пожалуйста. Где ты? Возвращайся. Что бы ни случилось, только возвращайся. Бездна с ними с деньгами, мы заработаем. Все-все-все тебе куплю, только вернись. Дочка, я с ума схожу, где ты?

Мать плакала и всхлипывала в гарнитуру. То выла, то причитала и Куна не выдержала, разорвала связь. Экран планшета погас, а на черном стекле бледным отражением застыли очертания лица Куны. Посмертная маска с провалами глазниц.

Не нужно объяснений, Аврелия пропала. Уехала, не попрощавшись, и мать извелась от горя. Сколько дней прошло? Регина говорила, что все в порядке полтора месяца назад. Значит, меньше. Куны не было цикл, но мать звала Аврелию.

Обида покатила горячими слезами по щекам. Мать всегда любила только одну дочь, а вторую просто терпела рядом. Рухнули иллюзии и оправдания, густо замешенные на тяжелой жизни и ненависти к отцу Куны, который бросил. Для любви не бывает причин. Она или есть или нет. И не достается детям поровну. Это — ложь.

Куна могла каждый день мыть посуду, убираться в доме, хорошо учиться, слушаться мать и бояться сказать слово против, но и тогда не получила бы и десятой доли того, что щедро давали Аврелии просто так. Потому что любимая дочь. А другая нелюбимая всю жизнь пыталась согреться у костра, к которому её не очень-то хотели пускать. Не важно, как далеко она уехала, почему сама не звонила. Куна пропала, и никто о ней не вспомнил.

Глаза пришлось вытирать краем фартука, нос, наверное, покраснел и распух. Хорошо,

что Наилий унес сына, Куна успеет прийти в себя. Как бы не было больно, а другой семьи у неё нет. Сестра пропала, мать в истерике и помочь мог только генерал. Тем более он обмолвился, что не хочет пересказывать. Теперь придется.

Голос Наилия звучал с кухни неясным бормотанием. Куна давно выучила все сказки сына и теперь по отрывку угадывала страницу в книге. Десятая. Еще немного и Дарион уснет. Кровать здесь в гостиной, а разговаривать взрослым лучше на кухне. И не слишком громко, чтобы не разбудить.

Голос генерала постепенно затих, а потом Наилий пришел с Дарионом на руках. Положив пухлую щеку на плечо отца, сын дремал с приоткрытым ртом. Темные ресницы, длиннее, чем у Куны, веером закрывали нижнее веко. Не хватало только зазорных веснушек на носу и шрама под бровью. Маленький генерал. Какое счастье, что командует пока только игрушками.

Наилий уложил его в кроватку и, беззвучно шепнув: «Пойдем», мотнул головой в сторону кухни. Куна едва дождалась, когда оба переступят порог и закроют все двери.

— Давно Аврелия пропала? Почему ты молчал? Что с ней случилось?

Спрашивала тихо, но голос вибрировал от беспокойства. Генерал замкнулся, превратившись в одну из тех статуй, которые Куна последнее время видела слишком часто. Холодный, вежливый, собранный. Так и хочется добавить: «Ваше Превосходство».

— Она пропала без вести, — глухо ответил Наилий, разливая по двум кружкам горячий отвар. — Три недели ищут и гражданские и военные. Поверь, мои бойцы всю Равэнну вверх дном перевернули, её нигде нет. Никаких изменений по счетам, круг общения молчит, движение Диан-Фор-Два-Грост по аптеками и пациентам отследили, но там пусто. Извини, я ждал новостей, потому молчал.

— Без лекарств Аврелия уже не может ходить, — пробормотала в пустоту Куна, не чувствуя, как кружка с отваром обжигает пальцы. — В стационар нужно вести сразу, как найдут. Болезнь запущена, времени мало, Наилий.

Говорила и понимала, что уже поздно. Сестра мучается, умирает, а она сидит в горах и штанишки Дариону стирает.

— Скажи, она жива? Есть хоть какой-то шанс? Только честно, пожалуйста.

Генерал закрыл глаза и качнул головой. Нет. Безразлично и неотвратимо, как маятник, запущенный чужой рукой.

— Рэм проверил подпольные бордели, притоны шуинистов, другие менее криминальные сборища гражданских — нет её там. Уехала на машине из города и пропала вместе с машиной и своим ухажером. Его тоже нигде нет. Я не хочу категоричных заявлений, но так бывает только, когда жертв убивают и уничтожают тела. Можно ждать и надеяться, я не сдался, бойцы ищут, но в живых Аврелии скорее всего нет.

Ладонь покраснела от жара кружки. Куна безразлично смотрела на алую кожу и удивлялась, почему ничего не чувствует? Глупый розыгрыш, злая шутка. Аврелия не могла умереть. Так не бывает. Она где-то там по уши в неприятностях, скоро доберется до планшета, позвонит и скажет, что нужно заплатить деньги, а её забрать домой. Деньги, деньги, деньги. Сколько стоит улыбка сестры? Её смех, бесконечная болтовня, щебетом птиц будившая по утрам. Сто тысяч «почему» маленькой девочки и взрослое: «я все сама». Кому нужны теперь платья, туфли, косметика? В комнате барака рабочего квартала навсегда станет тихо. Мать жила ради Аврелии, для кого теперь будет?

— Я звонила домой, — сказала Куна, не поднимая взгляда от своих пальцев. — Мать в истерике, она ничего не знает.

— Знает, но не верит. Муниципалитет прислал уведомление о включении твоей сестры в реестр пропавших без вести. Из общежития курсистов вернули вещи Аврелии в мешках, но

они так и остались на пороге барака. Твоя мать не прикоснулась к ним. Она не ходит на работу, не общается с соседями. Муниципалитет отправил к ней психотерапевта, но результата от разговоров нет. Ты можешь поехать в Равэнну, если хочешь. Извини, но Дарион на это время останется со мной. Слишком мал что-то понимать, слезы и сильный испуг ему ни к чему.

Куна сначала кивнула, соглашаясь, а потом задумалась. Мать с её привычкой обвинять всех подряд, едва увидев старшую дочь, бросится с кулаками. Где была раньше? Почему не помогла? Не исчезни она с генералом, Аврелия сидела бы дома и не оказалась в той злополучной машине. Нашла все-таки ухажера, устроила себе сытую и счастливую жизнь. Будто жалования матери не хватало на наряды.

Не хватало. Куна больше не работала, и денег в семье стало меньше.

— Куда она поехала? Зачем?

Наилий медленно цедил отвар из кружки и так же медленно рассказывал про кредиты в банке, оформленные на мать, несостоявшееся кафе ухажера Аврелии и ультиматум погасить долг немедленно. Таинственный дядя обещал помочь. Это все, что удалось узнать. Куна закрыла лицо ладонями и простонала.

— Бред. Несуществующие боги, какой бред! Что же ты натворила сестренка? Зачем?

Боль вскипала желчью и щипала за язык обидными словами. Куда смотрела мать? Как отпустила Аврелию не пойми с кем? Взрослая стала, как же, на курсы пошла. Выросла глупым ребенком и за цикл не изменилась.

— Я тоже виновата, — причитала Куна, — сидела здесь вместо того, чтобы...

— Нет, — резко ответил генерал, стукнув дном кружки по столу, — хватит принимать на себя чужие ошибки.

— Они — моя семья.

— Дарион — твоя семья.

Куна толкнула стол, резко поднимаясь. Кружки, звякнув, зашатались, выплескивая отвар. Генерал с упрямством ракеты, летящей к цели, не хотел принимать её семью. С самого начала, когда скрывал их отношения. Потом, когда приказал не пускать Аврелию на порог особняка и сейчас, спрятав Куну в горах. Стыдился женщин из рабочего квартала или боялся навредить репутации полководца? Как же, тридцать три легиона подчиняются, не прекословя, а тут не только Куна будет спорить, но и мать с сестрой.

— Уж не ты ли все подстроил, Наилий? Нет Аврелии — нет проблем.

— Думай, что говоришь, — прошипел генерал, тоже поднимаясь на ноги, — я не воюю с женщинами. Тем более с больными детьми. Жалеешь, что не дала семье присосаться к генеральскому пайку на Дариона? Что ж, у тебя еще осталась возможность. Ты распоряжаешься пайком, не я. Хочешь — гаси кредит, хочешь, содержи мать, я не стану вмешиваться.

— Так и сделаю, — твердо пообещала Куна, — близко не подойду, чтобы помощи попросить. И сестру сама найду.

— Не найдешь, — грубо ответил Наилий и замолчал. Хлесткий ответ будто по щекам Куну ударил. Да так, что слезы чуть не брызнули. Не найдет ведь, прав генерал. Что она может, сидя в горах, привязанная к детской кроватке? Куда бежать? Кого спрашивать?

Газовая лампа над головой зашипела, моргая темнотой. Старая, как дом и эта кухня с чуть обшарпанной мебелью. Генерал сказал Куне тогда ночью в воздушном катере: «Я слишком стар для тебя», зря не послушала. Из ста пятидесяти циклов жизни, сорок — очень

мало, но Наилий считал иначе. Слишком рано стал генералом, очерствел, закалился в привычках. Даже ради сына менял расписание учений и командировок с большой неохотой. Командир, полководец, хозяин пятого сектора. Что толку говорить: «мой мужчина», когда это давно не так?

— Тебе ведь совсем меня не жалко, правда? — осторожно спросила Куна, не глядя генералу в глаза. — Я знаю, как ты любишь сына и никогда не закрою перед тобой дверь, запретив с ним видиться, но мы чужие с тобой, Наилий.

— Это не так.

Куна подняла руки, умоляя дать ей закончить, и говорила все быстрее и быстрее:

— Ты бываешь здесь раз в месяц и то, если нет срочных дел. Приезжаешь к Дариону, а со мной разве что ужинаешь вместе. Наилий, у нас не было близости половину цикла, я больше не нужна тебе, как женщина. Мне все равно, есть ли у тебя кто-то в Равэнне, но я знаю, что редкий мужчина продержится без женской ласки так долго.

Не репетировала разговор заранее, как-то само вырвалось и теперь, ужаснувшись собственной смелости, Куна ждала ответа. Надеялась с детской наивностью, что Наилий начнет переубеждать, уговаривать. Пообещает, что кончится напряженный период на службе, и он будет приезжать чаще, но генерал молчал. Еще тяжелее, чем перед новостями об Аврелии.

— Я не могу держать тебя рядом насильно, — пробормотала Куна, от слабости едва чувствуя ноги. — Ты мой первый и единственный мужчина, но жизни нельзя приказать идти так, как тебе хочется. Дарион навсегда твой сын и это не изменится, когда мы станем свободными.

До последних слов в отношении не хватало одного вдоха. Формула, такая же древняя и важная, как: «Я хочу назвать тебя своей женщиной», уже каталась на языке. Куна могла сказать сама, но ждала её от генерала.

Он подошел совсем близко и не обнял, а погладил по плечам. Такой далекий, что не стал родным. От него всегда тянуло холодом горных ледников, а она не смогла согреть. Пыталась. Видят несуществующие боги, старалась изо всех сил. Мало. Не так. Недостаточно. Права Аттия, все без толку, когда сердце не тянется ввысь и Тарс не шумит в ушах весенними переливами. Но два цикла рядом с генералом Куна будет вспоминать всю жизнь.

Её первый и единственный мужчина. Отец Дариона.

— Я отпускаю тебя, — прошептал генерал и коснулся прохладным поцелуем её лба, — будь свободна и счастлива.

Ледяным ветром по дрожащей спине, белым снегом на губах. Это все-таки больно, сколько не глотай вздохов и не прячь слез. Куна молча кивнула и пошла в гостиную. Теперь она действительно каждую ночь будет засыпать одна в постели.

За стенами особняка Амадей чувствовал себя неудобно. Тем более в гражданской одежде посреди шумного аэровокзала Равэнны. Здание перестраивали, наряжая простую коробку из бетона в стеклянный фасад и добавляя административных помещений. Над старым вокзалом коконом гигантского насекомого вырастали леса в рваных полотнах защитных сеток, а внутри не прекращалась посадка на регулярные рейсы. Ремонт отгородился от пассажиров прозрачными ширмами, уменьшив и без того крошечный зал ожидания до одной комнаты с жуткой толчеей.

Так много женщин в одном месте Амадей давно не видел и с трудом понимал, от чего теряли голову другие бойцы, вырвавшись в увольнительную. Разглядеть красоту, свежесть и томную нежность в уставших дариссах было невозможно. Зато они прожигали рядового изучающими взглядами насквозь. Рост, возраст, звание, перспективы. Через одну оценка колебалась от «ничего выдающегося» до «так себе» даже без погон и нашивок. Чувствовали они, наверное, по чуть сутулой осанке и неуверенной походке, что далеко пока Амадею до офицера.

Не страшно, он наверстает, а пока стоит пропускать лишнее внимание мимо себя. Какое ему дело до десятков чужих женщин, когда нужна одна-единственная? Та, что спряталась от него в долине гор под облаком тумана. Сидела на втором этаже маленького дома и воспитывала чужого ребенка. Берег её генерал, как сокровище, а рядовой мечтал если не украсть, то хотя бы посмотреть еще раз издали.

Посадку на рейс объявили и Амадей, закинув на плечо лямку вещмешка, пошел к стойке регистрации. Очередь терялась в общем потоке и вилась едва заметной лентой среди взбудораженных пассажиров. Рядовой одурел от запаха разогретых в духоте женских тел и оглох от бесконечных разговоров. Рефлекс охранника заставлял вслушиваться в каждое слово, но голова быстро отключилась от потока чужих бытовых проблем. Чайки над Тарсом кричали приятнее, но и это приходилось терпеть.

Очередь подошла быстро. Уставшая, но все еще вежливая дарисса попросила предъявить документы. Пока Амадей доставал пластиковую карту с личными данными из кармана тесных брюк, успел разглядеть на регистраторе безупречно отглаженную блузку, слегка неподходящую по размеру, и ярко-желтый шарф с эмблемой аэровокзала. Забавно, но гражданские, будто подражая военным, тоже старались одевать свой личный состав работников в форму. Зачем? Если есть свобода хотя бы в одежде, не стоит ею пренебрегать.

— Цель поездки? — певуче пропела дарисса.

— Лечение. Вот направление от медицинской службы.

Амадей протянул через круглое окно стойки вторую пластиковую карту. Там на чипе хранилась закрытая для всех история болезни и единственный незашифрованный файл с направлением.

Краст помог оформить увольнительную через штатного медика особняка. Тот в обмен на копченую рыбу из запасов кухни разглядел на снимках старую травму плеча и рекомендовал процедуру иглоукалывания, которую делали только в горах. Проще, конечно, через отпуск по болезни, но тогда лечиться нужно было в пятом секторе. А если в другом, то исключительно за счет увольнительной. Иногда бюрократические дебри инструкций

изрядно выручали.

Регистратор забрала карты и уставилась в монитор. Данные из базы выводились на экран с тихими щелчками и тревожным попискиванием. Пауза затягивалась, очередь за спиной роптала вслух, но Дарисса кусала губы и отправляла с сенсорной панели новые запросы.

— Проблемы? — коротко спросил Амадей, когда недовольный гул и выкрики над ухом: «да сколько можно?», начали раздражать.

— Вам отказано в вылете, — хмуро ответила регистратор, отдав документы, — направление действительно, но стоит общий запрет покидать сектор. Сожалею, но я не могу пропустить вас на рейс. В таких случаях мы возвращаем деньги за билет. Вам нужно обратиться к старшей смены.

Амадей не сразу поверил в то, что услышал. Несколько мгновений стоял с приоткрытым ртом и крутил в пальцах пластиковые карты. Какой еще запрет на вылет? Когда он успел появиться? Им награждают за серьезные провинности накануне военного трибунала, а у Амадея даже устных предупреждений не было. Чист и безупречен, как положено личному охраннику генерала.

— Окно старшей смены справа через одно, — вежливо напомнила регистратор. — Следующий, пожалуйста.

— Подождите, — дернулся Амадей, не давая женщине в зеленом платье протиснуться мимо него к окну, — там должна быть дата начала запрета и срок действия. А так же ссылка на приказ. Скажите хоть что-нибудь, пожалуйста.

— Мы не даем такой информации, — холодно ответила регистратор.

— Пожалуйста, дарисса, у меня родственники в другом секторе, неужели я не смогу улететь к ним никогда. Хотя бы срок действия.

Амадей припал к окну, впечатавшись лбом в стекло. Очередь грубо требовала убраться с дороги и не задерживать, но сил оттащить здорового мужика от стойки слабым женщинам не хватало, хотя держали его за рубашку крепко. Регистратор нервно поглядывала на кнопку вызова охраны, даже отодвинулась назад от смутьяна, но Амадей снова и снова беззвучно повторял: «Пожалуйста».

— Нет там срока действия, — сдавшись, прошептала дарисса в гражданской форме, — и приказа тоже. Запрет поставили больше цикла назад. Извините, я и правда больше ничем не могу помочь.

Очередь победила, скрутив по рукам и вытолкав прочь от стойки. В ушах Амадея звенели проклятия, а на ботинках красовались пыльные следы женских туфель. Документы так и остались в кулаке, врезавшись в ладонь жестким краем куска пластика.

Запрет покидать сектор — почти приговор. Особенно, если его поставили по ошибке. Уйдут месяцы, чтобы доказать свою невиновность и Куна успеет забыть его окончательно. Дурак, зачем так долго ждал? Как теперь добраться до заброшенного аэродрома в горах? А главное — на какие деньги? Билеты стоили как все его денежное довольствие за три месяца. Амадей дотошно читал правила перед покупкой. Возврат денег только по уважительной причине и две недели на рассмотрение заявки. Увольнительная успеет закончиться. Бездна не так изобретательна на пакости. Что теперь делать?

Чтобы вернуться обратно в особняк генерала Амадею пришлось ждать до вечера и караулить на парковке генерального штаба служебный автобус. Не ходил городской транспорт Равэнны к воротам самой охраняемой территории сектора. Дежурный встретил его молча, лишь недоуменно посмотрел на монитор, где напротив имени Амадея моргал статус «увольнительная». Да, вернулся раньше времени, но как любил говорить инструктор училища: «то не отступление, а передислокация и перегруппировка сил для нового удара». В дороге решимость добраться до горного материка только окрепла. Служба безопасности явно что-то перепутала, и запрет снимут, нужно только обратиться с запросом. В ночь дежурил Краст, и в комнате охраны уже пахло любимым ореховым печеньем напарника. Он встретил Амадея недоуменно вытянутым лицом и едким комментарием.

— Что? Насмешил наш медик демонов в бездне фальшивым направлением? Тебя развернули?

— Хуже, — вздохнул Амадей, усаживаясь рядом в кресло и ногой толкая под стол вещмешок, — я уже цикл не выездной и не знал об этом. Ты не в курсе, кому можно запрос отправить, чтобы запрет сняли?

Краст поскреб ногтем бровь и заерзал в кресле. Не любил напарник попадаться на глаза офицерам службы безопасности, аллергия у него была на вежливых и дотошных цзы'дарийцев с уровнем допуска к секретам выше, чем хочется представлять.

— Слушай, дался тебе этот горный материк, что хоть за таинственные родственники там ждут? Настоящие хоть?

— Разумеется. Троюродная тетка моей матери по линии брата её отца, — оттарабанил Амадей, не без труда вспомнив правильное название сложной родственной связи. Мать даже гостинцев передала родственнице, хотя видела её один раз в жизни в крематории после смерти отца. Так что легенда хороша на загляденье, с такой хоть к капитану Рэму на проверку. Но Краст воодушевления напарника явно не разделял. Смотрел под стол на вещмешок Амадея и беззвучно шевелил губами, подбирая слова.

— Я ж тебе добра хочу, дурак, — наконец, начал очередную нотацию Краст, — сколько раз прикрывал тебя с мелкими огрехами? Журналы правил, в камерах помогал разбираться? Вот и сейчас меня послушай. Знаю я, к кому ты рвешься. Куна её зовут. Женщина генерала, мать его ребенка. Может, и не было у вас ничего крамольного, но командованию приспичило запереть тебя в секторе. Тебе лучше знать, почему. Не так посмотрел, не то сказал и вот уже запрет повесили. Радуйся, что на север не отправили в подразделение, из которого нет перевода. Морозил бы сейчас яйца на Белых островах и всерьез к ледяным скульптурам баб приглядывался, среди них выбирал. А так сидишь в столице, любая красotka даст, узнав, где служишь. Чего тебе еще надо?

Амадей поежился от неприятного ощущения, что наизнанку вывернули и внутренности перетряхнули. Куна была той тайной, которую он берег строже, чем безопасность документы под грифом «совершенно секретно». Что его выдало? Подаренный первоцвет? Неужели, у Куны были из-за него проблемы?

— Кто еще знает кроме тебя? — спросил он грубее, чем хотел, но Краст ответил сдержанно.

— Капитан Рэм.

Вот оно что. Куда ж без лысого соглядателя, тенью ходившего за генералом? Наверняка он и рассказал Красту, заодно приказав следить за Амадеем. Раз информация пошла сверху вниз, то и Наилий в курсе. Неужели из-за этого отказался забирать Куна в особняк? Бред, не может быть. Ревность ревностью, но какой из Амадея соперник Его Превосходству? У генерала должна быть железная уверенность, что если уж женщина с ним, то так и останется до конца жизни. Зачем прятать Куна? И почему, в самом деле, Амадея оставили личным охранником? Загадка.

— Не снимут запрет, да? — нервно спросил Амадей. — Ну, раз так, тогда я нелегально поеду. На попутках до устья Тарса, а оттуда на моторной лодке по Тихому морю до столицы девятого сектора. Есть пустые, никому не интересные бухты, причалю, а дальше хоть пешком.

Амадей говорил и заводился все сильнее. Готов был через всю планету пешком пройти, лишь бы не сидеть запертым в блоке охраны под контролем того, кто называл себя другом. Добра хотел Краст, как же. Кому нужна его забота? Пусть не лезет в чужую жизнь, своей живет.

— До конца увольнительной не хватятся, — шипел Амадей, — а дальше пусть самоволка будет, плевать! Пропавших без вести месяцами ищут и не находят...

— А тебя найдут, идиот! — крикнул Краст, снял пистолет с пояса и положил на стол перед Амадеем. — На вот, застрелись, чего зря ноги бить по равнине? Все равно, этим кончится, только сунешься к женщине генерала. Я-то думал: «ну, молодой, горячий, пройдет», а у тебя мозгов совсем нет. Бывшая она, будущая или настоящая, запомни раз и навсегда — не твоя! Засунь свой член в первую попавшуюся бабу и успокойся!

Звон от крика еще стоял в ушах, когда Амадей взялся за рукоять пистолета. Все охранники ходили с огнестрельным оружием, на Дарии бластеры носили только офицеры. Справа на поясе рядом со складным боевым посохом. Еще одна привилегия, до которой рядовым не дотянуться. Лучше оружие, жилье, паек, женщины — все выдавалось даром и забрать обратно можно было только после смерти. Куна будто была частью генеральского пайка. Безвольная, неживая, не подлежащая отчуждению. Краст прав, претендовать на неё бесполезно и очень опасно. Не отдаст генерал просто так то, что принадлежит ему. За звание насмерть бьется и за свою женщину запросто свернет шею. Нужно отступить, только как?

Амадей приложил ствол пистолета к виску, зажмурившись от ощущения холода. Мысли не хотели приходить в порядок и словно на стену натыкались, стоило представить, что откажется от Куны. Не было за той стены ничего. Не любви, не дома, не счастья.

— Эй-эй, — тряхнул за плечо Краст, перехватывая руку с пистолетом, — ты чего надумал? Ну-ка дай сюда, идиот. Вот что с тобой делать?

Амадей разжал пальцы, позволяя забрать оружие. На мгновение показалось, что зря. Может лучший выход был близко, да только кому от него станет легче?

— Совсем плохо? — не отпускал плечо Краст. — Да не молчи ты! Сидишь бледный, трясешься весь, глаза больше мониторов.

— Нормально все, — мотнул головой Амадей. Нужно встать и уйти. Да что ж Краст так на плечо давит? Не драться же с ним. — Отпусти, пойду я. Ты прав, мало ли женщин на планете? Каких-то полмиллиарда. Да только лучи светила клином на одной сошлись. Во сне её вижу, дома у себя представляю, имена детям придумал. Я ж вот тут чувствую, что или с

ней или никак. И не прошу себе, если не попытаюсь. Всю жизнь жалеть буду, что мог, но испугался. Это как сидеть на аэродроме, зажав билет в кулаке, и провожать взглядом взлетающие катера. Один за другим, цикл за циклом. Не будет других женщин. Я знаю.

Краст отпустил плечо и шумно выдохнул. В особняке гасло освещение, оставляя для камер наблюдения только тусклые дежурные лампы. Рядовые на втором этаже ушли в комнату отдыха смотреть новости за игрой в Шу-арлит. Белые и черные камни ложились на расчерченную доску и решалась судьба поставленного на кон ужина. Для всех Амадей был дураком и самоубийцей, но иначе он не мог.

— Не отступишь, значит? — пробормотал Краст, вешая на пояс пистолет. — Она-то хоть знает, как ты по ней страдаешь? Дай угадаю. Нет. Сидит в горах, и думать про тебя забыла. И тут ты такой с цветами. Тьер, может и надо встретиться, чтобы сама отшла. Когда женщина в глаза говорит: «ты мне не нужен», быстрее доходит. Вот что, на аэродром больше не суйся, мы тебя контрабандой доставим. К родственнице своей, разумеется, ни ногой, другое алиби состряпаем. Вроде как к матери поедешь и будешь раз в несколько дней по магазинам ходить, чтобы деньги списывались в Равэнне. Карточку мне оставь, разберусь. Иди, оденься теплее, в грузовом отсеке десантного транспортника с отопление туго на высоте. В ящике для снарядов несколько часов вытерпишь?

— Да! — радостно кивнул Амадей и продолжал так делать в ответ на каждый вопрос и указание. — Спасибо, Краст!

— Не говори заранее, — поморщился напарник, — удачу спугнешь. Еще не известно получится или нет. Ты еще не оделся? Бегом марш.

— Есть! — шутливо вытянулся струной Амадей и сорвался с места, забыв под рабочим столом вещмешок. Несуществующие боги, да хоть в ящике, хоть в три погибели, узлом и на четвереньках. Лишь бы в горы. К ней.

Последним подарком генерала стал полет в Равэнну. Мать так и не пришла в себя, а появление старшей дочери будто не заметила. Молча показала рукой, куда поставить продукты, пообещала вернуться на работу и еще раз спросила, когда приедет Аврелия? Куна не придумала, что ответить. Своей боли было столько, что ею не захотелось делиться. Мать спряталась в неверии как в панцире, а Куна не смогла даже зайти в их с сестрой комнату. Боялась увидеть пустую кровать, припорошенные пылью игрушки на полках и забытое впопыхах платье. Увидеть и самой поверить, что Аврелия жива, просто заблудилась где-то.

Но поиски уже прекратили, дело о пропаже без вести отправили в архив и генерал впервые ничего не смог сделать. Наилий не пошел в дом, остался во внедорожнике с Дарионом на руках. А когда Куна уходила, мать даже не ответила на прощание. Может, и Куны для нее больше не было, и виделись они в последний раз.

Сейчас все стало последним. Полет на военном катере в горы, объятия генерала на крыльце дома, его взгляд и мимолетный поцелуй в висок. Наилий исчез из жизни Куны, как дымка горного тумана под лучами светила, оставив только стук уходящих шагов и тонкий аромат парфюма на её куртке.

Теперь предстояло научиться рассчитывать только на себя. Генеральский паек в денежной его части перечислялся на счет, а продуктовое и материальное довольствие Куна забирала в Нарте. В определенный день банк автоматически списывал с её счета платеж по кредиту матери, а то, что оставалось, Куна делила ни с Дарионом. О полетах в Равэнну пришлось забыть, слишком дорого обходились билеты на перелет между материками. Одежды хватало надолго, в быту Куна давно привыкла обходиться минимумом. Выдержать можно, а закончив кулинарные курсы, уйти работать в кондитерскую. Примерно так и выглядела её мечта, не хватало только мужчины рядом.

Но ведь не потерпит Наилий соперника. Даже расставшись, не позволит другому воспитывать его сына. Да и кому Куна нужна здесь в горах? Нарт — женский город. Военные части далеко, гражданские специалисты добывали руду по ту сторону хребта и жили там в закрытых поселениях. На каждого инженера, геолога или шахтера по две-три влюбленные женщины, а Куна никогда не умела добиваться мужского внимания и красотой не вышла. Дарион — её единственный мужчина и большего не хотелось. Разве что иногда снился охранник с голосом, как у равнинного Тарса, но до него через океан не дотянуться.

Путешествуя контрабандой, не стоило надеяться, что доставят четко в пункт назначения. Катер пролетел мимо заброшенного аэродрома, мимо Нарта и сел брюхом прямо на луг в одной из безымянных горных долин.

Едва гул десантного транспортника затих, Амадей услышал стук подошв военных ботинок по металлу обшивки.

— Ты там живой? — громко спросил пилот, откидывая крышку.

В лицо дохнуло зимним сквозняком, прогреться грузовой отсек после полета не успел. Амадею казалось, что из-за стука зубов он не сможет ответить, но длинных бесед пилот и не

ждал.

— Вылезай, я время аварийной посадки теряю, мне еще неисправность самому себе устраивать, чтобы по прибытию с вопросами не докопались.

Лейтенант подал руку, а потом еще и дернул со всей силы, вытаскивая Амадея из ящика для снарядов. Спина затекла и болела зверски, разгибался рядовой со скрипом. Запах машинного масла навяз на зубах, и казалось, что слюна, пропитанная им, так и останется вязкой и темной. Будто хлебнул масла из банки от души.

— Спа...сибо, — с трудом выговорил Амадей и скрюченными пальцами полез в карман. От денег пилот еще на военном аэродроме Равэнны отказался, охранник надеялся, что хотя бы подарком отблагодарит. На последних совместных учениях разведчики хвастались новыми штык-ножами. Их умельцы поменяли у стандартной модели полукруглое лезвие на декоративное и вырезали на рукояти силуэт скорпиона. Вся охрана с остервенением донимала разведчиков партиями в Шу-Арлит и три таких поделки получилось выиграть. Свой приз Амадей вложил в ладонь пилота.

— Наслышан о таких, — благосклонно улыбнулся лейтенант, — правду, значит, говорят, что в особняке генерала есть все? Не тушуйся, боец, я ж без злобы и корысти. Топай на выход. Заприметишь снаружи два валуна, похожих на клыки, правее от них бери и на дорогу выйдешь. К вечеру до Нарта доберешься. Кого с неожиданным визитом собрался застукать? Уж не свою ли женщину с другим?

Амадей вздрогнул от предположения лейтенанта. Генерал, как говорили, в Равэнне остался. Разве что не прилетел одновременно с ним, тогда Куну даже в город на встречу будет не выманить. Одно успокаивало: уж больно плотный график у Его Превосходства, дольше пары дней не задержится, а у Амадея еще неделя увольнительной впереди.

— Родственница там у меня, — рассеянно пробормотал рядовой.

— Ну-ну. Топай, говорю, а то диспетчер мне по громкой связи уже на всю кабину орет.

В третий раз выгонять не пришлось, Амадей подхватил тощий вещмешок и, чувствуя себя ржавым дроном, заковылял на выход. Трап доставать из ниши было некогда, рядовой грузно повалился прямо в высокую луговую траву и чуть не задохнулся от запаха молодой зелени. В зимней куртке сразу стало жарко. После нескольких часов в ящике дневной свет резал по глазам. Амадей убирался подальше от катера практически ползком, хорошо, что в высокой траве его было не видно. Да и не смотрел здесь на него никто. Горы в отличие от шумной столицы ценили уединение. А на редко забредающих сюда цзы'дарийцев обращали не больше внимания, чем на муравьев. Амадей надеялся на это как на маскировку, но гражданскую одежду все равно выбрал самую неприметную.

Выбравшись на дорогу, успел размяться и на боль в ногах не реагировал. Попутный автомобиль ждать не стоило, по таким козьим тропам местные ездили на мотоциклах и первый Амадею встретился к закату, когда он уже прошел половину пути.

Грубоватая женщина силком усадила его себе за спину и перегруженный мотоцикл с громким ревом рванул с места.

Уведомление о посылке явилось Куне внезапнее грома в середине лета. Служба доставки не нашла её адрес в общем реестре и предложила забрать пакет самостоятельно в муниципалитете Нарта, вежливо предупредив, что невостребованное отправление поедет по обратному адресу ровно через пять дней. Замечательно. Прекрасно. Думала, уволилась из речного транспорта и навсегда забыла о бюрократии? А вот нет. Получи, распишись, но не сразу, а прибеги сама, да еще и докажи документами, что пришла лично и не имеешь корысти забрать предназначенное другому отправление.

Да и кто мог отправить Куне посылку? Наилий не стал бы пользоваться гражданской службой, у матери денег не было на сюрпризы, а пропавшая без вести Аврелия все равно не знала адреса сестры. Ошибся кто-то. Куна сейчас все бросит, потащит Дариона на мотоцикле через горы, а потом будет выслушивать извинения, что произошла накладка. Забрала бы бездна службу доставки, но придется ехать. С тех пор, как Куна побывала у матери, адрес дома в горах перестал быть тайной.

Один Дарион радовался каждой поездке. В детском комбинезоне с короткими штанинами сын побежал к мотоциклу и даже попытался вскарабкаться в кресло. Куна возила Дариона под рулем лицом к себе, пристегивала ремнями крепко, но все равно каждый раз боялась, что не справится с мотоциклом и они оба упадут.

Горные тропинки напоминали затейливый лабиринт с бордюрами зеленого кустарника по краям каменистых коридоров. На местные красоты Куна давно насмотрелась и теперь замечала только отдельные камни и деревья, как дорожные указатели. Ни знаков, ни светофоров, ни плотного городского движения. Можно закрыть глаза и добавить газу, но не с Дарионом в кресле и не с укоренившейся привычкой осторожничать. Тихая жизнь должна оставаться тихой, потому что именно в этом её прелесть.

С предпоследнего пригорка перед длинным спуском в долину открывался Нарт. Маленький, как рабочий квартал Равэнны, но непохожий на него так сильно, будто вселенная специально старалась. Вместо городского смога вязкий горный туман, дома-бараки не жались друг к другу, а росли, как грибы, где им вздумается. Нищета здесь звалась скромностью, а женщины улыбались, даже когда становилось совсем тяжело.

Они и были главным отличием. Прямолинейные, но простые и бесхитростные. Куна полюбила Аттию и звала её матушкой, как генералы. Быстро привыкла к шумной Глории, не боялась повернуться к ней спиной и сболтнуть лишнего. Здесь сплетничали, чтобы знать, кому нужна помощь, а предлагая её, не ждали отказа. Проблемы как дождь и град — одни на всех. Придет время и тот, кто помогал соседу разгрести сугробы во дворе, сам проснется утром и не сможет выйти из заваленного снегом дома. Но будет знать, что совсем скоро раздастся хруст шагов по ледяной корке и громкое: «Держись там, сейчас откапаем!» Здесь жили семьей, и Куна была её частью.

В центре Нарта возвышалось старое здание, оставшееся еще со времен Империи. Тогда строили из белого камня, архитекторы любили колонны, а ручки главных дверей помнили прикосновения консулов в длинных белых одеяниях. Почта занимала левое крыло, и Куна издали заприметила на крыльце длинное платье Аттии и дорожный комбинезон Глории. На лице матушки застыла озорная улыбка, а Глория что-то увлеченно рассказывала, размахивая руками. Неугомонная. Опять поругалась с главой муниципалитета за льготный бензин? Распределять его особо было некому, но упрямая глава стояла на своем и сверх квоты на одного жителя топливо не выдавала, хотя Глория каталась по нуждам муниципалитета чаще других. И сейчас должно быть вернулась из поездки, потому что шлем держала на сгибе локтя. Пока Куна парковала мотоцикл и вынимала Дариона из кресла, женщины сами подошли.

— Добралась, девочка моя? — пропела Аттия, целуя в щеку. — За посылкой приехала?

— Да, а как вы догадались? — ляпнула Куна и тут же замолчала. Ненужный вопрос. Почту доставляла Глория и могла прочитать адрес получателя.

— Я её видела, — загадочно улыбнулась матушка. — Ждет тебя с самого утра. Стой, не спеши, дай платье отряхну и прическу поправлю. Сбилась под шлемом.

Куна к заботе привыкла, послушно подставила голову, но слишком уж Аттия над ней хлопотала.

— В посылке зеркало, матушка? Зачем мне хорошо выглядеть?

Женщины переглянулись и Глория фыркнула.

— Такая вся из себя видная, а ходишь, как чучело. Аттия, дай ей гребень, что ли, пусть космы распустит и причешет.

— Не нужно, — нахмурилась Куна. — Что случилось-то? Расскажите или мне на почту идти?

Глория вдохнула, чтобы ответить, но Аттия едва заметно толкнула её локтем в бок.

— Иди, конечно, а Дариона нам оставь. Волокитное дело — получать посылку, уж я знаю. Дай понянчиться с ребенком, соскучились ведь.

Куне стало дурно от тяжелого предчувствия. Как бы не улыбались женщины, а вели себя странно. Догадки приходили одна безумнее другой. Наилей прислал в подарок Дариону маленький воздушный катер? Почти игрушечный, размером с половину комнаты выдачи посылок. Или мотоцикл? Автомобиль? Что еще могло прийти в голову отцу-генералу? И зачем тогда оставлять сына на улице? Дарион соображал быстрее матери и, не дождавшись разрешения, потянулся к Аттии, чтобы взяла на руки. Матушка забормотала ему что-то ласковое и подхватила ребенка, как пушинку.

— Ну, вот и хорошо. Пойдем, Глория, отвар остывает.

Ушли женщины степенно, а Куне показалось — сбежали. Бросили её одну с посылкой, так и не признавшись, что там. Хорошо, пора на неё взглянуть. Не выскочит же из коробки дикий зверь? Куна зажмурилась и толкнула дверь в комнату выдачи посылок.

Климат-система гнала с потолка холодный воздух. В золотистых полосах света из окон кружилась потревоженная посетителями бумажная пыль. Упаковку с посылок разрывали прямо здесь, доставая гостинцы от родственников. Вкусно пахло сладостями, парфюмом и

приятно журчали радостные голоса. Куна улыбалась знакомым, махая рукой, но замерла, стоило посмотреть на скамейки в центре зала.

Он прилетел в гражданке, нервно поправлял пальцами отросшие волосы и, казалось, стал шире в плечах. Мальчик с голосом равнинного Тарса. Личный охранник генерала. Амадей.

Куна терла пальцами глаза, прогоняя наваждение. Пригрезилось, ошиблась, с ума сошла от тоски по несбыточному. Сердце заходило тревожным стуком. Так не бывает! Реальность рассыпалась, но сколько не щипай себя за руку — не проснешься. В центре зала стоял Амадей. Он прилетел к ней с другого материка, а Куна никак не могла поверить.

Планеты не пересекаются орбитами, светило не садится на востоке, а снег не идет летом.

— Дарисса, — улыбнулся рядовой и протянул руку.

Куна чувствовала себя рекой, на которой вскрывается лед. Огромные глыбы до хруста давят друг друга, выталкивают воду из берегов и монолитная некогда гладь идет трещинами. Осторожность, рассудительность, уверенность — все вдребезги. Озноб бил так, что стучали зубы. Тысячи снов об этой встрече эхом звучали в ушах и сотни придуманных поцелуев вежливости покалывали на кончиках пальцев. До одного единственного, настоящего, оставалось мгновение, и Куна закрыла глаза.

Никто больше не приказывает ей, как жить и что делать. Только она может разрешить себе быть счастливой. Открыть глаза, протянуть руку и рассказать Амадею, как сильно его ждала. Перестать бояться и оглядываться по сторонам, наплевать, достойна или нет. Он перелетел ради неё через океан, а ей остался один крошечный шаг.

— Амадей, я так рада вас видеть.

Тарс распахнул объятия и увлек за собой на глубину, из которой не хотелось подниматься.

Материнство изменило Куну, она расцвела. Не помпезным сиянием дорогих столичных красоток, а нежностью горных первоцветов, встречающих весной теплые лучи светила. Огромные глаза стали еще чище и светлее, а улыбка прекраснее. Амадей держал Куну за руку и молча стоял посреди зала для выдачи посылок, не зная, что еще сказать. Прожитый без неё цикл сковал язык и выбил из головы все мысли кроме одной: «Как же сильно я скучал».

Ему хотелось греть её в объятиях с отчаянной радостью отца, потерявшего ребенка и нашедшего вновь. Бережно гладить по волосам, целовать щеки, глаза, кончики пальцев. Но с каждым ударом сердца вокруг становилось тише. Посетители отложили посылки и смотрели на них, Амадей спиной чувствовал.

— Здесь почти негде гулять, — смущаясь, пробормотал он, — разве что вдоль торговой улицы до медицинского центра.

— На той улице три магазина, — улыбаясь, ответила Куна, — а до гордого звания центра наш медпункт еще не дорос. Пойдемте лучше в гости к Аттии, я оставила с ней Дариона.

Амадей так далеко не мечтал, чтобы решать, как ему ужиться с сыном генерала. Эйфория отпускала, похмельем оставляя после себя тяжелые мысли. Мальчик никогда не признает отчима. Тем более старший нилот. Дариона на седьмом цикле отдадут в училище и будут выращивать из него будущую замену отцу. В чередке тренировок, занятий по тактике и стратегии, на общение с матерью не будет времени, что тогда говорить про совершенно чужого мальчишку-охранника?

Но мать неотделима от ребенка и если жить с ней, то принимать обоих. Сразу. Дарион отсчитал первый цикл с рождения, ему сейчас не до воспитания нилота. Дитя. Амадей не займет чужого места, будет старшим братом, если понадобится, а пока можно представить, что Куна родила ребенка от него.

— Хорошо, — кивнул рядовой, — ведите, дарисса.

Провожал их десяток любопытных взглядов, поэтому руку Куны пришлось отпустить. Амадей нырнул вслед за ней в летнюю жару Нарта и только тогда вспомнил, что Глория, приютившая его, жила там же, куда уверенно вела его любимая женщина.

Он вчера чуть зад себе не отбил на мотоцикле, каждую кочку и ямку прочувствовал, а через шум двигателя умудрился уловить весьма дельное предложение отправить Куне уведомление о посылке.

— Ой, забыла, — вздрогнула она, развернувшись обратно к почте.

— Не стоит, дарисса, — смутился Амадей, — посылка у меня. Вы любите сладости?

Она вспыхнула смущением и закивала, а рядовой достал из вещмешка коробку с фигурной карамелью. Красные бабочки, зеленые листики и розовые цветы лежали на кружевной подложке и пахли клубникой. Подарок скорее для ребенка, чем для юной дариссы, но Куна приняла его, не задумываясь.

— Все детство мечтала о таких, — вздохнула она, — их раньше обсыпали сахаром, помните?

— Помню. Из училища нас водили в бассейн мимо кондитерских на главной улице Равэнны. Те несколько мгновений, что мы шли мимо витрин, глазами пожирали сладости.

Мне снились эти бабочки. Сахаром нас повара не обижали, но желтая стрекоза гораздо интереснее простого белого кубика.

— А еще там были гусеницы, — почему-то шепотом добавила Куна, — и муравьи. Я до дрожи хотела попробовать гусеницу, но когда собралась купить, их уже перестали делать.

— Гусеницы кислили так, что скулы сводило, — рассмеялся Амадей, — мне чтобы распробовать их пришлось выиграть забег на среднюю дистанцию. Призом была такая коробочка. А после выпуска я половину первого жалования на карамель потратил. И не стыдно было.

— Конечно. Я бы так же сделала.

Куна улыбнулась в ответ и, достав из коробочки карамельный листик, долго смотрела сквозь него на светило, озорно прищурив глаз. У Амадея голова шла кругом, его решимость казаться взрослым и серьезным трещала по швам. С Куной язык трепался, как помело, с каждым словом становилось легче и веселее. Будто знали друг друга всю жизнь и встретились после долгой разлуки.

К дому Аттии добрались, хохоча от рассказов о детских шалостях. Амадей мог говорить о жизни в училище часами, а Куна вспоминала, как уваливала от необходимости сидеть с младшей сестрой. На третьей истории вдруг погрузилась, и Амадей знал, почему.

— Скучаете по сестре?

— Да, — кивнула Куна, рассеяно водя пальцами по круглой дверной ручке, — где бы она ни была — пусть ей будет хорошо и спокойно.

Амадей придержал дверь, пропуская Куну внутрь. Благодаря Красту он знал, что Аврелию не нашли, но не хотел доводить Куну до слез разговорами о семейном горе.

К ароматам трав в доме Аттии он так и не привык. Рука тянулась зажать нос, чтобы не чихнуть. Всю прошлую ночь он сидел на кухне за столом, пока женщины будили подруг с почты и договаривались на счет уведомления.

От грубого голоса Глории к утру опухли уши. Хозяйка мотоцикла замолкала только ради глотка отвара, а потом, смочив горло, продолжала с возросшей громкостью. Амадей узнал обо всех проблемах Нарта, начиная с приболевшей козы хозяйки магазина овощей до отъезда горячо любимой акушерки обратно на равнинный материк. Где-то между этими событиями Глория сболтнула, что отец ребенка Куны расстался с ней. Рядовой чуть булочкой не подавился. Глория почему-то называла генерала надменным юнцом и грозилась огреть его тем, что под руку попадет, если вздумает снова появиться.

Она и сейчас сидела у Аттии на кухне и лепила из теста пирожки с творожной начинкой. С руками по локоть в муке, в белой шапке и длинном фартуке Глория напоминала повариху, случайно забредшую в аптеку. Чтобы не готовили здесь женщины, вся еда пропитывалась стойким запахом трав.

— Быстро вы вернулись, — улыбнулась Аттия, качая на коленях Дариона. Мальчишка сонно хлопал глазами и сосал палец.

— Его кормить пора, — сказала Куна, расстегивая кофту, а рядовому стало жарко от смущения. Забыл совсем, что младенцев кормят грудью и теперь не знал, куда себя деть. Но Куна не стала дальше раздеваться. Повесила кофту на спинку стула и достала из шкафчика у Аттии прозрачную банку с крупой. Кашу будет варить.

— Падай рядом, горемыка, — проворчала Глория и пнула к Амадею табурет. — Сейчас всех мужчин накормим и спать уложим. Шучу. Ты мальчик взрослый, сам разберешься, когда подушку давить. И где. Не надумал переезжать?

Глория намекаяще поиграла бровями и мотнула головой в сторону Куны. Еще вчера допытывалась — серьезные ли у него намерения? А услышав, что да, долго недоумевала, какого демона он напросился к ней на постой вместо того, чтобы со всех ног бежать к любимой?

— Никак нет, дарисса, я у вас поживу, если не выгоните.

— Целых две недели?

— Так точно, — едва слышно ответил Амадей и мысленно попросил несуществующих богов послать хозяйке мотоцикла срочное задание от самого высокого начальника в городе. Чтобы она бросилась его выполнять, не успев разболтать Куне все, что вчера вытянула из него клещами. Не понимала Глория насколько неудобно, едва познакомившись,

напрашиваться в бывший дом генерала к его женщине. Амадей давно назвал бы Куна своей, но это решение должны принимать двое. Он долго ждал, потерпит еще немного.

Несуществующие боги просьбу не услышали. Планшет Глории молчал, а громогласная хозяйка мотоцикла, деловито закручивая края очередной булочки, заявила на всю кухню:

— Не тяни с обратными билетами. Просидишь на попе ровно, к концу отпуска зубами в воздухе щелкнешь. У нас здесь не столица, до ближайшего аэродрома еще добраться надо, да с вылетом подгадать. Давай свои карточки, сама билеты справлю, посылка ты моя ушастая.

Еще не легче. Возвращаться обратно гражданским транспортом не выездному Амадею никак нельзя. Увидев в системе запрет покидать пятый сектор, регистратор местного аэровокзала вызовет военный патруль и домой Амадея доставят в браслетах. Еще и подставит всех, кто ему помогал.

— Я разберусь с билетами, обещаю, — твердо сказал рядовой, стараясь выдержать цепкий взгляд Глории, не моргая. Как назло Аттия перестала улюлюкать с Дарионом и Куна отвлеклась от стоящей на плите кастрюли с кашей. Теперь все женщины смотрели на него и Глория не унималась.

— С носками будешь разбираться, какие еще можно носить, а какие выбросить. Пешком за билетами натопаешься до кровавых мозолей, все равно тебя возить придется. Лучше с Куной побудь, а я помотаюсь. Не в первый раз. Карточки давай.

Прицепилась же. Как клещ. И ответить нельзя грубо, без Глории он бы до сих пор плутал по горам, разыскивая Нарт, но признаваться, что прилетел живой контрабандой нельзя. Амадей вздохнул глубоко и приготовился спорить, а потом почувствовал, как Куна коснулась плеча. Просто положила ладонь, но он замер, выпав из реальности. Её тепло ощущалось даже через рубашку. Блаженство нахлынуло сильнее, чем от Шуи. Он прислушивался к нему, смаковал, как сахарную карамель, и не сразу понял, что Куна говорит:

— Амадей, помогите мне с мотоциклом, пожалуйста. Там что-то стучит.

— Конечно, — встрепенулся он и уже в дверях заметил лукавую улыбку Аттии, оставшуюся в доме с ребенком и кашей.

Мотоцикл ездил и не жаловался, но Куна честно подвела Амадея под навес и молча стояла рядом, пока рядовой слушал тарахтение двигателя и крутил ручки. Мотоцикл окутывал их топливным выхлопом, в длинном платье на жаре было не просто, но Куна никак не могла придумать, с чего начать разговор.

То, что Глория нетактично влезла, куда не просили, она уже поняла. И вариантов, почему у Амадея нет обратного билета, не так много. Не успел, забыл и не хватило денег. Первые два легко решались при помощи Глории, но рядовой отворачивался и поджимал губы, стоило ей потребовать документы. Гордый или стеснительный?

Куна плохо знала мужчин. Наилия так и не смогла понять. Придумывала больше, чем спрашивала, обижалась там, где нужно было перетерпеть, и потом не знала, как исправить свои ошибки. Наверное, поэтому до сих пор жалела, что расстались. Аттия успокаивала, Глория обещала растерзать подлеца и предателя, но время лечило слишком медленно. А теперь и вовсе грозило рецидивом болезни. Вселенная подарила того, кто снился по ночам. Повернула планету так, что он оказался рядом, а Куна опять двух слов из себя не могла выдавить. Будто чужой он ей. Посторонний, чьи проблемы не трогают и не волнуют, но ведь это не так.

— Амадей, — вздохнула Куна, решительно шагнув к нему, — вы не обижайтесь на Глорию, она добра желает. Если вам неудобно её просить, давайте я отвезу вас на аэродром, мотоцикл есть.

— Что вы, дарисса, дело не в этом, — рядовой отчаянно замотал головой и стал еще мрачнее. Кусал губы чуть ли не до крови, вцепился в руль так, что казалось, надавит сильнее и сломает его. Что-то глодало мужчину изнутри, и чем упрямее он молчал, тем ярче разгоралась догадка.

Генералы могли щелчком пальцев решить большинство проблем, полковники обходились парой звонков, майоры умели договариваться с любыми внутренними службами, а для остальных жителей планеты все беды упиралось в деньги. Куна слишком хорошо знала, сколько стоил перелет из Нарта до Равэнны. Двух жалований диспетчера не хватало и вряд ли рядовые получали существенно больше.

— Если проблема в деньгах... — начала она, но Амадея словно током дернуло. Руль выскользнул из рук и мотоцикл тяжело завалился на подножку. Неужели угадала?

— Нет, денег мне хватает. Пожалуйста, дарисса, я сам разберусь. Я благодарен за помощь, но билеты — моя забота.

Точно гордый. И упрямый. А еще несчастный и растерянный. Куна пожалела, что не дала Глории расспросить его. До навыков службы безопасности генерала ей далеко, но мелкие тайны соседка Аттии вытаскивала играючи. Куна вдруг вспомнила холодный взгляд начальника охраны особняка и занервничала еще больше. Амадей ведь служит у Наилия. Одним демонам бездны известно, как генерал отнесся к его поездке в горы. От взгляда Куны через окно Наилий извелся ревностью, а сейчас спокойно отпустил? Да, они расстались. Да, она для генерала больше ничего не значит, но кто его знает? Скажет «нет» и Амадея запрут на равнине. Не успевшая насладиться счастьем Куна снова его лишится.

Злость брала. Наилий, даже улетев на другой материк, остался тенью за спиной. Его сын

и его бывшая женщина по-прежнему жили, оглядывая на его волю.

— С двигателем все в порядке, — заговорил Амадей, — для такой старой модели работает на зависть многим. Вы уверены, что слышали посторонние звуки из него?

— Нет, не уверена. Может, и не было ничего. Просто показалось, забудьте, — со вздохом ответила Куна и поджала губы. Не признается Амадей. Мужчины привыкли все решать самостоятельно, их так воспитывали. Наилий промолчал о риске хромосомной аномалии у Дариона, Лавр не сказал Регине про обучение на офицера. Что бы ни случилось у рядового, до последнего будет биться сам. В одиночестве. Тогда зачем вообще нужна женщина рядом?

— Извините меня, Куна, — эхом её вздоха сказал Амадей, — неловкая ситуация. Все уговаривают, а я ломаюсь, как дарисса капризная. Нельзя мне на гражданский аэродром. С документами какая-то ерунда приключилась, билеты купить невозможно. Теперь только на попутных автомобилях до побережья, а там искать частное судно, чтобы перебраться через океан. Это гораздо дольше, конечно, но другого выхода нет.

Значит, не будет двух недель отпуска, о которых Амадей обмолвился Глории. Уехать придется раньше. Куна с досады сжала кулаки, но что можно сделать? За границами Нарта чудеса взаимопомощи не действовали. Там жили другие цзы'дарийцы и работали иные связи. Успел ли Амадей договориться с тем частным судном или надеялся на удачу? Даже один день задержки из отпуска грозил рядовому неприятностями, уладить которые под силу только генералу. Нет, Куна не станет звонить Наилию, но ведь он не единственный генерал на планете.

— А если попросить пилота девятой армии? — Куна с восторгом ребенка, задумавшего шалость, заглянула в глаза Амадею. — Я знакома с генералом Марком Сципионом Мором. Его Превосходство обещал мне катер с пилотом, если я захочу увидеться с родными в Равэнне. Мы можем полететь вместе. Пожалуйста, Амадей, не отказывайтесь. Я хотела показать вам горы: долину тысячи ветров, горячие источники. У нас так редко бывают гости с равнины, будет жаль, если вы едва прилетев, тут же уедете на попутках.

Амадей опустил плечи и прятал глаза от Куны, но она чувствовала — рядовой хочет сдаться. Махнуть рукой на то, что они едва знакомы, на помощь, предложенную женщиной. Еще два удара сердца и скажет «да», нужно только помочь. Куна нашла его взгляд, коснулась пальцами запястья и прошептала:

— Я боюсь вас отпускать, изведусь ожиданием новой встречи. Пожалуйста, подарите мне несколько дней вместе.

Он уступил. Взял её ладони в свои и молча кивнул. Согласен. Останется.

Глава 51 — Возвращение в Равэнну (обновление от 02.11)

Генерал Мор сдержал обещание. В назначенный день патрульный катер девятой армии сел на заброшенном аэродроме и Куна, собрав сумку, вышла на крыльцо дома. Улетали налегке, но с таким багажом воспоминаний, что хватило бы на тяжелый транспортник.

Амадей недолго жалел, что рядовым не полагался планшет, фотографии гор и в Сети можно найти. А стоило поднять глаза от девайса, как красота долины наполнялась ароматом луговых трав, шорохом камней под подошвами ботинок, детским смехом и нежным голосом Куны. Сколько они прошли по дорогам и тропам — не сосчитать. Куна захлеб рассказывала местные легенды и показывала самые причудливые скалы и валуны. Амадей испуганно бросался то к ней, то к Дариону, стоило им подойти к краю обрыва слишком близко, но Куна только улыбалась. Горы берегли своих.

А вечерами в доме Глории разжигали камин и, укрывшись вязанными пледами, слушали музыку и вспоминали старые книги, когда их еще можно было держать в руках и перелистывать страницы. Амадей закрывал глаза и слушал бумажный шелест. Такой же теплый и уютный, как кружка ароматного отвара, заснувший на коленях Дарион, рука Куны на плече.

Как жаль, что он не мог остаться и пилот чужой армии уже ждал в кабине патрульного катера. Куна настаивала, что полетит одна, в каждом телефонном разговоре с генералом Мором подчеркивала, надеясь, что про лишнего пассажира никто не узнает. Амадей не хотел её пугать и расстраивать. Везде, где блестели золотом погоны военных, от службы безопасности не существовало тайн. Без разницы, какой номер у сектора, за всеми интересными, важными, перспективными, шумными, родными и бывшими — следили. Тем более за бывшей женщиной генерала и его старшим сыном.

— Я уговорю пилота, — решительно сказала Куна, поднимаясь на пригорок, за которым начиналась взлетная полоса заброшенного аэродрома, — он промолчит. Скажу, что мы с тобой не знакомы, ты заплатил большие деньги за перелет. Предложу часть суммы пилоту...

— Он не возьмет, — качнул головой Амадей, — личный пилот генерала проверен службой безопасности вдоль и поперек. Честен, стоек и бескорыстен. Назови меня дальним родственником. Гражданским специалистом, опоздавшим на транспортник геологической экспедиции. Если безопасники девятой армии будут наводить справки, то без отпечатков пальцев надолго закопаются в запросах. Потом надоеет и они плюнут.

Куна резко обернулась, ударив себя сумкой по ногам. В сосредоточенно-задумчивом взгляде не осталось и тени детскости. Такой он видел её в катере, когда перечила генералу.

— Обещай, что позвонишь, как только доберешься до особняка. Амадей, обещай! Ты со своей военной выправкой похож на геолога не больше, чем я на балерину. Вдруг пилот позвонит на аэродром Равэнны, и тебя там будут ждать, чтобы узнать — кто такой?

Именно так и случится. Только вместо машины службы безопасности аэродрома у посадочной площадки будет стоять внедорожник с Крастом за рулем и капитаном Рэмом на заднем сидении. Руки Амадея закроют в браслеты и сядет он в клетку за нарушение запрета покидать сектор.

Краст снова назовет идиотом, но Амадей будет молчать. Полет в горы был безумием от первой мысли до последнего решения лететь катером девятой армии. Осознанным, продуманным и четко выверенным безумием. Таким о, котором потом не жалеют.

План с попутками до побережья мог сработать. Единственное слабое место — частное судно. Срединный океан не переплыть на лодке в одиночку, нужен транспорт побольше и покрепче. В столице сектора Адрии много богатых дарисс, загорающих на палубах быстроходных катеров. Экипаж у них сплошь женский, все управление автоматизировано, но мужских рук все равно не хватало. Что-то прибить, подкрутить, отремонтировать. Если понравиться хозяйке и попроситься на борт, то можно добраться до равнинного материка мимо ушей и глаз военной службы безопасности. Оставалось только надеяться, что отпуск не кончится в уговорах и просьбах. А там еще пара дней вверх по течению Тарса до самой Равэнны. Сложно, рискованно, очень долго и без Куны. А в финале, возможно, все те же браслеты на запястьях. В службе безопасности генерала сопливых кадетов не держали. Нюх у тихих и вежливых коллег Рэма был как у голодных зверей.

— Все будет хорошо, — солгал Амадей любимой женщине, — я обязательно позвоню. Ты не переживай за меня. Навести родных, повидайся с Региной и возвращайся к сыну в горы.

Куна не поверила. Амадей догадался по упрямой складке возле губ, когда сжала их в тонкую линию. Раньше только мать видела его насквозь и без выпытываний знала обо всех шалостях. Теперь он смотрел в другие глаза и отчаянно глотал слова, чтобы не выпалить правду. Не нужно.

Не благодарят тревогой и страхом за две счастливые недели. За семью, которой больше не будет. За удовольствие стоять рядом с той, что будет ждать, даже не услышав обещанного телефонного звонка. Не хватало одного поступка, на который так и не решился. Все тянул и откладывал, а сейчас был готов заплатить свободой.

Амадей шагнул к Куне, едва чувствуя опору под ногами. Волнение сковывало и душило, но стоило коснуться пальцами её волос и закрыть глаза, как мир исчез. Растворился, оставив цветочный аромат и тепло её тела. Она сама пришла в открытые объятия. Нежная, родная, желанная до головокружения. Вкус летних ягод на губах, дурман густым туманом. У безумия нет дна. Говорят, нырнешь с головой — попадешь прямо в бездну. Амадей был согласен даже на это. Лишь бы там поднималось светило над горными хребтами, цвели луговые травы и дыхание таяло поцелуем любимой женщины.

Равэнна встретила серостью рассветных сумерек. Куна поежилась под теплой курткой и размяла затекшие ноги. Откидное сидение патрульного катера — то еще орудие пытки. Амадей так и не уснул. Сидел, уставившись в иллюминатор, будто читал с помутневшего стекла — как ему жить дальше. Проблем больше, чем ответов на них. Два разных материка, отпуск раз в цикл и билеты дороже таблеток Аврелии. Но Куна, пересчитывая сложности, говорила: «Ерунда!».

На губах искорками покальвало воспоминание о поцелуе. Ладонь Амадея отпустила только во сне и, краснея, представляла, как останутся вдвоем в спальне. Жаль, денег не хватит на номер в гостинице, а к матери в барак она его не поведет. Проклятье, совсем стыд потеряла!

— Прибыли, — вздохнул Амадей, когда опоры катера коснулись посадочной площадки. На пустом аэродроме в свете посадочных огней виднелись только силуэты-призраки зданий, да забытый кем-то на парковке военный внедорожник. Из иллюминатора не рассмотреть — есть ли кто за рулем, но Куна хотелось верить, что приехали не за Амадеем. Модель внедорожника старая. Личная охрана генерала ездила на других.

Пилот катера вышел попрощаться, и Куна подтвердила, что полетит обратно вечером. Хотела остаться на неделю, но Амадей отговорил. Первая смена в охране начиналась днем и потом график вернувшегося отпускника должны нагрузить под завязку. Не увидятся.

— Такси ждет за оградой, — тихо сказал Амадей, помогая спуститься с трапа, — внутрь гражданский автомобиль не пустят. Пойдем, я провожу тебя.

Куна вцепилась в его локоть, волоча за собой сумку. Внедорожник мирно стоял на парковке. Пустой. Обойдя автомобиль, она разглядела эмблему службы связи на двери. Точно не за ними.

Нервозность не отпускала. Любая тень или шорох доводили до дрожи. За оградой по трассе проносились машины, окатывая ярким светом фар. Куна жмурилась, выглядывая среди серых пятен сонного пригорода белое такси.

— Амадей, ты что ли? Не признал, — прозвенел высокий мужской голос.

Куна дернулась, обернувшись, но увидела только румяного от утренней прохлады парня. Он дул на замерзшие руки и кутался в пушистый шарф. Осанка сутулая, плечи худые, а на ногах неприлично дорогие туфли. Гражданский.

— Понтий, сто циклов тебя не видел, — глухо и отчего-то очень медленно ответил Амадей.

— Еще бы, я чуть не сгинул на севере, — затарахтел Понтий, терзая слух визгливыми нотами. — Нас неделю как перевели обратно в столицу, вот еще не все добрались, коллегу встречаю. Бросился к вам, думал он, а тут сюрприз. Ты все так же в рядовых ходишь?

Амадей кивнул, хотя погоны с форменного комбинезона никуда не делись. На Куну нежданный знакомый внимания не обращал. Возбужденно размахивал руками и подходил все ближе и ближе.

— Скважина утонула, представляешь? Добурились до водяного пласта, встали, а утром уровень поднялся и фонтаны забили. Старые газовики давно такого не видели, а молодняк вообще планшетов из рук не выпускал. Вместо скважины теперь озеро. Слушай, чего мы на улице стоим? Тут кафе недалеко. У меня столько видео, пойдем покажу!

Понтий попытался схватить Амадея за руку, но лишь царапнул пальцами воздух.

— Стой! Подожди! — рядовой шагнул назад, дернув за собой Куну. — Все покажешь. Позже. Дай посадить дариссу на такси.

Гражданский сверкнул взглядом исподлобья и обиженно спрятал нос в петлю шарфа на шее. Куна показалось, что-то пробубнил неразборчиво, но Амадей уже тащил к белой машине.

— Понтий если начал болтать — не успокоится. Прости, не думал, что будем на бегу прощаться. Посторонних много: Понтий, водитель.

Амадей открыл дверь такси и замер, а Куна в себя прийти не могла. Кончилась горная

свобода. Она снова в Равэнне и боится каждого прохожего.

— Позвони мне, не забудь, — попросила Куна, но поцеловать хотя бы в щеку не решилась. Не вовремя, не к месту и, в самом деле, слишком много лишних глаз.

Амадей далеким эхом повторил обещание, и разговор оборвался хлопком двери такси. Странно простились. Поспешно. И Понтий этот странный. Хотя нет, обычный. На кулинарные курсы и не такие ходили. Шумные, эгоистичные, никого кроме себя не замечающие. Нурия они очень раздражали. Как и всех военных. Тогда почему Амадей выпроводил её и остался с Понтием? Боялся, что говорливый знакомый кому-нибудь проболтается про их встречу? Вряд ли. Слишком далеки гражданские от личной охраны генерала. А этот еще и приехал издалека. Газовик. Как только познакомились?

От мелькнувшей догадки Куна сжалась в комок, закрыв лицо руками.

Дура!

Два цикла жила с генералом, сына собиралась отдать в училище и не сообразила сразу. Амадей — вчерашний кадет. Учеба, тренировки, служба в особняке. За цикл после училища он не ходил в увольнительные, а до этого видел только стены казармы и таких же кадетов.

— Остановите! — крикнула Куна водителю и чуть не упала вперед под визг тормозов. Распахнула дверь, сорвалась на бег, но все равно опоздала. Амадей и фальшивый газовик исчезли. В каком звании Понтий служил в безопасности, она никогда не узнает.

Куна не хотела идти в кафе, но Регина настояла. Из диспетчерской подруга уволилась, а на новом месте ей полагалось обеденное время. И тратила она его обычно по назначению.

— Есть хочу, — в третий раз повторила Регина, всматриваясь в электронное меню на стене. Фотограф постарался. На булочки с кремом аппетит прорезался даже у расстроенной Куны. Денег мало, конечно, но от одного обеда банковский счет не опустеет, зато голодный желудок перестанет отвлекать урчанием.

— Сдаюсь, — шепнула она, набрала из меню еды и провела пластиковой картой над терминалом оплаты.

Обслуживание давно пытались сделать полностью автоматическим, но муниципалитет упорно отвоевывал рабочие места официанток обратно. Поэтому хозяйки кафе пришли к компромиссу: выбираешь сам, а готовое блюдо тебе позже приносит вежливая дарисса.

Куна когда-то хотела стать официанткой, но мать отговорила. Поднос с едой может быть и легкий, зато обеденный зал длинный и широкий. За день можно расстояние в полгорода пробежать, а к вечеру упасть без сил.

— Что стряслось-то? — громко спросила Регина и толкнула под локоть, направляя к столику у окна. Другие места оккупировали работницы ткацкой фабрики. Куна растерянно смотрела на их синию униформу и гадала, почему на ней не остается мелких ниток и хлопковой пыли от станков? Чистыми приходили на работу и такими же уходили. Где же Амадей остуился?

— Моего... друга арестовали. Не знаю, за что. Он обмолвился о проблемах с документами, но чтоб до службы безопасности, да с таким спектаклем... Не верю, не мог он.

Регина устроилась на зеленом диване и терпеливо ждала, пока Куна соберет из обрывков фраз целый рассказ. Говорить и думать приходилось одновременно. Да, охранник генерала, но набедокурь он в прошлом, никто бы в особняк не взял. А сейчас что мог сделать? Смену не вовремя сдал? Отвар на дорогую технику разлил?

— Тю, такой прям белый и пушистый, — фыркнула Регина, — убил поди кого-нибудь и к тебе в горы сбежал прятаться.

— Чтобы потом вернуться? — дернулась в ответ Куна. — Не мог он, слышишь? Я же знаю его. Скорее планета начнет вращаться в другую сторону, чем Амадей кому-то причинит вред. Добрый, честный, благородный. Самый лучший.

— Ну-ну. Друг, значит? — прищурилась Регина, а Куна глаза опустила к сцепленным в замок пальцам. Нужно следить за языком. Давно не девочка, сын растет, а влюбленность таким глупым восторгом прорывается, что стыдно.

— Друг пока. Сегодня в первый раз поцеловались.

Регина понимающе качнула головой. Осуждать не будет, нотаций о том, что ребенку лучше с родным отцом, тоже читать не станет. Но Куна все равно ждала её слов, морщась от холода в животе.

— В горах никого не нашлось, тебе из столицы друзей подавай. Прямо из-под носа у генерала. Гениально. Ты бы его еще за руку к Его Превосходству привела, и попросила пожелать счастья.

У Куны кончики ушей горели. Она терла пальцами лоб и чуть не взвизгнула, когда

официантка вынырнула из-за спины с подносом. Румяные булочки пахли ванилью, но Куне казались безвкусными, как полиэтилен. Снова дура. Без ведома Наилия никто бы близко не подошел к его личному охраннику. Если Амадей в клетке, то приказ о наказании пойдет на подпись к генералу. Вот кому нужно звонить, а не Регину от работы отвлекать.

Куна оттолкнула тарелку с булочками и достала из кармана планшет. Тот самый прямой номер мимо библиотека и службы безопасности все еще хранился в памяти.

— Кому звонишь? — схватила за руку Регина.

— Наилию. В пятом секторе быстро решать проблемы получается только у него.

— Головой ударилась при посадке катера? — зашипела подруга, отобрав девайс. — Руки! Не отдам! Не отдам и сейчас выброшу, если не успокоишься. Бывших женщин у генералов не бывает. Плевать, что расстались, до сих пор тебя своей считает. А ты просить собралась за любовника. В пустую голову мысль не приходила, что Наилий сам его в клетку посадил?

Нет, не приходила. И сейчас едва там задерживалась. Зачем генералу наказывать Амадея? За что?

— У нас ничего не было, — пробормотала Куна, — Только сегодня. Поцеловались. Как Наилий узнал? Когда? Безопасник ждал на аэродроме. Слишком быстро. Не может быть.

— Потому и ждал, что целовались, — отчеканила Регина. — Я немного знаю этих ребят. Лавра когда переводили, меня тоже проверками наизнанку вывернули. Разве что между ног не заглянули, но справку от гинеколога, что здорова, потребовали. Следили за вами. И если генерал из ревности решил повоевать с мальчишкой-рядовым, то ты сделаешь только хуже. Представь, Наилий сидит и решает — сразу прикончить или заставить помучаться? И вроде жаль мальчишку, можно и помягче. А ты позвонишь, услышишь отповедь, и связь разорвать не успеешь, как покатится с плеч голова твоего Амадея. Гарантированно. Понимаешь?

Куна комкала в руках салфетку. Будь она бумажной, десять раз бы порвала на мелкие кусочки, но ткань не поддавалась. Мясась, вытягивалась на углах и больно резала сжатые кулаки. Если нельзя звонить, то что делать? Нет в Равэнне того, кто мог надавить на генерала. Аттию просить помочь? Наилий давно не маленький мальчик, слушать матушку не станет. Генерал Мор? Раз безопасник на аэродроме ждал заранее, значит, пилот девятой армии доложил командиру, и по приказу Марка информация о лишнем пассажире ушла на равнину. Мужская солидарность. Не должно быть отчима у старшего нилота.

— Беда, — всхлипнула Куна, — он не отпустит его ко мне. Хоть в ноги падай и умоляй со слезами.

— Не надо. Тише, сейчас не реви. Ешь булочки, полкафе уже на нас смотрит.

Регина размешивала сахар в травяном отваре, громко стуча ложечкой по чашке. Посуду мятного оттенка подбирали под зеленый тон оформления кафе. Нарисовали зубчики травы на стенах, посадили цветы в пузатые горшки. Летом в систему вентиляции добавляли эфирных масел так, чтобы в обеденном зале всегда чувствовался аромат прогретого светилком поля. Все для спокойствия и уюта посетителей. Напрасно старались. Куну колотило от переживаний, а уставшим после работы дариссам было не до ароматов. Ткачих, мотальщиц и прядильщиц вообще мало что интересовало. Они редко поднимали головы от тарелок и даже болтали друг с другом, бубня себе под нос. Хотя кто знает, может затесавшийся среди ткачих мужчина в гражданском утром встает по команде «подъем» и сейчас печатает на планшете донесение в службу безопасности.

— Когда летишь обратно? — громко спросила Регина и Куна вздрогнула. Еще одна проблема.

— Вечером. Опоздаю — патрульный катер вернется в горы без меня, а денег на гражданский транспорт не хватит.

Сидя в Нарте, она точно не поможет Амадею. Он для неё исчезнет без вести, как Аврелия. Станет еще одним призраком, являющимся во сне, и время не залечит эту рану.

— Зря я не взяла Дариона, — вздохнула Куна, — могла бы пожить пока у матери.

— Зачем? Ждать и страдать, как семнадцать верных вдов?

— Да! — упрямо ответила Куна. — Буду ждать. Цикл, два, три — сколько потребуется. Я не хочу без Амадея в горы! Ходить на курсы, помогать в кондитерской, с Глорией вечерами у камина сидеть. Там пусто без него. Будто всегда был и вдруг забрали. Насильно вырвали. За что Наилий наказывает меня?! За что?!

Не выдержала Куна, сорвалась на крик. Ткачихи заколыхались синим морем униформы, и в кафе на мгновение стало тише. Булочки остыли, Регина не прикоснулась к еде. Обидно, что вместо спасения уже обсуждали, где ждать и как долго. Смирились, опустили руки.

— Мне пора, — тихо сказала Куна, — спасибо, что пришла. Давно не виделись, жаль, что вот так.

Регина встала из-за стола и протянула руки обнять. Тепло и нежно, как всегда.

— Куна, лети домой к сыну. Лавр у меня не ахти какое высшее командование, но поспрашивать аккуратно может у своих. Вдруг получится узнать — что с твоим Амадеем? Где он? Как наказали? Надолго ли? А там и что делать — придумается.

— Спасибо, — шепнула Куна, вешая на сгиб локтя сумку. — Я буду ждать. Позвони хотя бы ты.

Рабочий кабинет в особняке — еще одно генеральское излишество с музейной мебелью и тяжелыми окнами на шторах вместо легких рулонов светонепроницаемой ткани. В кабинете всегда было пыльно, как не старались виликусы увлажнять воздух и поддерживать чистоту. Наилию казалось, что пыль источало само время, прилипшее узорами потрескавшегося лака к деревянной мебели, и устало свернувшееся складками на тканевой обивке. Когда-нибудь ремонт и до кабинета доберется, а пока Наилий приходил сюда, только если не спалось и хотелось поработать.

Сегодня наоборот сонливость одолевала, но генерал упрямо сидел в неудобном кресле и щурился на планшет воспаленными от недосыпа глазами. Марк снова забыл о разнице во времени между материками. Позвонил среди ночи и рассказал,

что мальчишка, вьющийся вокруг Куны, все-таки рискнул свободой и возвращался в Равэнну на патрульном катере девятой армии. Чтоб тебя гнaroши к столбу привязали, рядовой Амадей! Дурак малолетний! Марк ненавидел соперников. Категорически не выносил, даже если женщину уводили у другого. Готов был всех растерзать. Хотел небо закрыть и у себя Амадея в браслетах оставить, но Наилий попросил выпустить. Сам разберется.

Безопасность доложила, что приняли рядового на аэродроме. Амадей даже не думал сопротивляться. В клетку почти бежал и упрямо твердил, что все спланировал и сделал сам. Верно написано в характеристике: ответственный, старательный, в меру инициативный, сдержанный и корректный. Чудо, а не боец. Сидит себе спокойно в блоке для арестантов, а офицеры во главе с генералом всех демонов бездны по именам перебрали, решая, что с ним делать.

Рэм отличился первым еще цикл назад. Генерал успел забыть про отданный приказ близко не подпускать Амадея к дому у заброшенного аэродрома, но сказанные слова обратно в глотку не затолкаешь. Исполнительный начальник охраны особняка поднял свои связи в службе внутренних расследований и оформил запрет покидать сектор. Хитро оформил. С выдумкой. Запрет игнорировался поиском в системе и открывался только по номеру генетической карты. Не знаешь, что он есть — не найдешь. А в гражданских транспортных службах по прямому запросу высвечивался. Они работали с отпечатками пальцев, связанными все с тем же номером генетической карты. В итоге свои не видят, служить запрет не мешает. Зато стоит дернуться куда-то улететь и тут же выставлялся непреодолимый заслон. Красиво. Похвалить что ли за это Рэма?

Наилий повесил на ухо гарнитуру и набрал номер капитана. Ответил главный охранник быстро. Сидел и ждал звонка?

— Ваше Превосходство.

— И к какому административному делу ты прикрутил запрет? — спросил Наилий.

Капитан поперхнулся и несколько мгновений прочищал кашлем больное горло. Старый прием. Закашляться можно даже если полностью здоров, а пока собеседник вежливо ждал окончания приступа, появлялось время на обдумывание ответа.

— Нет никакого дела, Ваше Превосходство, — наконец, ответил Рэм. — Есть лазейка в программном обеспечении, позволяющая создавать «пустышки», а к ним вешать запрет. Без

номера приказа, срока действия и лишней волокиты.

Феерично. Наилий закрыл глаза и долго улыбался, постукивая пальцами по столу. А нужно было поаплодировать. Обычно запрет на выезд появляется у свидетелей, проходящих по административным делам. Под арест шел обвиняемый, а свидетелей вежливо просили не покидать сектор. Однако когда запрет нарушался, в клетку сажали уже их. Чтобы не бегали по планете и не мешали службе внутренних расследований проводить с ними процессуальные действия. Запрет выдавали на месяц и регулярно продлевали вплоть до заседания военного трибунала, на котором зачитывался приговор. Рэм все это перечеркнул с помощью одной программной ошибки. Амадэй теперь сидел в клетке без номера приказа, срока действия и лишней волокиты.

— Потрясающе, — холодно сказал Наилий. — И сколько теперь его держать под арестом?

— Максимум две недели, Ваше Превосходство. Потом, чтобы продлить арест нужно реальное дело. У меня есть два варианта, где Амадей мог бы пройти свидетелем. В одном драка с участием кадетов из его Училища, а в другом претензии банка к матери пропавшей без вести дариссы Аврелии. Боец дежурил в ту смену, когда мать пришла искать дочь к воротам особняка.

Рэм прохрипел речь до финальных слов и замолчал. Интересный получался выбор. Дело с дракой до трибунала доведут быстро и еще быстрее вынесут приговор, отпустив после него арестованного свидетеля на свободу. А пропавшую без вести сестру Куны могут искать, пока Амадей в клетке не умрет от старости. То что дело гражданское — не помеха. Взаимодействие в таких случаях давно было отработано. Оставалось решить — первое или второе? Ненадолго или навсегда?

— Я понял тебя, — тихо ответил Наилий. — Отбой.

Клетка в длину и ширину измерялась тремя шагами. Справлять нужду предлагалось в биотуалет, а умываться и бриться водили под конвоем в душевую. Практически комната для лейтенанта в особняке генерала, если бы не сплошная отделка металлом, превращавшая клетку в мешок с пойманной добычей. От одного взгляда на ровные серые стены бросало в озноб. Отопление летом не включали и, касаясь ледяных поверхностей, Амадей терял остатки тепла.

Его привезли утром сразу с аэродрома. Бойцы из службы внутренних расследований выдали тюремный комбинезон, зачитали правила внутреннего распорядка и открыли магнитный замок на браслетах, позволяя не держать руки, скованными за спиной. Но ни на один вопрос так и не ответили. В чем обвиняют? Как долго здесь сидеть?

Амадей стучал кулаком в дверь, громко требовал старшего, но потом получил разряд тока от браслетов и успокоился. Хорошо, он подождет. Уютное место, тихое одиночество и бездна свободного времени. Хоть плачь, хоть танцуй, хоть браслетами себе голову разбей, так ведь не дадут же.

На запястьях две полоски металла и на каждой — блок управления, способный не только током ударить строптивного арестанта, но и отправить на станцию мониторинга данные о состоянии здоровья. Пульс, температура тела, влажность кожи.

Амадей на старших курсах училища часто слышал истории о том, как арестованные по «позорным статьям» офицеры предпочитали умереть в клетке, не дожидаясь публичных слушаний трибунала. Расстаться с жизнью, сохранив хотя бы остатки чести. Арестанты прятали от видеокамер вскрытые вены, затянутые на шеях петли, но браслеты исправно сообщали об уменьшении частоты сердечных сокращений, и многих самоубийц удавалось спасти.

Милосердие? Как же. Спасенные получали все, причитающиеся им, сполна. Прописанная в инструкциях кара отмерялась и делилась на мелкие порции. А потом скармливалась арестанту каждым проведенным здесь днем, отравой надежды, ожиданием казни. Кому-то везло съесть десять порций, а другие хлебали так долго, что сходили с ума.

Не стоило радоваться, что пытки в клетках отменили еще при первых генералах. Бойцы службы внутренних расследований легко обходились без игл под ногти и раскаленного железа. Достаточно было оставить вот так — в полном неведении. Чтобы озверевший от ожидания арестант назначил себе самое страшное наказание. Расстрел? Пожизненное заключение?

Дневное освещение не успело погаснуть, а голова уже взрывалась от догадок и предположений. Бесконечный лабиринт вопросов и за каждым поворотом десятков новых. Слишком пафосно его приняла служба безопасности. Много чести для мальчишки-рядового, нарушившего запрет на выезд. Не поленились маскарад устроить и разыскали бывшего однокурсника из Училища. Понтий отличником никогда не был, всю учебу в тени держался. Может, уже тогда следил за всеми и докладывал, куда следует? Куда же Амадей вляпался с разбега? Неужели все из-за Куны?

Поздно его закрывать. Уже держал её в объятиях ипил с губ аромат ягод. Теперь хоть кишки на кулак наматывайте — наплевать. Он жил с любимой женщиной две недели, никто

не помешал. Пусть хоть генерал сам сюда придет — в лицо ему рассмеется.

Замок на двери пискнул, ударив по нервам не хуже разряда тока. Амадей вскочил с кушетки, чувствуя, как кровь хлынула в онемевшие ноги. Многослойная дверь клетки не открывалась сразу. Сначала в сторону съезжало металлическое полотно, оставив в проеме толстую решетку. А за ней силуэт в форменном комбинезоне и золотых погонах.

— Ваше Превосходство, — хрипло поприветствовал Амадей.

— Тише, — поморщился генерал, — не кричи на весь блок.

Знобило от холода и голова кружилась. Неужели галлюцинации? Быстро. Но для видения у Наилия был слишком внимательный взгляд. Такой, что хотелось съёжиться и залезть под кушетку. Амадей сразу вспомнил, почему молодняк из охраны никогда не смотрел командиру в глаза. Боялись окаменеть. Забыть, кто они и что нужно делать. Проходили циклы прежде, чем рядовые привыкали к постоянному ощущению тяжести на плечах рядом с генералом. Казалось, он буквально давил своим превосходством.

— Ты ведь знал про запрет, — заговорил Наилий. — На что надеялся?

Амадей сильнее вытянул спину и прижал руки в браслетах к бедрам. Рефлекс, вбитый еще в училище. Как и привычка отвечать на вопросы четко и коротко. Офицеры редко слушали оправдания длиннее пяти слов. А лучше за любую провинность отвечать: «виноват» и ждать наказания. Но голова отчаянно кружилась. За цикл службы в особняке впервые стоял перед командиром и мог что-то сказать. В пустом коридоре блока для арестантов никто не маячил у генерала за спиной, не пищала вызовом гарнитура, и не поджимало время по распорядку дня. Больше такого никогда не будет.

— В один конец ехал, Ваше Превосходство. К любимой женщине. Признаться, что не видел ничего прекраснее её улыбки. Сказать, как сильно скучал по её голосу...

— Улыбка. Скучал, — скривился генерал. — Ты как с ней жить собирался на разных материках, романтик? По переписке? Раз в месяц фото присылать своей счастливой физиономии?

Голос Наилия звенел холодным металлом клетки, дрожью пробираясь по позвоночнику. Генерал подошел вплотную, нарушив инструкцию не приближаться к решетке ближе, чем на два шага. Но Амадей будто примерз к полу и все равно не смог бы броситься на него. Душевный порыв и заготовленная речь улетели в бездну вместе с решимостью. В следующее мгновение рядовой заикался, как перепуганный кадет:

— У меня есть отпуск, увольнительные. Я собирался. Хотел уговорить Куну. Дариссу Куну. Вернуться на равнину.

— К матери в барак? Ты знаком с ней? Или видел только через камеры у ворот особняка?

Амадей давно не поднимал взгляд, а сейчас все-таки ссутулился и почувствовал, как задрожали колени. Нет, он не загадывал так далеко и про гражданскую жизнь знал немного. Обязательно к матери или можно куда-то еще? Кажется, у них не складывались отношения. Амадей никогда не прислушивался специально к сплетням охранников про женщину генерала. Противно было. А теперь впору жалеть.

— Никак нет, Ваше Превосходство. Не знаком.

«Виноват» крутилось на языке, но дыхание уже кончилось. Амадей тонул в воспоминаниях и как вчерашний сон представлял, что мог сделать и не успел. Гулять с Куной в центральном парке, кататься по Тарсу на речном трамвае, вникать в мелкие неурядицы с муниципалитетом и смотреть, как растет Дарион. Жизнь, которую он

перечеркнул одним глупым поступком. Но не будь побега в горы, услышала бы Куна признание в любви? Вспыхнувшее сожаление угасло. Завтра Амадей поступил бы точно так же. Иначе вселенная не дала бы им встретиться.

— Я действительно не знаю гражданской жизни, — забормотал рядовой, не обратив внимания, что генерал все еще здесь и слушает. — Их инструкций и правил где жить, какое довольствие получать, куда водить ребенка, пока мать на работе. Я помчался в горы, думая, что женщину достаточно просто любить. Хранить и оберегать, как самое дорогое сокровище. А проблемы — просто камни на дороге. Крупные и мелкие, но всегда такие, что можно перешагнуть, откинуть в сторону или обойти. И нет среди них тех, что могли бы заслонить главное. Отвлечь всерьез от мысли, что если женщина любит тебя, то больше ничего не нужно.

Напряжение отпускало одновременно с тем, как опускал голову Наилий, облокотившись о горизонтальную перекладину решетки. Молчание генерала придавало сил и убирало барьеры. Амадею снова стало легко, как в день полета в горы.

— Я до сих пор так думаю, Ваше Превосходство. И даже клетка с браслетами не смогли меня разубедить. Отсиджу, сколько назначит трибунал, и вернусь к Куне. На неделю, на день, но буду рядом. А потом другой материк — не другая планета. Решатся проблемы. И одного не будет точно. Я не стану отцом вашему сыну. Никогда не займу ваше место. Но сделаю все для его блага.

Последнее слова Амадей сказал, будто по минному полю прошелся. Ждал взрыва и не дождался ничего. Промолчал Наилий. Не поверил. Провалилась попытка уговорить. Бездна как же жаль!

Рядовой разжал кулаки и почувствовал, как дрожат пальцы. Стоило сразу догадаться и не надеяться впустую. Генерал мог отпустить свою женщину, но не старшего сына. Не важно, что Дариона забирали в училище. Еще шесть циклов Куна будет его воспитывать. Одна. Теперь понятно, сколько Амадею сидеть в клетке.

Генерал развернулся и ушел, а дверь закрылась за ним, затянув полотном решетку.

Шесть циклов только клетка, браслеты и походы к умывальнику под конвоем. Глупо обижаться, сам виноват. Запрет повесили, как силки расставили и он в них ринулся абсолютно добровольно. Хоть забросай Совет генералов жалобами, ничего не добьешься. По приказу Наилия через трибунал проведут филигранно. Не подкопаешься. А если Амадей будет дергаться и скандалить, то вместо шести циклов наказания получит шестьдесят. И тогда возвращаться к Куне станет бессмысленно. Совсем.

В бездну инструкции, пятый сектор и всю планету! Званием не вышел для счастья? Его только генералам выдают?

Светило закатилось за горизонт далеко за стенами арестантского блока. Лампы в клетке погасили, оставив тусклый фонарь над дверью. Именно он освещал замок и моргнувший зеленым огонек.

— Рядовой Амадей, на выход, — гаркнул из коридора дежурный.

— Куда? — ляпнул арестант, слушая, как с тихим стуком сдвигается полотно и открывается решетка. Дежурный терял терпение.

— На выход, я сказал! Освободили тебя. Или так понравилось, что тут жить останешься?

— Никак нет, — дернулся Амадей и нырнул в залитый светом коридор. К свободе. Может, приснилось, но пока не прокричали подъем, нужно бежать отсюда, иначе вселенная передумает отпускать. Генерал передумает.

Обещанное вечером возвращение в горы затянулось до середины ночи. Пилот девятой армии виновато улыбался Куна, бормоча что-то про разрешение на вылет и лентяев из пятой армии. И здесь бюрократия, будь она проклята. Катер стоял на посадочной площадке, а Куна бродила возле трапа и смотрела в темное небо Равэнны. Регина позвонила, но порадовать ничем не смогла. На вопросы Лавра его знакомый из службы внутренних расследований только недоуменно морщился. Никакого рядового Амадея в базе данных арестантов не числилось. А если его там нет, значит, свободен, как ветер над равниной. Лавр предложил, если Амадей не появится, то забыть про него. Иногда мужчины устраивают спектакли, чтобы избавиться от надоевших любовниц.

— Ты успокойся и лети домой, — уговаривала Регина, пока Куна обиженно сопела в гарнитуру. — Мужики разные бывают. Твой так не мог. Я не знаю, но чувствую. Нет-нет, забудь, я дома Лавру по шее дам за такие слова. Найдется Амадей. Если генерал прятал, то мог базу обойти. Высшее командование — те еще фокусники. Такие чудеса показывают, отвисшую челюсть на место поставить не можешь. Резервные полки из ниоткуда достают, а тут один мальчишка.

Куна рассеянно кивала, забыв, что бывшая диспетчер её не видит. За оградой аэродрома тоскливо вспыхивали фары автомобилей, и ночной холод заставлял кутаться в куртку. В горах уже утро, Дарион проснулся. Агтия носит его на руках, успевая помещивать в кастрюльке закипающую кашу. Куна ждала Амадея, но её саму ждали дома.

— Дарисса, вылет разрешили, поднимайтесь на борт, — позвал пилот с верхней ступени трапа, и Куна ответила, что сейчас придет. Заканчивать разговор с Региной пришлось спешно. Прощаясь и благодаря за попытку что-то узнать. Позвонит Амадей, Куна верила, собралась улетать, но никак не могла оторвать взгляд от цепочки ярких огней на трассе. Вдруг он едет в одной из машин? Вон в той, что сворачивает к воротам аэродрома и, не останавливаясь на парковке, мчит по дорожке к ним. Неужели правда?

Куна дернулась вперед, уронив планшет на дно полупустой сумки. Сердце заколотилось, и посадочная площадка туманом поплыла перед глазами. Чудеса не случаются по взмаху волшебной палочки в вихре разноцветных искр. Они приходят тихо и обыденно в самых простых вещах. Шорохе шин затормозившего внедорожника, щелчке замка в двери.

— Куна! — крикнул Амадей и замахал руками. — Куна, подожди!

Она бросилась к нему, не боясь споткнуться. Свободен. Как ветер. Вернулся. Холодный комбинезон царапнул щеку. Амадей пропах смогом Равэнны, но Куна терлась щекой о плечо и не могла надыхаться.

— Подожди, — повторил рядовой, целуя в макушку и крепко обнимая. — Не улетай пока, я с тобой. Меня перевели в девятую армию. Буду служить стажером в юго-западной летной группе. Ближе к Нарту не подобраться, я уже смотрел по карте.

Куна не понимала. Новости сыпались камнепадом и журчали голосом Амадея. Нарт? Летная группа?

— Ты стал пилотом?

— Нет, что ты, — рассмеялся рядовой, — на пилота еще учиться и учиться. Я хоть и отличником был в училище, но без спецподготовки штурвал даже потрогать не дадут.

Аэродром буду подметать, а в свободное от метлы и зубрежки инструкций время на тренажере практиковаться. Пойдем в катер, там расскажу, пилоту еще нужно документы показать. Перевод сделали, но базы обновятся только утром. Приказ вместе с распределением на бумаге распечатали. Всю дорогу боялся помять.

Амадей одной рукой подталкивал её к трапу, а другой пытался распусть завязки вещмешка. Куна дрожь не отпускала. Слишком хорошо все складывалось. Неправдоподобно.

— Ты обманываешь меня, — крикнула она с середины ступеней и, оступившись, чуть не упала. — Так не бывает. Я не верю. Лавру перевод целый месяц оформляли, а здесь другая армия и несколько часов. Даже генерал так не может!

— Он может, — тихо ответил Амадей и приложил палец к губам. — Тише. Это все по приказу Его Превосходства. Я сам не верил, чуть на скандал с начальником охраны не нарвался, но перевод настоящий. Посмотри на бумаги. Именной глиф «Наилий Орхитус Лар» и его подпись.

Ветер трепал бумажные листы и рядовой все-таки помял их, когда доставал из вещмешка. Куна не видела раньше подписи Наилия на документах. Её давно заменили кнопками согласований во всевозможных базах и системах документооборота. Решить раскопать такую древность, как бумагу, можно было лишь по особому случаю. Например, чтобы выгнать любовника своей бывшей женщины из сектора. Куна плохо разбиралась в тонкостях военной службы, но понимала, что после ареста Амадею обратно в особняк уже нельзя. Там служили только с безупречной репутацией. Наилий мог выслать бывшего охранника куда угодно, но выбрал летную группу девятого сектора. Марк помог, а может сам договорился. Вряд ли за шесть циклов в горах забыли майора Лара.

— Теперь вижу, — кивнула Куна, стигая бумагу пополам. — Красивый подарок.

Жаль, Наилий не захочет услышать за него «спасибо». Отвернется и уйдет будто бы к подножию гор. Одному карабкаться на свои вершины. Как и положено генералу.

— Пойдем, — позвала Куна, протягивая Амадею руку. — Дарион ждет. Матушка, наверное, пирог в печь поставила. Прилетим, аромат на весь Нарт будет. Ты же останешься на ужин?

— Конечно, — улыбнулся он и снова обнял. — На все ужины, какие у нас будут.

Больше книг на сайте - Knigolub.net